

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Часть первая

Материалы IX Всероссийской научно-практической
конференции по программе
«Социокультурная эволюция России и ее регионов»

Вологда
2013

Российская академия наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
Институт философии РАН
Центр изучения социокультурных изменений
Правительство Вологодской области
Череповецкий государственный университет
Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

**Материалы
IX Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
(г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.)**

В трёх частях

Часть первая

Вологда
2013

УДК 332.146.2
ББК 65.49
Э15

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации [Текст] : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23 – 26 октября 2013 г. : в 3-х частях. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. I. – 380 с.

Редакционная коллегия:

Н.И. Лапин, член-корреспондент РАН (председатель),
Л.А. Беляева, доктор социологических наук,
В.А. Ильин, доктор экономических наук,
Н.А. Касавина, кандидат философских наук (ученый секретарь),
Е.А. Когай, доктор философских наук,
М.А. Ласточкина, кандидат экономических наук (координатор),
Г.Ф. Ромашкина, доктор социологических наук,
А.А. Шабунова, доктор экономических наук

В сборнике, состоящем из трех частей, представлены материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», проходившей в Вологде 23 – 26 октября 2013 г.

Часть первая: доклады пленарного заседания и секции №1.

Часть вторая: материалы секции №2.

Часть третья: материалы круглых столов №1 – 4.

Сборник содержит свыше 100 текстов, подготовленных научными сотрудниками и преподавателями НИИ и университетов из 32-х регионов России, а также из Украины и Беларуси. Впервые в центр внимания выдвинуты проблемы формирования стратегии социокультурной модернизации регионов России, а также рассмотрены факторы сбалансированности ее процессов. Специальное внимание уделено инновационному развитию регионов, проблемам их конкурентоспособности, роли молодежи в их развитии, использованию компьютерной информационной системы «Модернизация», созданной в ИСЭРТ РАН.

Для научных работников, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социокультурной модернизации России и ее регионов.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

*Проведение конференции и издание сборника ее материалов
осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ), проект № 13-02-14033г*

ISBN 978-5-93299-235-7
ISBN 978-5-93299-233-3 (общ.)

© ИСЭРТ РАН, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская наука вновь ввергнута в губительный процесс реорганизации, на грани ликвидации. Но как бы ни старались всем известные высокопоставленные государственные служащие, им не остановить стремление сотрудников научно-исследовательских институтов и университетов глубже понять процессы, происходящие в России и ее регионах, а также предложить достаточно обоснованные способы повышения экономической, социальной, культурной эффективности этих процессов в интересах населения.

К такой категории научных сотрудников как раз и относятся участники Всероссийской научно-практической конференции «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации». Это уже девятая конференция в рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», которую в 2005 г. инициировал Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН и постоянно поддерживает Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ).

Первую «пятилетку» программы ее участники посвятили созданию *социокультурных портретов* своих регионов. В 2006–2010 гг. были созданы портреты около 25 регионов различных федеральных округов Российской Федерации. Их содержание опубликовано в двух десятках монографий и сотнях статей, в сборниках материалов восьми конференций, в обобщающей коллективной монографии «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (М.: Academia, 2009).

С началом второй «пяtilетки» участники программы сосредоточили свое внимание на изучении процессов *социокультурной модернизации в регионах*. В 2011–2012 гг. мы с помощью инструментария Центра исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК) и данных Росстата вручную подсчитали индексы состояний модернизации всех 83 субъектов и 8 федеральных округов РФ. Затем эти индексы стала считать компьютерная информационная система «Модернизация», созданная в Институте социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН. В 2013 г. развернулся содержательный анализ процессов модернизации, с использованием результатов социокультурных портретов регионов.

Была поставлена достаточно амбициозная задача: не только критически представить состояние модернизации, включая его оценки населением, но и разрабатывать подходы к формированию *стратегии модернизации* на кратко- и среднесрочную перспективу. Первые результаты опубликованы в коллективной монографии «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» (М.: Academia, 2013) и в настоящем сборнике материалов IX конференции (23–26 октября 2013 г., Вологда, ИСЭРТ РАН).

Конференция собрала рекордное число участников: 110 докладов из 32-х регионов, а также из Украины (Симферополь) и Беларуси (Минск). Знакомство с содержанием представленных текстов подтверждает высокую актуальность темы конференции. Многие из них вносят определенный вклад в понимание реального состояния рассматриваемых проблем и процессов. Они свидетельствуют о глубоком и обостряющемся противоречии: с одной стороны, в стране и большинстве регионов фиксируется медленный, но рост статистических индексов модернизации и одновременно наблюдается низкая социокультурная, человеческая эффективность процессов модернизации. Налицо рост без развития, социокультурно не сбалансированная, подчас дисфункциональная модернизация. На мой взгляд, особенно значимы тексты, непосредственно посвященные стратегии и факторам социокультурной модернизации, некоторые из них содержат существенную новизну в подходах и интерпретации данных, конкретно обосновывают необходимость опережающей, социокультурно сбалансированной модернизации. Публикация материалов конференции вызовет интерес научной общественности, а также наиболее компетентной части работников сферы управления.

Большинство материалов тесно связаны с основной темой конференции. В настоящем сборнике они представлены в рубриках «Пленарное заседание» и «Заседания секций». Часть материалов посвящены специализированным темам. Они публикуются в рубрике «Круглые столы».

Участники Всероссийской научно-практической конференции «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» благодарны ее Организационному комитету, его председателю – директору Института социально-экономического развития РАН доктору экономических наук, профессору Ильину Владимиру Александровичу, всем членам Оргкомитета конференции и их помощникам за гостеприимство и большую работу по подготовке и проведению конференции.

В заключение следует подчеркнуть, что IX конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» и публикация ее материалов стали возможны благодаря финансовой поддержке со стороны Российского гуманитарного научного фонда, за что все ее участники глубоко признательны экспертам и руководству Фонда.

*Руководитель Программы
«Социокультурная эволюция России и ее регионов»,
председатель Программного комитета IX конференции
член-корреспондент РАН
Н.И. Лапин*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.А. Ильин,
Вологда

Глобальные вызовы и модернизация России: приоритеты нового десятилетия

В настоящее время происходят глубокие изменения в системе мирохозяйственных связей: страны – мировые лидеры (США, Япония, Евро-союз) любой ценой пытаются сохранить доминирование, а претендующие на их место «азиатские тигры» и Китай все больше расширяют сферы воздействия до интернационального уровня. Последний активно развивается в условиях экономической интеграции и заявляет о себе как о глобальной державе с широким спектром политических, экономических, военных, культурных и иных интересов, составляющих основу могущества современного государства¹.

Вполне очевидно, что определяющее значение при осуществлении модернизации будет иметь опережающее развитие нового технологического уклада. Как отмечается отечественными исследователями, для реального прорыва в число динамично развивающихся стран мира Россия должна добиться такой динамики своей технологической структуры, которая позволила бы достичь к 2020 г. 8% шестого и 31% пятого укладов. К 2030 г. шестой и пятый уклады должны стать преобладающими в структуре российской экономики – 20 и 40% соответственно². В связи с этим крайне необходимы целенаправленные усилия по координации социально-экономических программ, концентрации ресурсов для решения актуальных проблем, прежде всего научно-технического и экономического прогресса, чтобы не упустить открывающиеся возможности.

Последние годы в России предпринимаются усилия для ускорения модернизационных преобразований: создание в 2010 г. центра разработки и коммерциализации новых технологий «Сколково»; российской корпорации нанотехнологий «Роснано», формирование стратегических

¹ Шарко С.В. Россия и Китай: возможности и развитие региональной интеграции: монография. – М.: ООО «Ин-кварти», 2010. – С. 4.

² Кузык Б.Н. Инновационная модель развития России // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – №7. – С. 153.

планов развития страны, в том числе и подписание Владимиром Путиным 11 указов от 7 мая 2012 года³, в которых утверждены поручения Правительству РФ по решению задач, направленных на реализацию стратегических планов развития экономики и социальной сферы России. Указы нацелены на повышение конкурентоспособности страны, национальной безопасности и на осуществление модернизации. Выполнение данных шагов предполагает не только создание достойных условий жизни российских граждан, но и улучшение инвестиционного климата в стране, налаживание частно-государственного партнерства, социальной ответственности бизнеса и чиновников. Однако скорость социально-экономических преобразований пока недостаточна.

Характер, направления, особенности и факторы модернизации активно исследуются учеными разных стран. При этом вполне естественно проводить сопоставление ключевых параметров социально-экономического положения той или иной страны и стран-лидеров инновационного развития. Немало аналитических и прогнозных работ в этом направлении проведено и китайскими учеными. Ученые Центра исследования модернизации КАН (профессор Хэ Чуаньци⁴) проанализировали данные о развитии 131 страны мира, определили стадии их модернизированности.

Исследования китайских ученых демонстрируют, что в 2006 г. 12 стран (из 131-й) еще не начали модернизацию, находились на уровне традиционного аграрного общества; 90 стран – на стадии первичной модернизации, а 29 – вступили в стадию вторичной модернизации.

³ Указ «О Президентской программе повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 годы» №594; Указ «О долгосрочной государственной экономической политике» №596; Указ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» №597; Указ «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» №598; Указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» №599; Указ «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильём и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» №600; Указ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» №601; Указ «Об обеспечении межнационального согласия» №602; Указ «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса» №603; Указ «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации» №604; Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» №605; Указ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» №606. *Источник: Указы Президента Российской Федерации В.В. Путина от 7 мая 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rsr-online.ru/doc/2012_06_25/6.pdf*

⁴ Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)/ пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011.

Россия согласно предложенной методике занимала 41-е место (97%) в рейтинге первичной модернизации (ПМ), 31-е место (66%) – вторичной (ВМ) и 37-е место (59%) – интегрированной (ИМ). За следующие 4 года положение страны в мировом рейтинге незначительно изменилось: ПМ – 43 место, ВМ – 29 место, ИМ – 36 место (табл. 1). Таким образом, на протяжении, по крайней мере, следующих 10 лет она будет находиться в первой части списка среднеразвитых стран, где расположены также Испания, Италия, Греция, Португалия.

Таблица 1. Национальная модернизация: уровни России

Индекс	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Индекс первичной модернизации (ранг индекса ПМ среди 131 страны)	92 (52)	96 (45)	99,7 (40)	99,9 (41)	99,9 (43)
Индекс вторичной модернизации (ранг индекса ВМ среди 131 страны)	62 (29)	66 (29)	70 (30)	70 (30)	72 (29)
Интегрированный индекс модернизации (ранг индекса ИМ среди 131 страны)	54 (37)	58 (39)	63 (36)	65 (38)	66 (36)

Источник: Research Group for China Modernization Strategies, et al. 2008. China Modernization Report 2008: International Modernization. Beijing: Peking University Press; World Bank. 2008. World development Indicators 2008. Washington DC: World Bank.

Однако учитывая, что за последние двадцать лет произошли существенные трансформационные преобразования, которые сопровождались сменой общественного строя, деиндустриализацией страны, усилением территориальной дифференциации, можно говорить об относительно благополучном положении России в контексте этих изменений. Вместе с тем, поскольку в историческом прошлом СССР был фактически ведущей державой, одним из ориентиров для федеральных и региональных органов власти должно стать достижение страной лидирующих позиций на международной арене.

Модернизация страны складывается из модернизации ее регионов. В этой связи определение уровней и тенденций региональной модернизированности является чрезвычайно важной задачей для состоятельного анализа модернизационных процессов в России и управления ими. Эта проблема легла в основу одного из крупных научных проектов – «Социокультурная модернизация регионов России».

Для измерения процессов модернизации в регионах России инструментарий китайских коллег был адаптирован к российским условиям

Центром исследования социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель – чл.-корр. РАН Н.И. Лапин)⁵. Участвуя в проекте с 2010 г., Институт социально-экономического развития территорий РАН разработал Информационно-аналитическую систему «Модернизация», в которой собраны статистические данные по всем 83 субъектам РФ, 8 федеральным округам и России в целом. Для определения индексов, фаз и уровней их модернизации используются 25 статистических показателей за 2000, 2005, 2008, 2009, 2010 годы.

Таблица 2. Динамика индексов первичной модернизации федеральных округов РФ*, %

Федеральный округ	2000	2005	2008	2009	2010	Прирост, п.п
						2000–2010 гг.
Россия	91,9	95,5	99,7	99,9	99,9	8,0
Центральный	92,6	97,8	99,8	99,9	99,9	7,3
Северо-Западный	91,5	95,7	99,6	99,7	99,7	8,2
Дальневосточный	91,9	95,1	99,3	99,4	99,4	7,5
Уральский	91,8	97,3	97,7	98,8	98,8	7,0
Приволжский	89,1	93,4	99	97,3	97,5	8,4
Сибирский	89,8	93,9	98,9	97,6	96,8	7,0
Южный	89,0	92,9	97,6	96,5	96,2	7,2
Северо-Кавказский	86,3	89,8	94,2	94	93,6	7,3

* Данные ранжированы по 2010 г.
 ПМ-уровни: высокий – 100; выше среднего – 91–99,9; средний – 81–90; ниже среднего – 69–80; низкий – 68 и меньше.
 Источник: таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

⁵ Лапин Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации // *Общественные науки и современность*. – 2012. – №2. – С. 53-57. Была проведена адаптация инструментария к российским условиям (дополнение значимыми для России индикаторами). Произведенные изменения вызваны особенностями региональной статистики. Так, в индексе ВМ «Число телевизоров на 1000 человек» заменено на «Число телевизоров на 100 домохозяйств»; в индексах ВМ и ИМ «Число пользователей сети Интернет на 100 человек» заменено на «Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств». Кроме того, в показатели оценки вторичной модернизации добавлены 2 индикатора: «Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженной продукции, в %» и «Доля затрат на НИОКР в ВРП, в %». Эти индикаторы позволяют лучше дифференцировать регионы по фазам ВМ. Хэ Чуаньци согласился с полезностью включения этих индикаторов, объяснив, что они отсутствуют в методике ЦИМ КАН, т.к. их нет в статистике ряда стран, соответственно и в международной статистике, которую использует ЦИМ КАН.

Таблица 3. Динамика индексов вторичной модернизации федеральных округов РФ*, %

Федеральный округ	2000	2005	2008	2009	2010	Прирост, п.п
						2000–2010 гг.
Центральный	68,9	76,7	82,8	84,2	84,1	15,2
Северо-Западный	66,7	72,6	77,4	78,3	79	12,3
Россия	61,6	66,2	69,8	70,4	72	10,4
Уральский	56,2	63,1	67,4	66,6	66,1	9,9
Приволжский	55	61	63,4	63,4	64,4	9,4
Сибирский	52,6	59,2	62,8	63,2	63,2	10,4
Дальневосточный	51,4	58,6	62,4	62,1	62,1	10,7
Южный	50,3	55,6	58,3	59,5	59,1	8,8
Северо-Кавказский	44,2	49,6	51,7	52,7	53,6	9,4

* Данные ранжированы по 2010 г.
 VM-уровни: высокоразвитые – 81 и более; среднеразвитые – 52–80; предварительно развитые – 31–51.
 Источник: ИС «Модернизация».

Таблица 4. Динамика интегрированных индексов модернизации федеральных округов РФ*, %

Федеральный округ	2000	2005	2008	2009	2010	Прирост, п.п
						2000–2010 гг.
Центральный	57,7	65,8	72,4	73,7	73,2	15,5
Северо-Западный	53,9	60,9	66,2	67,3	68,4	14,5
Россия	51,1	57,9	62,5	63,5	65,4	14,3
Уральский	49,3	57,3	62,6	61,6	61,7	12,4
Дальневосточный	47,8	55,6	60,1	60,4	59,9	12,1
Приволжский	47,7	55,3	58,6	58,9	59,9	12,2
Сибирский	46,4	54,2	59,2	59,7	59,6	13,2
Южный	44,8	52	55,5	56,5	56	11,2
Северо-Кавказский	41,1	47,3	50,2	51,1	51,6	10,5

* Данные ранжированы по 2010 г.
 Интервалы индексов: высокий – 88 и более; выше среднего – 78–87; средний – 64–77; ниже среднего – 48–63; низкий – 33–47; очень низкий – 32 и меньше.
 Источник: ИС «Модернизация».

Оценка модернизации, проведенная для каждого региона России, показала, что:

- модернизационные процессы в регионах страны проходят очень неравномерно;
- первичная модернизация в большинстве территорий осуществлена на 95–99%;
- стержневые сложности связаны с вторичной и интегрированной модернизацией (табл. 2–4). В этих видах модернизации слабые зоны – это процессы экономической и культурно-когнитивной модернизации.

Основными ограничителями скорости модернизационных процессов в России являются:

– значительная дифференциация регионов по уровню экономического и социального развития (в регионах, обладающих существенными экономическими ресурсами для модернизации, живет четверть населения, в аморфных «средняках» – почти 2/3, в слаборазвитых регионах – 10–15% населения страны);

– малое число агломераций – центров модернизации (только 11 городов с населением 1 млн. человек и более; 38% населения живет в городах с населением свыше 250 тыс. чел., которые оказались наиболее адаптивными и жизнеспособными в переходный период; 36% – в сельской местности, поселках и малых городах с минимальными ресурсами для модернизации);

– недостаточное развитие институциональной среды, обуславливающей экономическую мобильность.

Среди факторов, определяющих человеческий капитал:

– низкая продолжительность жизни населения (в соответствии с Указом Президента РФ №606 планируется обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в стране до 74 лет против 68,7 года в 2010 г.) (табл. 5);

– значительная поляризация населения по доходу (в соответствии с Указом Президента РФ №597 предполагается обеспечить увеличение к 2018 году размера реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза);

– недостаточный уровень информационной и инновационной культуры населения (в Указе Президента РФ №599 предусматривается обеспечить увеличение к 2015 году внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77% ВВП против 1,16 в 2010 г.) (табл. 6).

Для успешности модернизации в России в ближайшее десятилетие важно:

– повысить скорость распространения инноваций (в соответствии с Указом Президента РФ №596 предполагается увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 года);

– повысить объём инвестиций в человеческий капитал (в соответствии с Указом Президента РФ №597 предполагается повышение качества кадров специалистов инженерно-технического профиля при финансировании государства – не менее 50% и бизнеса).

Таблица 5. Ожидаемая продолжительность жизни населения в федеральных округах России

Федеральный округ	2000 г.	2005 г.	2011 г.	Средний темп роста за 11 лет (лет)	2020 г., эксперт. прогноз	
					целевой	инерцион.
Россия	65,3	65,4	69,8	0,4	75,2	73,8
Центральный	66,1	66,5	71,2	0,5	76,7	76,2
Северо-Западный	64,5	64,2	70,1	0,5	75,5	75,1
Южный	66,6	67,1	70,7	0,4	76,2	74,7
Северо-Кавказский	68,8	69,9	72,6	0,3	78,2	75,6
Приволжский	65,5	65,3	69,2	0,3	74,6	72,2
Уральский	64,6	65,2	69,4	0,4	74,8	73,4
Сибирский	63,7	62,7	67,7	0,4	72,9	71,7
Дальневосточный	63,2	62,2	66,4	0,3	71,5	69,4

Таблица 6. Внутренние затраты на исследования и разработки в ВВП (ВРП), %

Федеральный округ	2000	2005	2010	2010 г. к 2000 г., п.п.	2020 г., эксперт. прогноз	
					целевой	инерцион.
Россия	1,33	1,28	1,40	0,07	2,1	1,9
Центральный	2,08	1,91	2,16	0,08	2,8	3,1
Северо-Западный	1,86	1,72	1,81	-0,05	2,3	2,5
Южный	0,73	0,72	0,57	-0,16	0,7	0,8
Северо-Кавказский	0,30	0,27	0,30	0,00	0,5	0,4
Приволжский	1,30	1,37	1,32	0,03	1,7	1,8
Уральский	0,58	0,44	0,58	0,00	0,7	0,8
Сибирский	0,70	0,77	0,83	0,12	1,1	1,2
Дальневосточный	0,53	0,60	0,46	-0,07	0,6	0,7

Задачи, обозначенные в указах Президента РФ, масштабны, амбициозны и потребуют значительных усилий для переломления существующего тренда модернизационных процессов.

К сожалению, не все индикаторы, отражающие степень модернизации территорий, обозначены в качестве стратегических ориентиров. Важно, чтобы основные индикаторы модернизации были включены в оценку деятельности региональной и федеральной власти и рассматривались как критерии национальной безопасности. Очень важен и общественный контроль деятельности исполнительной власти. Социально-экономические преобразования в обществе успешны тогда, когда в них сознательно и ответственно участвуют наиболее значимые силы: власть, бизнес и общество.

Н.И. Лапин,
Москва

О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации

Неравномерность модернизации в мире, обострение конкуренции стран за ее успехи

По оценкам Центра исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК), к началу 60-х годов прошлого века около 20 индустриально развитых стран на 100% осуществили первичную (индустриальную) модернизацию, а с 70-х годов многие из них вступили во вторичную (информационную) стадию всемирной модернизации.

Ее перспективы во второй половине XXI столетия затронут более 190 стран (примерно 6 млрд. человек). К 2100 г. из них, согласно прогнозным оценкам:

- по-прежнему лишь около 20 стран будут модернизационно (информационно) развитыми, а остальные 170 стран – развивающимися, включая отстающие; в авангарде развивающихся окажутся 25 стран;
- стандарты вторичной модернизации 20 развитых стран будут в 5 раз выше, чем в 2005 г., а средний уровень модернизации в мире будет отставать от них на 50 лет;
- позиция каждой страны в процессе всемирной модернизации может изменяться: лидирующим странам следует постоянно защищать свои передовые позиции, а догоняющим – ускорять темп модернизации; согласно прогнозным оценкам, до 2100 г. позиции двух – четырех развитых стран снизятся и они окажутся в числе развивающихся, а позиции одной – пяти развивающихся стран повысятся и они войдут в число развитых.

Вывод: в XXI веке возрастет неравномерность модернизации стран, а межстрановая конкуренция будет крайне жесткой [Обзорный доклад, 2011. С. 230-234].

В начале нашего столетия (2006 г.) среди 131 страны, в которых живут 97% населения Земли, 20 были *развитыми* по уровню вторичной (информационной) модернизации (ее индексы в этих странах были выше 81 из

120 возможных); они не только на 100% завершили первичную, индустриальную стадию модернизации, но и вошли во вторичную, информационную стадию. Основная их стратегия состоит в развитии этой стадии и поддержании первичной стадии на современном уровне.

Остальные страны относились к модернизационно *развивающимся*. В них различались три группы: среднеразвитые (25 стран, в том числе Россия), предварительно развитые (37 стран, в том числе Китай), отстающие (49 стран, в том числе Индия). Большинство среднеразвитых и предварительно развитых стран одновременно осуществляли две стадии модернизации и объективно имели возможность *рационального* и в то же время *социального выбора* одного из трех вариантов стратегий:

- 1) сначала завершить первичную модернизацию, а затем перейти к вторичной;
- 2) одновременно, скоординированно осуществлять обе стадии модернизации (стратегия *двойной, или интегрированной, модернизации*);
- 3) уже сейчас приоритетно развивать вторичную модернизацию.

По оценкам китайских специалистов, для Китая как развивающейся страны первый вариант недостаточно эффективен, а третий нереален. Остается второй вариант – *интегрированная модернизация*. Она позволяет Китаю мобилизовать ресурсы, чтобы к середине XXI века опередить предварительно развитые и догнать среднеразвитые страны.

Какая стратегия модернизации предпочтительна для России?

В отличие от Китая, Россия в середине первого десятилетия текущего века уже входила в первую половину модернизационно среднеразвитых и отставала от 20 информационно развитых стран на 10 позиций. Эти позиции занимали: Латвия, Венгрия, Португалия, Саудовская Аравия, Чехия, Эстония, Греция, Словения, Италия, Испания (перечислены по нарастанию уровней вторичной модернизации). России необходимо их опередить, чтобы войти в двадцатку развитых.

Почему Россия отставала от них и как она может опередить все среднеразвитые страны, а затем и некоторые развитые?

Незавершенность социетальной трансформации – главная причина отставания модернизации России

По оценкам ряда российских ученых, социетальная трансформация (радикальное изменение всего общества), которая началась в результате системного кризиса и развала СССР в конце 80-х годов прошлого столетия (см., например [Заславская Т.И., Ядов В.А., 2010. С. 104], не заверши-

лась, т.е. не достигла того цивилизационного состояния, которое обеспечивает социокультурную (экономическую, социальную, политическую, культурную) конкурентоспособность с достаточно развитыми странами (например, странами «двадцатки»).

На мой взгляд, именно эта цивилизационная незавершенность социальной трансформации составляет главную причину отставания России в процессе всемирной модернизации. Но незавершенность трансформации не означает, что вообще не возникло какое-либо новое общество. Что это за общество, в чем состоят его главные характеристики? Эти вопросы редко обсуждаются и получают обоснованные ответы.

В начале трансформации многие полагали, что достаточно быстро будет создано развитое демократическое рыночное общество, которое в условиях глобальных вызовов повысит конкурентоспособность России — экономическую, социально-политическую, культурную. Однако в ходе стремительных, но хаотических реформ 90-х годов закрепились радикально-либеральные экономические институты, близкие временам первоначального накопления капитала и одновременно отвечающие современным требованиям компрадорско-олигархического глобального бизнеса. Соответствию этим требованиям немало способствовали условия «Вашингтонского консенсуса», навязанные Мировым банком и другими международными институтами развития как базовые для кредитования «новой экономики». Сохраняются ситуативно узаконенные в 90-х годах нормы, по которым олигархи и другие крупные собственники в союзе с коррумпированными чиновниками безнаказанно и даже почти беспощадно выкачивают результаты труда миллионов россиян в сверхприбыльные офшорные дыры глобальной экономики, а в самой России позорно низки конкурентные качества рынка и компетентность управления, зато небывало высоки трансформационные издержки [Полтерович В.М., 2012. С. 21]. Этому соответствует цивилизационная неразвитость системы социальных институтов, позволяющая собственникам сохранять традиционно низкую долю оплаты труда в прибыли и безответственно уклоняться от налогов в своей стране, а чиновникам — пренебрегать свободами и правами граждан, оскверняя саму идею этих прав и свобод⁶.

⁶ Т.е. оскверняя социальный консенсус относительно прав и свобод человека. См. [Александр Дж., 2013. С. 422].

Словом, **возникло транзитно-промежуточное состояние общества – симбиоз структур раннего капитализма с современной глобализацией: олигархо-бюрократический капитализм с компрадорской доминантой, которая подчиняет создаваемый в России капитал интересам транснационального бизнеса.** В результате отсутствует спрос на развитие российской экономики и всего общества, на еще немалый, хотя уже сниженный инновационный человеческий потенциал России – культурный, социальный, экономический, организационный, политический, – который гибнет втуне⁷.

Материалы социокультурных портретов регионов свидетельствуют о **низкой социокультурной, человеческой эффективности процессов модернизации регионов, хотя статистически фиксируется рост ее формально объективных индексов.** Консервируются, даже обостряются контрасты доходов (согласно коэффициенту Джини), сокращаются возможности восходящей мобильности, растут напряженности в отношениях с работающими иммигрантами, сохраняются низкое социальное самочувствие и недоверие большинства населения институтам власти [см. *Беляева Л.А.*, 2012]. Налицо социокультурно не сбалансированная, подчас дисфункциональная модернизация.

Такова цена упускаемых возможностей завершения социетальной трансформации. В условиях обострившейся международной конкуренции за успехи модернизации незавершенность трансформации приобрела характер стратегического порока эволюции современной России. **Инерционному росту социокультурно неэффективной, нередко дисфункциональной «модернизации» следует противопоставить целенаправленную стратегию опережающей, социокультурно сбалансированной модернизации.**

Как возможно начать подготовку такой стратегии?

Откуда взять средства для ее осуществления?

В том-то и дело, что необходимых ресурсов не будет до тех пор, пока сохраняется незавершенность трансформации российского общества, т.е. нынешнее состояние его экономических и политико-правовых структур, а само общество стагнирует.

⁷ Критический анализ этих и других характеристик российского общества дан многими участниками Московского экономического форума (2012 г.). См. [«*Экономика для человека*» – новая экономическая стратегия России, 2013].

Трехсторонние переговоры – способ достичь согласия о завершении трансформации и развитии модернизации

Преодоление стагнирующего состояния общества означает не отмену совершившейся приватизации и иные насилия, как это нередко предполагают радикалы, но *достижение согласия (консенсуса)* между основными субъектами социальных действий о формировании *эффективных для всего общества институтов*. Речь идет о цивилизованных экономических и политико-правовых институтах, которые бы укореняли правила социально ответственных действий предприятий, корпораций, фирм и других агентов экономики, побуждали собственников, менеджеров и чиновников к прозрачности действий, добросовестной конкуренции, восприятию и диффузии инноваций, создавали ресурсы, необходимые для осуществления модернизационно-цивилизационных процессов.

Основное препятствие состоит в том, что многие олигархи, другие крупные собственники и коррупционно взаимодействующие с ними чиновники заинтересованы в сохранении возникшего типа общества, поскольку, на первый взгляд, оно вполне отвечает их экономическим интересам и жизненным устремлениям.

Но это так лишь на первый, поверхностный взгляд. Новая волна миграции собственников и чиновников, превентивной и реальной, создает для мигрантов не меньше проблем, чем прежние ее волны. Пространственное отдаление от исходных, российских источников доходов несет с собой постоянные риски полного отдаления от этих источников. Как правило, не комфортна и жизнь в культурно чуждой среде. Культурно не более комфортна и внутренняя эмиграция (самоисключение из российской легитимной среды) коррумпированных чиновников и членов их семей. Риски судебных преследований уже возросли и стали более реальными, чем недавно, а вскоре могут обернуться еще более серьезными угрозами. А для законопослушных и достаточно пронизательных чиновников все менее привлекательным становится следование поверхностным предписаниям сверху, которые вызывают массовые насмешки населения, в том числе в Интернете.

Потребность завершить трансформацию как цивилизационный процесс и преодолеть ее социокультурную неэффективность все более осознается уже не только широкими слоями населения, но отчасти и верхними эшелонами власти. Так, В.В. Путин, объясняя причины своего согласия баллотироваться на выборах Президента РФ в 2012 году, писал:

«Нашу задачу на предстоящих выборах вижу в том, чтобы убрать с дороги национального развития все то, что мешает нам идти вперед. *Завершить создание в России* (курсив мой. — Н.Л.) такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые вместе составят единый, живой, постоянно развивающийся и одновременно — устойчивый и стабильный, здоровый государственный организм. Способный безусловно гарантировать суверенитет России и процветание граждан нашей великой державы на десятилетия вперед. Отстоять справедливость и достоинство каждого человека. Правду и доверие в отношениях государства и общества» [Путин В.В., 2012].

По сути, это призыв срочно действовать на основе базовых ценностей россиян — таких как справедливость, достоинство человека, самоценность его жизни, семья, человеческое общение. Кто и каким образом способен эффективно действовать?

Как показывают социологические исследования, среди занятых россиян, особенно в ядре среднего класса, существует потенциал деятельности в направлении экономической и культурной модернизации; но остается недостаточным запрос на модернизацию политических институтов [Готово ли российское общество к модернизации? 2012. Разделы 11, 12].

Вместе с тем существует необходимость безотлагательных действий, направленных на комплексное завершение социетальной трансформации. Такие действия следует ожидать прежде всего от высших органов государственной власти, с активным участием структур бизнеса и гражданского общества. Успешными могут быть лишь согласованные их действия. Срочно необходим трехсторонний переговорный процесс, инициированный Президентом России и нацеленный на такое согласование.

У различных слоев населения сохранился в памяти факт состоявшихся в начале 2000-х годов двусторонних переговоров вступившего в должность Президента России В.В. Путина с олигархами. Переговоры были напряженными и завершились договором о равной взаимной удаленности сторон: власти — от олигархов, а олигархов — от власти. Незавершенность социетальной трансформации стала стабилизироваться.

Затем были предприняты попытки двусторонних переговоров власти с гражданским обществом. Одна из них привела к созданию федеральной и региональных общественных палат; некоторые из них действуют активно.

К настоящему времени назрела потребность в **трехсторонних переговорах**, нацеленных на достижение общественного согласия (консенсуса) о формировании недостающих экономических и политико-правовых институтов, эффективных для всего общества и тем самым завершающих его социетальную трансформацию. Участниками переговорного процесса должны стать: **власть – собственники – гражданское общество**. Очевидно, властные структуры должен возглавлять Президент России. Собственников должны представлять не только олигархи, но и Союз промышленников и предпринимателей, иные структуры бизнеса. Гражданское общество может быть представлено делегацией от федеральной и региональных общественных палат, а также от научных, образовательных и других структур.

Первый предмет таких переговоров – меры по завершению социетальной трансформации России. Это должно быть открытое, публичное, вдумчивое обсуждение. Прежде всего, оно должно быть направлено на достижение консенсуса о сбалансированной совокупности базовых ценностей – российских и универсальных. В соответствии с этими ценностями необходимо определить основные положения законопроектов и иных нормативных актов, направленных на достройку **эффективных для всего общества** экономических и политико-правовых институтов. В том числе желательно:

- обеспечить повседневную защиту прав и свобод граждан судом и правоохранительными органами;
- законодательно определить социальную ответственность работодателей (предприятий, фирм) перед наемными работниками за цивилизованный уровень их заработной платы, условия труда, пенсионное и иное социальное обеспечение, возможности участия в управлении организациями;
- законодательно закрепить проведение на федеральном и региональном уровнях ежегодных трехсторонних переговоров (власть, бизнес, общественные палаты) по согласованию базовых индикаторов социально-экономического и культурного развития страны и регионов на предстоящий год;
- извлекая печальный опыт размещения российскими олигархами десятков миллиардов евро в банках Кипра, законодательно запретить или серьезно ограничить вывод российских финансов в зарубежные офшорные зоны;

- отменить или существенно снизить ставку возмещаемого НДС при экспорте сырья или полусырья;
- ввести прогрессивную шкалу налогов на доходы юридических и физических лиц, включая дивиденды, проценты, бонусы и т.д.;
- отменить исковую давность для доходов, имущества и капиталов, укрываемых от налогообложения;
- ввести налог на вывоз валюты за рубеж;
- отменить предельную величину годового дохода, выше которой не берутся социальные налоги;
- осуществить ряд других мер [подробнее см.: *Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф.* 2012. 104 с. С. 62-69].

Достижение консенсуса относительно эффективных для всего общества экономических и политико-правовых институтов откроет возможности для решения второй задачи переговорного процесса – разработки и осуществления стратегии опережающей модернизации России как социокультурно сбалансированного цивилизационного процесса.

Ниже я привожу свои соображения относительно такой стратегии.

Цели опережающей модернизации

Цели модернизации достигаются тем успешнее, чем динамичнее совершаются ее процессы в данной стране (регионе) по сравнению с другими странами (регионами), прежде всего соседними. Поэтому опережение в такой конкуренции следует считать важным критерием успеха модернизации. Уточним конкретные смыслы термина *опережение*: кого, в чем и насколько?

Поскольку речь идет о России как стране, большой и претендующей на державность, то предполагается опережение других стран по темпам, уровню и качественному состоянию модернизации как цивилизационного процесса. В качестве первоочередной можно рассматривать задачу опережения тех 10 среднеразвитых европейских стран, которые выше уже были названы. При оценке сроков такого опережения необходимо учитывать, что эти страны конкурируют между собой и с Россией; они также стремятся к успехам модернизации и движутся вперед. Следовательно, Россия должна как можно раньше начать двигаться быстрее их, чтобы, например, к 2030 г. догнать двадчатку развитых стран.

Следующей станет гораздо более сложная задача: постепенно опережать модернизационно развитые страны двадчатки – такие как Англия,

Франция, Германия. Даже первое приближение к решению подобной задачи в середине XXI столетия было бы большим успехом для России. Но для этого нужны совсем иные темпы движения, чем наблюдаемые ныне и ожидаемые в ближайшее время. Ясно, что речь идет не о разовом опережении-рывке или прорыве, а о длительном, поэтапном процессе остро конкурентной борьбы с другими странами за успехи модернизации как жизненно важного для каждой страны цивилизационного процесса.

Внешне похожая, но по сути иная конкурентная логика может быть прослежена и на уровне регионов. Осуществляя модернизацию, каждый регион ориентируется не только на решение локальных задач, но и на сохранение и повышение общего статуса по сравнению с соседями, а также с регионами того типа модернизованности, который преобладает в данном федеральном округе. По мере выравнивания с этими регионами амбиции повышаются до опережения регионов того типа модернизованности, который преобладает в России, а также и за ее пределами: в странах среднего и более высоких типов модернизованности. Иными словами, это не менее длительный процесс опережения со своими этапами и сроками.

Его особенность состоит в регулирующем воздействии государства на межрегиональную конкуренцию, в том числе с учетом модернизационных кластеров регионов. В большой многоэтничной стране существуют цивилизационно разнотипные регионы или их цивилизационные кластеры, векторы и темпы модернизации которых обладают значительной спецификой.

Что надо знать и уметь, чтобы сбалансированно опережать других?

Социокультурная сбалансированность означает сходство уровней индексов основных составляющих модернизации, необходимое и достаточное для ее эволюции как целостного цивилизационного процесса. К таким составляющим относятся: производственно-технологическая, экономическая (конкурентоспособность, качество жизни), социально-структурная, ценностно-нормативная, управленческо-политическая (внутренняя устойчивость, международная безопасность).

Чтобы сформировать и осуществлять стратегию сбалансированной опережающей модернизации, необходимо иметь современные знания

об обществе в целом и его эволюции, а также владеть системно-деятельностной методологией проектирования сложных объектов и навыками целенаправленного взаимодействия с ними. К таким концептуально-деятельностным предпосылкам стратегии сбалансированного опережения относятся:

- верное понимание существующего состояния общества, его регионов как социокультурных сообществ, в том числе данного региона и его социокультурной среды;

- общественно и личностно значимая цель модернизации, ее ориентирующий идеал – теоретически обоснованное и привлекательное для большинства населения понимание желаемого состояния общества, данного региона;

- системная совокупность программ и проектов, осуществление которых позволяет достичь поставленной цели;

- умение, способность осуществлять эти программы и проекты, а в новых ситуациях – конструктивно создавать новые программы и проекты;

- умение разрабатывать и навыки осуществлять **два основных способа** достижения успехов модернизации в их взаимосвязи:

- б) интегрированная модернизация**, или сбалансированное развитие индустриальной (первичной) и информационной (вторичной) стадий модернизации;

- в) взаимодополняющие встречные, федерально-региональные способы построения и регулирования стратегии:** «сверху» (из федерального центра) и «снизу» (от регионов, начиная с поселений и муниципалитетов).

Начнем с характеристики компонентов первого из этих способов, дополняя их компонентами второго способа.

Как видно на рис. 1, модель интегрированной модернизации включает три группы факторов. Во-первых, это факторы инерции первичной модернизации; во-вторых, факторы сопротивления, противодействия вторичной модернизации; в-третьих, факторы сильной поддержки перехода к вторичной модернизации. В итоге формируется равнодействующая трех векторов – конкретный способ движения данной страны или региона по пути интегрированной модернизации. Это вербальная, не количественная модель.

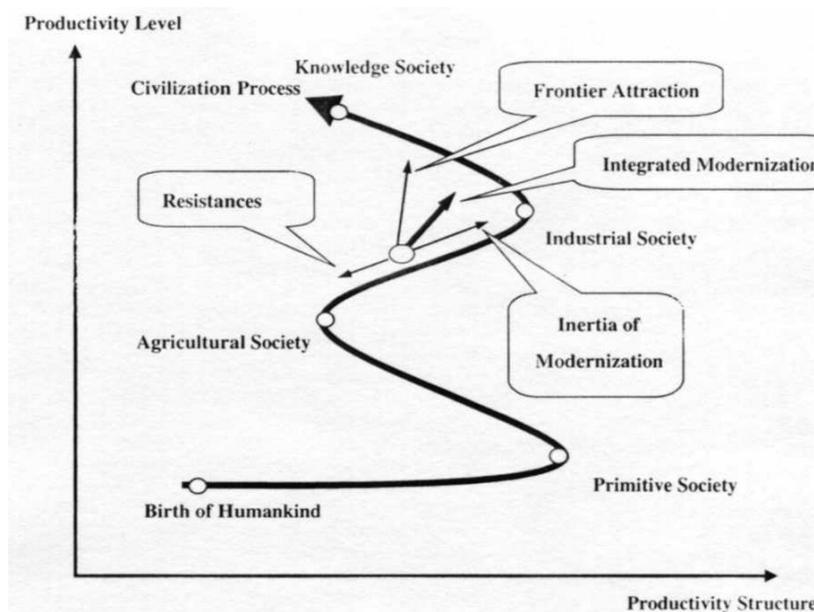

Рисунок 1. Трехфакторная модель интегрированной модернизации

Источник: [Chuangi He, 2012. P. 234].

Необходимо конкретизировать содержание названных факторов в современной России, сознавая дискуссионность любой их конкретизации. В соответствии с встречной стратегией регулирования модернизации, будем учитывать как федеральные, так и региональные факторы. Первые будем конкретизировать, а от конкретизации вторых воздержимся, поскольку это могут сделать лишь специалисты регионов.

(1) Факторы инерции первичной модернизации.

(1.1) Федеральные факторы:

- деиндустриализация производства, слабopоложительные темпы роста уровня инновационного развития, позволяющие достигнуть стандарты стран ЕС 2000 г. не ранее середины 30-х годов [см. *Ивантер В.В., Комков Н.И.*, 2012. С. 22];
- сырьевая структура экономики, «нефтяная игла»;
- низкая доля оплаты труда в прибыли организаций, аналогичная традиционным обществам;
- разбухание численности государственных служащих (чиновников);
- самовозрастающая рутина бюрократических правил и технологий, низкое качество принимаемых решений, включая программы, декларации, и плохая их осуществляемость;

- высокая разбалансированность процессов модернизации;
- *результат*: слабopоложительные тренды индексов модернизации (см. рис. 2).

(1.2) *Региональные факторы:*

- аналогичные федеральным;
- регионально специфичные (модернизационные кластеры, спонтанная диффузия процессов модернизации).

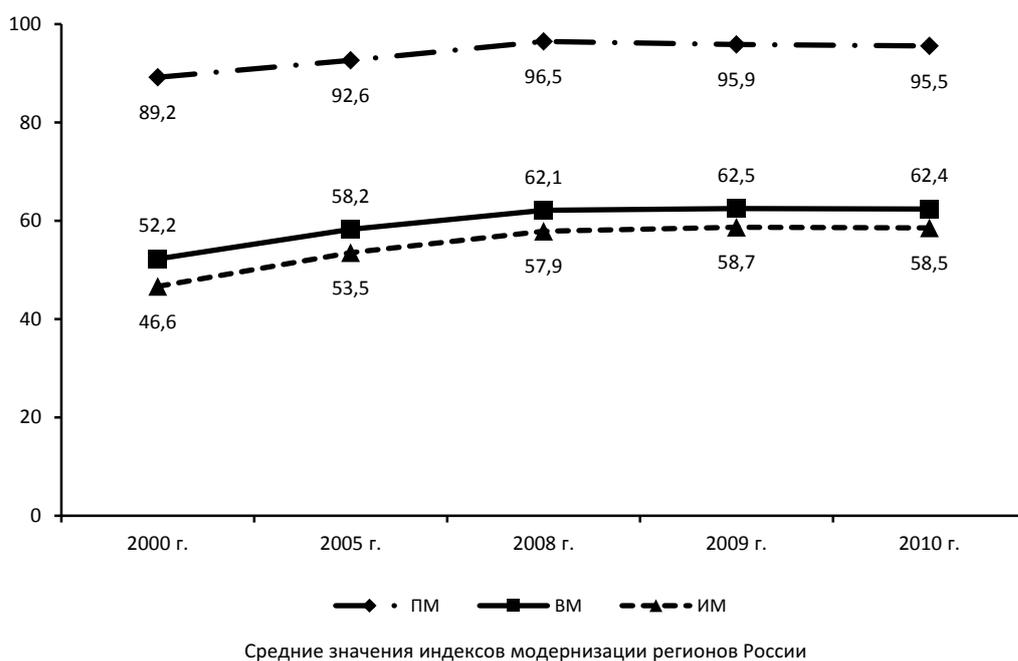

Рисунок 2. Динамика средних значений индексов двух стадий модернизации и их интегрированного индекса: ПМ – первичная модернизация; ВМ – вторичная модернизация; ИМ – интегрированный индекс модернизации (2000–2010 гг.). Цифры – это проценты от усредненных стандартных значений 20 развитых стран.

Источник: результаты расчетов с помощью Информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, 2013 г.).

(2) *Факторы сопротивления, противодействия модернизации*

(2.1) *Федеральные факторы:*

- незавершенность социетальной трансформации, стабилизация олигархо-бюрократического капитализма с компрадорской доминантой;
- договор государства с олигархами о взаимной равноудаленности;

- пробелы в нормативных документах как черные дыры для сверхдоходов олигархов и просто доходов других собственников;
- повсеместная коррупция попустительствующих чиновников;
- заинтересованность олигархов в сохранении незавершенной социетальной трансформации России;
- заинтересованность чиновников в сохранении незавершенной социетальной трансформации России.

(2.1) Региональные факторы:

- аналогичные федеральным;
- регионально специфичные.

(3) Факторы сильной поддержки перехода к вторичной модернизации и ее развития:

(3.1) Федеральные факторы:

α) Имеющиеся:

- интересы государства по обеспечению конкурентоспособности и безопасности страны;
- модернизация оборонного комплекса;
- природные ресурсы;
- социально-экономические ресурсы;
- социокультурный потенциал населения;

β) Требуемые:

– ориентирующий идеал общества и его конкретизации с учетом специфики регионов, общественно и личностно значимая для большинства населения цель стратегии – теоретически обоснованное и опирающееся на базовые ценности различных слоев населения понимание желаемого состояния общества и регионов;

– стратегия опережающей модернизации – целостная, поэтапная, проектно ориентированная, прошедшая научную экспертизу и понятная населению;

- научно-техническая политика государства;
- промышленная, аграрная, инфраструктурная политика государств;
- сильная и последовательная воля первых лиц, институционально и лично поддерживающих стратегию и ключевые проекты стратегии интегрированной модернизации.

(3.2) Региональные факторы активной встречной модернизации «снизу»:

- аналогичные федеральным;
- регионально специфичные.

Следует подчеркнуть, что построение и осуществление целостной стратегии модернизации могут быть достигнуты на основе **сочетания концепции интегрированной модернизации и принципа встречного, федерально-регионального ее конструирования**. Реализация этой взаимосвязи должна происходить на трех кластерах-уровнях.

Верхний кластер-уровень – федерально-окружной, «сверху вниз»: на федеральном уровне предварительно определяются, в соответствии с федеральными прогнозами и приоритетами, опирающимися на результаты научных исследований, основные направления (сценарии) модернизации, индикаторы и индексы требуемого состояния в соответствующие сроки. Затем эти направления и индикаторы *предварительно* конкретизируются в федеральных округах.

Нижний кластер-уровень – местно-региональный, «снизу вверх» (в целях экономии времени он может быть задействован одновременно с верхним): в городах и сельских поселениях составляются перечни актуальных проблем и предлагаются возможные пути их решения (пред-программы, пред-проекты), которые поступают в муниципалитеты, а от них, в обобщенном виде, – в администрации и общественные палаты регионов, где получают форму *инициативных* программ и проектов, включая требуемые значения индикаторов, индексов основных областей модернизации (субиндексов) и итоговых ее индексов.

Срединный кластер-уровень – интегративно-региональный, системно-синтезирующий: в регионах, с участием специалистов ведущих НИИ и вузов регионов, а также представителей федеральных округов, происходит согласование встречных предложений проектов и программ, индикаторов и индексов, представленных «сверху» и «снизу». Результаты передаются для коррекции и утверждения на федеральный уровень.

В соответствии с предлагаемой стратегией, **по заказам федеральных и региональных органов исполнительной власти**, разрабатываются **программы и проекты модернизации** объектов, в которых формулируются конкретные проблемы/задачи социокультурно сбалансированного, опережающего развития объектов и предлагаются способы их решения. Проблемы/задачи формулируются в контексте стадии модернизации региона, состояния (типа) его модернизированности, значений индикаторов и индексов. Фиксируются ожидаемые изменения этих значений в результате осуществления программы/проекта, уделяется внимание оценкам и самооценкам различными слоями населения своего положения и его изменений, вызываемых процессами модернизации.

Важно обеспечить системный характер состава предлагаемых программ/проектов. Например, с помощью матрицы, в строках которой могут быть представлены пять основных уровней регулирования модернизируемых объектов: федеральный, окружной (федеральные округа), региональный (субъекты РФ), муниципальный; местный (город, сельское поселение); в столбцах – стадии модернизации, состояния (типы модернизованности); а в ячейках матрицы – наименования программ/проектов модернизации. Форма матричной структуры стратегии модернизации представлена в таблице.

Форма матричной структуры стратегии модернизации

Уровни объектов стратегического регулирования	Стадии модернизации					
	Индустриальная (первичная)			Информационная (вторичная)		
	Состояния (типы) модернизованности регионов и других объектов					
	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5	Тип 6
	Программы, проекты					
Российская Федерация						
Федеральный округ						
Регион (субъект РФ)						
Муниципальное образование						
Город, Сельское поселение						

Этапы интегрированной модернизации как цивилизационного процесса, поэтапная дифференциация российских регионов

Здесь следует уточнить: интегрированная модернизация есть способ перехода развивающихся (в особенности среднеразвитых стран, подчеркнем мы, имея в виду Россию) к новому этапу цивилизации, который позволяет успешно конкурировать за достижение уровня развитых стран; это *всесторонняя модернизация (comprehensive modernization), сбалансированное развитие двойной модернизации, или композитный процесс* с чертами перехода от первичной к вторичной модернизации, который шаг за шагом продвигает вперед *элементы цивилизации* в развивающихся странах [Chuanqi He, 2012. P. 227-230]:

Рассматривая этот процесс в масштабе страны, выделим в нем, как и в стратегии его осуществления, три основных этапа. Каждый из них мы будем соотносить с состояниями (типами) модернизованности регионов России, выявленными по результатам сплошного изучения всех регионов – уровней и фаз двух стадий их модернизации [Ланин Н.И., 2012.

С. 98]. Эта типология оказалась полезной для дифференциации регионов по основным этапам интегрированной модернизации как цивилизационного, или модернизационно-цивилизационного, процесса.

Этап 1: преимущественно рост и развитие индустриальной модернизации изменяет пропорции аграрной цивилизации, включает в нее компоненты урбанизации, демократизации, рационализации и другие. Этот этап осуществляют прежде всего регионы, которые находятся в фазах начала и роста первичной модернизации (в нашей типологии состояний модернизованности это регионы, которые относятся к типам модернизованности 1 и 2).

Этап 2: одновременное завершение индустриальной модернизации и переход к информационной ее стадии означает, что приоритетной становится информационная модернизация, которая изменяет пропорции индустриальной цивилизации; доминирующими становятся знания, информатизация, экологизация, но сохраняются и компоненты аграрной цивилизации. Этот этап осуществляют преимущественно регионы, которые находятся в фазах зрелости первичной и в начальных фазах вторичной модернизации (в нашей типологии это, соответственно, регионы, которые относятся к типам модернизованности 3 и 4).

Этап 3: преимущественно рост и развитие информационной модернизации означает, что общество (и его регионы), миновав акме индустриальной цивилизации, переживает «деиндустриализацию», деформализацию, урбанизацию нового типа и «озеленение», всесторонне обретает способности общества знаний, выдвигается на передний мировой уровень информационной модернизации. Этот этап осуществляют регионы, которые находятся в соответствующих фазах вторичной модернизации (в нашей типологии это, соответственно, регионы, которые относятся к типам модернизованности 5 и 6).

На рис. 3 представлена динамика численности российских регионов, находившихся на каждом таком этапе в истекшем десятилетии. Как видим, в 2000–2008 годах на треть уменьшилось число регионов, остававшихся на первом этапе, и удвоилось число регионов, относящихся ко второму и третьему этапам стратегии интегрированной модернизации; но на высшем этапе 3 (состояния вторичной модернизации) находились лишь 7 регионов. Очевидно замораживание позитивной динамики с 2008 г. под воздействием финансово-экономического кризиса: несколько лет 76 регионов продолжают оставаться на этапах 1 и 2 (состояния первичной модернизации).

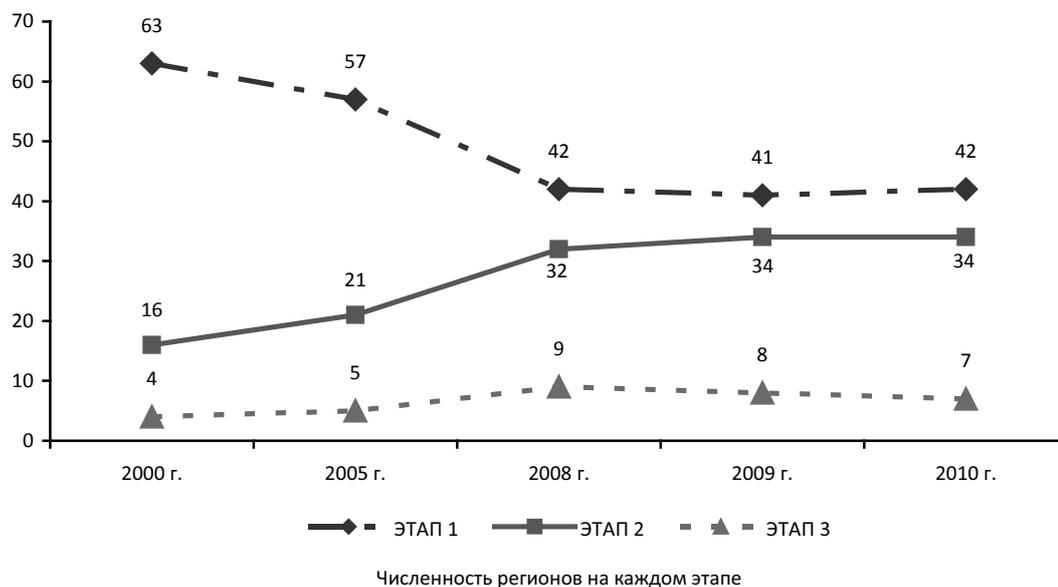

Рисунок 3. Динамика численности регионов на основных этапах интегрированной модернизации

Источник: результаты расчетов с помощью Информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, 2013 г.).

Темп перехода регионов от одного этапа к другому в течение десятилетия составил один регион в два года. Следовательно, при существующих условиях все 76 регионов России могут достичь этапа вторичной модернизации лишь через 35–40 лет, т.е. к середине текущего столетия. Неслучайность такого торможения подтверждается характером трендов интегрированных индексов двух стадий модернизации регионов, на каждом ее этапе (рис. 4).

Налицо заторможенный инерционный рост без развития. Он означает постепенное снижение конкурентоспособности и модернизационного статуса великой державы. Это наиболее вероятный путь России вплоть до середины нынешнего столетия, **если сохранится незавершенность социетальной трансформации страны.**

Высокую вероятность такого пути подтверждают прогнозы российских ученых до 2050 г., полученные с помощью расчетной многофакторной математической модели (см. вставку).

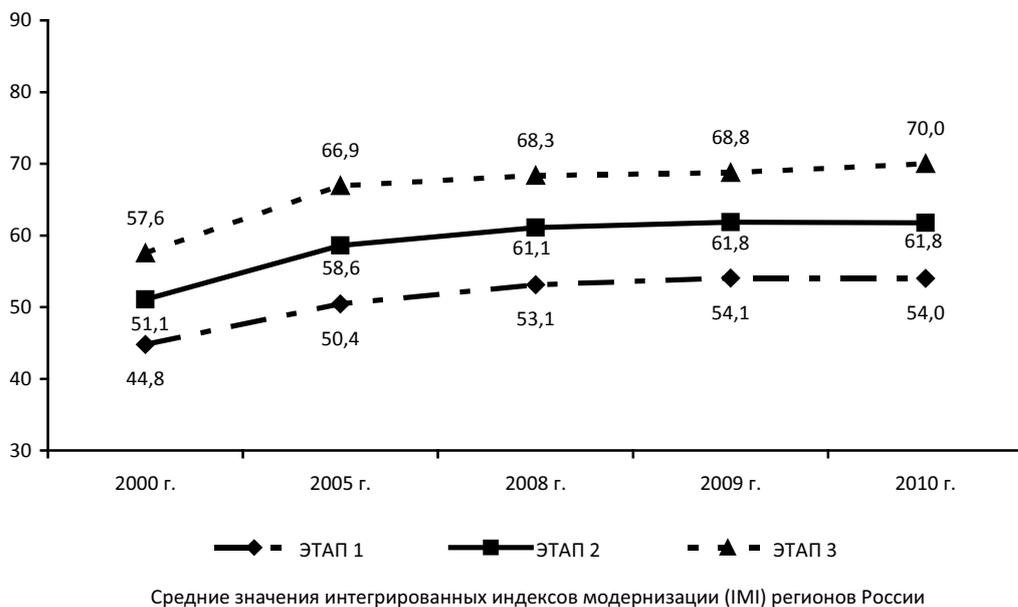

Рисунок 4. Динамика средних значений интегрированных индексов модернизации для регионов каждого ее этапа

Источник: тот же.

Экономико-математические прогнозы российских ученых до 2050 г.

С одной стороны, благодаря значительным природным, человеческим и технологическим ресурсам России ее ВВП вырастет с 2010 до 2050 г. в 2,03 раза (с 2,54 до 5,16 трлн. долл.), а душевой ВВП – в 1,86 раза (с 18,2 до 33,9 тыс. долл.). Основным фактором будет значительный рост объемов физического капитала (в 3,47 раза), но темпы научно-технического прогресса повысятся лишь в 1,22 раза. С другой стороны, в силу низкого финансирования (не более 8% ВВП) ключевых компонентов, формирующих человеческий капитал (наука, образование, здравоохранение, меры социальной поддержки), за 40 лет он вырастет лишь в 1,72 раза, а соотношение человеческого и физического капитала упадет в 2 раза (с 1,6 до 0,8).

Напротив, в странах Северной Америки и Западной Европы основным фактором экономического роста будет ускоренное развитие человеческого капитала; инвестиции в него повысятся с 10 до 16%, а его объем возрастет более чем в 2,4 раза. Наиболее быстрыми темпами этот рост будет происходить в Швеции и Великобритании. Получается, что «в условиях жестких энерго-экологических и ресурсных ограничений наиболее развитые страны выбирают путь построения социально ориентированных обществ». По ряду параметров опередят Россию такие восточно-европейские страны, как Венгрия и Польша.

Источник: [Акаев А.А., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н., 2011. С. 211, табл. 36; с. 143-144].

Следует также фиксировать **высокую разбалансированность** двух стадий модернизации и составляющих каждой стадии в регионах первых двух этапов интегрированной модернизации. Как видно из рис. 5, лишь на этапе 3 в 2000–2005 годах повысилась сбалансированность за счет вторичной модернизации (регионы этапа 3), а с 2005 г. она оставалась на среднем и ниже среднего уровнях.

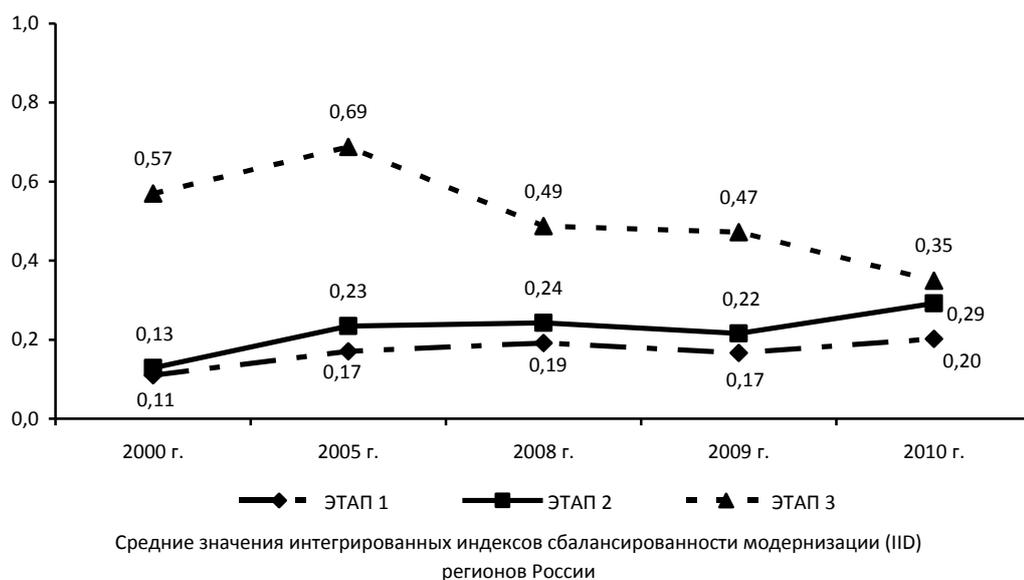

Рисунок 5. Динамика индексов сбалансированности модернизации регионов

Источник: тот же.

Приоритеты стратегии регионов на разных стадиях модернизации

На каждой стадии модернизации – первичной и вторичной – регионы фокусируют внимание на ключевых аспектах, от которых зависит успех не только данной стадии, но и модернизации как интегрированного процесса. По оценкам китайских специалистов, основанным на изучении более 170 регионов 18 стран разных континентов [Chuanqi He., 2012. P. 236-237], на **стадии первичной модернизации** такими **стратегическими центрами внимания являются:**

- Новая индустриализация: развитие перспективных секторов промышленности и одновременно вывод отживающих секторов, продвижение сервисной индустрии и повышение производительности.
- Новая урбанизация: развитие городов и пригородов, содействие балансу сельских и городских ареалов.

– Продвижение демократии: совершенствование демократических выборов, уважение индивидуального выбора, строительство демократического общества.

– Созидание нового типа общества благополучия, в котором система благополучия распространяется на все население.

– Поощрение рационализации: содействие профессионализации и коммерциализации культуры, развитие индустрии культуры и массовой культуры, снижение распространения феодальной культуры.

На *стадии вторичной модернизации* выделяются иные *стратегические центры внимания*:

– Ускорение информатизации и начало строительства общества знаний, создание его инфраструктуры, сетей интернет для всего населения и на всех предприятиях, реализация электронного правительства и электронной торговли.

– Уплотнение знаний в сельском хозяйстве, промышленности и секторе услуг, рост производительности.

– Вовлечение в экономическую глобализацию и повышение международной конкурентоспособности.

– Совершенствование национальной инновационной системы и строительство инновационной нации.

– Продвижение стратегии экологической модернизации и строительство экологически-дружелюбного общества.

– Уменьшение разрывов между богатством и бедностью, между промышленными и другими регионами, созидание гармоничного общества.

Остается добавить, что названные приоритеты внимания – не автономные акты воздействия (наподобие «точечной застройки» городской территории), а взаимосвязанные компоненты модернизации социокультурного пространства общества (и его регионов), представляющей собою модернизационно-цивилизационный процесс.

Это *не единоплавленный, а локализованно диверсифицированный процесс*, в разнообразии которого активную ориентирующую роль играют базовые ценности населения и элит, их общественные идеалы, хотя результаты далеко не совпадают с идеалами.

Таким образом, логика разработки стратегии модернизации привела нас к вопросу о желаемом идеале общества, который сопровождает стратегию модернизации как ее сверхзадача или внутренний смысл, побуждающий людей участвовать в модернизации как цивилизационно диверсифицированном процессе.

Понимающее общество как российская мечта

Цивилизационное завершение социетальной трансформации открывает возможность осуществления стратегии опережающей, социокультурно сбалансированной модернизации России. По мере ее осуществления возникает новое российское общество. Каким оно может быть? Вместе с этим вопросом мы вступаем на зыбкую почву ценностных идеалов, которые вряд ли реализуемы, но могут быть полезны как ориентиры модернизации.

В целом, специалисты ЦИМ АНК придерживаются концепции **общества знаний**, к которому как раз и ведет интегрированная модернизация. Концепция общества знаний в целом конструктивна и достаточно признана. Однако она акцентирует лишь *когнитивные* характеристики общества, подобно представлениям об обществе как потребительском, индустриальном, постиндустриальном и т.п. Конечно, при расшифровке подобных концептов в них вкладывается более комплексное понимание общества, но исходная узость таких терминов остается.

Здесь не место для систематического обзора теорий общественного идеала. Лишь отмечу, что, по мнению многих специалистов, желаемое общество должно опираться на конструктивные факторы *национальной культуры* (для нас – российской) и обеспечивать безопасность и конкурентоспособность страны в условиях глобализации. Вместе с тем в условиях глобализации оно также должно воплощать такие *универсалии современности*, как свободный рынок и демократия, индивидуализм и права человека [см.: *Александр Дж.*, 2013]. Но эти **универсалии должны быть сбалансированы с факторами национальной культуры** и исключать аксиологические и социальные тупики фундаментального рыночного либерализма и радикального индивидуализма (последний получил критическое воплощение в концепте «индивидуализированного общества» [см.: *Бауман З.*, 2002]). Таким образом, *желаемое общество должно обладать такой определенностью, которая продуцирует сбалансированную многомерность.*

Рискну предположить: в многомерно дифференцированных условиях России названным критериям в значительной мере отвечает такой категориальный конструкт, как **понимающее общество**. Это понятие опирается на признанные концепции общества, основанного на знаниях, информационного общества. При этом оно ценностно ориентирует названные концепции: лично и социально, социокультурно наиболее значимы такие знания и информация, которые **способствуют пониманию, взаимопониманию** между членами общества. Это не *cogito* (мыслить,

думать), а близкое, но все же иное латинское *cognitio* (узнавание, признание). Поэтому вернее будет сказать: не когнитивное, а **когниционное общество**. Такой концепт опирается на **ценностный архетип всемирной отзывчивости** русской души: открытая для понимания других людей, в том числе различных культур и этносов, она бескорыстно надеется на встречное понимание. К сожалению, она не всегда или не сразу мобилизуется в ответ на враждебную агрессию. Но ее содержание обогащается менталитетом других этносов, входящих в Российскую Федерацию.

Однако это труднореализуемый концепт, если вообще реализуемый в полном, терминальном его смысле. Совмещая определенность (приоритет понимания, взаимопонимания) с многомерностью, предложенный концепт желаемого общества имеет многослойное содержание, которое раскрывается и реализуется не сразу, а постепенно, поэтапно.

Вначале желаемое общество многими осознается и реализуется далеко не адекватно: как буржуазно-либеральное, демократическое с рыночной экономикой. Затем понимание рыночной экономики наполняется социал-демократическим содержанием и трансформируется в **социально балансируемую** рыночную экономику: балансируемую государством и гражданским обществом. Одно из успешных воплощений такого балансирования укоренилось полвека назад в североевропейских странах как **переговорная экономика** (*negotiated economy*). Это такая многоукладная экономика, по отношению к которой государство и общество не допускают доминирования какого-либо одного уклада или одной формы собственности — частной или государственной; под давлением гражданского общества (включая действенное участие профсоюзов в трехсторонних переговорах на всех уровнях — от муниципального до федерального) государство институционализирует, укореняет **пропорции и правила, балансирующие взаимоотношения между укладами** в интересах всего общества.

«Термин «переговорная экономика», — пишут датские ученые, — мы употребляем для обозначения структуры общества, в котором распределение существенной части ресурсов проводится путем институционализованных переговоров между независимыми центрами по принятию подобных решений в государстве, организациях и/или корпорациях... власти выступают лишь в роли одного из участников подобных переговоров» [Педерсен О., Ниельсен К., 1994. С. 34]. Не случайно в североевропейских, Скандинавских странах достигнуто и, несмотря на кризис, сохраняется наиболее высокое в мире качество жизни населения, а экономические кризисы затрагивают их меньше, чем другие страны.

Во второй половине XX в. формируются представления о *смешанной политической культуре* гражданского общества и *смешанной демократии*, о *смешанной форме общества*. Акцентируется культура умеренности элит как предпосылка консолидации общества и достаточного доверия населения институтам власти (см. *Федотова В.Г.*, 2013). Фактически, как уже отмечено, начинается движение в направлении *социально ориентированного общества*.

Многие социологические исследования на рубеже XX–XXI столетий свидетельствуют о том, что классическая социально-классовая стратификация постепенно уступает место иной, социокультурной стратификации, в которой культурные статусы членов общества (образование, навыки труда, нормы поведения в трудовой организации) приобретают не меньшее значение, чем классово-профессиональные, а основными структурными единицами становятся *социокультурные группы (страты)*. Внутри больших обществ (стран) повышается значимость *регионов* как локальных *социокультурных сообществ*, которые все в большей мере обретают *миссию субъектов*, активно влияющих на модернизационно-цивилизационные процессы в странах.

Подобного рода изменения можно рассматривать как признаки становления новых форм общества в условиях диверсифицированного модернизационно-цивилизационного процесса. Одной из таких форм может стать понимающее общество в России, *если* ее элиты (политические, экономические, общественно-гражданские) не упустят исторический шанс, *сумеют инициировать переговорный процесс*, который позволит завершить социетальную трансформацию и реализовать стратегию опережающей, социокультурно сбалансированной модернизации.

Ожидаемые результаты опережающей социокультурно сбалансированной модернизации

В исторически приемлемые сроки (к 2030 г.) большинство регионов России на 100% осуществят первичную модернизацию и одновременно заметно продвинутся к переходу в стадию вторичной модернизации, повысят качество жизни населения до среднеевропейского уровня. К 2020 г. этого могут достичь 15–20 регионов, к 2030 г. – еще 20–30 и более регионов.

К середине XXI столетия в основном *сформируется социокультурная модернизированность как новое цивилизационное качество российского общества*. До среднеевропейского уровня повысится качество жизни

населения, откроется простор для инноваций, развития пятого и шестого технологических укладов. Будет формироваться *понимающее общество* как своеобразное воплощение информационного общества, или общества знаний, центрированное на российском ценностном архетипе – понимании, взаимопонимании.

Россия утверждает себя в составе развитых стран мира и внесет вклад в становление такого мирового сообщества, в котором равенство возможностей для каждого человека, компетентность демократии и культура умеренности политической элиты, взаимопонимание между странами и цивилизациями будут укоренены как ценностные позиции и действующие нормы жизни человечества.

Литература

1. Акаев, А.А. Моделирование и прогнозирование экономического развития локальных цивилизаций / А.А. Акаев, А.И. Сарыгулов, В.Н. Соколов. – СПб: Изд-во политехнического университета, 2011.
2. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Дж. Александер. – М.: Праксис, 2013.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002.
4. Беляева, Л.А. Напряжения социального пространства в России и ее регионах и проблемы модернизации / Л.А. Беляева // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. VIII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», Уфа, 22–25 октября 2012 г. – Уфа: Гилем, 2012.
5. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2010.
6. Заславская, Т.И. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений / Т.И. Заславская, В.А. Ядов // Социология и общество: пути взаимодействия. Материалы пленарного заседания Всероссийского социологического конгресса / под ред. Г.В. Осипова, М.К. Горшкова. – М.: Вече, 2010.
7. Ильин, В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие: препринт / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 104 с.
8. Ивантер, В.В. Основные положения концепции инновационной модернизации России / В.В. Ивантер, Н.И. Комков // Экономические и социальные перемены. – 2012. – №5.
9. Лапин, Н.И. О структурировании регионов России по их вовлеченности в процессы модернизации / Н.И. Лапин // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. VIII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», Уфа, 22–25 октября 2012 г. – Уфа: Гилем, 2012.
11. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / отв. ред. Хэ Чуаньци. – М.: Весь мир, 2011.

12. Педерсен, О. Переговорная экономика: история и процессы институционализации / О. Педерсен, К. Ниельсен // Смешанная экономика: социокультурные аспекты / отв. ред. Н.И. Лапин. – М.: ИНИОН РАН, 1994.

13. Полтерович, В.М. Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 1. Приватизация: проблема эффективности / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – М., 2012. – №4.

14. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить / В.В. Путин // Известия. – 2012. – 16 янв.

15. Федотова, В.Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу? / В.Г. Федотова // Философский журнал. – М.: Институт философии РАН, 2013. – №1.

16. «Экономика для человека» – новая экономическая стратегия России, а также другие материалы в журнале «Мир перемен». – 2013. – №1. Специальный выпуск. Московский экономический форум.

17. Chuangi He. Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement. Springer, 2012.

В.С. Половинко,
Омск

Использование методологии социокультурного портрета при разработке долгосрочной стратегии развития региона (на примере Омской области)*

Длительное функционирование регионов в условиях динамичной внешней и внутренней среды поставило перед ними проблему выбора приоритетов и векторов развития. Наличие научно обоснованной, сбалансированной и ясной стратегии развития региона становится фактором привлечения инвестиций, развития бизнесов, мотивации к занятости, выбора профессии и пр. Она является своеобразным информационным ресурсом, на основе которого принимаются решения органами власти, экономическими субъектами, населением, отдельными социальными группами и каждым жителем региона.

В Омской области приступили к формированию такой стратегии в августе 2012 года, для широкого обсуждения материалы представлены в марте 2013 г. В настоящее время проходит окончательная редакция материалов и документальное оформление.

При разработке Стратегии использованы материалы, характеризующие текущее социально-экономическое положение Омской области и перспективы ее развития, материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области, результаты анализа конкурентоспособности субъектов Российской Федерации, проведенного с использованием передовых международных методов анализа, и результаты опросов (анкетирования) населения Омской области о качестве жизни, в том числе материалы исследования «Социокультурный портрет Омской области» (грант РГНФ №08-03-00518а). Обеспечено широкое вовлечение в процесс разработки Стратегии представителей бизнеса, научных, образовательных учреждений и иных организаций, органов исполнительной власти Омской области и органов местного самоуправления Омской области, проведено общественное обсуждение проекта Стратегии.

* Проект выполняется при поддержке РГНФ (грант №12-03-00614 а).

Структура Стратегии имеет классический характер. Далее, опираясь на эту структуру, представим общие характеристики Стратегии. При этом очевидны взаимосвязи с результатами исследования, которое проводила группа в рамках проекта РГНФ (отчет 2011, 2012 гг.).

1. Общие положения

2. Оценка социально-экономического положения Омской области

2.1. Результаты социально-экономического развития Омской области.

По темпам роста макроиндикаторов социально-экономического развития за последние 10 лет Омская область опережает средние значения по Российской Федерации. За период 2003–2012 годов ВРП увеличился на 78%, что превышает рост внутреннего валового продукта Российской Федерации на 21,3 процентного пункта. Объем инвестиций в основной капитал в Омской области за аналогичный период увеличился в 2,6 раза (в Российской Федерации – в 2,3 раза). При этом ряд показателей социально-экономического развития Омской области свидетельствует о группе нерешенных проблем, которые могут оказаться существенными с точки зрения конкурентоспособности области.

Важно отметить, что демографические процессы, происходящие в Омской области, в целом отражают общероссийские тенденции сокращения трудового потенциала. Главными из них являются сокращение численности и старение населения, рост демографической нагрузки на трудоспособное население, развитие миграционных процессов. Последнее пятилетие можно охарактеризовать как период снижения численности лиц трудоспособного возраста. В среднем за 2008–2012 годы ежегодные потери этой части населения составляют около 18 тыс. человек.

2.2. Основные трансформации в экономике Омской области за предшествующий период.

Уровень доходов населения Омской области отстает от среднероссийского, хотя несколько превышает средний уровень по Сибирскому федеральному округу. Среднедушевые денежные доходы населения в Омской области выше, чем в Иркутской, Томской, Кемеровской областях, но существенно ниже, чем в Красноярском крае.

Сам по себе низкий номинальный уровень доходов населения не всегда является недостатком. За счет более развитого внутреннего потребительского рынка, большего выбора местных товаров с низкими ценами, более низких цен на целый ряд инфраструктурных товаров и услуг общий уро-

вень жизни в Омской области может быть выше, чем в других субъектах Российской Федерации, что выражается в большей удовлетворенности населения качеством жизни. В то же время за счет относительно дешевой рабочей силы Омская область привлекательна для внешних инвесторов.

2.3. Оценка качества жизни населения Омской области.

В рамках подготовки Стратегии в конце 2012 года проведен массовый опрос жителей Омской области для оценки качества жизни, в том числе с использованием инструментария и материалов проекта РГНФ «Социокультурный портрет Омской области». В ходе опроса респондентам предлагалось оценить качество жизни в разрезе 8 ключевых компонентов: общественный климат, работа, товары и услуги, досуг и отдых, природные условия, жилье, образование, медицинское обслуживание.

По итогам анализа результатов опроса населения составлен общий профиль качества жизни в Омской области, оценена удовлетворенность населения качеством жизни в разрезе указанных компонентов.

2.4. Оценка сильных и слабых сторон социально-экономического положения Омской области.

2.4.1. Сильные стороны социально-экономического положения Омской области:

- благоприятный портфель кластеров;
- значительный ресурсный потенциал: кадровый, природный, инвестиционный;
- относительно низкая стоимость трудовых ресурсов;
- наличие города-миллионника, в котором сконцентрирована основная часть населения;
- развитый научно-образовательный комплекс и др.

2.4.2. Слабые стороны социально-экономического положения Омской области.

Использованию сильных сторон Омской области в значительной степени препятствуют слабые стороны, к числу которых относятся:

- низкий уровень развития и высокий износ инженерной, коммунальной и транспортной инфраструктуры, особенно в сельской местности;
- удаленность от крупных рынков сбыта;
- низкий уровень производительности труда в ключевых видах деятельности Омской области;
- зона рискованного земледелия;

– дефицит квалифицированных кадров, в особенности технических специальностей, и отток трудовых ресурсов в другие субъекты Российской Федерации, а также из сельской местности в городские поселения Омской области и др.

2.5. Возможности и угрозы социально-экономического развития Омской области.

2.5.1. Возможности социально-экономического развития Омской области:

- развитие кластера нефтепереработки и нефтехимии, агропищевого и лесопромышленного кластеров (производство продуктов с высокой добавленной стоимостью);
- развитие контрактного производства высокотехнологичных компонентов и систем;
- использование потенциала быстрорастущих рынков Центральной Азии (прежде всего Республика Казахстан и Республика Узбекистан) для увеличения экспорта продукции омских компаний и др.

2.5.2. Угрозы социально-экономического развития Омской области:

К потенциальным угрозам социально-экономического развития Омской области относятся:

- усиление оттока населения, утрата г. Омском статуса города-миллионника и, как следствие, сокращение объемов федеральной поддержки, потеря интереса со стороны организаций потребительского сектора;
- сокращение количества квалифицированных кадров;
- снижение государственного оборонного заказа;
- сокращение размера внутреннего рынка и др.

3. Видение будущего Омской области

Эффективная работа по реализации Стратегии учитывает возможные варианты и перспективы развития экономики Российской Федерации в целом. Для определения экономических и институциональных условий, в рамках которых предстоит развиваться Омской области, а также выявления возможностей и ограничений при выборе конкретной региональной политики разработаны различные сценарии развития Омской области.

3.1. Определены четыре возможных сценария развития Омской области:

- «Базовый»;
- «Сибирский лидер роста»;

- «Трансформация»;
- «Борьба за выживание».

При этом важно отметить, что в каждом из сценариев развития подробно описаны показатели и условия реализации. К сожалению, рамки доклада не позволяют описать процедуру разработки сценариев и их подробное содержание. Но исследователи понимают, насколько важно (и интересно) правильно сформулировать сценарии, чтобы не впасть в иллюзии и/или пессимизм.

3.2. Этапы реализации Стратегии.

Реализация Стратегии будет осуществлена в 3 временных этапа. Для каждого этапа определены основные «точки роста», развитие которых обеспечит наибольший темп социально-экономического развития Омской области. Для каждого этапа развития обозначены также основные направления, которые должны быть в центре внимания органов исполнительной власти Омской области на данном временном горизонте. Этапы реализации Стратегии:

- I. Становление ключевых секторов и кластеров (2013–2015 годы);
- II. Омская область – промышленный центр юга Западной Сибири (2015–2020 годы);
- III. Омская область – Центр культуры и ворота в Азию, «Сибирский лидер роста» (2020–2025 годы).

4. Стратегические цели и задачи социально-экономического развития Омской области до 2025 года

Стратегические цели социально-экономического развития Омской области ориентированы на достижение стратегического видения её будущего, основываются на результатах диагностики существующего состояния Омской области и включают:

- рост конкурентоспособности экономики области;
- улучшение качества жизни населения, в том числе выравнивание инфраструктурных различий сельских территорий области;
- повышение эффективности системы государственного управления области.

5. Основные направления роста конкурентоспособности экономики Омской области

Ускоренное развитие экономики Омской области имеет особое значение для реализации Стратегии. Рост производительности труда, повыше-

ние уровня оплаты труда и, как следствие, рост налогооблагаемой базы позволят сбалансировать консолидированный бюджет области и найти ресурсы для решения социальных задач её развития. В первую очередь, речь идет об ускоренном развитии выбранных приоритетных кластеров, во вторую очередь – о реализации общесистемных мер поддержки, включая развитие производственной, транспортной, энергетической и иной инфраструктуры, привлечение инвестиций, развитие малого и среднего предпринимательства.

Исходя из перспектив социально-экономического развития Омской области предполагается реализация следующих направлений достижения стратегической цели «Рост конкурентоспособности экономики Омской области»:

- развитие приоритетных кластеров;
- создание качественной и доступной промышленной инфраструктуры;
- развитие сектора электро- и теплоэнергетики;
- обеспечение роста сектора строительства и недвижимости;
- развитие транспортно-логистического сектора экономики;
- стимулирование развития малого и среднего предпринимательства;
- обеспечение территориального развития.

Нужно особо отметить, что в качестве основного, базового методологического инструмента социально-экономического развития выбран кластерный подход, который пронизывает все направления развития. О составе и структуре кластеров велись длительные и напряженные дискуссии, поскольку именно в этой методологии принципиально важно выделить ключевые ядра развития, вокруг и в развитии которых формируются и развиваются другие хозяйствующие или социально-экономические субъекты.

5.1. Развитие приоритетных кластеров.

5.1.1. Кластер нефтепереработки и нефтехимии.

Кластер нефтепереработки и нефтехимии объединяет основные производственные предприятия, работающие в сегментах нефтепереработки, нефтехимии, производства конечных изделий из нефтехимической продукции, а также организации, относящиеся к вспомогательным и поддерживающим сегментам.

В текущем состоянии кластер представляет собой сильную связку крупных конкурентоспособных компаний, реализующих практически все сырьевые возможности Омской области как для нефтепереработки, так и для нефтехимии. Тем не менее существуют возможности дальнейшего развития кластера, включая развитие газохимии, расширение переработки продукции открытого акционерного общества «Газпромнефть – ОНПЗ» (далее – ОАО «Газпромнефть – ОНПЗ») и закрытого акционерного общества «ВСП «Крутогорский нефтеперерабатывающий завод» (далее – ЗАО «ВСП «Крутогорский НПЗ») на территории Омской области, производство конечной продукции за счет переработки продукции промежуточных переделов.

Использование имеющегося потенциала и создание новых производственных мощностей по производству нефтехимической продукции предполагается на существующих производственных площадках в северной и восточной производственных зонах г. Омска, а также развитие новой производственной площадки в р.п. Крутая Горка на базе ЗАО «ВСП «Крутогорский НПЗ».

Приоритеты развития кластера нефтепереработки и нефтехимии:

- реализация потенциала максимальной переработки нефтехимического сырья, производимого ОАО «Газпромнефть – ОНПЗ», на территории Омской области;
- обеспечение максимальной загрузки шинных предприятий, находящихся на территории Омской области;
- развитие третьей производственной площадки кластера нефтепереработки и нефтехимии в р.п. Крутая Горка на базе ЗАО «ВСП «Крутогорский НПЗ» с кратным увеличением объемов переработки нефтяного сырья и строительством комплекса производств по выпуску нефтехимической продукции;
- создание промышленного парка, в котором разместятся современные высокотехнологичные компании из сегментов нефтехимии и изготовления конечных изделий;
- создание центра инжиниринга на основе существующих компаний;
- поиск стратегического инвестора для строительства пиролизных мощностей, содействие проведению оценки и бизнес-планирования, а также в случае целесообразности строительства обеспечение объекта необходимой инфраструктурой;

- создание кластерной ассоциации для повышения эффективности взаимодействия между участниками кластера нефтепереработки и нефтехимии, привлечения инвестиций, взаимодействия с органами исполнительной власти Омской области и федеральными органами государственной власти;

- привлечение новых инвесторов в приоритетные сегменты кластера через создание системы инвестиционных стимулов и активное позиционирование Омской области;

- достижение удовлетворения потребности в профессиональных кадрах предприятиями кластера за счет внутренних ресурсов Омской области, повышение квалификации существующих кадров;

- поддержка развития малого и среднего предпринимательства за счет содействия в формировании бизнес-планов и привлечения инвестиций в новые проекты;

- содействие развитию газохимических проектов на территории Омской области.

Ожидаемый результат – развитый сегмент среднетоннажной нефтехимии с большой глубиной переработки, конкурентоспособный на мировом уровне региональный центр инжиниринга.

Показатели развития кластера нефтепереработки и нефтехимии:

- рост производства кокса и нефтепродуктов в 2015 году к уровню 2011 года на 13%, в 2020 году – на 25%, в 2025 году – в 1,3 раза;

- рост производства химической продукции в 2015 году к уровню 2011 года на 2,8%, в 2020 году – на 47%, в 2025 году – в 2,1 раза;

- рост производства резиновых и пластмассовых изделий в 2015 году к уровню 2011 года в 1,4 раза, в 2020 году – в 1,9 раза, в 2025 году – в 2,5 раза.

5.1.2. Агропищевой кластер.

Развитию агропищевого кластера способствуют историческая специализация Омской области в сельском хозяйстве, что обеспечивает базу для роста с точки зрения наличия кадровых ресурсов, развития институциональности и компетенций, включая сферу семеноводства и селекции зерновых и масличных культур, а также ряда конкурентоспособных компаний-переработчиков и производителей сельскохозяйственной продукции, развивающихся производителей сельскохозяйственной техники.

Приоритеты развития агропищевого кластера:

- создание кластерной ассоциации для повышения эффективности взаимодействия между участниками агропищевого кластера, привлечения инвестиций, взаимодействия с органами исполнительной власти Омской области и федеральными органами государственной власти;
- развитие секторов кластера в растениеводстве и животноводстве за счет внедрения углубленной специализации, современных агротехнологий, повышение обеспеченности участников кластера качественными семенами и племенным материалом;
- содействие продвижению продукции местного производства, в том числе за счет создания в рамках кластера сбытовых организаций и развития экспорта продукции кластера;
- стимулирование повышения эффективности перерабатывающих производств и содействие их технологической модернизации;
- создание благоприятных условий для ведения бизнеса и инвестиционного климата для привлечения в кластер организаций перерабатывающей промышленности, иностранных инвесторов;
- выделение новых продуктовых сегментов, подготовка концепций и программ их развития и привлечение организаций во вновь создаваемые сегменты;
- содействие продвижению продукции местного производства, в том числе за счет создания агрологистических центров;
- создание сети сервисных центров для оказания услуг сельскохозяйственным организациям (консультационных, технических, информационных и др.);
- содействие развитию личных подсобных хозяйств, различных форм мелкотоварного производства в сельской местности как важной составляющей части агропищевого кластера, направленной на производство экологически чистой продукции (молочной, мясной и овощной);
- внедрение системы контроля качества и безопасности сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, производимых на территории Омской области;
- привлечение молодых специалистов в агропищевой кластер путем предоставления им мер государственной поддержки, повышение квалификации кадров в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности;
- развитие учебно-производственной базы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профес-

сионального образования «Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина», государственного научного учреждения «Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук», образовательных учреждений среднего профессионального образования, осуществляющих подготовку специалистов для агропищевого кластера;

– обеспечение условий предоставления субсидий организациям агропищевого кластера в соответствии с приоритетами его развития и информирование организаций о существующих мерах поддержки;

– содействие повышению эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения за счет обновления мелиоративных технологий и увеличения объема внесенных удобрений, вовлечения в оборот неиспользуемых площадей;

– создание агропромышленного парка, обеспечивающего доступ резидентов к инфраструктуре, централизованную переработку и сбыт продукции, способствующего повышению эффективности интеграционных процессов;

– развитие существующих и создание новых организаций сельскохозяйственного машиностроения на территории Омской области, в том числе на условиях государственно-частного партнерства.

Показатели развития агропищевого кластера:

– рост производства сельскохозяйственной продукции в 2015 году до уровня 2011 года, в 2020 году – на 20% к уровню 2011 года, в 2025 году – в 1,4 раза;

– рост переработки зерна на муку, крупу, комбикорма и другие цели в 2015 году до 1,8 млн. тонн, в 2020 году – до 2,3 млн. тонн, в 2025 году – до 2,8 млн. тонн;

– рост переработки зерна на муку, крупу, комбикорма и другие цели в общем балансе ресурсов зерна Омской области в 2015 году до 31%, в 2020 году – до 36%, в 2025 году – до 41%;

– рост производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака в 2015 году к уровню 2011 года в 1,2 раза, в 2020 году – в 1,7 раза, в 2025 году – в 2,1 раза.

5.1.3. Кластер высокотехнологичных компонентов и систем.

Это относительно новый кластер, который развивается на базе высокотехнологичных производств. С этим направлением в наибольшей степени связываются перспективы развития Омской области.

Производство высокотехнологичных компонентов и систем рассматривается как общий кластер, объединяющий организации Омской области в таких секторах, как производство радиоаппаратуры, компонентов и систем для аэрокосмической промышленности и энергетики, систем управления и охраны, компонентов систем вооружения. Основу кластера составляют оборонные предприятия с высокотехнологичными производствами, базирующимися на достижениях современной науки.

Успешная реализация Стратегии будет способствовать созданию в долгосрочной перспективе (к 2025 году) успешного экспортирующего кластера, включающего высокопроизводительные компании, ориентированные на экспорт и интегрированные в глобальные цепочки создания стоимости и развитую экосистему поставщиков. В среднесрочной перспективе (к 2017 году) реализация Стратегии приведет к развитию производств промышленной и бытовой электроники, оборудования для нефтегазодобычи, приборов и средств связи, приборов и оборудования для медицины и жилищно-коммунального хозяйства; будет способствовать развитию интеграции вверх и вниз по цепочкам создания стоимости и превращению Омской области в крупнейший российский центр контрактного производства, а также в один из региональных российских центров программирования и оказания информационно-технологических услуг.

Показатели развития кластера высокотехнологичных компонентов и систем:

- рост производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования в 2015 году к уровню 2011 года на 15%, в 2020 году – в 1,6 раза, в 2025 году – в 2,2 раза;
- рост производства машин и оборудования в 2015 году к уровню 2011 года в 1,5 раза, в 2020 году – в 1,8 раза, в 2025 году – в 2,3 раза;
- рост производства транспортных средств и оборудования в 2015 году к 2011 года на 15%, в 2020 году – в 1,4 раза, в 2025 году – в 2 раза.

5.1.4. Лесопромышленный кластер.

Дискуссии о выделении этого кластера в основной велись длительно и наиболее напряженно. Тем не менее его наличие признано важным, особенно для северных территорий региона.

Лесопромышленный кластер включает в себя такие подсектора, как заготовка древесины, производство пиломатериалов, производство фанеры и шпона, производство древесного топлива, производство строительных, отделочных материалов, сборных деревянных конструкций и строений, производство тары из гофрированного картона.

Основными угрозами для развития лесопромышленного кластера Омской области являются ухудшение состояния лесного фонда и перерезание древесины, истощение эксплуатационных запасов древесины в зонах расположения действующих лесопромышленных организаций и транспортных путей.

Реализация Стратегии будет способствовать созданию в долгосрочной перспективе (к 2025 году) развитого экспортирующего лесопромышленного кластера, с фокусом на производство высококачественной экспортоориентированной продукции в ключевых сегментах, развитие сети поставщиков, интеграцию и укрупнение компаний по глубокой переработке древесины, развитие глубокой переработки отходов.

В среднесрочной перспективе (до 2017 года) в кластере предполагается развивать производство новых продуктовых сегментов, будет происходить расширение продуктовой линейки, а также рост экспорта продукции кластера.

Показатель развития лесопромышленного кластера:

– рост обработки древесины и производства изделий из дерева в 2015 году к уровню 2011 года – в 1,5 раза, в 2020 году – в 2 раза, в 2025 году – в 2,5 раза.

Другие направления развития хотя и не выделены в приоритетные кластеры, но имеют существенное значение и свои приоритеты развития:

5.2. Создание качественной и доступной промышленной инфраструктуры.

5.3. Развитие сектора электро- и теплоэнергетики.

5.4. Развитие сектора строительства и недвижимости.

5.5. Развитие транспортно-логистического сектора экономики.

5.6. Стимулирование развития малого и среднего предпринимательства.

5.7. Развитие связи.

5.8. Территориальное развитие Омской области.

Территориальное развитие Омской области в рамках Стратегии основывается на учете особенностей расселения, размещения производств на территории области. Отличие Омской области от других субъектов Сибирского федерального округа состоит в высокой концентрации населения и экономической активности в её административном центре – г. Омске и отсутствии в области иных значимых центров экономической активности.

Стратегия предусматривает предоставление всему населению Омской области, вне зависимости от места проживания, определенного стандарта социальных услуг и возможности трудоустройства. В то же время, с учетом реальной экономической ситуации и уровня развития инфраструктуры, набор социальных услуг и возможность выбора рабочего места в разных муниципальных районах области различается, поэтому необходимо содействовать оптимизации структуры расселения жителей области, если это не противоречит их желаниям и жизненным ценностям.

В разрезе экономической специализации выделяются три экономические зоны Омской области, в том числе:

– Центральная экономическая зона (г. Омск и прилегающие к нему и Транссибирской железнодорожной магистрали территории, относящиеся преимущественно к следующим муниципальным районам Омской области: Исилькульский, Москаленский, Называевский, Любинский, Марьяновский, Азовский немецкий национальный, Омский, Кормиловский, Калачинский, Оконешниковский, Нижнеомский);

– Южная экономическая зона (территории, относящиеся преимущественно к следующим муниципальным районам Омской области: Полтавский, Шербакульский, Одесский, Таврический, Павлоградский, Русско-Полянский, Нововаршавский, Черлакский);

– Северная экономическая зона (территории, относящиеся преимущественно к следующим муниципальным районам Омской области: Крутинский, Тюкалинский, Горьковский, Саргатский, Колосовский, Большереченский, Усть-Ишимский, Большеуковский, Тевризский, Знаменский, Крутинский, Седельниковский).

Предполагается, что на первом этапе реализации Стратегии основной «точкой» роста станет г. Омск и прилегающие к нему территории, вместе с тем на остальной территории Омской области будет обеспечена поддержка развитию предпринимательства, созданию (сохранению) рабочих мест и оказание необходимых социальных услуг. В Южной экономической зоне будет дополнительно развиваться экономическое сотрудничество с приграничными территориями Республики Казахстан.

На втором и третьем этапах реализации стратегии рост доходов областного бюджета позволит более активно поддерживать экономическое развитие Северной экономической зоны, включая добычу полезных ископаемых, оказание транспортно-логистических услуг, заготовку

и первичную переработку древесины, а также развитие внутреннего и въездного туризма, производство продуктов питания и биологически активных добавок из дикоросов, одежды и предметов быта из льняной продукции.

6. Основные направления улучшения качества жизни населения

Качество жизни населения Омской области должно характеризоваться высоким уровнем доходов, потребления товаров и услуг, комфортностью проживания, развитой системой социального обеспечения, ростом рождаемости, увеличением средней продолжительности жизни.

Исходя из перспектив социально-экономического развития Омской области предполагается реализация следующих направлений достижения стратегической цели «Улучшение качества жизни населения»:

- обеспечение качества и доступности здравоохранения;
- обеспечение качества и доступности образования независимо от места проживания и социального статуса семьи;
- развитие жилищного сектора и сектора жилищно-коммунального хозяйства;
- культурное развитие Омской области;
- обеспечение качества и доступности социальной защиты населения Омской области;
- развитие молодежной политики, оздоровление и отдых несовершеннолетних;
- обеспечение экологической безопасности и охраны окружающей среды.

По каждому из разделов в Стратегии выделяются приоритеты, рассчитаны конкретные показатели по этапам её реализации. Поскольку это имеет отдельное существенное значение для тематики социально-культурного развития регионов, то эти вопросы будут отражены в отдельных публикациях и отчетах.

7. Основные направления повышения эффективности системы государственного управления Омской области

Повышение эффективности системы государственного и муниципального управления Омской области обусловлено необходимостью синхронизации системы с происходящими на территории Омской области социально-экономическими изменениями.

В этой связи предполагается реализация следующих стратегических направлений:

1. Развитие системы стратегического планирования деятельности Омской области, в которую включены документы государственного прогнозирования Омской области и её программно-целевого и территориального планирования.

2. Повышение качества бюджетной политики через переход к системе государственных программ Омской области, разработка долгосрочной бюджетной стратегии, определяющей долгосрочную политику в сфере управления доходной и расходной частями бюджета, управления государственным долгом Омской области и в сфере межбюджетных отношений.

3. Внедрение стандарта деятельности органов исполнительной власти Омской области по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе.

4. Подготовка профессиональной и управленческой элиты – специалистов в сфере управления, в том числе государственного и муниципального управления, территориального развития, способных обеспечить устойчивое развитие Омской области. В рамках этого направления необходимо также активное участие Омской области в реализации Государственного плана подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в 2007/08–2014/15 учебных годах.

5. Повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг посредством внедрения современных информационных и телекоммуникационных технологий, развития принципа «одного окна» при предоставлении государственных и муниципальных услуг, организации обратной связи с потребителями государственных и муниципальных услуг, в том числе в форме проведения прямых телефонных линий, организации мониторинга качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг в Омской области, проведения социологических опросов населения о качестве и доступности государственных и муниципальных услуг.

6. Повышение открытости органов исполнительной власти Омской области и обеспечение доступа к информации об их деятельности.

8. Механизмы и инструменты реализации Стратегии

Опыт показывает, что даже самая лучшая стратегия может остаться суммой добрых пожеланий, если не будет подкрепляться действенными механизмами, обеспечивающими ее реализацию

Основными механизмами реализации Стратегии являются управление стратегическими проектами, межведомственная координация, система ключевых показателей эффективности для руководителей органов исполнительной власти Омской области, повышение квалификации государственных гражданских служащих и управленческих кадров для организаций народного хозяйства области, создание институтов её инвестиционного развития.

Механизм управления стратегическими проектами включает три инструмента: создание и функционирование проектного офиса по реализации Стратегии, проектных офисов в органах исполнительной власти Омской области, переход на государственные программы Омской области и обеспечение их реализации.

Механизм межведомственной координации включает инструменты, необходимые для анализа, мониторинга и корректировки хода реализации Стратегии:

- общественный экспертно-консультативный совет по стратегическому развитию и конкурентоспособности при губернаторе Омской области;
- инвестиционный совет при губернаторе Омской области;
- специализированный Интернет-ресурс, обеспечивающий доступ граждан к информации о ходе реализации Стратегии.

Ключевые показатели эффективности должны стать основой эффективного управления реализацией мероприятий в рамках Стратегии. Ключевые показатели эффективности будут устанавливаться для руководителей органов исполнительной власти Омской области и их заместителей в соответствии с их компетенцией. Подготовка ежеквартального отчета о достижении ключевых показателей эффективности обеспечит регулярный контроль достижения поставленных целей.

Таким образом, в рамках данного материала мы попытались представить структуру и основные акценты Стратегии развития Омской области в 2013–2025 гг. Как это часто бывает, конечный материал в виде документа не может охватить всей полноты проведенного анализа. Думается, что участники научного коллектива по разработке социокультурных портретов регионов России («портретисты России») наглядно увидели взаимосвязи с результатами исследований, которые мы проводили в последние четыре года.

Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова,
Москва

**Угорский проект
Сообщества профессиональных социологов
Новые социальные смыслы окружающей среды
(База СОПСО, село Угоры)***

Идея Угорского проекта родилась у Н.Е. Покровского после случайной покупки деревенского дома в Костромской области и постепенного перерастания первоначальной рекреационной мотивации горожан в нечто большее, в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села.

Все больше московских и не только московских ученых стало приезжать с научными целями в маленькую деревеньку Медведево в Угорской сельской администрации, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Проект развивался на базе Сообщества профессиональных социологов с привлечением экономистов, философов, психологов.

Ученых прежде всего интересовало нынешнее состояние российской деревни с ее традиционным укладом, сложными проблемами и перспективами на будущее. Ведь не секрет, что для коренных жителей больших городов и особенно столицы, деревня – это загадочный континент. Иногда складывается впечатление, что горожане вообще хотели бы забыть о самом существовании сельской России, как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации (Покровский, 2008). А ведь это 38 млн. жителей. Да и остров-то очень разнообразный для того, чтобы его хоронить.

* С согласия авторов текст перепечатывается из программы: IV Международная конференция Сообщества профессиональных социологов «Дезурбанизация и природный капитал: миграционные тренды, инфокоммуникация и новые сельские сообщества» (Россия, Костромская область, Мантуровский район, деревня Медведево, 9-11 мая 2013 года), СОПСО, кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. Подробнее о проекте см. сборник материалов конференции под тем же названием (М., 2013).

Во всем этом группе ученых и хотелось разобраться, отделяя мифы от реальности. Непрекращающийся кризис районов Ближнего Севера, перешедший в хронику, был налицо. Сама констатация кризиса ничего не дает. Но разобраться в его истоках и протекании самой болезни более чем важно. При этом, шаг за шагом исследуя нисходящую траекторию развития не только в последние 20 лет, но и в течение многих десятилетий XX века, участники проекта одновременно видели, сколь огромен потенциал этих регионов, изменяемых не сиюминутной экономической выгодой, а перспективной трансформацией экономики и социальной жизни.

Первые тезисы проекта включали следующие представления (Покровский, 2004): 1) в современной России город и село принадлежат к двум разделенным контентам социального уклада и живут отдельной жизнью; 2) в стране возникают смешанные сельско-городские сообщества, обозначающие формирование нового уклада новых социальных сил общества; 3) эти тенденции вписываются в глобализационный дискурс современности. Эти наблюдения возникли на фоне общей депрессии сельской жизни и особенно сельского хозяйства периферийных районов Нечерноземья в 1990–2000 гг., которые не только не привели к оукливанию местного мирка, но и, наоборот, способствовали подключению его к глобальным процессам.

Производство снизилось до критических величин, и назвать его товарным рыночным крайне трудно: поля остаются незасеянными и зарастают кустарником и лесом. При этом остается все меньше спелых лесов. Однако на этом фоне парадоксальным образом в села шагнули современные технологии. Сотовые телефоны стали повседневностью, хотя власти, истратив уйму денег, с большим опозданием поставили посреди каждой деревни стационарный телефон, который всюду зарос травой, поскольку им никто не пользуется. Во многих местах стал доступен Интернет. Над сельскими избами то тут то там громоздятся тарелки спутникового телевидения. К этому добавляется экспансия современных форм потребления, разнообразие которых демонстрируется районным центром с его современными магазинами и обширным ассортиментом товаров, не уступающим московскому. Продолжается автомобилизация населения – перед многими деревенскими домами стоят автомобили. При этом сильно отстают инфраструктура, в т.ч. дороги, даже федеральные, медицинское обслуживание и образование. Зато пенсионное обеспечение на высоте, что сделало сельских пенсионеров при их пониженных тратах на продовольствие при собственном огороде привилегированной кастой.

Эти контрасты обусловили и первые направления исследований по Угорскому проекту. Они были связаны с поисками ответов на вопросы:

- 1) обретает ли сельское население при сокращении численности некий внутренний баланс?
- 2) привлечет ли пустеющая сельская местность новую волну горожан?
- 3) что именно привлекает горожан и как можно регулировать эти процессы институционально и экономически, чтобы создать стимулы развития сельской местности?

Основные задачи исследования и идеи на начальных этапах разработки проекта сводились к следующему.

Исследовательская задача №1: обоснование ограниченности интерпретации природного капитала только как природных ресурсов (д.э.н. С.Н. Бобылев, Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова). Для успешного экономического роста необходим учет всех составляющих природного капитала, их способность приносить доходы и выгоды, как это и положено любому капиталу. В самом общем виде можно выделить три функции природного капитала: 1) ресурсная – обеспечение природными ресурсами производства товаров и услуг; 2) экосистемные/экологические услуги – обеспечение природой различного рода регулирующих функций: ассимиляция загрязнений и отходов, регулирование климата и водного режима, озоновый слой и т.д.; 3) услуги природы, связанные с эстетическими, этическими, моральными, культурными, историческими аспектами и своего рода «духовные» экологические услуги; обеспечение здоровья людей (Бобылев, 2004, 2008). Если первая функция природного капитала хорошо знакома и отражена в литературе учеными на протяжении веков, то экономическая интерпретация экологических услуг, как экосистемных, так и «духовных», еще только начинается.

Исследовательская задача №2: создать модель намечающейся новой волны миграции из городов в экологически чистые районы Ближнего Севера, т.н. «дауншифтинга» в среде нарождающегося городского среднего класса (д.с.н. Н.Е. Покровский, НИУ ВШЭ).

Одно из проявлений постиндустриальных матриц в российском обществе можно увидеть в возникновении на селе новых сельско-городских сообществ («агрегаций»). В наши дни достаточно многочисленные социальные группы жителей больших индустриальных городов приобретают на правах личной собственности дома и наделы земли в отдаленных селах и деревнях.

На поверхности этот процесс представляется в виде вынужденного шага со стороны тех горожан, которые не могут обеспечить себя и свои семьи средствами для полноценного и современно организованного отдыха (туризма, санаторного лечения и т.д.), хотя субъективно аргументация новоявленных «деревенщиков» может быть и иной. В ряде отнюдь не единичных случаев первоначально присутствующая чисто рекреационная мотивация горожан перерастает в нечто большее, а именно в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села, к ведению хозяйства, к экономической, политической и культурной модернизации сельских сообществ. Городская культура позволяет горожанам видеть огромные нереализованные возможности села во всех сферах жизни. Сельские жители, находясь часто в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать и уже стихийно создает и некие новые социальные структуры – сельско-городские (пока что незримые и нередко не распознаваемые) сообщества (Покровский, 2004).

Социальная база ожидаемых изменений связана с развитием так называемой «удаленной работы» и усилением миграционного оттока «креативного класса» из городов в разреженную сельскую местность (Покровский, 2008). В перспективе поменяются полюса притяжения мигрантов. Города перестанут быть наиболее привлекательными, а в удаленной сельской местности главным станет производство интеллектуальных продуктов, главенствующее значение приобретают информационные коммуникации и физическая мобильность. По идее, именно потребности снизу, а не планирование сверху должны трансформировать в будущем и инфраструктуру.

Исследовательская задача №3: изучить особенности проникновения глобализационной модернизации в разреженное депопулировавшее пространство, где все процессы проходят иначе, чем в городе (д.ф.н. В.Г. Виноградский, д.с.н. Н.Е. Покровский – НИУ ВШЭ).

Позиция участников проекта поначалу была довольно резкой: возврата к тотальному сельскому хозяйству в этом регионе не будет никогда (Покровский, 2007). Рыночная экономика подвела черту под старыми формами. Местная продукция нечерноземных периферийных районов слишком дорога по сравнению с продукцией, получаемой из регионов

Черноземья или на импортном сырье. Взамен этой фактически умирающей жизни предлагалось подумать о коммерческом использовании экологических ресурсов и туризма. Клеточная глобализация основана на выборочном постоянном заселении людьми свободных профессий районов Ближнего Севера и развитие отдельных очагов.

Впоследствии столь резкая позиция смягчилась. В 2006 году в проекте добавились географы, а следовательно, и новые подходы.

Для России поддержание экономической активности и инфраструктуры на огромных пространствах периферии регионов всегда было большой проблемой. Особенно проблематично выживание крупных сельскохозяйственных предприятий и сельских поселений в периферийных районах Ближнего Севера со сложными природными условиями и сильной депопуляцией населения. Но сельская местность, в т.ч. и Нечерноземье, очень разные и зависят от природных условий, особенностей исторического развития, степени удаленности от центра региона и основных осей развития.

Отсюда **исследовательская задача №4**: определить, для какого типа районов России и какой территории репрезентативен Угорский проект (д.г.н. Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН). Для этого сравнивались основные процессы депопуляции населения, динамики сельского и лесного хозяйства, землепользования и забрасывания угодий на севере и юге России. Костромская область сопоставлялась с соседними и более удаленными областями. Сильными оказались контрасты и внутри нечерноземных регионов, особенно между пригородами и периферийными районами. Угорский проект представляет собой исследование весьма типичной ситуации для довольно обширного макрорегиона, включающего периферийные районы Нечерноземья. Это примерно 80% Нечерноземной зоны и около 15% территории России. На юге село совсем другое, гораздо более полнокровное. А на более дальнем севере и востоке России, при той же и даже большей разреженности населения, его состав иной: оно обычно моложе, и там не было такой длительной депопуляции.

Исследовательская задача №5: выявление ограничителей и разработка конкретных моделей современного развития сельских территорий (д.г.н. Т.Г. Нефедова). Главным локальным ограничителем развития староосвоенных депопулирующих районов остаются социально-демографические факторы, необходимая квалификация и трудоспособность кадров даже при избытке незанятого сельского населения. В таких районах спонтанно

осуществляются модели экономики пространственного «хозяйственного сжатия» при его диверсификации (Нефедова, 2012). Таким образом, развитие идей проекта шло в русле поиска местонахождения очагов и направлений развития или сохранения сельской местности. Модели хозяйственного сжатия не остановят сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения и разнообразие занятий, спасут от тотального забрасывания земель и деревень. Для их выявления использовались не только статистические и картографические данные, но и глубинные интервью и анкетирование постоянного населения с помощью студентов и аспирантов, проходивших практику на базе Угорского проекта (Нефедова, 2008). Таких моделей несколько, причем они вовсе не исключают друг друга (Нефедова, 2010, 2012).

Первая модель — сельскохозяйственная, с сохранением отдельных агропредприятий, в основном вошедших в цепочки локальных или региональных агропромышленных структур или поддерживаемых муниципальными и региональными органами власти. Такие предприятия нуждаются в помощи государства именно как социальные институты для поддержания местной жизни.

Вторая модель связана с мелким частным хозяйством, хотя страта тех, кто способен активизировать деятельность, довольно узка: 10–15% (Нефедова, 2008). Поэтому такие районы нуждаются в специальных программах по привлечению мигрантов. Важным фактором оказывается степень включенности района в систему экономических связей (транспортная доступность, доступность рынков сбыта продукции и т.п.) и бюрократические издержки.

Третья модель в зоне тайги — это лесозаготовки и лесопереработка, хотя лесохозяйственная монофункциональность может стать тормозом развития. Нужны также специальные усилия для стимулирование видов деятельности, связанных с использованием природных ресурсов леса и воды. Во многих районах, где население активно собирает грибы и ягоды, необходимо стимулирование их закупки и переработки даров леса для насыщения крупногородских рынков и ликвидации такого абсурдного явления, как китайские и итальянские грибы на прилавках крупных городов.

Четвертая модель — создание достопримечательных мест — работает для малых городов и деревень, расположенных в особо живописных местностях, сохранивших неизменным архитектурный облик деревень или

имеющих ценные памятники истории и культуры, например, в долине реки Унжа от Кологрива до Макарьева. Их развитие как достопримечательных мест может быть закреплено специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровне. Это предполагает сохранение традиционного хозяйства населения при дополнительном финансировании, но не препятствует новым щадящим видам использования территории и ее ресурсов, не меняющим облик антропогенных ландшафтов.

Если же местного населения, кроме нетрудоспособных жителей, в сельской местности почти не остается, возможна реализация пятой модели специальной социальной поддержки местного населения. Ведь депопулировавшие деревни — это, по существу, самые дешевые дома престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечат. Но они требуют автолавок с продуктами, доступной медицинской помощи, регулярных автобусных маршрутов (а следовательно, и приличных дорог), доходящих до всех живых деревень. Эти мелкие на первый взгляд, но чрезвычайно важные дела — прямая задача региональных и местных властей наряду с поиском очагов роста и развития.

При этом крайне необходимо поддержание жизнедеятельности имеющегося населения хотя бы для сохранения социального контроля над обширной территорией, «полное одичание» которой чревато непредсказуемыми последствиями.

Исследовательская задача №6: оценка реальных перспектив проникновения горожан в сельскую местность и анализ новых социальных структур дачного реосвоения — «вторая жизнь глубинки» (д.г.н. Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН).

В отличие от дезурбанизации (переселение в сельскую местность на постоянное место жительства), случаи которой пока единичны в таких удаленных районах и более характерны для подмосковных пригородов, роль дачного развития удаленной от городов местности очень велика. Массовость российской сезонной дачной дезурбанизации, особенно связанной с покупкой домов в деревнях, не фиксируется статистикой. Поэтому чрезвычайно важны подобные локальные обследования сезонного присутствия горожан в деревне (Нефедова, 2008), которые проводились в рамках Угорского проекта. Все большее распространение получает феномен дальней дачи в тихом безлюдном живописном месте взамен или в дополнение к ближней даче, зажатой среди изгородей и коттеджей

Подмосковья (Нефедова, 2012). Процесс проникновения московских дачников в удаленные периферийные сельские районы начался еще в 1970–1980-х гг., стал более активным в 1990-м и набирает силу в 2000-х. Даже в таких удаленных на 600 км районах, как Мантуровский район и Угорское поселение в Костромской области, доля московских дачников достигает 50% собственников домов, а в сильно депопулировавших деревнях – 70–90%. Дачники сохраняют дома и целые деревни. Экономические стимулы, исходящие от дачников, способны занять часть местного населения, они создают спрос на услуги по ремонту и строительству домов, присмотру за ними. Мелкое индивидуальное хозяйство местного населения имеет шанс укрепиться, снабжая дачников продуктами. Приток дачников дает стимул к развитию торговли в соседних городах, хотя имеет и негативные последствия, задавая в сезон повышенные цены. Но главное – дачники, в основном интеллигенция среднего достатка, среднего и пожилого возраста, создают иную социальную среду в деревнях, в т.ч. и активизируют местное сообщество. Все это может способствовать задержанию местного населения. Именно рекреация может стать новым стимулом развития наиболее живописных срединных районов области вдоль Неи и Унжи между костромским пригородом и наиболее перспективным субцентром Шарьей. Главным экономическим ограничителем дачного развития периферии служит сильное отставание развития инфраструктуры и сервисного сектора, а демографическим – уход местного населения, так как без местного населения дачники в таких удаленных местах не задерживаются из-за разграбления домов зимой.

Особая исследовательская задача №7: возможности туристического развития столь живописных мест (к.г.н. А.В. Дроздов, Институт географии РАН). Сама главная ось, связующая несколько районов, – река Унжа с ее песчаными пляжами и лесистыми берегами может быть привлекательная для туристов с самыми разными вкусами – от байдарочников и любителей экологических троп до охотников на медведей и кабанов. Плюс заповедные природные участки (Кологривский лес), старинные города Кологрив и Макарьев с Макарьево-Унжеским монастырем, который уже стал местом паломничества, классические деревни Ближнего Севера с «домами-кораблями», вкупе с уродливыми советскими памятниками Севера (УжЛАГ и развалины ВПК) – все это можно сделать привлекательным (Дроздов, 2008, 2012). И даже частично утраченные объ-

екты, например усадьба «Отрада» Натальи Апухтиной, история жизни которой так похожа на описанную в «Евгении Онегине» (она сама считала себя прообразом Татьяны Лариной), могут олицетворять возможные места разворачивания известных каждому россиянину событий. Тем более что сохранилась церковь, в которой венчались Апухтина и генерал Фонвизин. Пример Угорского проекта позволяет показать, как можно использовать сочетание экологически сбалансированной природной среды и богатого исторического наследия.

Главные ресурсы рекреационного реосвоения внутренней периферии Костромской области, как дачного, так и туристического, – чистый воздух, вода, живописные ландшафты. Они вполне совместимы с другим бизнесом и могут даже подпитывать его, кроме крупных предприятий, уничтожающих этот экологический ресурс. Поэтому уже сложившееся и развивающееся дачное использование и возможные новые загрязняющие промышленные предприятия должны быть максимально разведены.

В связи с этим возникла особая **исследовательская задача №8**, связанная с экологическими рисками в связи с предполагаемым в 2000-х гг. строительством в г. Мантурово крупнейшего в Европе целлюлозно-бумажного комбината (Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова, М.С. Гунько). Специфика Угорского проекта состоит в том, что он рассматривает во взаимосвязи экономические, экологические и социальные последствия строительства комбината, который, безусловно, мог стать, как предполагали региональные власти, локомотивом развития Костромской области и ее восточных районов и обеспечить занятость части местного населения. Однако экологические последствия показали неперспективность этого проекта. И дело не только в загрязнении (современные технологии позволяют надеяться на сравнительно низкие риски загрязнения). Главным ограничителем станет уменьшающийся сток Унжи (при обратном водоснабжении воды в реке хватит на 12 лет) и низкие запасы древесины (на 26 лет). Все это делает проект экономически неэффективным (Гунько, 2012).

Пока же исследования по Угорскому проекту находят широкий отзыв научной общественности самых разных направлений. Ежегодно издаются сборники статей по результатам научных исследований. Его результаты активно используются и в других публикациях участников проекта. Работает сайт www.ugory.ru.

Четвертый раз в деревне Медведево проходит ежегодная международная научная конференция, на которую из-за уникальности места проведения собирается большое количество народа. В 2012 г. на конференции было сделано 50 научных докладов, выступали некоторые местные жители, рассказывая о своих проблемах.

Ближний Север заключает в себе огромный потенциал развития, связанный с новой организацией экономической и социальной жизни в контексте постиндустриального общества. При этом все то, что здесь сейчас ценится меньше всего, в перспективе приобретет наивысшую ценность и востребованность. Именно поэтому проект сочетает как объективный анализ современной ситуации и возможного ближайшего будущего, так и социальное моделирование того, что здесь может быть.

Само понятие «качество жизни» в настоящее время эволюционирует в сторону экологических ценностей (Покровский, 2008, Бобылев и др., 2008). Но этого не достаточно. Нужен элементарный комфорт и набор необходимых услуг. Пока сочетать достоинства городской и сельской жизни удастся не так далеко от городов. И главными ограничителями более стабильного вторичного заселения удаленных районов, помимо расстояний (добираться до Москвы 8–9 часов на машине и ночь поездом), служит плохое состояние дорог, отсутствие необходимой инфраструктуры и услуг. Самому населению, даже активным дачникам, этого не создать без институциональных изменений и трансформации мышления региональных властей.

Основные публикации участников проекта

1. Бобылев, С.Н. Экономические матрицы развития сельских сообществ: общее и частное / С.Н. Бобылев // Город и село в современной России: перспектива структурного воссоединения. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2004. – С. 41-60.
2. Бобылев, С.Н. Ландшафтный капитал и экологический туризм / С.Н. Бобылев, М.В. Палт, А.С. Шелест // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 10-26.
3. Гунько, М.С. Экологические и социально-экономические аспекты строительства ЦБК в Мантуровском районе Костромской области / М.С. Гунько // Настоящее и будущее Ближнего Севера: экономика, экология, сообщества. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012.
4. Дроздов, А.В. Экологический туризм: концепции и практика / А.В. Дроздов // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 26-56.
5. Дроздов, А.В. Потенциал эколого-культурного туризма в долине Унжи / А.В. Дроздов // Настоящее и будущее Ближнего Севера: экономика, экология, сообщества. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012.

6. Нефедова, Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей / Т.Г. Нефедова // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 98-120.

7. Нефедова, Т.Г. Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России / Т.Г. Нефедова // Северное село: традиции и инновации. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010. – С. 40-69.

8. Нефедова, Т.Г. Две жизни современной нечерноземной глубинки / Т.Г. Нефедова // Настоящее и будущее Ближнего Севера: экономика, экология, сообщества. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012.

9. Покровский, Н.Е. Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты / Н.Е. Покровский // Город и село в современной России: перспектива структурного воссоединения. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2004. – С. 4-41.

10. Покровский, Н.Е. Российский Севере: что в будущем? / Н.Е. Покровский // Перспективы российского Севера. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007. – С. 19-65.

11. Покровский, Н.Е. Северная Атлантида, исчезающая и возрождающаяся / Н.Е. Покровский // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. – С. 5-10.

12. Покровский, Н.Е. Туризм: от социальной теории к практике управления / Н.Е. Покровский, Т.И. Черняева. – М.: Логос, 2009.

13. Pokrovsky, N.E. Environmental and Post-Consumerism Ethics: From Thoreau's Walden to the Ugor Philosophy. Project in Kostroma, Russia // Future of Ethics. American Philosophies Forum. – Atlanta: Emory University Press, 2010.

А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина,
Вологда

Роль пространства в модернизации России*

Модернизация приобрела масштаб всемирного процесса и представляет собой объективно сложившийся глобальный вызов каждой стране. В последнее время в России активизировалась работа по осмыслению параметров этого вызова и формированию стратегии действий, которая позволит обеспечить безопасность и устойчивость развития нашей страны. О модернизации много говорилось и в политических выступлениях, и в периодической печати, и в научных исследованиях; лидерами страны ставились задачи, определялись ориентиры дальнейшего развития. С целью содействия устойчивому технологическому развитию экономики России, совершенствованию государственного управления программами модернизации в 2009 г. при Президенте Российской Федерации была создана Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России¹, впоследствии переименованная в Совет². Данные шаги ориентированы не только на модернизацию экономики и инновационное развитие, но и на совершенствование государственного управления в данной сфере, а это значит – улучшение инвестиционного климата в стране, налаживание частно-государственного партнерства. Однако до сих пор так и не произошло формирования благоприятной деловой обстановки, активизации инвестполитики государства, научно-технического и экономического прогресса.

Модернизация в масштабе страны невозможна без модернизации ее регионов, именно в них она реализуется. А при разработке планов модернизации страны (регионов) вполне закономерным представляется сопоставление ключевых параметров модернизации территории с развитыми

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №13-06-00898.

¹ Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России» от 20 мая 2009 г. №579 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95621/>

² Указ «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России» от 18 июня 2012 г. №878 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70190762/#block_1000

странами, странами-лидерами инновационного развития. Вследствие значительных территориальных различий в развитии России существует необходимость дифференциации подхода к определению уровня модернизации регионов. Требуется научно обоснованная стратегия конкретно для каждого федерального округа и региона (поддержанная населением и осуществляемая органами управления), которая учитывала бы проблемы, препятствующие модернизации данной территории.

Цель данного исследования – оценить разрывы в уровнях модернизации регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) и выявить факторы, сдерживающие и активизирующие процессы модернизации. Представляется полезным сравнение и рейтингование их по уровню модернизированности. Подобное изучение позволяет провести китайская методика оценки индексов и фаз модернизации, разработанная Центром исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН, Хэ Чуаньци)³. С 2001 г. ЦИМ КАН ежегодно рассчитывает индексы и фазы двух стадий модернизации и их интегрированного индекса для 131 страны мира (включая Россию), ранжирует их и прогнозирует основные ориентиры эволюции модернизации в мире. Имеются основания для применения методики ЦИМ КАН к измерению состояния и динамики процессов модернизации в регионах России. Основной вклад в адаптацию методики китайских ученых для измерения процессов модернизации в регионах России внес Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН, Н.И. Лапин)⁴, дополнив типологию качественных состояний модернизированности регионов России типами модернизированности, которые включают измерения и оценки как уровня, так и фазы каждой из двух стадий модернизации – первичной и вторичной⁵.

Согласно расчетам (проведены авторами в специально разработанной и запатентованной Информационно-аналитической системе «Модернизация») индекс ПМ Северо-Западного федерального округа (ФО) за

³ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь мир, 2011.

⁴ Лапин Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации // *Общественные науки и современность*. – 2012. – №2. – С. 53-57.

⁵ Лапин Н.И. О структурировании регионов России по их вовлеченности в процессы модернизации // *Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России*. VIII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». – Уфа: Гилем, 2012. – С. 89-98.

10 лет увеличился почти на 8% и в 2010 г. составил 99,7, что соответствует 2 месту в общем рейтинге федеральных округов России (1 место занимает Центральный ФО). В целом по округу к 2010 г. 9 из 10 учитываемых индикаторов ПМ были реализованы на 100%. Полной реализации (достижение 100%) препятствует недостаточно высокая ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) населения (в основном за счет смертности мужчин трудоспособного возраста). Подобная ситуация наблюдается в Мурманской области. В Вологодской, Калининградской, Новгородской, Псковской областях и Республике Карелия кроме ОПЖ сдерживающим модернизацию фактором служат низкие доходы на душу населения. А в Архангельской, Ленинградской областях, Ненецком АО и Республике Коми – низкая ОПЖ и высокая доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП (ниже 45% по стандартам ПМ). Избавление от этих «тормозов модернизации», даже при больших усилиях, вероятно не ранее 2020 г. Единственная территория, которая уже к 2008 г. достигла полной реализации ПМ, – это Санкт-Петербург.

В 2010 г. по сравнению с 2009 г. у 8 субъектов округа произошло снижение индексов ПМ на 0,1–0,7 единицы. Следует отметить, что у ряда регионов (Псковская область, Республика Карелия, Ненецкий автономный округ) при низких значениях индекса и темпы его роста невысоки. Так, например, у региона аутсайдера – Ненецкого автономного округа – индекс ПМ равен 92, а прирост за 10 лет составил всего 1 пункт. При сохранении существующих тенденций скорое завершение данного этапа модернизации проблематично, что показывают прогнозные расчеты (по инерционному сценарию, табл. 1).

Таблица 1. Перспективы модернизации регионов Северо-Западного федерального округа

Показатель	Факт				Прогноз	
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Число регионов, осуществивших ПМ менее чем на 99%	11	11	6	7	4	3
Число регионов, осуществивших ПМ на 99%	–	–	4	3	5	5
Число регионов, осуществивших ПМ на 100%	–	–	1	1	2	3

Источник: расчеты авторов с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

Анализ второго периода региональной модернизации, который является более новым и наукоемким и включает в себя экологизацию и глобализацию, отразил неготовность большей части территорий России соответствовать мировым стандартам. В 2000–2010 гг. российский тренд индексов ВМ вырос с 61 до 72, тем самым был преодолен рубеж среднего уровня и Российская Федерация поравнялась с Чехией. Пролонгация данных показывает, что к 2020 г. наша страна может войти в группу развитых стран, в которой индекс ВМ находится в интервале от 81 до 120. Однако одновременно с этим повышаются и применяемые стандарты, так как ежегодно растут индикативные социально-экономические показатели развитых стран. Поэтому, учитывая конкуренцию стран за преодоление порога, предположим, что темп роста в России может оказаться недостаточным для модернизационного прорыва. Региональные разрывы между индексами ВМ более широки, чем в индексах ПМ. В 2010 г., так же как и в ПМ, лидерами в РФ являлись города Москва и Санкт-Петербург, список дополнили Московская, Томская области и Центральный ФО. Значительная часть регионов страны имели средний уровень ВМ, причем половина из них занимали коридор ниже среднего уровня (табл. 2).

Таблица 2. Иерархия уровней вторичной модернизации регионов России (2010 г.)

Уровень	Низкий	Средний			Высокий
		Ниже среднего	Срединный	Выше среднего	
Индекс	30–50	51–60	61–70	71–80	Более 81
Федеральный округ	–	Южный (59) Северо-Кавказский (54)	Уральский (66) Приволжский (64) Сибирский (63) Дальневосточный (62)	Северо-Западный (79)	Центральный (84)
Число регионов РФ	3	38	30	9	4

Источник: составлено авторами с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

Таким образом, процесс региональной модернизации в нашей стране неравномерен и асимметричен, зачастую соседние по географическому положению территории имеют колоссальную разницу в индексе ВМ. Например, Санкт-Петербург опережает Ленинградскую область на 29 пунктов, Москва опережает Московскую область на 23 пункта.

Казалось бы, разница велика в обоих случаях, однако Ленинградская область занимает лишь 33 место в общероссийском рейтинге и соответствует только срединному уровню ВМ (равен 63), тогда как Московская область – 3 место (ВМ индекс равен 84). В первом случае предстоит приложить немалые усилия, чтобы повысить уровень ВМ.

Очевидна позитивная динамика субъектов СЗФО в период с 2000 по 2010 г.: все территории повысили уровень ВМ. В итоге 5 регионов (Республика Карелия, Архангельская, Новгородская, Вологодская, Псковская области) с низкого уровня поднялись сначала до уровня ниже срединного (2005 г.), а в 2010 г. три из них (Республика Карелия, Архангельская, Новгородская области) стали соответствовать срединному уровню. За 10 лет из группы с уровнем ниже срединного два региона (Ленинградская область, Республика Коми) перешли в группу со срединным, а один (Мурманская область) – стал иметь уровень выше срединного. Лишь Калининградская область хотя и имеет положительную динамику, однако из года в год соответствует уровню ПМ ниже срединного. Санкт-Петербург значимо выделяется среди всех территорий: ни один регион СЗФО не смог достигнуть планки, которую имел город в 2000 г. Подобное отличие обеспечивается за счет высокого индекса инноваций в знаниях, который в 3–12 раз превышает показатели в других регионах.

Наблюдается незначительная позитивная динамика индекса ИМ СЗФО в период с 2000 по 2010 г.: его значение выросло с 59 до 71, что соотносится с уровнем среднеразвитых стран (интервал от 53 до 83). Из трех групп параметров этого индекса наименее благоприятна ситуация в экономической сфере (индекс равен 56%). Однако при детальном рассмотрении региональной модернизации отметим, что наименьшие величины имеет индекс трансляции знаний (от 41 до 59) у всех территорий, за исключением г. Санкт-Петербурга (93). Подобный диссонанс получается в результате того, что северная столица обладает достаточно большой долей затрат на исследования и разработки в ВРП и число жителей, подающих заявки на патенты (на 1 млн. человек), в 6–13 раз превышает показатели соседних областей.

Для большинства субъектов СЗФО (за исключением г. Санкт-Петербурга) основными тормозами модернизации являются низкий ВРП и невысокий уровень научных исследований и инноваций. В современных условиях крайне важным становится интеллектуальное, исследовательское развитие, сохранение и укрепление элементов инновационной инфраструктуры. При этом важны не только количественные характеристики. Например, для того чтобы Вологодской области достиг-

нужь уровня региона-лидера (Мурманская область), необходимо увеличить показатели по НИОКР в 5–10 раз, а также качественные параметры вологодского интеллектуального присутствия: степень наукоемкости исследовательских институтов, качество фундаментальных и практических разработок. Курс на реализацию новых мегапроектов должен создать мощный импульс в ведущих отраслях областной промышленности — машиностроении, металлургии, деревопереработке, а также в отраслевых научно-исследовательских институтах⁶. В основу стратегии развития Вологодской области должен быть положен принцип наращивания и концентрации научного знания, а затем и производственного потенциала в наиболее перспективных направлениях, формирующих центры социально-экономической эффективности⁷.

Темпы и направленность инновационной модернизации в Мурманской области, где промышленный сектор формируют несколько крупных и средних ресурсных корпораций, в значительной степени зависят от внутренней корпоративной политики. Здесь успех инновационной модернизации зависит от совместных действий местной власти и бизнес-сообщества. Меньше всего финансовых ресурсов для инновационной модернизации в регионах-реципиентах федерального бюджета. Поэтому там необходимо активно использовать возможности российских и международных институтов развития, чтобы динамично осуществить процесс интеллектуальной трансформации экономической системы⁸. В эру экономики знания необходимо создание программы развития северных регионов, которая была бы обращена к вызовам инновационного развития, упрощению обмена информацией и знанием внутри СЗФО, между центром и периферией.

Таким образом, у всех субъектов СЗФО (наверняка, и России) существуют схожие барьеры, заключающиеся в низкой инновационной модернизированности. Приоритетом региональной политики должно стать создание условий для всемерной кооперации регионов в развитии территорий, решения общих проблем и реализации совместных проектов⁹. Для успеха в формировании инновационной экономики нужна нацио-

⁶ Пилясов А.Н. Контуры Стратегии развития Арктической зоны России // Арктика. Экология и экономика. — 2011. — №1. — С. 38-47.

⁷ Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Через кризис к модернизации // Философские науки. — 2012. — №7. — С. 20-31.

⁸ Пилясов А.Н. Прогнозное развитие регионов российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи и уроки зарубежных стратегий // Арктика. Экология и экономика. — 2011. — №2. — С. 10-17.

⁹ Там же.

нальная инновационная система институтов, социальных практик, укрепляющая достигнутые результаты и создающая реальные возможности движения по инновационному пути развития. При этом для преодоления главного препятствия, состоящего не в нехватке финансов, а в отсутствии квалифицированных управленцев, необходима совместная работа ученых, предпринимателей, инноваторов и представителей властных структур.

Модернизация – это стратегическая задача не только национального, но и регионального развития. Как показал анализ, ниже общероссийского тренда стоят все регионы СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга, который один «вытягивает» федеральный округ на позицию выше среднероссийского уровня. Основными принципами модернизации субъектов СЗФО в ближайшие годы должен стать переход от ПМ к ВМ. Естественно допустить, что даже соседним территориям понадобятся разные сроки для его осуществления. Инновации, знания и человеческие ресурсы должны стать главными источниками энергии, которые должны помочь в непростой конкурентной борьбе регионов в период модернизации. В российских регионах необходима модернизация смешанного типа с органичным использованием как передовых зарубежных достижений, так и возможностей собственного научно-инновационного потенциала.

Литература

1. Лапин, Н.И. О структурировании регионов России по их вовлеченности в процессы модернизации / Н.И. Лапин // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. VIII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». – Уфа: Гилем, 2012. – С. 89-98.
2. Лапин, Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации / Н.И. Лапин // Общественные науки и современность. – 2012. – №2. – С. 53-57.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер с англ. под ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь мир, 2011.
4. Пилясов, А.Н. Контуры Стратегии развития Арктической зоны России / А.Н. Пилясов // Арктика. Экология и экономика. – 2011. – №1. – С. 38-47.
5. Пилясов, А.Н. Прогнозное развитие регионов российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи и уроки зарубежных стратегий / А.Н. Пилясов // Арктика. Экология и экономика. – 2011. – №2. – С. 10-17.
6. Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России» от 20 мая 2009 г. №579 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95621/>
7. Указ «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России» от 18 июня 2012 г. №878 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70190762/#block_1000
8. Шабунова, А.А. Через кризис к модернизации / А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина // Философские науки. – 2012. – №7. – С. 20-31.

Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко,
Тюмень

Экономические механизмы формирования социальной структуры: модернизация или архаизация?*

Термин «экономический механизм» был введен в научный оборот во второй половине 1960-х годов, что в то время было вызвано потребностью описания социальных и производственных процессов в их взаимодействии. Как отмечают Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина, сильный всплеск интереса к термину «механизм» произошёл с начала 1980-х годов, когда в научный оборот стали входить такие категории, как «социальный механизм развития экономики», «механизм социального управления», «механизм стимулирования труда», «механизм демографического развития», «механизм социально-экономического развития региона» и др. [1, с. 77-78]. Важным признаком в самом термине «механизм» была возможность получения выигрыша при некоем минимальном усилии, использовании ресурсов для положительного эффекта. На первый план вышла научная проработка понятия «хозяйственный механизм», который представлялся системой взаимосвязанных форм и методов управления общественным производством и его составными частями. Считалось, что хозяйственный механизм выступает, с одной стороны, как специфическая форма проявления производственных отношений (планирование, нормативы, стандарты, цена, прибыль), с другой – используется на практике как определённый метод хозяйствования [1, с. 48]. Согласно приведенным источникам, именно экономически неэффективный затратный механизм хозяйствования и планирования в СССР породил бездумное расхищение национальных ресурсов, безнравственное отношение к природным богатствам, а отсутствие платы за землю и воду привело к таким последствиям, как деградация целых районов страны. Указывалось, что именно хозяйственный механизм является тем инструментом, с помощью которого аппарат управляет поведением социальных субъектов [1, с. 64].

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №12-03-00304.

По сути, в формулировку «хозяйственный механизм» были встроены те или иные социальные институты развития общества или социальные институты конкретного общественного устройства. Для повышения эффективности российской экономики в настоящее время необходимы институциональные реформы, которые могли бы реально гарантировать долгосрочные инвестиции, что привело бы к реализации долгосрочных целей бенефициаров – то есть долгосрочных целей выгодоприобретателей этих реформ. Актуальный сегодня вопрос – это формирование демократических институтов, развитие и реализация инноваций, переход от индустриальной к инновационной экономике [2, с. 8].

В экономической литературе под хозяйственным механизмом обычно понимается «совокупность процессов, организационных структур, конкретных форм и методов управления, а также правовых норм, с помощью которых реализуются действующие в конкретных условиях экономические законы, процесс воспроизводства» [3]. Некоторые авторы употребляют этот термин в том случае, когда некое исходное экономическое явление влечет за собой ряд других явлений, и поэтому для их возникновения не требуется дополнительных импульсов. В отличие от термина «хозяйственный механизм», часто используется термин «экономический механизм». Классическое понимание этого термина дал Л.И. Абалкин, когда он раскрывал содержание понятия «хозяйственный механизм социалистического общества». Объем понятия «экономического механизма» получился с достаточно сложной смысловой структурой, а именно: (1) формы организации общественного производства; (2) формы хозяйственных связей, благодаря которым осуществляется своеобразный «обмен веществ» в экономике; (3) структура, формы и методы планирования и хозяйственного руководства; (4) совокупность экономических рычагов и стимулов влияния на производство и участников хозяйственной деятельности [4]. Такое понимание экономического механизма является размытым: если в административно-плановой системе ему отводились исполнительские хозяйственные функции, то в рыночной системе он рассматривается как сочетающий саморегулирование деятельности хозяйствующих субъектов (рынок) с регулирующими функциями государства.

Нобелевская премия по экономике за 2007 г. вручена Лео (Леониду) Гурвицу (Leo Hurwicz), Роджеру Майерсону (Roger Myerson) и Эрику Маскину (Eric Maskin) за «основополагающий вклад в теорию эконо-

мических механизмов» [5, с. 4-26]. Согласно их представлениям, самое общее определение, которое можно применить к любому взаимодействию между экономическими субъектами, рассматривает его (такое взаимодействие) как стратегическую игру; а форму игры называют экономическим механизмом. Составной частью механизма, как правило, являются инструменты – ресурсы, которые не расходуются в экономическом процессе, но поддерживают его, которые также должны найти свое отражение в его структуре. Возникают естественные вопросы: что же такое экономический механизм – процесс или ресурс? И как соотносятся между собой такие экономические понятия, как механизм и процесс? В экономической теории распространение получило понятие «механизм», имеющее двойное толкование – как процесс и как ресурсы процесса [6].

Социальное поведение как «основной процесс» управления в ситуации сложной субоптимизации становится деятельностью, предполагающей некоторые личностно значимые социальные результаты – социальное вознаграждение в широком смысле этого слова. Этим вознаграждением может быть любое «благо»: знание, информация, комфорт, уважение, слава, доброжелательное отношение, власть, деньги, престиж, жизненные шансы и т.п., но обязательно социальное по своему источнику, которым распоряжается общество. В этом смысле поведение, направленное к социальному и экономическому реальному результату, и социальное управление ситуацией на уровне различных статусных групп есть всегда социальное отношение. Именно эта особенность социального и экономического взаимодействия дает основание рассматривать его как «основной процесс управления» на уровне субоптимизации, понимаемый как процесс сложного социального, экономического и институционального обмена [1, с. 64].

В качестве ещё одной модели операционализации экономического механизма в привязке к экономической региональной социологии как науке о взаимосвязях экономической и неэкономической сфер общественной жизни, взятых в «региональной проекции», может быть рассмотрена схема, составленная Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной на основе идей Н. Смелзера [7]. Н. Смелзер разделил всю общественную жизнь на две сферы, экономическую и неэкономическую (к последней он отнёс политику, культуру, этнические общности и родство, стратификацию), и, далее, ввёл понятие «социологические переменные», подразделяя их на две группы: действующие в сфере экономики и в неэкономических сферах.

В проекции на территориальную (региональную или мезоуровневую) структуру речь идет о социально-территориальной структуре субъекта экономической жизни. Изучение социального воспроизводства [8, с. 129] и социального механизма развития экономики гораздо более сложная задача, чем анализ определяющих такое развитие конкретных факторов или разных аспектов структурирования одного и того же «человеческого материала». Например, важно ответить на вопрос о том, как именно проявляют себя действующие в экономике общности, группы, роли, статусы, организации, формы власти, рынки (труда, услуг), коллективные действия, ценности, мотивы в том или ином регионе, городе или поселении [9, с. 164]. В центре внимания должно находиться также влияние социальных регуляторов на экономическое развитие [10, с. 49]. В данном контексте мы переходим к предмету и методу экономической социологии. К предмету экономической социологии Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина посчитали нужным отнести закономерности взаимодействия экономической и социальной сфер общества, экономических и социальных процессов (а не просто как «экономическая жизнь общества») [11, с. 4]. Недоиспользование социальных резервов развития советской экономики было связано именно с тем, что человеческий фактор в экономике почти не учитывался. Надо сказать, что и в настоящее время человеческий фактор в экономике стал снижаться. Целый ряд ключевых вопросов относительно связи социальной структуры и экономики поставила Р.В. Рывкина, а именно: из каких классов, групп и слоёв реально состоит современное общество; какова при этом их субординация; каковы критерии социальной дифференциации, какова динамика социальной структуры и механизмы её воспроизводства [12, с. 5-6].

Основой эмпирических данных является мониторинг, проводимый в Тюменской области на протяжении последних 8 лет. Объем и структура выборок представлена в табл. 1. Все выборки являются четырехступенчатыми (территория, половозрастная структура, образование) и репрезентируют население трех субрегионов: юга Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкого округа (ЯНАО) по половозрастной и образовательной структуре сельского/городского населения с учетом места проживания с ошибкой не выше 3% [13]. Исследования методологически основываются на инструментарии «Социокультурный портрет региона», разработанном в Институте философии РАН (ИФ РАН) под руководством чл.-корр. РАН,

проф. Н.И. Лапина [14], что позволяет сопоставлять результаты настоящего исследования с результатами общероссийского исследования, а также с данными общероссийского мониторинга, проводимого ЦИСИ ИФ РАН начиная с 1990 года, через каждые четыре года [15, 16]. В инструментарии содержатся как общие для всех регионов вопросы, так и вопросы, ориентированные на специфику данного исследования [16, 17, 18, 19].

Таблица 1. Объемы выборок, 2006, 2009, 2011, 2013 гг., Тюменская область

Регион	2006 г.		2009 г.*		2011 г.		2013	
	п	%	п	% взвешенные	п	%	п	%
Юг ТО	1715	42,9	1560	34,6 (39)	1271	41,9	1271	41,6
ХМАО	1285	32,1	1800	39,9 (45)	1301	40,7	1301	42,6
ЯНАО	1000	25	1150	25,5 (16)	482	17,4	482	15,8
Всего	4000	100	4510	100	5567	100	3054	100

* Проводилось взвешивание в разрезе субрегионов для приведения данных к сопоставимому виду, репрезентирующему население Тюменской области, включающей: ХМАО, ЯНАО, юг Тюменской области на дату опроса.

Для того чтобы оценить мнение населения по поводу социальной стратификации общества, были заданы вопросы: «*А теперь давайте уточним, к каким социальным слоям Вы относите себя: в своем городе (селе), в регионе и в масштабе всей страны?*» Эти вопросы позволяют выделить самооценку социальных слоев на уровне региона. Наиболее значительно выросла доля тех, кто затруднился с самоопределением (11, 16, 26, 25% соответственно в 2006, 2009, 2011 и 2013 годах; см. рис. 1.).

Более подробный анализ позволяет отметить, что гендерных различий практически нет, молодые люди до 34 лет относят себя к среднему слою чаще, чем другие возрастные когорты. Сужение нижних социальных слоев происходит в основном за счет тех, кто уклонился от ответа на данный вопрос. Чаще других отказываются от самоидентификации люди моложе 25 лет или старше 65 лет, не имеющие образования, жители средних городов, те, кто отвечает, что «денег не хватает на самое необходимое» по самоидентификации, мигранты и вынужденные переселенцы.

Рост экономики в период с 1999 по 2008 г. характеризовался ростом социального расслоения населения. Ситуация 2006 и 2013 годов с точки зрения оценки материального положения удивительно похожа (см. табл. 2 и 3). Фактически люди, ожидая общего ухудшения жизни в период кризиса, немного повышали свое самоотнесение в социальной статификации-

онной системе. В настоящее время, когда власти на всех уровнях победно отрапортовали о преодолении кризиса 2009–2011 годов в России, население приблизилось в своих оценках к докризисному уровню, но ситуация оценивается как крайне неопределенная.

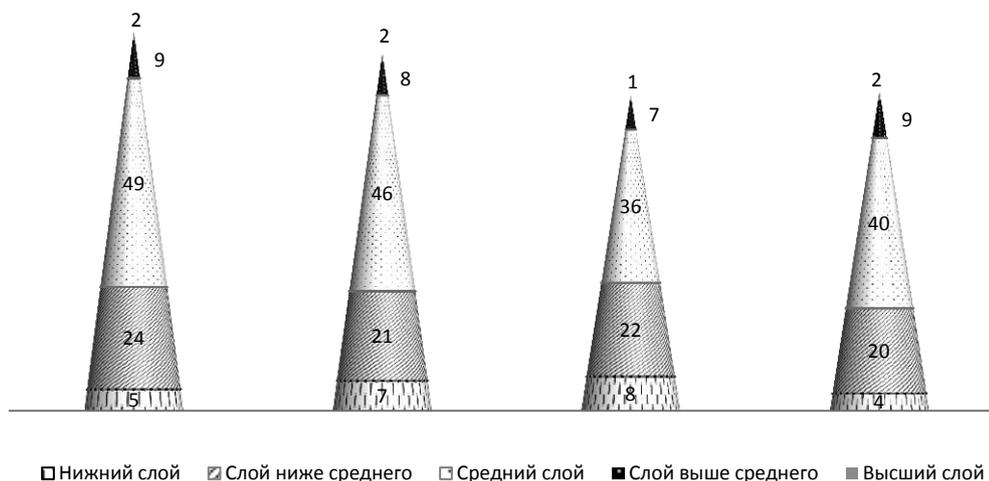

Рисунок 1. Динамика самоидентификации респондентами своего социального положения в масштабе региона (Тюменская область в среднем, % от числа опрошенных)

Социально-материальная самоидентификация населения по слоям (нищие, бедные, необеспеченные, обеспеченные и зажиточные) определялась следующим образом: «денег не хватает на повседневные затраты» – это «нищие»; «на повседневные затраты уходит вся зарплата» – «бедные»; «на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна» – «необеспеченные»; «денег в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов надо брать в долг» – «обеспеченные»; «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры» – «зжиточные»; «практически ни в чем себе не отказываем» – «богатые» (табл. 2 и 3).

Таблица 2. Социально-материальные слои в Тюменской области и России

Социально-материальные слои	Тюменская область				Россия в целом	
	2006	2009	2011	2013	2006	2010
«Нищие»	9	12	15	8	11	13
«Бедные»	13	14	18	13	22	19
«Необеспеченные»	16	19	18	15	21	21
«Обеспеченные»	31	30	25	31	29	31
«Зжиточные»	25	20	19	26	9	11
«Богатые»	5	4	4	5	2	3
Не знаю, отказ от ответа	1	1	1	2	6	3

Необходимо подчеркнуть, что число людей, относящих себя к «нищим» в когортах 16–55 лет, в России и в Тюменской области примерно сопоставимо, что вполне объяснимо, поскольку определённая доля «нищих» есть везде. Число людей, относящих себя к «зажиточным» в когортах 16–55 лет, в России и в Тюменской области становится уже несопоставимым: 9–11% по России и 19–26% по Тюменской области. Ведь Тюменская область, занимая 2-е после Москвы место по объёму валового регионального продукта (ВРП), относится к регионам-донорам российского бюджета, и она лидирует по уровню ВРП на душу населения и инвестициям в основной капитал. В Тюменской области более активно, чем в среднем по России, расширяется слой богатых и зажиточных, слой обеспеченных совпадает по численности с общероссийскими данными, а слой необеспеченных и бедных значительно тоньше. Слой зажиточных и богатых людей в области в 3 раза шире, чем в среднем по России, что является отличительной особенностью региона [15, с. 614].

Таблица 3. Социально-материальные слои в разрезе субрегионов Тюменской области

Социально-материальные слои	Юг ТО				ХМАО				ЯНАО			
	2006	2009	2011	2013	2006	2009	2011	2013	2006	2009	2011	2013
«Нищие»	9	11	17	9	11	15	17	8	7	9	12	7
«Бедные»	12	17	18	14	14	13	18	13	14	10	14	12
«Необеспеченные»	17	21	19	17	16	17	19	14	15	17	15	16
«Обеспеченные»	34	32	25	33	28	28	25	30	29	31	29	27
«Зажиточные»	23	16	17	21	26	20	17	29	27	27	24	30
«Богатые»	4	2	4	4	5	6	4	6	6	6	5	7
Нет ответа	1	1	1	2	2	1	1	1	2	1	1	2
Всего	100	100	100	100	102	100	100	100	100	100	100	100

Наши данные, наложенные на динамику всемирного финансово-экономического кризиса, дают уникальную возможность проанализировать, как оценивают люди свое материальное положение, каким образом они соотносят это положением со своим социальным статусом (см. табл. 1, 2, 3). Первый год наблюдений (2006-й) можно считать наиболее благополучным (предкризисным), далее, весной 2009 года, кризис уже наступил, но люди ещё не успели в полной мере осознать реальное ухудшение. Уже на этом этапе произошло небольшое расширение слоя «бедных» и «нищих» по самоидентификации. При этом тех, кто считает себя «нижним слоем в регионе», – почти в 2 раза меньше (5 и 6% в 2006 и 2009

годах соответственно). Люди ожидают общего снижения уровня жизни, поэтому ухудшение своего материального положения они связывают с общей динамикой. Далее, в 2011 году, существенно расширяются нижние «социально-имущественные» слои. Что удивительно, это происходит на фоне снижения доли тех, кто считает себя «нижним слоем в регионе», — до 1% в 2011 году. И только 2013 год показал практически полный возврат к предкризисному состоянию по социально-имущественной стратификации, но существенно худшее самоопределение по социальной структуре. Таким образом, к 2013 году, на фоне уверений о преодолении последствий кризиса, мы имеем наибольшую долю тех, кто отказался от самоопределения своего статуса (28%), и тех, кто относит себя к «нижнему» слою (10%). Это фактически отражает сбой в экономических механизмах формирования и воспроизводства социальной структуры региона.

За весь период наблюдений снизились различия между тремя субрегионами области в отношении неравенства доходов населения. Неравенство внутри субрегионов закрепляется, тогда как межрегиональные различия сглаживаются. Анализ динамики абсолютных и относительных доходов населения показал тенденцию дальнейшего снижения относительных показателей уровня жизни на юге области (без Тюмени) и рост этих показателей в Югре. Ямал характеризуется огромными разрывами по уровню доходов между городами и районами на уровне поселений.

Модернизация не может проходить в отрыве от формирования среднего класса, поскольку именно этот слой является основой современного общества во всем мире. В проекте «Социокультурные портреты регионов России» был взят стандартный набор показателей, позволяющий дать одну из возможных оценок объема среднего класса, характера его динамики (самоидентификация со средним слоем общества, самооценка материального положения — уровень обеспеченных и зажиточных и уровень образования — не ниже среднего специального) [16–19]. Как отмечала Л.А. Беляева, в России сформирован относительно небольшой средний класс, отвечающий основным идентификационным признакам (примерно 20–25% всего населения согласно данным на 2006 г.), и многочисленные, так называемые протосредние слои, представители которых обладают лишь частью признаков среднего класса (еще примерно 60%). Развитие среднего класса с 1998 г. составило примерно 1% в год (1998 г. — 9,4%, 2002 г. — 14%, 2006 г. — 22%) [19]. После кризиса доля среднего класса в России, согласно исследованиям Независимого института социальной политики, составила 20% от всего населения.

Таблица 4. Динамика численности средних слоев по уровню самоидентификации и среднего класса в Тюменской области, 2006/2013 гг. (% от числа опрошенных)

Уровень самоидентификации	Самоидентификация со средним слоем				Средний класс (по методике Л.А. Беляевой)			
	2006 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2006 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.
Город (село)	61	55	46	48	32	25	20	22
Регион	49	46	36	40	27	21	16	19
Страна	44	42	33	33	24	19	14	16

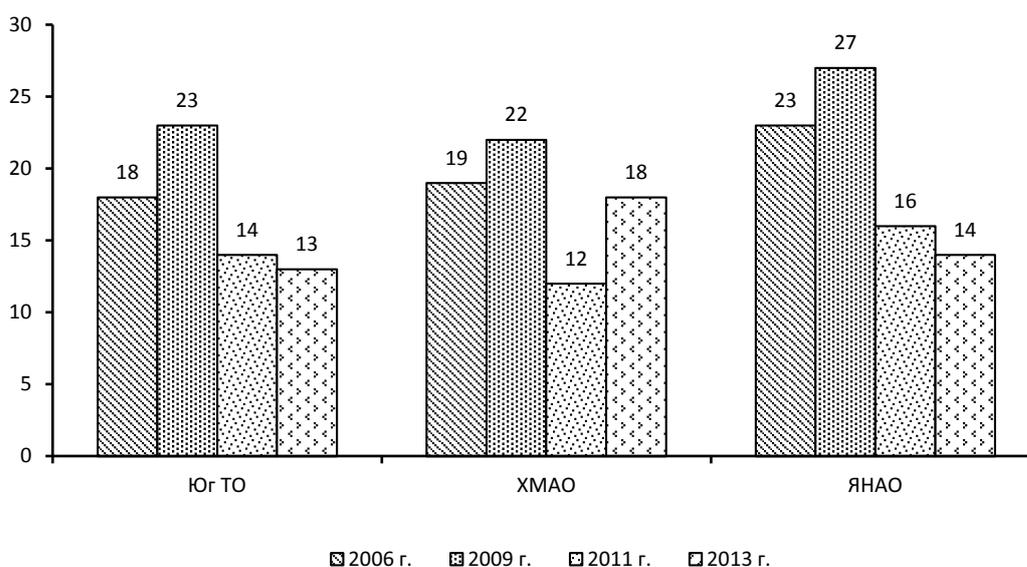

Рисунок 2. Динамика среднего класса в субрегионах Тюменской области (на уровне всей страны)

Всего в категорию среднего класса в Тюменской области по трем признакам в 2013 году попали 16% респондентов, которые отнесли себя к «среднему классу» на местном уровне, 19% – на региональном уровне, 22% – на общероссийском (табл. 4). Сокращение среднего класса происходило, начиная с 2006 года, и составило (для самоидентификации в размере всей страны) на юге Тюменской области 5%, в ХМАО – от 7 до 1%, в ЯНАО – 10% (рис. 2).

Можно заключить, что воспроизводство социальной структуры происходит в прямой зависимости от экономической ситуации (докризисный 2006 г., затем развитие кризиса 2009–2011 гг. и послекризисный 2013 год). Как и ожидалось, наименее благоприятным с точки зрения респондентов оказался 2011 год. Но процессы восстановления социальной структуры в разных регионах происходят по-разному.

Напомним, что юг Тюменской области, с преимущественно чиновничьим (в Тюмени) и сельским (в остальных поселениях) населением, находится в наихудшей бюджетной ситуации. Население Ямала в наибольшей степени зависит от внешнеэкономической конъюнктуры (цены на нефтегазовые ресурсы). Население ХМАО–Югры в наибольшей степени ощущает себя экономически и социально защищенным, проживая в одном из наиболее бюджетно обеспеченных регионов и работая (преимущественно) на обслуживании наиболее доходной для сегодняшней России отрасли (нефтегазодобыча, транспортировка и энергетика). Неудивительно, что именно в ХМАО структура среднего класса восстановилась практически до уровня 2006 года. Однако говорить о модернизации социальной структуры не приходится.

По-прежнему остаются в силе основные структурные проблемы: чрезвычайно низкий уровень инновационной, инвестиционной и социальной активности; доминирование в средних слоях бюджетников и чиновников всех уровней; слабая достижительная мотивация и неуверенность в своих силах.

Архаизация общественной жизни выражается также в неуклонном росте религиозных настроений, снижении оценок уровня гражданской активности, противоречия между декларируемыми ценностями (уровень современности которых в регионе относительно высок) и активностью граждан.

Источники

1. Заславская, Т.И. Социология экономической жизни: очерки теории / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991.
2. Состоится ли новая модель экономического роста в России? Докл. к XIV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2–5 апр. 2013 г. / Е.Г. Ясин, Н.В. Акиндинова, Л.И. Якобсон, А.А. Яковлев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – С. 8.
3. Райзберг, Б. Хозяйственный механизм / Б. Райзберг, Л. Лозовский, Е. Стародубцева // Современный экономический словарь. – 2-е изд. – Москва: ИНФРА-М., 1999.
4. Абалкин, Л.И. Избранные труды: в 4-х тт. / Л.И. Абалкин. – Т. II. На пути к реформе. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. Новый тип экономического мышления. Перестройка: пути и проблемы. – М.: Экономика, 2000.
5. Измалков, С.Б. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007) / С.Б. Измалков, К.И. Сонин, М.М. Юдкевич // Вопросы экономики. – 2008. – №1.
6. См. более подробно: Гиг Джон ван. Прикладная общая теория систем: Пер. с англ. – М.: Мир, 1981; Оптнер С.Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем / пер. с англ. С.П. Никанорова. – М.: Советское радио, 1969 (2008 – 2-е изд.).

7. Смелзер, Н. Социология экономической жизни / Н. Смелзер. – М.: Мир, 1965.
8. Федоренко, Н.П. Оптимизация экономики / Н.П. Федоренко. – М.: Наука, 1977.
9. Рязанцев, И.П. Социология региона / И.П. Рязанцев. – М.: КДУ, 2009.
10. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение РАН, 1999.
11. Заславская, Т.И. Экономика сквозь призму социологии / Т.И. Заславская // ЭКО. – 1985. – №7.
12. Рывкина, Р.В. Образ жизни сельского населения: (Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности) / Р.В. Рывкина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1979.
13. Демографический ежегодник: стат. сб. в 4-х частях / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – 2013. – Ч. 2. – С. 152.; Ч. 3. – С. 136.; Ч. 4. – С. 130.
14. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010.
15. Лапин, Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России / Н.И. Лапин // Мир России. – М., 2003. – №4.
16. Беляева, Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. Десять лет постсоветского развития / Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2001.
17. Социологический портрет Тюменского региона / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, В.А. Давыденко, В.В. Мельник, Г.Ф. Ромашкина, Г.С. Корепанов. – Тюмень: Тюменская областная Дума, 2007.
18. Тюменский регион: Югра, Ямал, юг Тюменской области / В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина и др. // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов»; составление и общая ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Академия, 2009. – С. 569-648.
19. Беляева, Л.А. И вновь о среднем классе России / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2007. – №5. – С. 3-12.

Л.А. Беляева,
Москва

Социальный капитал в регионах России: содействие или препятствие модернизации?

Успешность модернизации страны или региона зависит от целого комплекса факторов – природных, экономических, научно-технических, социокультурных, институциональных, психологических. Длительное время считалось, что экономический рост обеспечивается наличием физических, финансовых, человеческих, культурных ресурсов. Затем стали уделять большее внимание проблеме создания современных институтов развития. Но оказывалось, что эти институты не всегда успешно приживаются в обществе и не оказывают на его развитие ожидаемого действия. Существовало *нечто*, что препятствовало успешному развитию. Это *нечто* вновь возрождалось, когда ослабевало административное воздействие и контроль. Характерный пример – ситуация в регионах России. В советский период уровни развития человеческого и культурного капиталов в регионах в значительной мере были выравнены: сходные показатели имели образование населения, квалификация, профессиональная и социальная структура, отсутствовала или была небольшой безработица, существовала близкая по своим функциям система государственных институтов. Плановая экономическая политика, главенствующая роль государства содействовали постепенному выравниванию уровней развития регионов, хотя и в советский период существовали более развитые и менее развитые из них. Кроме того, в прошлом действовал единый идеологический масштаб взаимоотношений в обществе, который связывал субъекты экономических отношений, предписывая им нормы поведения, прививая такую систему ценностей, которая отвечала принципам коллективизма, подавления индивидуальности и личных интересов в пользу интересов общественных. Даже если учитывать формализм и поверхностность влияния идеологической пропаганды и контроля в последние годы, можно утверждать, что в обществе существовал довольно высокий уровень доверия между людьми и доверия институтам общества, что играло свою роль в осуществлении экономических планов.

С переходом к рыночной экономике большие надежды возлагались на развязывание творческой инициативы, раскрытие индивидуальности через реализацию частного интереса. Действительно, предпринимательство, индивидуальная трудовая деятельность опираются на эти принципы, но вместе с воплощением индивидуального, частного интереса в нашей стране оказались низведенными до минимального уровня ценности общественного взаимодействия, доверия между людьми, социальными группами и доверия институтам общества. А это то, что составляет важную часть *социального капитала*. Можно априори утверждать, что особенности и темпы модернизации в России и в регионах определяются характером социального капитала, созданного в последние два десятилетия.

Концепции социального капитала сегодня активно используется в изучении различных сторон жизни общества: сплоченности общества, роли социального капитала в деятельности частных фирм и корпораций, взаимодействия в сетевых структурах, в сетевом интернет-сообществе и т.д. Но при этом явно недооценены объяснительные возможности этой концепции в анализе российской модернизации – причин ее торможения или успеха в различных регионах страны и в определении путей ее развития. Можно определенно сказать, что экономическое развитие и модернизация зависят не только от экономических факторов, природных, человеческих и культурных ресурсов, есть еще *что-то*, что существенно влияет на это развитие – не только в позитивном, но и в негативном направлении. Это *что-то* – система отношений между людьми, группами, организациями, институтами, которая дает выгоды от сотрудничества, увеличивает результативность прилагаемых усилий. А это и есть простейшее определение социального капитала.

Проблемы социального капитала стали активно обсуждаться в последние 15 лет экономистами, социологами и политологами. Это понятие востребовано в междисциплинарных исследованиях. В отечественных публикациях основное внимание уделяется интерпретациям работ зарубежных специалистов и делаются отдельные попытки проследить существование и влияние социального капитала на локальные сферы общества [7].

Представим основные точки зрения на эту проблему, основываясь на взглядах тех ученых, которые положили начало ее разработке. Это, прежде всего, работы П. Бурдье, Р. Патнэма, Дж. Коулмена, Ф. Фукуямы и некоторых других ученых. Между их подходами существуют различия, и

пока не выработано общей позиции в интерпретации концепта «социальный капитал», методов его измерения и оценок воздействия на развитие общества. В чем сходны позиции исследователей, так это в исключении из социального капитала государственных институтов. Но институты общественные, институты гражданского общества — его неотъемлемая часть, более того, накопление социального капитал создает предпосылки для становления и развития гражданского общества. Всемирный банк, который проводит исследование проблем социального капитала в отдельных разных странах, определяет социальный капитал как «институты, отношения и нормы, которые формируют качественно и количественно социальное взаимодействие в обществе». Всемирный банк начал этот проект в 1996 г. и сейчас уже проведено несколько региональных исследований в различных странах мира, а самое главное — осуществляется международный сравнительный проект в большинстве стран мира. В России этот проект не институализирован.

Одним из первых понятие «социальный капитал» сформулировал *Пьер Бурдьё*, который отметил, что социальный капитал — это ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства. Социальный капитал дает преимущества, выгоды членам группы, является основой групповых солидарностей [10, с. 21]. Социальный капитал воплощается в социальных сетях, социальных нормах поведения, взаимных поддержках и кооперациях ради получения взаимной выгоды. Бурдьё показывает, что социальный капитал может быть использован для производства и воспроизводства неравенства путем доступа к занятию более высокого места в иерархии через использование социальных связей.

Джеймс Коулмен первым концептуально проработал понятие «социальный капитал», отметив, что в отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойствен структуре связей между акторами и среди них. Организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), так же как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов также могут создавать для них социальный капитал» [2, с. 124]. Коулмен определил сущность социального капитала, отличающего его от других форм капитала, как способность создавать общественное благо, поскольку актор или акторы, создающие социальный капитал, обычно получают только малую его часть. Этим объясняется то, с какой неохотой вкладываются инвестиции в социальный капитал [2, с. 124]. Коулмен считал, что социальный капитал — это

только *потенциал* взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: *обязательства и ожидания*, которые зависят от надежности социальной среды, *информационные каналы* социальной структуры и их способность к передаче информации и *социальные нормы*, нарушение которых сопровождается санкциями. Социальный капитал – это то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности, доверия и социальные нормы [2, с. 138].

Социальный капитал как характеристику взаимоотношений индивидов, других акторов довольно сложно оценить и измерить, поскольку он, как будет показано ниже, имеет сложную структуру и вследствие этого разную результативность, к тому же он действует в неодинаковых социальных контекстах. И все же социальный капитал оказывает воздействие на экономическое развитие, что продемонстрировали межстрановые и региональные исследования зарубежных ученых. Одно из таких исследований провел в Италии Р. Патнэм. Он определяет социальный капитал как «уходящие в глубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем» [4, с. 124]. Р. Патнэм изучает социальный капитал и горизонтальные связи людей и организаций преимущественно в позитивном ключе – как стимулы и условия для утверждения демократии, считая, что они являются мерой общественного здоровья. Он связывает экономическое развитие с наличием разных объемов социального капитала. Исследуя гражданские ассоциации и культуру гражданской вовлеченности в различных регионах Италии, Р. Патнэм показал, что состояние демократии, экономические достижения на Севере и Юге Италии зависят от объема социального капитала, накопленного здесь в ходе исторического и политического развития. Большой объем социального капитала в северных провинциях также положительно влияет на качество регионального управления.

Р. Патнэм разработал трехфакторную модель социального капитала: *нормы взаимности, доверие и социальные сети*, которая позволяет измерять социальный капитал с помощью индивидуальных индикаторов. Посредством их агрегации получают групповые или территориальные показатели. Возникло такое понятие как «группы Патнэма» – это те группы,

которые работают на улучшение жизни других людей и всего общества. В отличие от этих групп существуют группы Олсона [11] – те, которые преследуют собственные цели и вступают с другими группами в конкурентную борьбу за обладание ограниченными ресурсами, используя свой социальный капитал для получения ренты, но не для развития, что сдерживает экономический рост.

Френсис Фукуяма определяет социальный капитал как набор неформальных норм взаимодействия, которые способствуют сотрудничеству между двумя и более лицами [12]. Потенциально эти нормы существуют в отношениях со всеми людьми, но актуализируются они только в реальных человеческих отношениях. Согласно определению *Ф. Фукуямы*, доверие, сети, гражданское общество возникают в результате функционирования социального капитала, но не являются составляющими социального капитала. *Фукуяма*, полемизируя с Патнэмом, обратил внимание на то, что внешнее влияние социального капитала группы может быть и положительным, и отрицательным. Он приводит пример Ку-Клукс-Клана или мафиозных структур. Такие группы тоже имеют определенные нормы, которые позволяют им достигать своих коллективных целей, в этом смысле они тоже обладают социальным капиталом. Но их воздействие на большое общество негативное.

«У общественного капитала, этого материализованного доверия, играющего принципиальную роль в создании здоровой экономики, – культурные корни. Поскольку и по своему существу, и по своему бытованию культура есть нечто абсолютно нерациональное, утверждение, что она влияет на экономическую эффективность, может на первый взгляд показаться парадоксальным. Действительно, в качестве предмета научного исследования она постоянно обнаруживает свою неуловимость» [8, с. 65]. И тем не менее, пишет *Фукуяма*, «человек есть существо фундаментально эгоистичное и... он реализует свой эгоистический интерес рациональным путем... Однако есть в нем и нравственная сторона, заставляющая его чувствовать обязательства перед себе подобными, – сторона, которая нередко конфликтует с его эгоистическим инстинктом. Как явствует из самого слова «культура», наиболее сложные этические правила, по которым живет человек, всегда произрастают на почве повторения, традиции и примера. Эти правила могут отражать глубокую «адаптивную» рациональность, они могут служить экономически рациональным целям, наконец, в ограниченном кругу индивидов они могут быть результатом рации-

онально достигнутого соглашения. Однако от поколения к поколению они передаются как нерациональные навыки общественной жизни. Эти навыки, в свою очередь, гарантируют, что поведение людей никогда не будет сводиться к голой максимизации эгоистически понимаемой полезности, о которой твердят экономисты» [8, с. 80]. Этические принципы в формировании социального капитала приобретают особую значимость в современной России, когда произошла смена общественных ориентиров и были ослаблены идеологические скрепы общественной жизни. Добросовестность, честность, искренность, правдивость – это те этические правила, которые способствуют росту социального капитала. Напротив, ложь, притворство, обман разрушают социальный капитал.

Практически все исследователи социального капитала отмечают его тройственную структуру: нормы, доверие, сети. Все эти элементы связаны друг с другом: сети необходимы для передачи информации, налаживания контактов, они способствуют распространению норм взаимодействия, нормы и доверие укрепляют и содействуют расширению сетей и контактов и снижению транзакционных издержек при взаимодействии.

Можно выделить три уровня социального капитала. Первый уровень – частный социальный капитал, которым обладает индивидуум по факту своего рождения, принадлежности к семье, этническому сообществу, «малой родине», землячеству, или являясь членом какой-то малой группы и т.д.; второй уровень – уровень предприятия, организации, корпорации; третий уровень – общественные организации, профессиональные объединения, международные сообщества и другие негосударственные организации. Некоторые исследователи не рассматривают частный социальный капитал в качестве самостоятельного вида, включают его в человеческий капитал, считая, что социальный капитал – это только общественный ресурс, хотя он может приобретать вид персонального социального капитала при использовании общественных связей с целью достижения личной выгоды [5, с. 53].

Таким образом, социальный капитал можно рассматривать, по меньшей мере, в двух измеряемых масштабах. Первый – это капитал общностей, которые влияют на получение выгод во вне себя, они дают импульсы к совершенствованию тех или иных сторон жизни ближайшего или дальнего окружения. Можно считать, что он имеет «большие круги» влияния, способствующие формированию для всего общества системы гражданских институтов, норм, ценностей.

Второй масштаб – это социальный капитал небольших, как правило, закрытых общностей, к которым относится семья, этническая община, землячество, предприятие, корпорация и т.д. Этот капитал формируется внутри общности, но он используется для адаптации и преуспевания во внешнем мире. Круги влияния этого капитала небольшие, но они способствуют выживанию группы, мобилизует ресурсы для коллективной защиты и развития. Важно изучать и учитывать в модернизации такую разновидность этого капитала, как капитал традиционных сообществ, особенно Юга России. Он ориентирован на воспроизводство накопленного исторического и бытового опыта, нравов, обрядов, технологий жизнеобеспечения и социальной активности. Традиционный капитал базируется на авторитете этнических норм, во многом обуславливает низкий уровень общего социально-культурного развития, бедность, незначительную урбанизированность, слабость современной индустрии. Для этого региона характерна множественность неформальных сетей, пронизывающих хозяйственную жизнь местных этнических сообществ, которая отчасти служит фактором стабилизации и выживания [3, с. 109-117]. Вместе с тем значимость неформальных сетей в социальном капитале этого региона создает значительные трудности для его модернизации.

Роль социального капитала в решении проблем модернизации общества нельзя переоценивать, как нельзя им и пренебрегать. При решении задач модернизации можно сделать ставку на проведение институциональных реформ, повышать активность государственных органов. Но в современной России в отсутствие или из-за слабости гражданского общества государственные институты не могут эффективно выполнять свои функции, поскольку они не контролируются обществом и не корректируют свою деятельность в соответствии с общественными потребностями. Сильное государство не обязательно эффективное государство.

Различия в объемах, структуре и качестве социального капитала необходимо учитывать при разработке стратегии модернизации каждого региона. Разный уровень готовности регионов к демократии и самоуправлению – это отправная точка в наращивании социального капитала в соответствии с традициями и опытом социального взаимодействия. В тех из них, где слабы или отсутствуют «группы Патнэма», работающие на общее благо, могут доминировать «группы Олсона», работающие на внутренние интересы групп. Эти последние группы часто носят криминальный или антиобщественный характер. Под их воздействием подвергаются корро-

зии государственные функции управления, т.к. на них оказывают влияние частные или узкогрупповые интересы. Качество социального капитала в России, его двойственная природа противоречивы. Н.М. Плицкевич выделяет две формы социального капитала: одна поддерживает монополизм в тех или иных сферах, другая, антипод первой, типична для постиндустриального общества и проявляется в широких социальных связях, образующих структуры гражданского общества, способствующих процессам обмена информацией, созданию гибких сетей для решения все новых и новых задач. Надо ли говорить, что первая форма главенствует в России, особенно в некоторых регионах, национальных республиках, где она препятствует развитию гражданского общества.

Социальный капитал и капитал культурный могут вступать между собой в противоречие и в конфликт, например, при распределении дефицитных благ и ресурсов. Назначение на должность по признаку родства, землячества, принадлежности к определенному клану в ущерб знаниям, опыту, образованию, нравственным качествам, другим показателям культурного капитала нередкое явление в современном обществе и, конечно, в России. Взятка, подношение, подарок в таком обществе, как российское, служат укреплению социального капитала, хотя они официально и порицаются, но в реальности широко используются для получения поддержки и выгоды от нужного знакомства.

Л. Полищук и Р. Меняшев отмечают интересный *парадокс*: социальный капитал влияет не только на политические стимулы чиновников, но и на их внутреннюю мотивацию: политические элиты, будучи частью общества, выступают носителями преобладающих в нем норм и ценностей. Государство, призванное восполнить дефицит социального капитала, само нуждается в социальном капитале для надлежащей работы, и, следовательно, в отношениях между формальными институтами и социальным капиталом сосуществуют элементы взаимной заменяемости и дополняемости. Такой двойственностью объясняется *парадокс социального капитала*, когда в обществах с дефицитом доверия и гражданской культуры высокий спрос на государственное регулирование сочетается с недоверием к государству и недовольством работой органов власти. Можно говорить об *односторонней* взаимозаменяемости социального капитала и государства: изобилие социального капитала позволяет обойтись «меньшим государством», а восполнение нехватки социального капитала государственным контролем и формальными институтами

может оказаться неэффективным, и в этой ситуации взаимная дополняемость преобладает над взаимозаменяемостью. Причина такой асимметрии заключается в том, что социальный капитал «автономен» от государства в значительно большей степени, чем государство от социального капитала [5, с. 51].

Социальный капитал существует в двух формах: институциональной – как общественные объединения, организации, органы самоуправления и когнитивной – как правила поведения, нормы, ценности, доверие между людьми и институтами. Социальный капитал возрастает, когда он используется и, напротив, сокращается, если он остается без употребления. Он может быть полностью утрачен при определенных обстоятельствах, например, связанных с утратой доверия к субъекту отношений. Даже на тех территориях и регионах, где слабый, неразвитый социальный капитал, можно его укреплять и наращивать, поддерживая общественные объединения, вступая с ними в продуктивный диалог, и, напротив, можно уничтожить его даже слабые ростки, создав невыносимые для него условия, прибегая к шантажу, перекрыванию финансовых источников существования и другим формам репрессий.

Проблемы измерения влияния социального капитала на модернизацию

Специального изучения этой проблемы, насколько мне известно, не проводилось, но имеются исследования, показывающие связь экономического развития стран с наличием социального капитала. Как правило, это сравнительные исследования – межстрановые или межрегиональные. Помимо упоминавшегося выше исследования Патнэма отметим и другие. Сразу подчеркнем: нельзя сказать, что достигнуты желательные, непротиворечивые результаты, но в отдельных исследованиях удалось выявить определенные закономерности. Для оценки действенности социального капитала необходимо располагать количественными индикаторами последнего, но определить их довольно сложно, поскольку речь идет о нематериальных и далеко не всегда доступных прямому наблюдению характеристиках. Поэтому социологи-исследователи прибегают, как правило, к вербальным свидетельствам наличия социального капитала.

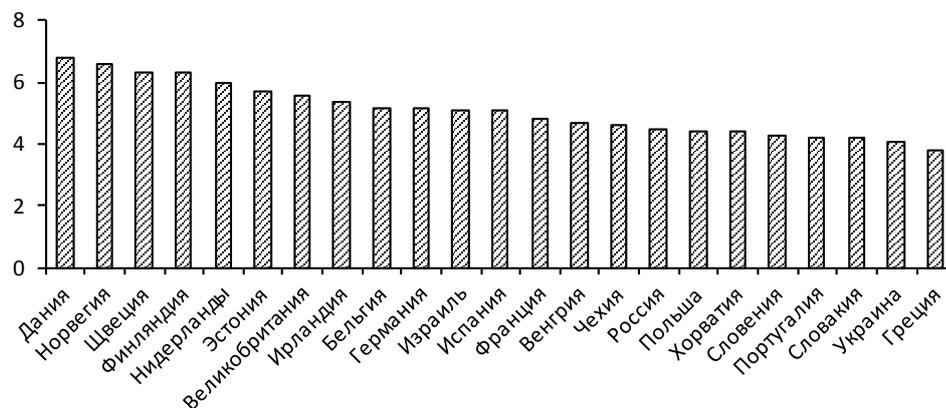
Материалы для эмпирического изучения социального капитала содержатся в нескольких межстрановых исследованиях. Это Европейское исследование ценностей (EVS – European Value Survey), Всемирное исследование ценностей (WVS – World Value Survey), Европейское социальное исследование (ESS – European Social Survey) и некоторые другие.

Методологические и методические особенности этих исследований в ракурсе изучения социального капитала и их сравнительные результаты анализируются в статье [1], авторы которой подчеркивают наличие трудностей в проведении межнациональных сравнений. Можно с уверенностью сказать, что межрегиональные исследования в России рождают не менее сложные задачи.

Одна из центральных – определение системы эмпирических показателей и индикаторов социального капитала. Здесь можно ориентироваться на показатели, которые были разработаны в исследовании Всемирного банка. Эти показатели составляют четыре следующих блока: 1) доверие к государственным институтам; 2) участие в голосовании; 3) членство в общественных организациях; 4) время, потраченное на участие в общественных мероприятиях. В каждом блоке измеряются как организационные, так и когнитивные формы социального капитала: группы и сети; доверие и солидарность; коллективные действия и сотрудничество; социальная сплоченность и интеграция; информация и коммуникация. Изучение социального капитала проводится в сравнительных исследованиях по странам мира и в отдельных странах и регионах, в эмигрантских общинах и т.д. При этом используются как количественные, так и качественные методы. Координацию национальных программ по измерению социального капитала осуществляют Всемирный банк (под эгидой которого была создана система измерения социального капитала SOCAT Social Capital Assessment Toolkit), ЮНЕСКО и ОЭСР¹.

Некоторый материал для сравнительного анализа социального капитала в России может дать Европейское социальное исследование (ESS). Прежде всего, по проблемам доверия в обществе. Доверие является ядром социального капитала. Три вопроса в анкете предлагают по 10-балльной шкале оценить доверие между людьми. Индекс образуется как среднее арифметическое этих оценок. Ниже приводится рисунок, на котором представлены индексы доверия по 23 странам. Как видим, Россия занимает 16-е место с индексом 4,47, опережая только 7 стран из 26-ти. Впереди России большинство стран с более высоким уровнем модернизации. Максимальный уровень доверия в Дании – 6,45.

¹ <http://go.worldbank.org/G089YV5RR0>

Индекс доверия (средний балл по 10-балльной шкале)
ESS-2010

Интересные наблюдения, характеризующие круги близкого общения в семье, с друзьями, с коллегами в России и других странах, участвующих в исследовании, можно получить, обратившись к ответам на вопрос: *Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками или коллегами по работе просто так, не по делам?* Оказалось, что наиболее общительными являются жители высокоразвитых, модернизированных стран (возможно, из-за материальных возможностей и большего свободного времени, чем в странах более низкого уровня развития, но скорее из-за существующих между людьми доверия, симпатии): один раз в неделю и чаще происходят такие встречи у 91% жителей Швейцарии, более чем у 70% жителей Бельгии, Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции. Часто общаются также португальцы (79%), израильтяне (77%) и испанцы (74%), что объясняется традиционно близкими отношениями в южных регионах. Но жители других стран заметно реже участвуют в таких встречах. Россия по этому показателю на предпоследнем месте (46%,) что превышает уровень общения только в одной стране — Венгрии (32%). Разобщенность и атомизация общества в России достигла высокого уровня: даже в семье не находят понимания в разных регионах от 30 до 60% людей.

Уровень доверия государственным институтам и общественным организациям в России — один из самых низких на фоне европейских стран. И это положение не изменяется за последние годы. Наше исследование показало, что в России очень низкий уровень доверия судебно-правовой системе, полиции, вообще широко распространено недоверие к окру-

жающим людям. По всем этим показателям Россия находится в последней пятерке среди 26-ти стран-участниц исследования ESS-2010. По регионам России прослеживается аналогичная тенденция (таблица).

**Доля населения, не доверяющего институтам правопорядка в регионах России
(валидный %)**

Регион России	Суд	Прокуратура	Полиция
Новосибирская область	31	35	55
Тюменская область	31	37	49
Красноярский край	34	39	54
Челябинская область	36	40	51
Свердловская область	33	36	51
Ульяновская область	33	37	55
Республика Татарстан	39	-	50
Республика Карелия	27	36	56
Пермский край	32	40	59
Тульская область	31	37	51
Омская область	15	22	38
Владимирская область	31	30	42
Курская область	36	34	48
Астраханская область	30	34	42
Смоленская область	32	43	62
Чувашская Республика	21	25	41
Республика Бурятия	15	22	38
Вологодская область	27	31	41
Республика Хакасия	35	37	53

Источник: подсчеты автора по базам социологических данных, созданных в регионах России.

Данные по регионам подтверждают общероссийскую тенденцию – большее недоверие полиции, чем другим органам правопорядка. Максимальный уровень недоверия – в Смоленской области (62%), минимальный – в Омской и Республике Бурятия (по 38%). В среднем по представленным в таблице регионам около 50% взрослого населения не доверяют полиции в России. Можно оценить этот уровень как критический.

Заметим, что на этом фоне в последние годы в России выросло участие населения в акциях, которые рассчитаны на оказание влияния на органы власти. Это одна из форм неконвенционального участия, более развитая в странах западной демократии, чем в восточно-европейских странах. Но в России потенциал протестного поведения довольно большой, и он (по материалам Всероссийского мониторинга) возрастает. Данные по регионам подтверждают это 30–47% населения регионов готовы при-

нять участие в акциях протеста и от 6 до 26% затруднились с ответом на этот вопрос. Можно предполагать, что последние будут действовать «по ситуации» и протестный потенциал возрастет. Распределение данных по регионам не дает пока оснований связывать его с уровнем модернизационного развития. Очевидно, влияют другие факторы, которые подлежат изучению.

Доверие – основа социального капитала и важный фактор гражданской идентичности. Низкий уровень доверия порождает «слабую» гражданскую идентичность. В России ее опережает идентификация с другими социальными общностями. По данным ESS, близость с жителями своей страны отмечают менее 75% респондентов, тогда как близость со своим поколением – 95%, людьми своей национальности – 83%, людьми такого же достатка – 82%. На территории России сейчас проживает более 150 этнических групп, у каждой из которых свое представление о национальной и гражданской идентичности. По данным отечественных исследований, у народов Кавказа доверие выше, а толерантность и характеристики гражданской идентичности ниже. Такой социальный капитал может способствовать сепаратизму. Природу «слабости» гражданской идентичности можно объяснить и тем, что почти все респонденты относительно недавно были гражданами другого государства – СССР, и их нынешняя российская идентичность сформировалась еще не до конца [9, с. 57-61].

Исследователи социального капитала отмечают, что доверие ниже в обществах полиэтнических, с большой долей иммигрантов, которые не ассимилированы в стране. Случай России как раз подтверждает это наблюдение. Самая большая доля местного населения, отмечающего напряжение в отношениях с приезжими, в Новосибирской области (45%), одном из наиболее развитых регионов России; самая меньшая доля – в Республике Чувашия (11%), регионе со слабо развитой экономикой. Другая ситуация в регионах с сокращающимся населением в староосвоенных районах Центра России. Показательна в этом отношении Смоленская область, в которой существует значительный отток местного населения, прежде всего молодежи, и на фоне депопуляции приезд большого числа лиц с иной культурной традицией воспринимается жителями остро негативно. Такие изменения в составе населения снижают общий уровень доверия, особенно такого доверия, которое сплачивает «группы Патнэма», но способствует возникновению групп, борющихся за ресурсы и защищающих интересы своей общности.

Можно с уверенностью сказать, что общества с развитым социальным капиталом, включающим высокий уровень доверия, сильную гражданскую идентичность, позитивные социальные связи и отношения, имеют более благоприятные возможности для модернизации, особенно современной – вторичной модернизации. Поэтому представляется чрезвычайно актуальным провести всестороннее сравнительное исследование состояния социального капитала в российских регионах, разработав для этого инструментарий, адаптированный для нашей страны. Это исследование может стать важной составной частью социокультурного портрета регионов России и представить материал для разработки проблем модернизации регионов России.

Источники

1. Адам, Ф. Социальный капитал в Европейских исследованиях / Ф. Адам, Д. Подменик // Социологические исследования. – 2010. – №11.
2. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – №3.
3. Лебедева, Н.Н. Социальный капитал и модернизация этноэкономики Юга России / Н.Н. Лебедева, О.А. Ломовцева // Общественные науки и современность. – 2006. – №2.
4. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – М., 1996.
5. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р. Меняшев // Вопросы экономики. – 2011. – №12.
6. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под общей ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. – М., 2009.
7. Стрельникова Л. Социальный капитал // Общественные науки и современность. 2003. – №2. – С. 33-41; Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвергенция // Там же. – С. 5-16; Сидорина Т.Ю. Социальный капитал и социальная политика российского предприятия // Исследование социальной политики. 2007. – №3. – С. 319-344; Татарко А.Н. Социальный капитал как объект психологического исследования. – М.: МАКС Пресс, 2011; Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. – №4. – С. 24-35; Лебедева Н.Н., Ломовцева О.А. Социальный капитал и модернизация этноэкономики Юга России // Там же. – 2006. – №2.; Плишкевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. – М.: Институт экономики РАН, 2012.
8. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 65.
9. Татарко, А.Н. Социальный капитал как объект психологического исследования: монография / А.Н. Татарко. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 57-61.
10. Bourdieu, P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson New York: Greenwood Press, 1986, p. 21.
11. Olson, M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
12. Fukuyama F. Social Capital and Civil Society. Prepared for delivery at the IMF Conference on Second generation reforms. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>

Е.А. Когай,
Курск

Динамика модернизационных процессов регионов Центрального Черноземья*

Социокультурное пространство России – это многомерное пространство социальных процессов, отношений, практик, позиций и агентов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой. Оно представляет собой самоорганизующийся феномен, в котором на протяжении последних десятилетий происходит разворачивание разнообразных социальных процессов, тесно связанных с трансформациями в экономической, политической и культурной сферах. И в этом весьма разнородном пространстве, как справедливо замечает Л.Д. Гудков, векторы эволюции ключевых сегментов российского общества проявляют существенное различие. Есть среди них те, что движутся по направлению к европеизации, есть те, что почти не движутся, а есть также и те, что медленно поворачивают вспять [1]. Нельзя не отметить, что эта все более отчетливо проявляющаяся разнородность страны создает существенные затруднения в определении коридора возможностей проведения курса на модернизацию.

Тем не менее имеет смысл обратиться с исследовательской позиции к обнаружению ключевых тенденций динамики модернизационных процессов, проявляющихся в различных регионах российского пространства, а для более углубленного ракурса имеет смысл остановиться на процессах, осуществляющихся в отдельно взятом районе – в Центральном Черноземье (ЦЧ). Для анализа данных процессов мы обратимся к методикам, разработанным в Центре изучения социокультурных измерений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН) [2], к индикаторам и комплексным индексам модернизации России, полученным в ходе новейших российских и зарубежных исследований (2001–2013 гг.), а также к результатам полевых опросов, проведенных в Курской области в 2009 и 2012 гг. в рамках реализации общероссийского проекта «Социокультурная эволюция регионов России».

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №12-03-00304.

В каждом из социологических опросов приняли участие по 1000 чел. При этом выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Выборка исследований в достаточной мере репрезентировала население региона (в возрасте 18 лет и старше); в каждом из опросов ошибка выборки по одному признаку не превышала 3%.

Социокультурная модернизация предполагает утверждение в повседневной жизни людей «совокупности ценностей, в центре которой находится развитие человека как личности, а их реализация обеспечивается соответствующими социальными институтами и структурами» [3, 6]. Важнейшая целевая функция модернизационных процессов – *обеспечение устойчивого функционирования всех социальных структур, повышение качества жизни жителей страны и ее регионов. Обеспечение действенности данной функции в значительной мере детерминируется глубиной знаний состояния и динамики модернизации регионального сообщества.*

Для исследователей весьма важным является вопрос о том, каким образом тенденции социокультурного развития регионов ЦЧ отвечают на вызовы модернизации. В исследовании по измерению и анализу уровней и фаз модернизации России в целом и в ее регионах, осуществляемом под эгидой ЦИСИ ИФ РАН, используются индикаторы и индексы первичной (ПМ), вторичной (ВМ) и интегрированной (ИМ) модернизации, выделенные по трем сферам общества: экономической, социальной и когнитивной (знания). Обратимся к оценке продвижения *регионов Центрального Черноземья* по индексам трех типов модернизации с 2000 по 2010 г. (таблица).

Вовлеченность регионов Центрального Черноземья в процессы модернизации, 2000–2010 гг.*

Регион ЦЧ	Индексы 2000 г.			Индексы 2005 г.			Индексы 2010 г.		
	ПМ	ВМ	ИИ	ПМ	ВМ	ИИ	ПМ	ВМ	ИИ
Россия	91,9	61,6	51,1	95,5	66,2	57,9	99,9	72,0	65,4
Белгородская область	86,5	45,6	41,6	92,0	50,9	47,5	97,0	58,9	54,7
Воронежская область	89,0	57,2	47,8	92,3	64,8	56,1	95,4	66,6	60,5
Курская область	85,8	47,5	42,9	90,2	52,8	49,5	94,8	60,1	57,0
Липецкая область	87,9	44,4	40,9	91,7	51,2	47,5	95,4	53,9	51,2
Орловская область	86,1	47,9	42,5	92,5	52,3	49,9	94,3	56,3	55,2
Тамбовская область	89,1	48,8	44,5	91,8	53,6	49,4	94,5	57,2	53,0

* Таблица подготовлена по данным ЦИСИ ИФ РАН.

В таблице наглядно прослеживаются тенденции постепенного повышения индексов модернизации регионов ЦЧ в период с 2000 по 2010 г. За обозначенный период изменились и показатели уровней модернизации: уровень первичной модернизации (ПМ) – со среднего до выше среднего; уровень вторичной модернизации (ВМ) – с низкого до ниже среднего (Белгородская, Курская, Липецкая и Тамбовская области) или с ниже среднего до среднего (Воронежская область); уровень интегрированной модернизации (ИИ) – с низкого или ниже среднего (Воронежская область) до ниже среднего (все регионы ЦЧ). Вместе с тем следует отметить, что продвижение по пути модернизации в Черноземье происходит довольно медленно. Об этом свидетельствует расположение регионов ЦЧ в хронотипологии комплексных состояний (типов) модернизованности регионов, разработанной ЦИСИ ИФ РАН, на 2010 год. Обратимся к распределению на данный год регионов Центрального федерального округа:

Высший, 6-й тип (развитые регионы, одновременно развивающие информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; фаза роста) – Московская область; *5-й тип* (регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; начальная фаза) – Москва, Ярославская область; *4-й тип* (регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни средний и выше среднего; подготовительная и начальная фазы) – Владимирская, Ивановская области; *3-й тип* (регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации; первичная модернизация – фаза зрелости, уровни средний и выше среднего; вторичная модернизация – уровни средний, выше среднего, идентификация с фазами невозможна) – Воронежская, Калужская, Тверская и Тульская области; *2-й тип* (регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию; первичная модернизация – уровень выше среднего, фазы роста и зрелости; вторичная модернизация – уровни средний и ниже среднего, идентификация с фазами невозможна) – Белгородская, Брянская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская области; *1-й тип* (регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию; первичная

модернизация – уровни средний и выше среднего, фазы роста и зрелости; вторичная модернизация – уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна) – **Тамбовская область**.

Как видим, регионы Центрального Черноземья в большинстве своем могут быть отнесены лишь ко второму типу регионов (Воронежская – к третьему, Тамбовская – к первому), не завершивших пока первичной стадии модернизации. Все данные регионы на 2010 г. еще не вошли в фазу перехода к вторичной модернизации. Это означает, что в Центральном Черноземье существуют серьезные препятствия на пути осуществления модернизационных процессов. Попытаемся выяснить, с какими конкретными преградами на этом пути сталкиваются регионы ЦЧ. Для этого мы обратимся к данным федеральной статистики, рейтинговым показателям, аналитическим материалам печатных и электронных СМИ, а также результатам региональных эмпирических исследований. Регионы представим в последовательности, соответствующей логике хронотипологии комплексных состояний модернизованности регионов.

Воронежская область. В рейтинге инвестиционного климата издание «Экономика и жизнь. Черноземье» определяет эту область как *регион перспективного развития*. Темп роста объёма инвестиций в экономику области в 2010 г. составил 125,3% (правда, в последующие годы эти темпы стали снижаться). Высокие темпы роста отмечаются по таким видам экономической деятельности, как сельское хозяйство – рост в 1,9 раза, обрабатывающие производства – на 35%, оптовая и розничная торговля – на 26,3%. Однако на шкале модернизации индекс качества экономики Воронежской области невелик, он ниже среднероссийского – 39,7 (Россия – 52,7, ЦФО – 58,1). Трудности в развитии экономики региона специалисты объясняют отсутствием крупных капиталовложений, аграрной ориентацией региона, а также тяжелой социальной структурой населения (треть населения – учащиеся, студенты и пенсионеры). Для осуществления инвестиционного прорыва, полагает эксперт В.В. Галкин, на федеральном уровне должны быть приняты «необходимые решения в части развития предпринимательства, уменьшения налоговой нагрузки, снижения банковского процента, защиты собственности от коррумпированного чиновничества» [4].

В настоящее же время в регионе фиксируется слабое развитие промышленного производства, недостаточная развитость инфраструктуры, снижение человеческого капитала, а также низкая бюджетная обеспеченность. Довольно значителен в регионе неформальный сектор эконо-

мики и теневой экономики в целом. Тем не менее, как отмечает сам руководитель региона А. Гордеев в Послании к Воронежской областной думе и органам государственной исполнительной власти, с целью построения эффективной экономики и достижения на данной основе достойного уровня жизни граждан органами власти предпринимаются шаги на следующих ключевых направлениях:

1. Внедрение Стандарта деятельности исполнительных органов власти Воронежской области по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе.

2. Работа по созданию инфраструктурно обеспеченных инвестиционных площадок.

3. Развитие инноваций с применением стимулирующих мер областной поддержки субъектов инновационной деятельности.

4. Оптимизация процессов разрешений и согласований при реализации инвестиционных проектов.

5. Создание новых механизмов привлечения частного капитала — государственно-частное партнерство.

6. Использование дополнительных стимулов для осуществления инвестиций в муниципальных районах.

Воронежская область демонстрирует на уровне статистических показателей преимущественно позитивные тенденции. Важно, чтобы оборотной стороной этих показателей не стало снижение финансирования воспроизводства и развития базовых составляющих человеческого капитала [5]. О том, что такая опасность имеется, свидетельствует динамика интегрированного социального индекса модернизации: 2008 г. — 73,1, 2009 г. — 75,2, 2010 г. — 73,3. Полагаем, что Воронежской области как региону перспективного развития нельзя не учитывать социальные подтексты в осуществлении инвестиционной политики.

Белгородская область. В рейтинге инвестиционного климата изданием «Экономика и жизнь. Черноземье» данная область определена как *регион-лидер*. Нельзя не признать, что многие рейтинговые агентства отмечают первенство этого региона по самым различным показателям. Экономику этой области причисляют к наиболее диверсифицированным и сильным в ЦЧ, а также называют одной из самых устойчивых в России по темпам роста и развития. Именно в Белгородской области созданы лучшие в России по эффективности сельское хозяйство и АПК. Промышленность региона является конкурентоспособной на внутреннем и мировом рынках.

Относительно высокая для России норма накопления инвестиций в основной капитал (относительно ВРП) способствует устойчивому развитию экономики, обновлению основных фондов и непрерывной модернизации ведущих предприятий области. Денежные доходы белгородцев являются самыми высокими в Центральном Черноземье.

Тем не менее о препятствиях на пути осуществления модернизации в регионе приходится вести речь и здесь, причем эти препятствия признаются системными, и об этом размышляет губернатор области Е. Савченко. Он довольно аргументированно показывает, что современная российская экономика находится в макроэкономическом тупике. Тип экономического развития страны определяется им как классический, сырьевой, неколониальный. Выход из данного тупика видится им в переориентации потребительского спроса на товары и услуги отечественного происхождения за счет импортзамещения, а также за счет девальвации рубля. Последняя должна сопровождаться наведением порядка в финансовой сфере, развитием инфраструктуры, усилением активности индивидуального жилищного строительства, адаптацией профессионального образования под потребности экономики [6]. Есть основания полагать, что команда управленцев Белгородской области готова достичь при поддержке данных предложений со стороны федеральной власти мультипликационного эффекта экономического роста в ключевых отраслях региона в ближайшие 10 лет.

Курская область. В рейтинге инвестиционного климата изданием «Экономика и жизнь. Черноземье» данная область определена как *регион стратегического отставания*. Вместе с тем данный регион демонстрирует в последние годы довольно завидную стабильность развития, отсутствие социально-политической напряженности и плавное повышение ведущих показателей социально-экономического развития. Сам характер модернизационных процессов в области может быть определен как постепенное развитие [7]. В регионе в 2010–2012 гг. зафиксирован рост валового регионального продукта и объема промышленного производства в 1,2 раза (в сопоставимых ценах), инвестиций в основной капитал – в 1,3 раза, оборота розничной торговли – в 1,2 раза. Область демонстрирует высокие достижения в сборе и переработке сельхозпродукции. Помимо того, регион сохраняет лидирующие позиции в Российской Федерации по минимальной стоимости продуктов питания потребительской корзины.

Согласно полевому социологическому исследованию, проведенному в регионе по методике «Социокультурный портрет региона: Курская область» в 2012 году, социальное самочувствие жителей региона за последние годы улучшилось. Удовлетворенными жизнью в опросе 2012 года назвали себя 54,7% против 52,3% в 2009 году (полностью удовлетворены – 10,3%, скорее удовлетворены 42%), а количество неудовлетворенных снизилось и составило 27,6% против 32,2% соответственно. Как показали подсчеты, более трети опрошенных (36,8% в 2012 году против 33,4% в 2009 году) вполне уверены или скорее уверены в своем будущем, несколько снизилось число респондентов (26,9% против 27,6%), заявивших о своей неуверенности в будущем.

Жители региона имеют довольно отчетливую картину тех изменений, которые происходят в последние годы в Курской области. Об этом свидетельствует широкое разнообразие ответов на вопрос: *«Пожалуйста, припомните, по каким важным вопросам областные, местные власти приняли постановления за последний год»*. Получены следующие содержательные ответы: благоустройство областного центра, внесение изменений в структуру мировых судей, газификация, обеспечение земель многодетных семей; жилищные вопросы; капитальный ремонт многоэтажных домов; наведение порядка на территории; план противодействия коррупции; повышение зарплат учителей сельских школ; строительство спортивных объектов; развитие инвестиционных проектов в сельское хозяйство; областная программа по переселению соотечественников и многое другое (отметим, что в ходе проведения опроса было получено 1000 содержательных ответов на данный открытый вопрос). Актуальные проблемы, требующие решения, нашли отражение в ответах на вопрос: *«Что необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашей области?»* Обозначим в порядке важности ключевые ответы: создание новых рабочих мест (53,6% в 2012 г. против 57,9% в 2009 г.); улучшение медицинского обслуживания (50,4 против 42,4% соответственно); наведение порядка, борьба с криминалом, коррупцией (33,7% против 37,6%); строительство доступного жилья (29,1% в 2012 г.), оздоровление природы (18,8% против 18,4%); развитие малого и среднего бизнеса (16,3% против 20,1% соответственно).

При этом обращает на себя внимание следующий факт. Уровень доверия к региональным институтам власти в Курской области является очень низким. А по отношению к ряду социальных институтов он проявляет

тенденцию к снижению. Сумма ответов «Не очень доверяю» и «Совсем не доверяю» региональным социальным институтам составила: региональным отделениям партий – 50,5% в 2012 г. против 48,6% в 2009 г.; Парламенту – Курской областной Думе – 47% против 41,1%; Правительству (администрации) области – 46,9% против 32,1% соответственно. Фиксируемый низкий уровень социального, а также личного доверия в Курской области, да и в большинстве других регионов России, – это тревожный симптом. Как замечает белгородский исследователь В.П. Бабинцев, на наших глазах происходит усиление фрагментации регионального социокультурного пространства. Социальная иерархия пронизана идеологией отказа от сотрудничества. При этом низкий уровень взаимного доверия и ответственности в отношениях между жителями российских регионов является существенным препятствием для реализации региональных социально-экономических проектов и программ [8]. Исследователь обращает внимание на проявление таких тенденций, как фрагментация социокультурной целостности регионального сообщества, деавтономизация в принятии ключевых для социокультурного развития решений, отчужденность власти и населения, установка на имитацию в управленческом процессе, низкий уровень базовой культуры населения, неадекватная стратегии социальная и управленческая компетентность кадров системы государственного и муниципального управления, их нацеленность на достижение частных результатов в экономике и социальной сфере. Все это не усиливает, а ослабляет человеческий и социальный капитал. «А ведь именно они, – справедливо подчеркивает В.П. Бабинцев, – исторически востребованы в современной России, разумеется, при условии того, что идея ее модернизации является не имитацией, но реальной установкой правящей элиты как на федеральном, так и на региональном уровне» [9, 58].

Липецкая область. В рейтинге инвестиционного климата изданием «Экономика и жизнь. Черноземье» данная область, как и Белгородская, определяется как *регион-лидер*. В этом регионе инвестиционная политика все более принимает системный характер. Его руководителю удалось диверсифицировать экономику области, значительно уменьшить зависимость ее бюджета от Новолипецкого металлургического комбината. Привлечение инвестиций в регион в последние годы связывают с внедрением инноваций, а также с вопросами экологии и развитием человеческого потенциала. Область названа лидером рейтинга российских регионов с высоким качеством организации бюджетного процесса.

Вместе с тем социально-экономическое развитие региона наталкивается на такие ограничения, как демографический спад, сокращение численности трудовых ресурсов, высокая техногенная нагрузка на окружающую природную среду, высокая энергоемкость региональной экономики, недостаток финансовых возможностей для проведения модернизации сельского хозяйства и промышленных предприятий, финансовые препятствия для осуществления предпринимательской деятельности и развития предпринимательской инициативы. Добавим к этому, что если обратиться к индексам модернизации региона, то следует заметить, что на 2010 г. крайне малым оказывается индекс инновации в знаниях (5,8 – минимальный в ЦЧ), невысоким остается индекс качества экономики (36,6), а также интегрированный индекс знаний модернизации (38,1). Принятие стратегии развития Липецкой области на период до 2020 года призвано найти решение обозначенных проблем. Насколько это удастся сделать, покажет время.

Орловская область. Рейтинг инвестиционного климата согласно изданию «Экономика и жизнь. Черноземье» именуется данную область *проблемным регионом*. Преимуществами области являются благоприятное транспортно-географическое положение, плодородные земли, довольно современная промышленность. Вместе с тем эксперты отмечают такие уязвимые места в развитии региона, как низкий ВРП на душу населения, невысокая эффективность экономики и менеджмента организаций, низкая производительность труда [10]. Помимо того, исследователи обращают внимание на дефицит транспортной инфраструктуры области, зависимость экономики от деятельности естественных монополий, технологическое отставание по ряду направлений, низкую инновационную и инвестиционную активность [11]. Индекс инновации в знаниях на 2010 г. в регионе составил 17,4, индекс качества экономики – 33,2, интегрированный экономический индекс модернизации – 46,2. Если добавить к этому низкий индекс промышленного производства и политическую нестабильность (слабую политическую устойчивость) в регионе, то становится понятным, почему данный регион называют проблемным.

Тамбовская область. Эта область, отнесенная в 2010 г. в хронотипологии комплексных состояний (типов) модернизированности регионов к самому низкому, первому типу, в рейтинге инвестиционного климата, согласно изданию «Экономика и жизнь. Черноземье», названа, как и Воронежская область, *регионом перспективного развития*. Социально-экономическая динамика области проявляется в активном развитии

агропромышленного комплекса, повышении инвестиций в данную сферу, росте оборота розничной торговли, оживлении промышленного производства. В данном регионе отмечается стабильность управленческой элиты, высокие темпы роста инвестиций, довольно высокий ранг по инновационному потенциалу от «Эксперт-РА», а также опережающее развитие систем образования и науки. Вместе с тем регион значительно отстает по сравнению с другими регионами по таким важным показателям, как ВРП на душу населения и уровень жизни населения. Индекс инновации в знаниях на 2010 г. в регионе составил 17,3, индекс качества экономики – 37,5, интегрированный экономический индекс модернизации – 45,9.

Как отмечают эксперты, экономика Тамбовской области сохраняет отсталость по качеству основных фондов, производительности труда, эффективности и инвестиционной привлекательности, а также существенную долю в ней теневого сектора. В итоге «средняя норма накопления инвестиций в основной капитал (относительно ВРП) низка (ниже 20%) и не обеспечивает устойчивого развития экономики, простого обновления ее основных фондов и, тем более, их модернизацию» [12].

Зададимся вопросом: может ли стать агропромышленный комплекс, который занимает практически ключевую позицию в социально-экономическом развитии большинства регионов Центрального Черноземья, локомотивом их модернизации? Очевидно, нет. Развитие сельхозпроизводства позволяет обеспечить определенный уровень жизни, выступает гарантом продовольственной безопасности – тем, что является необходимым, но явно недостаточным условием продвижения по пути модернизации. Осуществление же самих модернизационных преобразований настоятельно требует трансформации социальных институтов, адекватной законотворческой практики, а главное, – активизации человеческих ресурсов. Лишь при реализации данных условий мы сможем говорить о превращении довольно весомого социокультурного потенциала Центрального Черноземья в действительный социокультурный капитал.

Источники

1. Гудков, Л.Д. Социальный капитал и идеологические ориентации / Л.Д. Гудков // Pro et Contra. – 2012. – №3(55). – С. 6-31.
2. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.

3. Лапин, Н.И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России / Н.И. Лапин // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. – Уфа: Гилем, 2012. – С. 6-23.
4. Галкин, В.В. Воронежская область под руководством губернатора А. Гордеева: итоги четырех лет [Электронный ресурс] / В.В. Галкин. – Режим доступа: <http://vrnbiz.ru/voronezhskaya-oblast-pod-rukovodstvom-gubernatora-a-gordeeva-itogi-4-let>
5. См. об этом: Корчагин Ю. Промежуточный финиш губернатора Гордеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://enosov.viperson.ru/wind.php?ID=659308>
6. Савченко, Е. Экономика России в очередной раз переживает сложные времена. Экономический рост практически остановился [Электронный ресурс] / Е. Савченко. – Режим доступа: <http://www.eizh.ru/articles/news/evgeniy-savchenko-gubernator-belgorodskoy-oblasti-ekonomika-rossii-v-ocherednoy-raz-perezhivaet-slozh/>
7. Когай, А.А. Социокультурная динамика Курской области и вызовы модернизации / А.А. Когай, Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец // Социологические исследования. – 2012. – №9. – С. 41-47.
8. Бабинцев, В.П. Формирование солидарного общества как стратегия регионального развития: проблемы и риски реализации / В.П. Бабинцев // Научные ведомости БелГУ. – №20(139). – 2012. – Вып. 22. – С. 57-64.
9. Там же.
10. Корчагин, Ю. Экономика и элита Орловской области [Электронный ресурс] / Ю. Корчагин. – Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=26&page=5>
11. Алимова, Г.С. К вопросу об оценке конкурентоспособности Орловской области / Г.С. Алимова // Вестник ОрелГИЭТ. – 2010. – №4(14). – С. 49-55.
12. Корчагин, Ю. Тамбовские экономика, элита, перспективы развития [Электронный ресурс] / Ю. Корчагин. – Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=26&page=3>

А.П. Кулаев,
Новосибирск

Роль и возможности органов местного самоуправления в формировании социокультурных основ инновационного развития общества и экономики

Эффективное развитие экономики страны и региона по инновационному пути предполагает наличие и развитие национальной инновационной системы, важнейшим элементом которой являются социокультурные основы инновационного развития общества и экономики.

Под социокультурными основами понимаются исходные посылки для осуществления человеческой деятельности с позиции методологического подхода, который базируется на системных принципах, сущность которого состоит в рассмотрении общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Образование, воспитание и традиции в этой системе занимают ключевые позиции.

В настоящее время изменения в российской социокультурной системе, и в частности в образовании, имеют скорее отрицательные результаты. Деидеологизация и отсутствие четких общественных приоритетов развития, утеря ряда традиций отрицательно сказались на развитии социокультурных основ инновационных процессов. Этим объясняется, в частности, невысокая эффективность экономических и организационных мер, принимаемых в последние годы в направлении развития инновационной системы и модернизации экономики. Понимание этой ситуации на уровне муниципальной и территориальной власти в рамках имеющихся полномочий позволяет принимать меры, компенсирующие негативные тенденции, и формировать позитивные тенденции в изменении социокультурных основ экономического развития в форме разработки и реализации комплексных целевых программ, направленных на развитие отдельных элементов этих основ, с участием субъектов научно-технической и экономической деятельности на территории.

Структурирование социокультурных основ инновационного развития общества позволяет выделить следующие основные, с позиции автора, элементы: (1) образование, ориентированное на формирование познавательной и преобразовательной доминанты у обучающихся; (2) инновационное мировоззрение у подрастающих поколений; (3) креативность трудоспособного населения; (4) пассионарность; (5) патриотизм; (6) идеологическое обеспечение; (7) общественный статус и признание результатов деятельности; (8) толерантность общества и индивидов к ошибкам и неудачам других.

Конечно, социокультурные основы инновационного развития должны быть объектом целостной государственной политики. Однако и в рамках имеющихся полномочий органы власти и руководители на уровне субъекта федерации, муниципального образования, федеральных учреждений и субъектов экономической деятельности могут корректировать и развивать отдельные элементы социокультурных основ в направлении соответствия решению поставленной проблемы, а именно формировать предпосылки и условия для инновационного развития общества и экономики.

Примером подхода к реализации таких возможностей является разработка по инициативе мэра города Новосибирска комплексной целевой программы «Воспитание креативной молодежи, формирование социальных лифтов и подготовка кадров для инновационной экономики города Новосибирска».

Разработка выполнялась группой независимых экспертов в составе руководителей организаций фундаментальной и прикладной науки, инновационных предприятий, образовательных учреждений, педагогов-новаторов, сотрудников правительства Новосибирской области и муниципалитета города Новосибирска, представителей общественности, в том числе членов Новосибирского отделения Международной академии исследований будущего (МАИБ). Научный руководитель группы – заместитель председателя СО РАН по инновационной деятельности и развитию научно-образовательного комплекса академик Н.С. Диканский.

Необходимость разработки и реализации такой программы продиктована рядом обстоятельств. Принятие государством стратегической установки на модернизацию экономики и перевод ее в русло инновационного технологического развития предъявляет особые требования к выбору перспектив и ресурсов развития города. Для разработки и коммерциализации новых технологий требуются кадры высшей квалификации.

Сегодня подготовка таких кадров является одной из серьезнейших проблем стратегического характера, решить которую без корректировки существующей социокультурной основы общества сложно. Особенно остро эта проблема стоит в отношении инженерных кадров.

Спрос на указанные кадры уже высок и будет расти. По данным Министерства образования и науки РФ, средний показатель дефицита высококвалифицированных специалистов в компаниях, реализующих программы инновационного развития, сегодня составляет 35%. Еще большие цифры называют руководители инновационных предприятий в Новосибирске.

Для подготовки высококлассных специалистов требуется, кроме высокого уровня профессорско-преподавательского состава из действующих ученых и специалистов, наличия хороших условий для учебы и участия студентов в научной деятельности, также набор соответствующего качества абитуриентов.

В последнее время качество абитуриентов научно-технических вузов в Новосибирске, как и в городах многих регионов России, к сожалению, существенно ухудшилось. Первопричиной этого помимо межпоколенческих деформаций, вызванных сменой идеологической доктрины, государственного строя и технологическими новациями, по мнению многих экспертов, стали реформы образования, которые фактически нивелировали достоинства отечественной общеобразовательной школы, основанной на формировании и развитии творческого мышления учащихся с помощью эффективных методов обучения и качественных выверенных учебников, прежде всего по математике и циклу естественнонаучных дисциплин.

Единый государственный экзамен также повлиял на снижение уровня человеческого потенциала многих регионов России, включая Новосибирскую область, так как значительно усилились центробежные тенденции в мобильности креативной молодежи. Получившие хорошее образование в передовых новосибирских гимназиях, лицеях и школах талантливые выпускники, легко сдавшие ЕГЭ, часто уезжают поступать в вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Возвращаются немногие. С 2009 года, когда ЕГЭ для выпускников средней школы был повсеместно окончательно внедрен, потоки традиционно поступающих в новосибирские вузы *сильных абитуриентов* с территорий Зауралья тоже значимо сократились.

Чтобы обеспечить постоянный приток молодых ученых и инженеров в фундаментальную и прикладную науку, инженерное проектирование прорывных направлений новой техники и технологий, в сферу подготовки наукоемкого производства и собственно производство новых высокотехнологичных продуктов и услуг, городскому сообществу необходимо компенсировать издержки реформы образования. Средством такой компенсации может стать *система мер, направленных в масштабе всего Новосибирска на воспитание креативности у детей и молодежи, и организация эстафеты поколений, формирующей социальные лифты для талантливой молодежи, мотивированной на дальнейшее устойчивое инновационное развитие города*. При этом указанные меры должны проектироваться и исполняться в рамках действующего законодательства, без нарушения федеральных стандартов и законов об образовании.

Система мер может быть конституцирована в форме комплексной целевой программы для развертывания и координации усилий населения и структур общего и профессионального образования города, органов государственной власти Новосибирской области и органов местного самоуправления города Новосибирска *в достижении главной цели – построения системы подготовки кадров в прорывных направлениях развития науки, технологий и инновационной экономики*. Программа должна стать инструментом формирования, накопления и воспроизводства важнейшей для Новосибирска категории человеческого капитала, под которым, как известно, понимается совокупность навыков, знаний, умений и способностей к труду человека, используемых им при осуществлении экономической деятельности. Человеческий капитал, как и физический, формируется за счет инвестиций. Инвестиции в образование и приобретение специфических качеств увеличивают фонд человеческого капитала, инвестиции в поддержание работоспособности продлевают срок его службы.

Программа в качестве инструмента накопления и воспроизводства человеческого капитала расширяет поле видения проблемы подготовки кадров для инновационной экономики, побуждает влиять на развитие не только профессиональных аспектов, но и гуманитарных. Чтобы подготовить хорошего профессионала, нужно помочь ему выработать соответствующие качества личности, а чтобы использовать эти качества в интересах общества и страны, необходимо воспитывать у подрастающих поколений чувство Родины и патриотизм. Для работы в прорывных направлениях – это знания и творческие способности. Поэтому

программа должна ориентировать органы государственной и муниципальной власти, родительские и педагогические сообщества Новосибирска на воспитание креативных, образованных и созидательно активных молодых поколений, начиная с самого раннего детского возраста, так как наибольшую отдачу вложенных средств и усилий можно получить на дошкольном и раннем школьном этапе онтогенеза человека. Осознание важности системного образования и развитие креативности детей с рождения основано на результатах многочисленных исследований и практике ряда стран [1]. В дошкольном детстве закладываются все основные параметры и особенности личности и психики человека, во многом определяются направление и качество дальнейшего развития его интеллектуальных, эмоциональных и физических способностей, интересов и возможностей.

Чтобы постоянно добиваться успеха в прорывных направлениях фундаментальной и прикладной науки, создании новых наукоемких производств, необходимо обеспечить постоянный приток высокообразованных, креативных профессиональных кадров, патриотически настроенных по отношению к городу и хорошо мотивированных на научную и инженерную карьеру в нем. Организовать такой приток возможно, если сформировать в городе среду пребывания и систему выращивания с раннего возраста высококреативных поколений детей и молодежи, обученных умению учиться, воспитанных на основе базовых национальных ценностей и любви к Новосибирску, готовых к самоопределению и освоению компетенций научно-технических профессий, способных творчески решать сложные научные, технические, производственные и управленческие задачи. Поступившие в вузы города группы представителей этих поколений после целенаправленной профессиональной подготовки станут основным источником кадров для научных исследований и разработок в намеченных кластерах проектируемого Сибирского центра науки, образования и высоких технологий.

Структурирование проблемы корректирования социокультурных основ развития инновационной экономики в пределах полномочий потенциальных участников Комплексной целевой программы позволяет сформировать дерево целей, задач и мероприятий, составляющее скелет программы, который может использоваться для построения системы мероприятий программ, нацеленных на достижение соответствующих результатов.

Реализация системы мероприятий программы позволяет корректировать социокультурные основы инновационной деятельности и ожидать следующие результаты: создание в городе центров генерации креативной молодежи; формирование контингента потенциальных кадров для прорывных направлений развития науки, технологий и инновационной экономики города; мобилизация человеческого капитала для наукоемкого экономического развития города и региона; создание социальных лифтов для новых поколений новосибирцев; создание инновационно ориентированного кадрового резерва мэрии города Новосибирска и правительства Новосибирской области; повышение привлекательности инвестиционного климата в городе для отечественного и зарубежного бизнеса.

Источник

1. Heckman J., Cunha F., Lochner L., Masterov D. Interpreting the evidence on life cycle skill formation // Handbook of the Economics of Education. Vol. 1. Amsterdam: Elsevier, 2006.

В.Г. Немировский,
Красноярск

**Личностный смысл термина «модернизация»
для населения крупного сибирского региона
(на материалах исследований в Красноярском крае)***

Термин «модернизация», подобно любому другому понятию, которое широко распространено как в официальных государственных документах, так и в массовом сознании населения современной России и её регионов, имеет две стороны. Первая из них – значение данного термина для общества в целом, его социальная составляющая. Вторая – личностный смысл для каждого гражданина страны, то есть индивидуальное отношение человека к процессу, который обозначается данным понятием. Личностный смысл характеризует, какие потребности данного человека может удовлетворить данный процесс, как он соотносится с его представлениями о собственном будущем, будущем его близких и всей страны в целом.

Данная статья основана на результатах исследований, проведённых под нашим руководством социологами Сибирского федерального университета в рамках Программы «Социокультурная эволюция России и её регионов», созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель – доктор филос. наук, проф., чл.-корр. РАН Н.И. Лапин). Нами были сформулированы дополнительные индикаторы, а также соответствующий инструментарий исследования для изучения социокультурных и модернизационных процессов в Красноярском крае. В 2013 г. было проведено 520 полуструктурированных интервью населения Красноярского края. Выборочная совокупность была рассчитана исходя из половозрастной, территориальной структуры региона, а также с учётом уровня образования респондентов, тем самым выборочная совокупность репрезентирует население Красноярского края.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)», проект №13-03-00379.

Для изучения личностного смысла понятия «модернизация» респондентам были заданы следующие открытые вопросы:

1. Как Вы полагаете, кому полезна, кому выгодна модернизация? (табл. 1).

2. Принесет ли она пользу лично Вам? Если да, то какую и когда, что Вы ожидаете? (табл. 2).

3. Принесет ли она пользу лично Вам? Если нет, то почему, что Вы ожидаете? (табл. 3).

Таблица 1. Результаты контент-анализа ответов респондентов на вопрос: «Кому полезна, кому выгодна модернизация?» (в % от числа опрошенных)

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Всем жителям страны, региона	Модернизация – это неизбежный процесс, и он не стоит на месте; полезна она любому обществу, если общество развивается правильно, если модернизирует общественные институты, она принципе полезна любому обществу; всем она и выгодна в хорошем смысле слова.	48
Чиновникам, бюрократам администрации, государству, власти, элите, политикам	Тем, кто находится у власти, кто обладает ресурсами и возможностями на этом заработать; правительству, госаппарату, госслужащим; выгодна её разработчикам; выгодна губернаторам, мэрам.	27
Богатым, бизнесменам	Олигархам, предпринимателям, в первую очередь; тем, кто находится у власти, кто обладает ресурсами и возможностями на этом заработать; тем, кто получит на этом прибыль; собственникам, хозяевам.	15
Молодёжи	Молодым, которые стремятся к новому; полезна молодому поколению; молодежи, ей проще перестроится на новизну; молодым, развивающимся личностям; молодым людям, ориентированным на будущее.	3
Науке	Полезна тем, кто связан со сферой науки и инноваций; полезна для того, кто двигает прогресс; учёным, НИИ.	3
Преступникам, коррупционерам	Выгодна нашим врагам, которые хотят сделать нам хуже; в отношении того, что сейчас происходит, есть такое ощущение, что делается это все «поддельными» лицами; внешним врагам нашей страны.	2
Тем, кто борется за интересы нашего народа	Настоящим патриотам нашей страны; тем, кто заинтересован в развитии России.	1
Другое	Городским жителям; мужчинам; выгодна тем людям, которые заняты в сфере модернизации.	1

Анализ показал (табл. 1), что подавляющее большинство респондентов объединяют характеристики «полезна» и «выгодна». Вместе с тем некоторые опрошенные (приблизительно каждый пятый) отмечают, что модернизация полезна всем, а выгодна лишь части нашего общества: прежде всего тем, кому она приносит прибыль.

Практически все респонденты придерживаются мнения, что модернизация лично им, как и многим окружающим их людям, пользу уже приносит. Отдельные высказывания содержат мнения, что в будущем преимущества жизни в активно модернизирующемся обществе только усилятся.

Таблица 2. Результаты контент-анализа ответов респондентов на вопрос: «Принесет ли она пользу лично Вам? Если да, то какую и когда, что Вы ожидаете?», %

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Улучшение качества собственной жизни	С модернизацией каких-то технических средств, я смогу миновать все пробки на дорогах и правильно тратить свое время, которого и так не хватает; я смогу тратить его на то, чего мне сейчас недостает, на личные встречи и так далее; улучшение жилищных условий, условий жизни в городе; упростит мою жизнь и сократит время на реализацию потребностей во всех сферах моей жизни; да, уже приносит: чайники, микроволновки, быстрая готовка, телефон в кармане всегда.	65
Улучшение в профессиональной деятельности	Труд станет менее микроволновки трудоемким; увеличение зарплаты, упрощение труда; облегчит жизнь в рабочей сфере; условия на работе улучшатся; развитие предприятия, на котором работаю.	14
Развитие информационных технологий	Увеличение информационного пространства; совершенствуются технологии: например, ноутбук; Интернет помогает осваивать все новое, помогает воспринимать новую информацию и идти в ногу со временем.	9
Улучшение здоровья	Улучшение здравоохранения; появление современных медицинских технологий; создание новых лекарств от ранее неизлечимых болезней; внедрение информационных технологий в медицину.	3
Экономическое улучшение	Экономическая стабильность, повышение жизненного уровня населения; рост благосостояния людей; повышение конкурентоспособности отечественных предприятий; повышение заработной платы работников.	3
Затрудняюсь ответить		6

Характерно, что наиболее активно привлекает респондентов в модернизации улучшение качества своей собственной жизни. Многие жители Сибирского региона уже успели, что называется, «распробовать» и активно принять те аспекты и инновации информационного общества, которые быстро входят в их частную жизнь. На этом остановили своё внимание две трети опрошенных.

Значительно меньше тех, кто успел заметить проявления модернизации в сфере профессиональной деятельности, причём речь идёт не только о собственной работе респондента, но и о деятельности различных предприятий народного хозяйства в целом (14% респондентов).

Уже общим моментом стало проявление взаимосвязи модернизации и развития различных информационных технологий. В качестве важного позитивного момента эти процессы называет в целом каждый десятый из респондентов (9%).

Некоторые из опрошенных надеются на то, что модернизация с помощью новых медицинских технологий и лекарственных средств поможет им избавиться от каких-либо недугов (3%).

Столько же жителей Красноярского края, отвечая на вопросы полужурналистского интервью, рассказали, что рассчитывают для себя на положительные экономические эффекты модернизационных процессов, прежде всего на повышение личного благосостояния, рост собственной заработной платы и т.п.

Таблица 3. Результаты контент-анализа ответов респондентов на вопрос: «Принесет ли она пользу лично Вам? Если нет, то почему, что Вы ожидаете?», %

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Различные негативные последствия проводимой в России современной модернизации	Та модернизация, которая идет сейчас, мне никакой пользы не принесет. Потому что у меня есть ребенок, который учится в школе, если эта школа станет платной, то какая это польза?; простому народу ничего не принесет; нет, это пыль в глаза от людей, которые даже не могут придумать другие, более приятные термины; нет, в России все делается наоборот – чем дальше, тем страшнее; мне она пользу не принесет, потому что в стране не действуют законы; не принесет, все разворуют и будет как всегда.	41
Разного рода неопределённые ответы	Не принесет никакой пользы, так как все будет автоматизировано и человеческий труд будет не нужен; не касается нашего региона; моей работы это не коснется; живу в небольшом городе; нет возможности приобрести квартиру, машину; компьютеризация не освободила от бумажной волокиты; не принесет никакой пользы, так как все будет автоматизировано и человеческий труд будет не нужен.	28
Различные специфические особенности характера, личности и т.п	Я не думаю, я здесь больше консерватор; я за «Old School»; нет, я ретроград; модернизация – это так или иначе революция, а я за стабильность; нет, не принесет; в силу характера, не нравятся все новые технологии; вызывает страх перед изменениями; большое количество психических расстройств у людей.	15
Преклонный возраст	Я уже в пенсионном возрасте; потому что пожилой человек, то, что на предприятии сейчас делают, результаты застанут только молодые люди; нет, никакой пользы мне ни от чего нету, потому что лет мне уже много; нет, не принесет, а вот будущему поколению – да; не принесет, т.к. ввиду возраста сложно ориентироваться в постоянно обновляющихся процессах; я не дождусь уже модернизаций, только внукам принесёт пользу.	16

Менее трети респондентов придерживаются мнения, что модернизация не принесёт им ни пользы, ни выгоды (табл. 3). Большинство из них мотивируют это разного рода негативными последствиями и трудностями проводимой в настоящее время в стране модернизации – 41% ответивших. Нескольким более четверти респондентов (28%) дали различные неопределённые ответы, свидетельствующие о нечётком понимании ими, что такое модернизация, а также нежелании называть её негативные последствия, которые определяют их отрицательные ответы. 15% жителей края мотивировали своё отрицательное мнение относительно пользы, которую им может принести модернизация, теми или иными собственными личностными особенностями или свойствами характера: например, «я ретроград». Наконец, 16% респондентов считают, что, поскольку они уже вступили в пенсионный возраст, модернизация их не касается, нередко высказывая суждение, что «это дело молодых».

Таким образом, можно сделать вывод, что для большинства опрошенных жителей Красноярского края термин «модернизация» имеет позитивный личностный смысл. Лишь незначительная часть респондентов концентрируют своё внимание на негативных аспектах современной модернизации. Важно отметить: ряд опрошенных считают, что модернизация полезна всем, а выгоду (имеется в виду, как правило, материальная выгода) приносит только тем, кто имеет власть и сам развивает модернизационные процессы. Данное обстоятельство в ряде случаев может выступать одним из социокультурных препятствий на пути модернизации.

СЕКЦИЯ №1

Проблемы формирования стратегии социокультурной модернизации регионов

А.И. Алексеев,
Москва

Социально-географические аспекты эволюции сельской местности России в постсоветский период*

Когда будущее российского села обсуждалось в 1980-х гг., споры шли о двух разных направлениях: дальнейшем развитии «усовершенствованных» колхозов и совхозов или передаче земли крестьянам и развитию фермерских хозяйств. Никому тогда не могло прийти в голову, что оба эти пути не состоятся и большая часть аграрного производства сосредоточится в личных подсобных хозяйствах. Опыт этих прогнозов нам хорошо бы помнить при разработке картин будущего сельской местности.

Демографическая ситуация в сельской местности в последние десятилетия советского периода была гораздо хуже, чем в городах России. За исключением регионов Северного Кавказа, Крайнего Севера и национальных образований Сибири, сельское население было более постаревшим (в результате оттока населения в города), имело меньшую рождаемость и большую смертность, меньшую продолжительность жизни.

В начале постсоветского периода, вопреки ожиданиям, ситуация несколько изменилась в пользу села: в начале 1990-х гг. миграционный поток «развернулся» в сторону села (приток горожан в село был больше, чем селян в город); кроме того, в сельскую местность России хлынул поток мигрантов из стран СНГ. Но это продолжалось недолго. Кризис городской экономики был вначале сильнее, чем сельской, но города и быстрее адаптировались к новым условиям. А крупные сельхозпредприятия, бывшие колхозы и совхозы, используя государственную поддержку и традиции населения, еще долго выживали (и доля занятых в сельском хозяйстве даже росла – до 15% в 1995 г.), но в итоге большинство их либо развалилось, либо резко снизило объемы производства и занятость. В 2007–2010 гг. доля занятых в сельском хозяйстве в России составила около 10%.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №13-06-00895.

Поэтому миграционный поток из села в город возобновился, но главным образом в виде временных трудовых поездок (вахтовым способом или сезонно и др.) – концентрация рабочих мест обгоняет концентрацию населения. В середине 1990-х гг. многие промышленные предприятия (даже в крупных городах) могли закрываться на лето, чтобы их работники заготовили для себя продукты питания на зиму (на своих огородно-дачных участках или на земле своих деревенских родственников). В 2000-х гг. этот поток «развернулся» – теперь многие сельские жители в теплый период года приезжают на заработки в города и пригороды.

Поскольку сельское население более старое, чем городское, то и естественная убыль на селе играет большую роль в динамике населения. Но численность сельского населения (по статистике) остается почти постоянной или даже немного увеличивается за счет административно-территориальных преобразований, особенно усилившихся после принятия Федерального закона №131 об основах местного самоуправления. Более трети существовавших в России поселков городского типа (ПГТ) были преобразованы в сельские поселения, причем для их большинства это была просто «смена вывески» – реально условия жизни населения почти не изменились.

Современная демографическая ситуация в сельской местности России, как и в советский период, гораздо менее благоприятная, чем в городах, причем различия стали более заметными. Сельское население более старое (и поэтому здесь меньше рождаемость и больше смертность, выше естественная убыль), на селе меньше продолжительность жизни.

Количественные показатели динамики **сельского расселения** в постсоветский период в основном были теми же, что и ранее: продолжалась концентрация населения в крупных селах, сокращалось число мелких поселений¹. Но качественные изменения были огромными.

Прежде всего, ослабели системообразующие связи между населенными пунктами. В последние десятилетия советского периода была сформирована довольно стройная система, позволявшая жителям села получать услуги и работать в других сельских поселениях и в городах.

¹ В русском языке слова «населенный пункт», «населенное место» и «поселение» (в одном из его значений) всегда были синонимами. Но в уже упомянутом Федеральном законе №131 термином «сельское поселение» названо то, что ранее называлось сельсоветом или сельской администрацией (округом), – муниципальное образование, которое может состоять из нескольких населенных пунктов.

Эта система (малое поселение – более крупное – центральная усадьба – межхозяйственный центр – райцентр и т.д.) позволяла жителям села не замыкаться в рамках только своего поселения, а пользоваться потенциалом многих населенных пунктов.

Сокращение интенсивности пассажирских перевозок (дотирующихся из местных бюджетов), снижение доходов населения и ограничение его пространственной подвижности привели к резкому повышению «автономности» жизни, к изолированности поселений друг от друга и от внешнего мира вообще. Но в то же время налицо и противоположная тенденция: выделилась социальная группа «отходников», подвижность которой очень высока (но это не «миграции развития», а «миграции выживания»), которые ведут «сельско-городской» образ жизни.

В социальной сфере политика российского правительства направлена на сокращение затрат на содержание учреждений образования и здравоохранения, особенно в сельской местности. Так, число начальных школ (подавляющее большинство которых находится в сельской местности) уменьшилось с 17,4 тыс. в 1990 г. до 6,3 тыс. в 2008 г., а общее количество школ в сельской местности – с 48 до 34 тыс. Еще более усилился административный прессинг с наступлением кризиса 2008 г. Например, по оценке Министерства регионального развития, в 2009 г. в сфере образования регионами было «неэффективно израсходовано» 142 млрд. руб. При этом неэффективным стало считаться содержание школ, если в классах меньше 12 учащихся – а это в сельской местности встречается сплошь и рядом. Сокращение трансфертов из федерального бюджета (в 2010 г. – на 20%) вынуждает регионы закрывать мелкие сельские школы, в то время как ежедневно подвозить учащихся в крупную школу далеко не всегда возможно. Кроме того, как показала история сельского расселения России, закрытие школы в сельском поселении резко усиливает миграционный отток семей с детьми, а следовательно, ведет к скорому исчезновению и самого поселения.

Коренным образом изменилась и такая существенная для сельских населенных пунктов характеристика, как связь с территорией. Наличие такой связи – характерное отличие сельского расселения от городского: город может жить на «дальних связях» (как, например, Норильск), а задача сельских поселений – использовать территориально рассредоточенные ресурсы: земельные, лесные, охотничьи, рыбные, рекреационные и др. Но даже в сельскохозяйственных районах эта связь порой исчезает.

Так, после распада колхоза его земля может быть куплена сторонней организацией, которая будет вести сельское хозяйство с помощью привлеченных издалека работников. Живя в других районах, они приезжают на земли бывшего колхоза только несколько раз в году: вспахать, посеять, убрать и провести еще минимум операций. А местным жителям остается заниматься личным подсобным хозяйством или становиться отходниками. В мелкоселенных районах большая часть населенных пунктов уже лишилась каких бы то ни было легальных рабочих мест и превратилась просто в места жительства (общая для всех поселений функция жилья осталась здесь единственной).

Изменения **территориальной структуры** сельской местности продолжали тенденции советского периода: население концентрировалось в пригородных зонах и в климатически более благоприятных районах. Но темпы этих процессов нарастали; население «глубинки» быстро сокращается. Причины – большая естественная убыль там из-за более постаревшего населения и большой миграционный отток.

Существовавшие в советский период территориальные социальные различия стали гораздо большими и более жизненно важными. В Московской области ситуация гораздо лучше, чем в Тверской, в пригороде Твери – несколько лучше, чем в периферийных районах области, а вблизи любого райцентра – чуть лучше, чем в глубинке. Одной из главных причин этого является преимущественное развитие третичного сектора, тяготеющего именно к центрам разного ранга. Можно сказать, что *концентрация большинства видов деятельности* стала еще большей, чем в советский период.

Л.В. Анисимова,
Вологда

Социокультурный потенциал города. Мониторинг 5-ти открытых пространств Вологды

Качество городской среды тесно связано с понятием комфорта жизни для человека. Город, удобный для жизни, это и есть комфортный город. Современные стратегии развития и реконструкции городов направлены на этот тренд. В ситуации прекращения естественного прироста населения в европейских регионах России в борьбе за «человеческий капитал» качество жизни стало инструментом конкуренции. Власти городов, своевременно принявшие этот тезис, должны выделить среди стратегических ориентиров реабилитацию городской среды.

Среди исследователей, озабоченных проблемой качества городской среды, можно назвать Генри Леннарда (1997), Джейн Джекобса (1961), Вячеслава Глазычева (2000), Александра Ложкина (2009–2013), Владимира Иванова (1997, 2000).

Целью данного исследования является изучение приемов реабилитации открытых городских пространств, способствующих повышению качества жизни. Компетентное проектирование комфортной городской среды, безусловно, зависит от предпочтений потребителя. Обитатель города является ключевой фигурой и поэтому анализу подвергается система его функциональных потребностей и степень их удовлетворения. Мониторинг степени удовлетворенности горожан реализацией проектов реабилитации открытых пространств города позволил выявить максимально эффективное использование возможностей территории, а также понимание того, насколько повысился экономический потенциал после реализации проектов.

Реабилитация открытых пространств исторического центра города была реализована в рамках проекта «Активация» в Вологде в мае 2012 года. Проект «Активация» был инициирован группой молодых архитекторов, выпускников кафедры «Архитектура и градостроительство» Вологодского государственного технического университета, совместно со студентами этого же вуза.

Целью проекта «Активация» была демонстрация нового использования дерева, материала, традиционного для Вологды, но несправедливо забытого. Выбор пал на 5 площадок центральной части города, находящихся в запущенном состоянии. Авторы преследовали цель – с помощью благоустройства и малых форм повысить интерес горожан к определенным местам в городе, привлечь туда посетителей и тем самым повысить инвестиционную привлекательность данной территории для бизнеса. Современный дизайн малых форм должен был способствовать активации потока горожан и возникновению интереса к месту. Авторы стремились создать прецедент превращения пустующего, забытого и отсутствующего в сознании обитателя города места в знаковое, статусное и интересное для определенных возрастных групп.

Среди характерных достоинств и одновременно недостатков центра Вологды горожане называли наличие сохранившейся старой деревянной застройки, памятников архитектуры (41% опрошенных). В то же время 28% опрошенных не довольны запущенным состоянием и неопрятным, убогим видом этой же старой застройки [1, с. 81]. При этом 91% опрошенных вологжан ответили, что «те или иные места в городе вызывают у них теплые, приятные чувства, и можно, видимо, говорить о достаточно высокой степени «сращенности» вологжан со средой их обитания» [1, с. 76].

Прежде чем приступить к разработке дизайн-концепции проекта, необходимо было выявить скрытый потенциал места и определить проблему стагнации территории. Анализу подвергались территории центрального планировочного района, наиболее часто посещаемые горожанами. Ответы на вопрос: «Какие места в городе Вы относите к центру?» – распределились следующим образом: 67% опрошенных считают, что Каменный мост (здесь находится объект №2 проекта «Активации» – «Бульвар раскладушек» (куратор Л. Анисимов) относится к объектам центра; 49% опрошенных считают, что набережная р. Вологды, – здесь находится объект №4, получивший название «Красный пляж» (кураторы Н. Снегирева, М. Иванова, Т. Белова), тоже относится к центру города; объект №3 проекта «Активация», расположенный на ул. Мира, получивший название «Новый пейджер» (кураторы М. Приёмывшев, Н. Чернышева), оценивается горожанами также довольно высоко: 62% опрошенных считают это место центральным. А вот сквер у политехнического университета на ул. Ленина отметили как центральное место только 25%

опрошенных, здесь проектом «Активация» был разбит «Треугольный сад» (объект №1, куратор В. Смирнова). Территорию рядом с драмтеатром на Советском проспекте (объект №5 – «Городские подмостки», куратор Д. Притчин) отметили как объект центра только 4% опрошенных. Данные опроса говорят о том, что наиболее посещаемыми до начала проекта «Активация» обитатель считал только три первые территории, находящиеся в зонах пешеходной активности. Два последних места традиционно малопосещаемы. Культурный потенциал окружения не спасает ситуацию. Корпус университета и здание драматического театра, находящиеся в центре города, не придают этим территориям престижности.

«Треугольный сад» получил свое название по форме территории, образовавшейся между существующими пешеходными тропами в сквере перед Вологодским ГТУ. Деревянное мощение террасы перетекает в длинные скамьи и лежаки с высокими спинками, на которых можно отдыхать в перерывах между парами. В теплое время года площадка может использоваться не только для отдыха, но и для учебы, проведения семинаров и презентации проектов. Здесь есть удобные лавочки и наклонная столешница для работы с ноутбуком. Но, как показала практика, действительно теплое время года наступает тогда, когда студенты уже уходят на каникулы. Сад обжит и наполнен людьми достаточно короткое время года (рис. 1).

Рисунок 1. «Треугольный сад» и его эксплуатация

Драматический театр, построенный в 70-е годы XX столетия, соответствуя стилю эпохи, имеет высокий бетонный парапет, который притягивает сюда активную молодежь, увлекающуюся паркуром и вело-триалом. Новое деревянное покрытие, предложенное архитекторами, должно соответствовать этим сценариям. Кроме того, на многоуровневых поверхностях из дерева появились места для отдыха и общения в

виде стоящих табуретов, а наклонные плоскости задают сценарий для игры. Важным элементом доступности объекта является пандус, который помогает преодолевать разбитые бетонные ступени прежнего благоустройства (рис. 2).

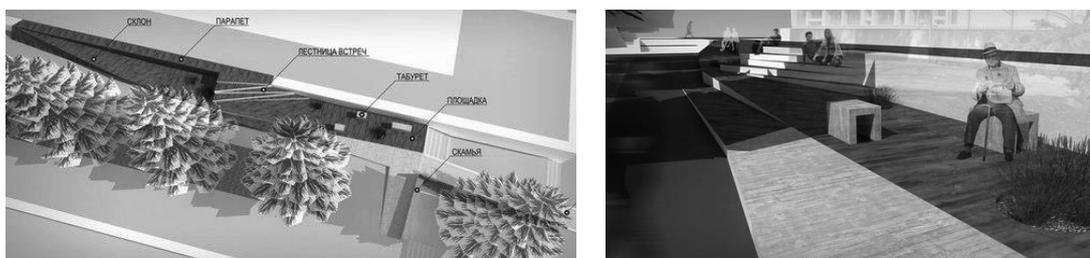

Рисунок 2. «Городские подмости». Пространство для игр и наблюдения за ними

Именно так объект №5 должен был функционировать по замыслу архитектора. Однако он полюбился не только активной молодежи. Сюда приходят мамы с колясками, так как есть пандус, фотографы с группами выпускников, поскольку ступени, развернутые в разные стороны, создают дополнительные интересные ракурсы для съемки.

Для формулировки дизайн-концепции важно было определить, какой средовой потенциал таят в себе эти пространства, что за контингент будет эксплуатировать эти объекты после завершения, не будут ли они отторгнуты как чужеродные. Это скрытый потенциал, то есть невидимый, не лежащий на поверхности. Он может быть определен только в результате длительного наблюдения за местом и его обитателями. Эти сведения стали основной достоверной информацией, которая собиралась в виде фотофиксации событий, происходящих на этих территориях в разное время суток. Кроме того, был проведен анкетный опрос. Для определения степени достоверности результатов опроса, существенно, чтобы большинство опрошенных были регулярными посетителями и обитателями данной территории и знали о её проблемах изнутри. Опросу подвергались те социальные группы населения, которые в настоящее время активно используют эту территорию и знают её проблемы.

«Красный мост» через реку Вологду — насыщенное пешеходное пространство. С моста открываются удивительная перспектива вологодских церквей и спокойная панорама реки. Объект №4 «Красный пляж» призван создать пространство для созерцания в виде амфитеатра, который

большими ступенями рассыпается на отдельные сегменты по мере удаления от берега. Ежедневно на ступенях амфитеатра люди проводят обеденное время, так как неподалёку расположено кафе, или просто наблюдают летний закат и за плавающими утками, которые облюбовали это место. А по выходным на объекте молодожены устраивают фотосессии. Рыбаки пытаются ловить рыбу (рис. 3). Даже тогда, когда объект пуст, он своим видом оживляет береговую панораму.

Рисунок 3. Объект «Красный пляж», удостоенный премии Nordic Wood в 2012 г.

Отзывы, которые горожане оставляют на объекте, свидетельствуют о признании и понимании его роли в оздоровлении среды. «Ребята, огромное спасибо вам за креатив, приятное приобретение нашего города, желаем дальнейших успехов и ждем новых работ. Жители Вологды» — такую записку на листке из блокнота оставил на этом объекте кто-то из горожан.

Проекты прошли процедуру публичного обсуждения. Макеты выставлялись для рассмотрения на суд горожан. Несколько раз проекты обсуждались на градостроительных советах, после чего шла процедура уточнения. По мнению архитектурного сообщества, все ошибки должны быть устранены в процессе неоднократных доработок. Однако атмосфера непонимания и сопротивления нововведениям архитекторов возникает в том случае, если средовой потенциал места был выявлен ошибочно. Потеря ощущения психологической привязанности к «своему месту в городе» чревата отчуждением городской среды и, как следствие, её деградацией. Далее мы остановимся на наиболее проблемных точках этого проекта и попытаемся выяснить причины точных проектных попаданий в «атмосферу места», а также ошибок в реализации, повлекших отторжение нововведений горожанами.

Поиск дизайн-концепции благоустройства Каменного моста начался с обследования скрытого потенциала места и изучения «портрета» его обитателей. Исторические фотографии и натурные наблюдения показали, что постоянными обитателями Каменного моста, исключая многочисленных прохожих, транзитом пересекающих эту территорию, являются разнообразные артсообщества, которые активно используют многолюдность и транзитность пространства для получения денежной компенсации своих выступлений и популярности. Мост востребован у промоуторов, ведущих свои рекламные акции, нищих, спонтанных торговцев, именно здесь активизируются теле- и фоторепортеры для осуществления социальных опросов горожан. Пространство моста уже давно превратилось в пешеходную улицу, движения транспорта здесь нет. Отсутствуют и какие-либо малые формы, способствующие знаковости места.

Задание на проектирование было сформулировано исходя из аналитических данных обследования. Необходимо было создать универсальное оборудование для организации спонтанных выступлений и акций, одновременно используемое транзитными прохожими для кратковременного отдыха. Оборудование должно быть трансформируемым и не мешающим движению пешеходов. Таким образом, появилась идея модульных переносных скамеек – шезлонгов, которые способны собираться в амфитеатр, разбираться на отдельные места для сидения, дополненные урнами и контейнерами для растительности. На зиму весь комплекс благоустройства пешеходной улицы «Каменный мост» демонтируется и легко убирается с этого места (рис. 4). Высокий снеговой покров не позволяет эксплуатировать их зимой.

Рисунок 4. Проект модульного амфитеатра

Объекты были выставлены на мосту в мае 2012 года. Наблюдение за их эксплуатацией показало, что народ достаточно активно пользуется оборудованием как в целях организации спонтанных выступлений и акций, так и просто для отдыха и встреч. «Возникает схема бульвара – места, вдоль которого совершаются качательные движения, не имеющие конечной цели. Движение и есть предмет» [2]. Не замечено ни одного акта вандализма. В пору белых ночей «Бульвар раскладушек» заполнен людьми почти все 24 часа в сутки (рис. 5). Здесь проходили такие акции, как «Сушка» – свободная выставка-обмен фотографиями, организовывались презентации. После проведения акций скамейки использовались для выступлений музыкантов и отдыха прохожих.

Обслуживающий персонал близлежащих кафе «Каменный мост» и салона сотовой связи отмечает, что объект улучшил облик города (100%). После монтажа скамеек и активизации жизни в этой зоне города официанты кафе отмечают улучшение настроения и приток посетителей в кафе – 53% опрошенных. Семь процентов ответили, что не заметили каких-либо изменений; 40%, а это все продавцы и менеджеры салона сотовой связи, ответили, что расположение объекта «Активация» никак не сказалось на посещаемости их заведения.

Рисунок 5. Архитектурная среда после реализации проекта

Для точного прогнозирования предпочтений потребителя городского пространства была проведена процедура выявления типов обитателей. Цель состояла в том, чтобы дать мотивированный ответ на вопрос, для кого именно создается данный продукт. После чего смоделированные предпочтения каждого типа обитателя переносятся на характеристики самого объекта проектирования. То есть ожидания потребителя превращаются в требования к продукту, в данном случае к элементам средового наполнения или к его ассортименту – типам оборудования для средового

наполнения. Главное, чтобы такое социокультурное моделирование адресатов дизайн-продукта охватило все возможные типы отношений к данному объекту. Следует получить систему потребительских предпочтений будущих потенциальных обитателей, иначе проектирование, основанное только на интуиции, чревато слишком дорогими ошибками.

В том случае, когда адресат дизайн-продукта не определен или установлен ошибочно, выявляется несоответствие ожидания потребителя проектному решению. Достаточно сложным процессом было выяснение адресата объекта «Новый пейджер», установленного на пересечении улиц Мира и Октябрьской. Это место достаточно многолюдное. Вдоль улицы размещаются супермаркет «Макси», «Дом книги», магазин «Джинсы», «Л'этуаль», почтовое отделение и офис банка. На изломе улицы когда-то стояла малая форма в виде пейджера. Она работала как пространственный знак, ориентир, просматривающийся и с Октябрьской, и с улицы Мира. Небольшой фрагмент свободного пространства, образованный изгибом улицы под малой формой, был занят клумбой, которая чаще всего была завалена мусором. Владельцы окружающих магазинов были обеспокоены таким положением и, как могли, ухаживали за клумбой.

Анализ, проведенный авторами проекта «Активация», показал, что место не освоено никем, оно слишком открыто и не уютно. Выщербленный бортик клумбы, разбитые ступени входа в магазин «Джинсы» не привлекают сюда посетителей. Пересечение двух центральных улиц, наличие большого количества магазинов, остановок общественного транспорта и парковки предполагают высокий потенциал места. Но отсутствие каких-либо пространственных знаков осмысленности этой среды делало это место транзитным. Было предложено организовать здесь малую форму в виде наклонных плоскостей, обшитых деревом, с прямоугольными вставками контейнеров для зелени. Таким образом, пространство было разделено на две зоны, обращенные к входам в магазин и на почту. Здесь были организованы скамейки (рис. 6). Предполагалось, что адресатом дизайн-продукта в этом месте будут посетители почты, магазина «Джинсы», а также многочисленные прохожие, идущие транзитом через эту территорию. Их будет радовать возможность оставить велосипед или коляску рядом со ступенями и посидеть на скамейке до открытия почты или магазина. Наклонные контейнеры дадут возможность раскрыть фронт растительности, а их высота не позволит забрасывать их мусором. Малая форма разграничивала зоны влияния магазина и почты, но при этом работала на оба объекта.

Проект не был реализован в таком виде. В процессе общественного обсуждения были высказаны опасения, что наклонными плоскостями воспользуются роллеры, а это может привести к столкновению с прохожими или даже автомобилями, которые проезжают невдалеке, по улице.

Рисунок 6. Проектное предложение объекта «Новый пейджер» и его реализация

Внесенные изменения, как показала практика, не улучшили, а ухудшили первоначальный замысел. Реализованный проект стал выглядеть как террасный подиум для сиденья. Разделение сфер влияния между магазином и почтой было отменено. От наклонных контейнеров с зеленью также отказались. Осуществленное проектное предложение стало выглядеть следующим образом (рис. 7).

Ступени, обращенные на проезжую часть улицы, поднимаются на высоту полтора метра. Чтобы не перекрывать световой фронт магазина и почты, они отодвинуты от стены дома примерно на 70 см. Место за ступенями не просматривается ни с какой точки улицы и является удачным укрытием для совершения неблагоприятных поступков. Поскольку места для сидения обращены на проезжую часть улицы, обзору открывается не самое интересное зрелище. Авторами проекта был инициирован здесь фримаркет (frimarket), который активизировал это место и повысил к нему интерес, но акция закончилась и не возродилась. А место стали обживать асоциальные элементы — бомжи, свидетельство их присутствия здесь обнаруживают каждое утро продавцы близлежащих магазинов. Результаты опроса, проведенного среди персонала заведений, находящихся в зоне влияния этого арт-объекта, показали, что только 33% опрошенных считают, что такие малые формы улучшают среду города, 7% ответили, что им это безразлично, а 60% считают это непродуманной идеей. Мусор, который скапливается от ночных посетителей, никто не

убирает, а это не прибавляет популярности их заведениям. Сто процентов опрошенных ответили, что создание этого объекта никак не повлияло на посещаемость их заведения.

Рисунок 7. Реализованное решение: Вологда, «Новый пейджер», 2012

Весьма деликатным и трудоемким является процесс определения скрытого средового потенциала места и прогнозирования будущих потенциальных клиентов. Неуловимые и не поддающиеся измерению эмоции человека, характеризующие его привязанность и любовь к месту, можно фиксировать по артефактам, оставленным им в процессе обживания. Как показал мониторинг этого объекта, в реализации проектного предложения были допущены существенные ошибки, что повлекло за собой негативные последствия. Однако те же владельцы магазинов, которые размещаются в зоне влияния «Нового пейджера», ответили отрицательно на вопрос: «Стоит ли полностью демонтировать объект?» Возврата к прежнему состоянию не хочет никто, требуют лишь пересмотреть проектное решение и исправить ошибки.

Источники

1. Иванов, А.В. Центр г. Вологды в представлениях и оценках горожан (по результатам социолого-градостроительного исследования) [Текст] / А.В. Иванов // Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия. – Вологда: Легия, 2000. – С. 69-86.
2. Глазычев, В.Л. Лекция №6 «Бульвар и его окрестности» [Электронный ресурс] / В.Л. Глазычев // Лекционный курс «Проектные формы креативного мышления». – Режим доступа: http://www.glazychev.ru/courses/pfkm/pfkm_06_16-02-2000.htm
3. Анисимова, Л.В. Городской ландшафт. Социально-экологические аспекты проектирования: учеб. пособие / Л.В. Анисимова. – Вологда: ВоГТУ, 2002. – 192 с. – ISBN S-87851-164-9.

А.В. Арбуз,
Омск

Анализ уровня модернизации в Омской области*

Оценка уровня модернизации того или иного общества (региона) имеет свою методологию и ее результатом является набор индексов первичной, вторичной и интегрированной модернизации.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть следующие аспекты:

- выявить основные составляющие процесса модернизации;
- проанализировать уровень модернизации в Омской области;
- провести сравнение уровня модернизации в Омской области с уровнем модернизации в Российской Федерации;
- проанализировать изменение уровня модернизации в Омской области за последние 10 лет.

Индекс первичной модернизации по Омской области в 2010 г. составил 98% (рис. 1). Таким образом, Омская область является высокоразвитым регионом. Первичная модернизация принимает фазу расцвета. Уровень первичной модернизации Омской области вплотную подошел к значению 100%, однако не достиг фазы перехода к вторичной модернизации. Экономическая область жизни оценивается индексом, значение которого составляет 94%. Оценка социальной области жизни принимает значение 99,5%. Уровень знаний общества оценивается на 100% (индекс знаний принимает значение 100%). Следует отметить, что реальное значение валового регионального продукта на душу населения составляет 75% от стандартного значения данного показателя. Ожидаемая продолжительность жизни на 2010 г. составляет 69 лет, и индекс ожидаемой продолжительности жизни принимает значение 98%.

Согласно теории вторичной модернизации, инновации в знаниях, их передача и использование составляют движущую силу вторичной модернизации. Ее оценка охватывает четыре группы (инновации в знаниях, передача знаний, качество жизни и качество экономики).

Так, индекс вторичной модернизации в Омской области на 2010 г. составляет 63%. Вторичная модернизация находится на подготовитель-

* Проект выполняется при поддержке РГНФ (грант №12-03-00614 а).

ной фазе. Индекс инновации в знаниях составляет 33%, индекс трансляции знаний – 85%, индекс качества жизни – 96%, индекс качества экономики – 39%.

Значение интегрированной модернизации составляет 58%. Экономический индекс принимает значение 45%, социальный – 76%, индекс знаний – 53%.

Проверим гипотезу: «уровень экономической модернизации гораздо ниже уровня социальной модернизации». Уровень экономической модернизации Омской области составляет 94%. Уровень социальной модернизации – 99,5%. Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась.

Рисунок 1. Сравнение уровня модернизации в Омской области с уровнем модернизации в Российской Федерации

Из рисунка 1 видно, что Омская область, так же как и Российская Федерация, по индексу первичной модернизации вплотную подошла к значению 100%, однако не перешагнула этот порог. Индекс первичной модернизации Омской области (98%) ниже индекса первичной модернизации Российской Федерации (99,8%). Индекс первичной модернизации Омской области совпадает с индексом первичной модернизации в целом по Сибирскому федеральному округу. Первичная модернизация в Российской Федерации завершена на 99,8%, Омской области – на 98%.

Для оценки уровня первичной модернизации анализируются три сферы жизни общества: экономическая, социальная и когнитивная (знания). Проанализируем каждую из них.

Рисунок 2. Сравнение по экономическому индикатору

Индекс экономической модернизации Российской Федерации принимает значение 100%, в то время как индекс экономической модернизации Сибирского федерального округа и Омской области в частности принимает значение 94% (рис. 2). Таким образом, Сибирский федеральный округ и Омская область уступают в экономическом развитии Российской Федерации.

Рисунок 3. Сравнение по социальному индикатору

Индекс социальной модернизации Российской Федерации и Омской области принимают одинаковые значения (99,5%; рис. 3). Однако индекс социальной модернизации Сибирского федерального округа принимает значение 99%, что ниже в целом по Российской Федерации и Омской области. Тем не менее значения данного индекса довольно высоки.

Значения индекса знаний по Российской Федерации, Сибирскому федеральному округу и Омской области принимают значения 100% (диаграмма не публикуется), что свидетельствует о высоком уровне информационно-когнитивной модернизации.

Проанализируем основные показатели, характеризующие уровень экономической модернизации. Среди них выделяются: валовой национальный продукт на душу населения; доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, по отношению к общему числу занятых; доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП; доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП. Индекс доли лиц, занятых в сельском хозяйстве, по отношению к общему числу занятых в Омской области, как и в Российской Федерации, принимает значение 100%. Индекс доли добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП в Омской области, как и в Российской Федерации, принимает значение 100%. Индекс доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП в Омской области, как и в Российской Федерации, принимает значение 100%.

Индекс валового национального продукта на душу населения в Российской Федерации и в Омской области представлен на диаграмме (рис. 4).

Рисунок 4. Сравнение по ВВП (ВРП) на душу населения

Из приведенной диаграммы видно, что значение валового национального продукта на душу населения в Омской области гораздо ниже, чем уровень данного показателя в Российской Федерации (75 и 100% соответственно).

Социальную сферу жизни общества характеризуют такие показатели, как доля городского населения во всем населении; уровень медицинского обслуживания (число врачей на 1000 человек); уровень детской смертности (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся; ожидаемая продолжительность жизни. Индекс доли городского населения во всем населении принимает значение 100%, уровень медицинского обслуживания – 100%, уровень детской смертности – 100%. Сравнение ожидаемой продолжительности жизни в Омской области, в Сибирском федеральном округе и в Российской Федерации приведено на диаграмме (рис. 5).

Рисунок 5. Сравнение по индексу ожидаемой продолжительности жизни

Индекс ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации, как и в Омской области, принимает значение 98%. Однако индекс ожидаемой продолжительности жизни в Сибирском федеральном округе составляет 96%, что ниже аналогичного индекса в Омской области.

Проанализируем уровень вторичной модернизации в Омской области относительно уровня вторичной модернизации в Российской Федерации (рис. 6).

Значение индекса вторичной модернизации в Российской Федерации принимает значение 72%, в Омской области – 63%, в Сибирском федеральном округе – 64%. Российская Федерация относится к группе среднеразвитых стран (их индексы: от 52 до 79). Таким образом, из приведенной диаграммы видно, что уровень вторичной модернизации в Российской Федерации гораздо выше уровня вторичной модернизации в Омской области и в Сибирском федеральном округе.

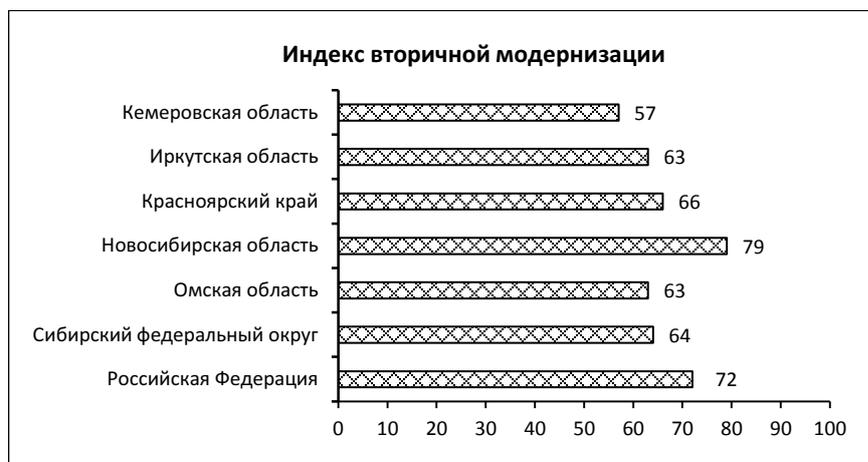

Рисунок 6. Сравнение по индексу вторичной модернизации

Оценка вторичной модернизации охватывает четыре группы: инновации в знаниях, передача знаний, качество жизни и качество экономики.

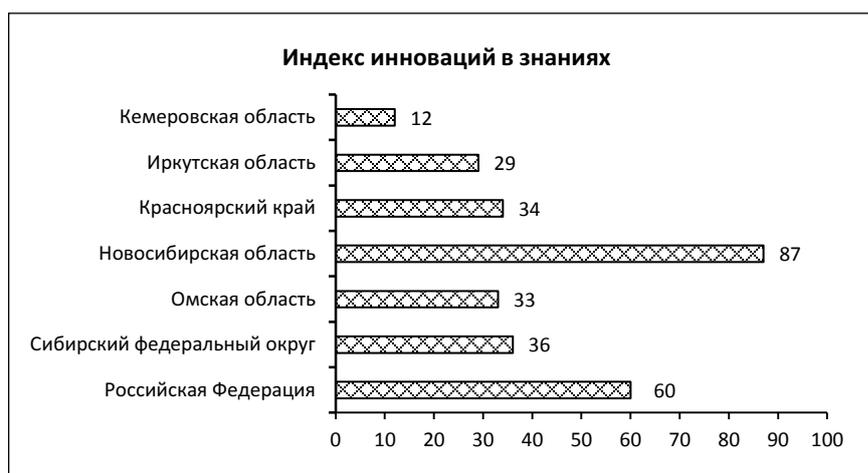

Рисунок 7. Сравнение по индексу инноваций в знаниях

Оценка индекса инноваций в знаниях в Российской Федерации принимает значение 60%, в Омской области – 33% (рис. 7). Таким образом, уровень инноваций в знаниях в Российской Федерации гораздо выше уровня инноваций в знаниях в Омской области.

Индекс инноваций в знаниях оценивается следующими показателями:

- доля затрат на НИОКР в ВРП;
- число ученых и инженеров, занятых в НИОКР на 10 000 человек;
- число жителей страны, подавших патентные заявки, на 1 млн. чел.

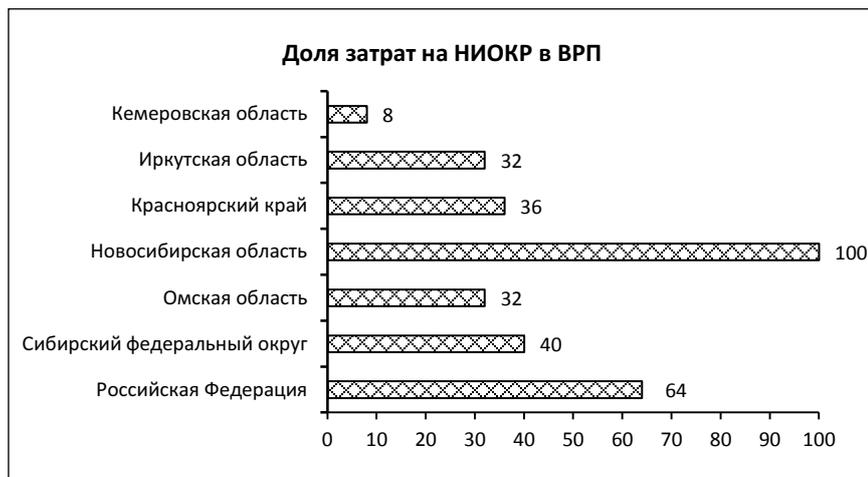

Рисунок 8. Сравнение по доле затрат на НИОКР в ВРП (ВНП)

Индекс затрат на НИОКР в ВРП в Российской Федерации принимает значение 64%, что в 2 раза выше аналогичного показателя в Омской области (рис. 8).

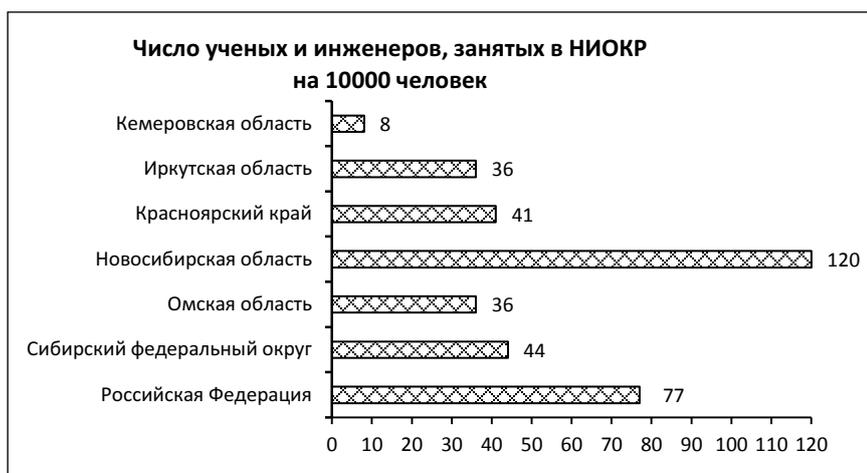

Рисунок 9. Сравнение по числу занятых в НИОКР

Вместе с тем индекс числа ученых и инженеров, занятых в НИОКР, в Российской Федерации принимает значение 77%, что выше аналогичного показателя в Омской области (36%; рис. 9).

Индекс числа жителей страны, подавших патентные заявки, в Российской Федерации принимает значение 38%, что выше аналогичного показателя в Омской области (31%; рис. 10).

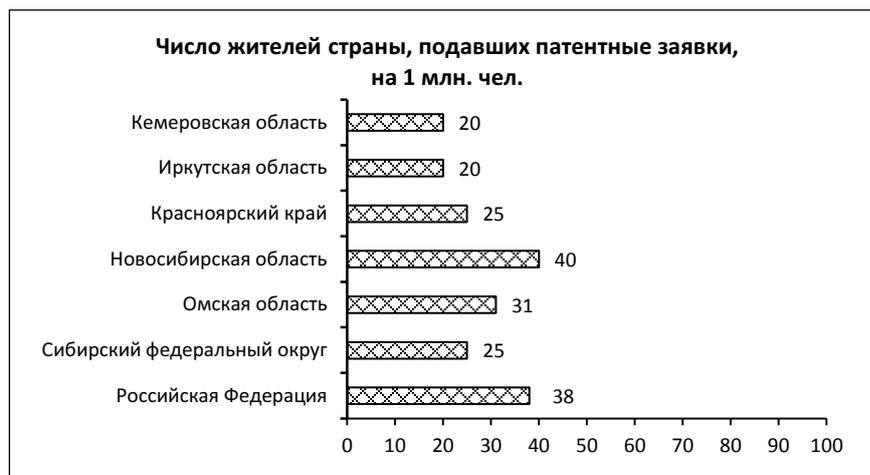

Рисунок 10. Сравнение по числу заявителей патентов

Индекс трансляции знаний в Омской области практически совпадает с индексом трансляции знаний в Российской Федерации (их значения принимают 85 и 87% соответственно; рис. 11).

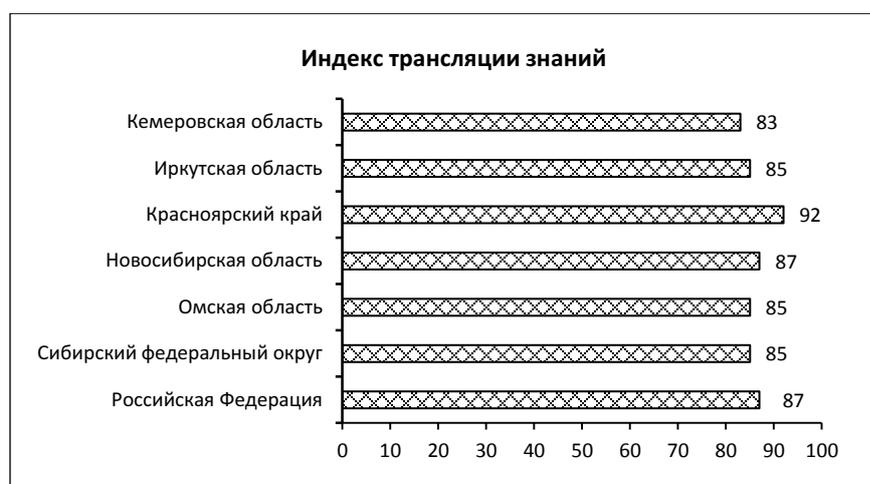

Рисунок 11. Сравнение по индексу трансляции знаний

Индекс трансляции знаний оценивается следующими показателями:

- доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет (данный показатель принимает значение 84% как в Омской области, так и в Российской Федерации в целом);
- доля студентов вузов среди населения в студенческом возрасте: 18–22 года (данный показатель принимает значение 109% как в Омской области, так и в Российской Федерации в целом);

- число телевизоров на 1000 человек (данный показатель принимает значение 100% как в Омской области, так и в Российской Федерации в целом);
- число телевизоров на 100 домохозяйств;
- число пользователей сети Интернет на 100 человек (данный показатель принимает значение 100% как в Омской области, так и в Российской Федерации в целом);
- число персональных компьютеров на 100 домохозяйств.

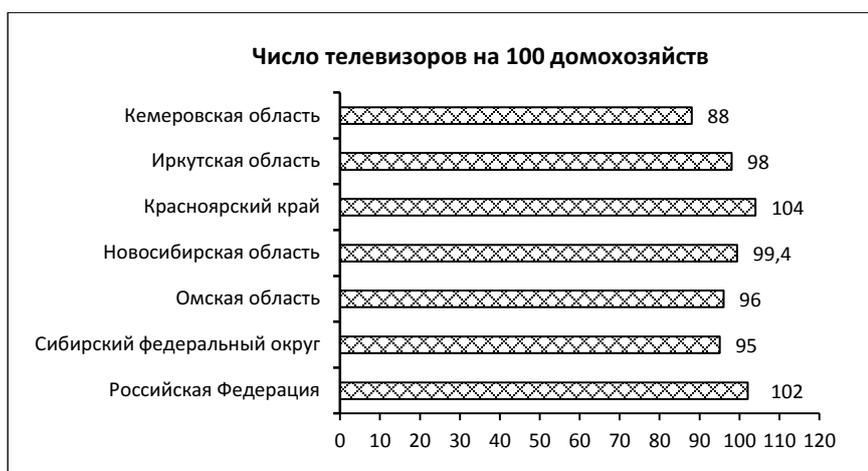

Рисунок 12. Сравнение по числу телевизоров на 100 домохозяйств

Индекс числа телевизоров на 100 домохозяйств в Российской Федерации принимает значение 102%, что выше аналогичного показателя в Омской области (96%; рис. 12).

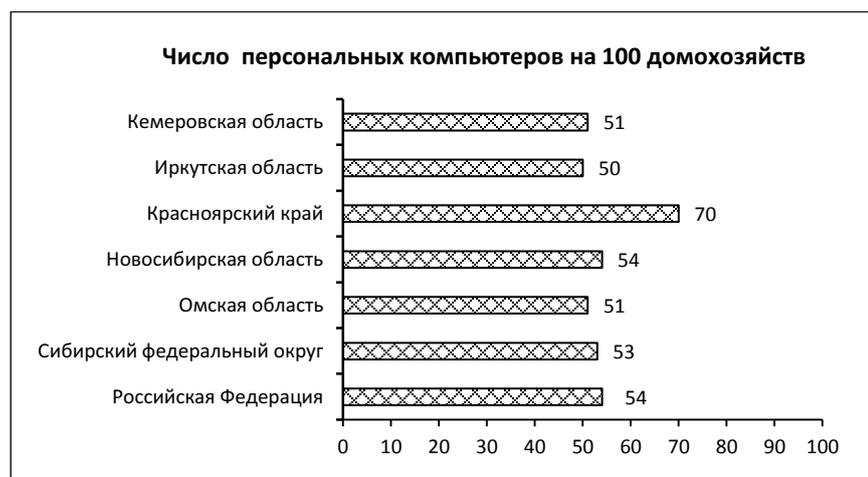

Рисунок 13. Сравнение по распространению ПК

Индекс числа персональных компьютеров на 100 домохозяйств в Российской Федерации принимает значение 54%, что выше аналогичного показателя в Омской области (51%; рис. 13).

Рисунок 14. Сравнение по качеству жизни

Индекс качества жизни в Российской Федерации принимает значение 94%, в Омской области – 96%, в Сибирском федеральном округе – 91% (рис. 14). Таким образом, качество жизни в Омской области выше, чем качество жизни в целом по Российской Федерации.

Индекс качества жизни оценивается показателями:

- доля городского населения в общем населении;
- число врачей на 1000 человек (данный показатель принимает значение 120% как в Омской области, так и в Российской Федерации в целом);
- младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся;
- средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (данный показатель принимает значение 86% как в Омской области, так и в Российской Федерации в целом);
- потребление энергии на душу (данный показатель принимает значение 89% как в Омской области, так и в Российской Федерации в целом).

Индекс доли городского населения в населении в Российской Федерации принимает значение 94%, в Омской области – 92% (рис. 15).

Индекс младенческой смертности в Российской Федерации принимает значение 80%, в то время как аналогичный показатель в Омской области – 92% (рис. 16).

Рисунок 15. Сравнение по доле городского населения

Рисунок 16. Сравнение по младенческой смертности

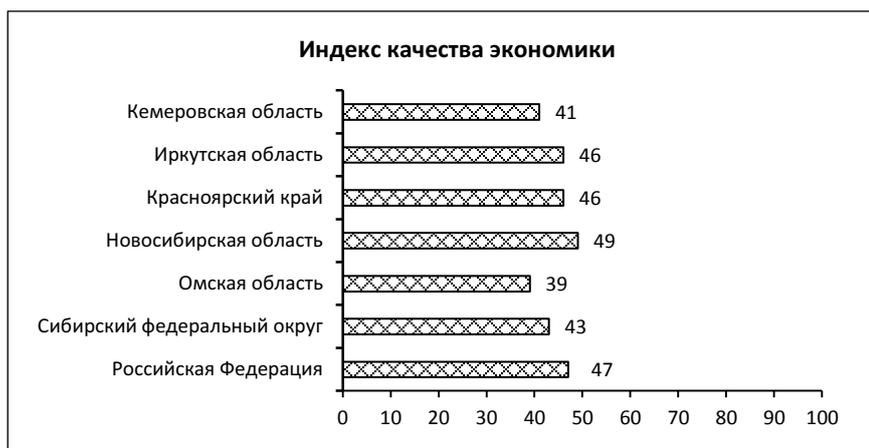

Рисунок 17. Сравнение по индексу качества экономики

Индекс качества экономики в Российской Федерации принимает значение 47%, в Омской области – 39%, в Сибирском федеральном округе – 43%. Таким образом, индекс качества экономики в Российской Федерации выше индекса качества экономики в Омской области (рис. 17).

Индекс качества экономики характеризуется такими показателями:

- ВВП на душу населения;
- ВВП на душу населения по паритетной покупательной способности;
- доля добавленной стоимости материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП;
- доля лиц, занятых в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность), в общей занятости.

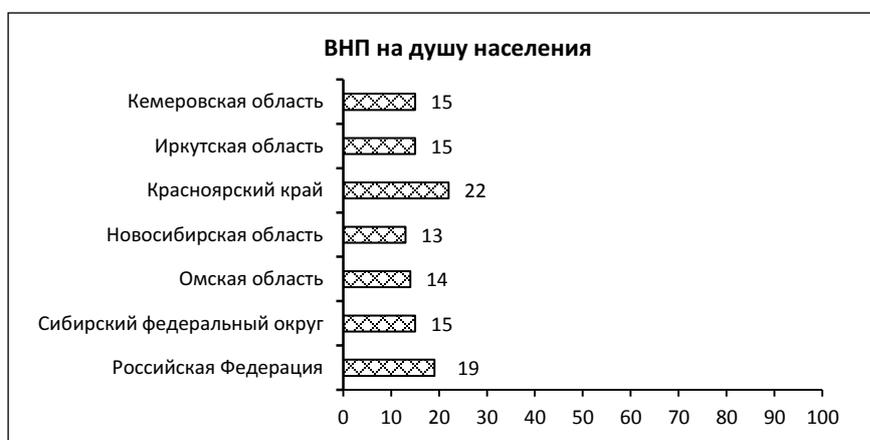

Рисунок 18. Сравнение по ВВП (ВРП) на душу населения

Индекс ВВП на душу населения в Российской Федерации принимает значение 19%, в то время как аналогичный показатель в Омской области – 14% (рис. 18).

Индекс ВВП на душу населения по ППС в Российской Федерации принимает значение 32%, в то время как аналогичный показатель в Омской области – 24% (рис. 19).

Индекс доли добавленной стоимости материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП в Российской Федерации принимает значение 63%, в то время как аналогичный показатель в Омской области – 49% (рис. 20).

Индекс доли лиц, занятых в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность), в общей занятости в Российской Федерации принимает значение 74%, в то время как аналогичный показатель в Омской области – 68% (рис. 21).

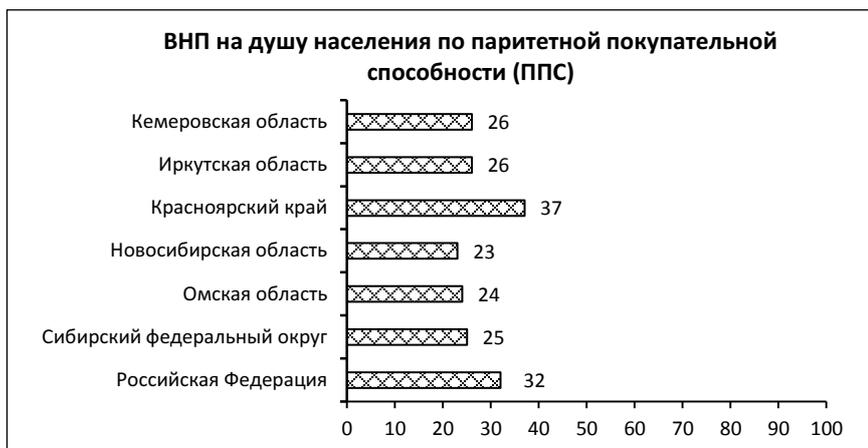

Рисунок 19. Сравнение по ВНП (ВРП) на душу населения по ППС

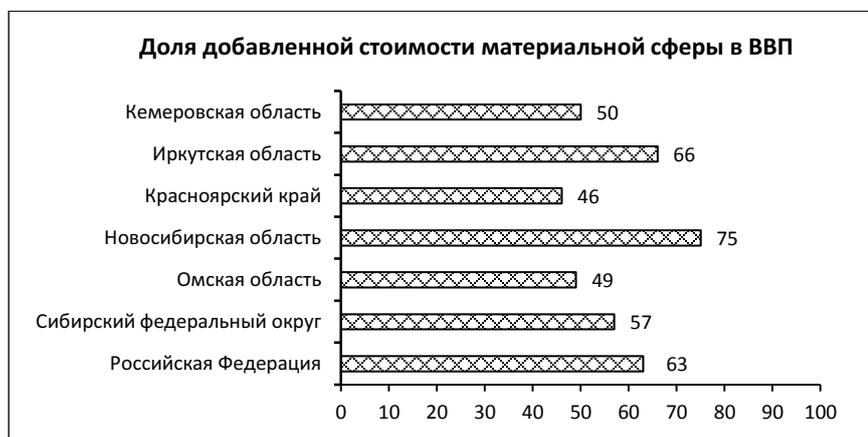

Рисунок 20. Сравнение по доле добавленной стоимости в ВВП

Рисунок 21. Сравнение по доле занятых в материальной сфере

Для оценки совокупного уровня модернизации применяется индекс интегрированной модернизации. Проанализируем индекс интегрированной модернизации Омской области и аналогичный показатель в Российской Федерации.

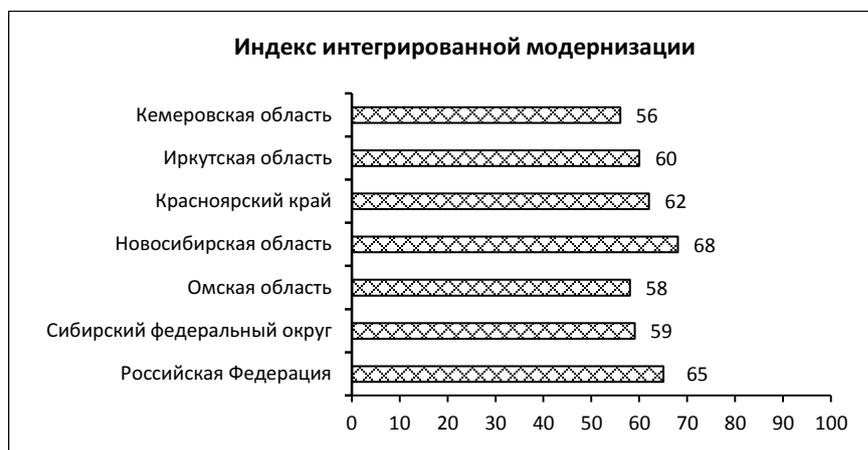

Рисунок 22. Сравнение по индексу интегрированной модернизации

Индекс интегрированной модернизации Российской Федерации принимает значение 65%, Омской области – 58% (рис. 22). Таким образом, совокупный уровень обеих стадий модернизации Российской Федерации составляет 65%, Омской области – 58%.

Индекс интегрированной модернизации включает в себя оценку следующих составляющих: экономической, социальной и когнитивной сфер жизни общества.

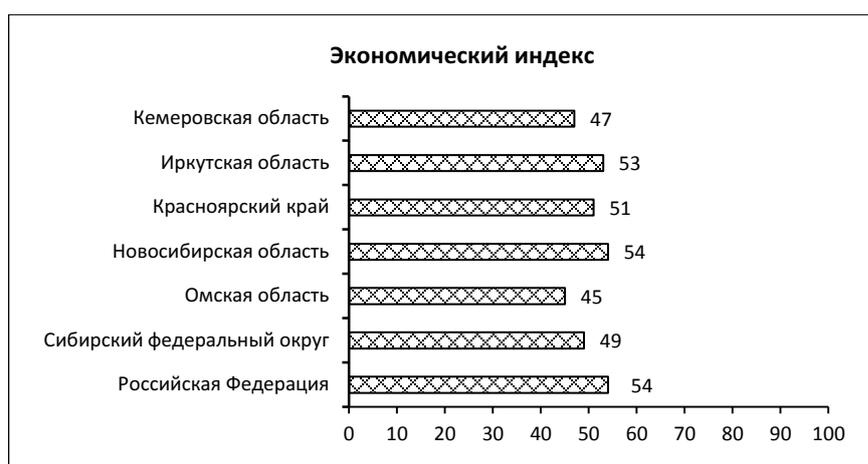

Рисунок 23. Сравнение по экономическому индексу

Совокупный уровень развития экономической сферы жизни Российской Федерации принимает значение 54%, Омской области – 45%, Сибирского федерального округа – 49% (рис. 23). Таким образом, совокупный уровень развития экономической сферы жизни Омской области ниже совокупного уровня развития экономической сферы жизни Сибирского федерального округа и Российской Федерации в целом.

Для оценки экономической сферы применяются следующие показатели: ВВП на душу населения; ВВП на душу населения по ППС; доля добавленной стоимости сферы услуг в ВВП; доля занятых в сфере услуг.

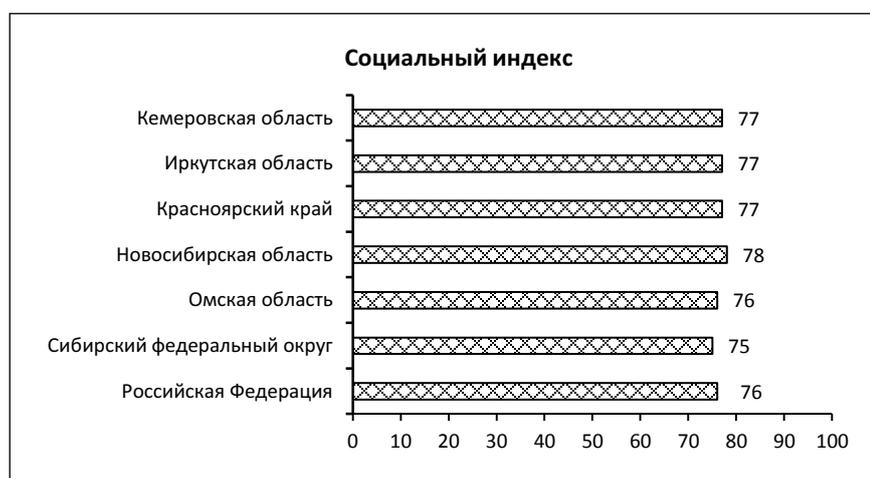

Рисунок 24. Сравнение по социальному индексу

Совокупный уровень развития социальной сферы жизни Российской Федерации составляет 76%, Сибирского федерального округа – 75%, Омской области – 76% (рис. 24).

Для оценки социальной сферы жизни применяются следующие показатели: доля городского населения во всем населении; число врачей на 1000 человек; ожидаемая продолжительность жизни; экологическая эффективность: ВВП на душу населения / расходы энергии на душу.

Индекс знаний в Российской Федерации принимает значение 64%, в Омской области – 53%, в Сибирском федеральном округе – 54% (рис. 25). Таким образом, значение индекса знаний в Омской области меньше, чем в Российской Федерации.

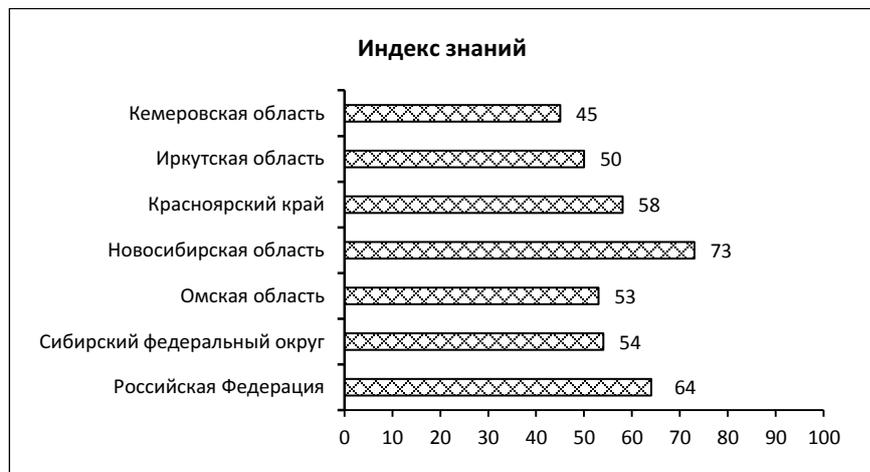

Рисунок 25. Сравнение по индексу знаний

Для оценки когнитивной составляющей сферы жизни общества применяются следующие показатели: доля затрат на исследования и разработки в ВВП; число жителей страны, подавших патентные заявки; доля студентов вузов среди населения студенческого возраста (18–22 года); число пользователей Интернет на 100 человек; число персональных компьютеров на 100 домохозяйств.

Экономические индикаторы первичной модернизации в 2010 году по сравнению с 2000 годом в Омской области выросли с 73 до 94%, увеличение составляет 28,7%.

Значительно увеличилось отклонение реального значения ВВП на душу от населения стандарта с 14 до 75%, что означает увеличение в 4,36 раза.

Доля занятых в сельском хозяйстве за 10 лет практически не изменилась: снижение с 18 до 16%, это означает, что в Омской области доля занятых в сельском хозяйстве ниже стандартного значения, поэтому индекс по данному показателю засчитывается как 100.

Доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП за 10 лет снизилась с 19 до 11% при стандарте 15%, поэтому индекс по данному показателю вырос с 79 до 100 – на 26,6%.

Доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП с 2000 по 2010 год снизилась с 50 до 45% при стандарте 45%, поэтому индекс за 10 лет существенно не изменился.

Таким образом, за 10 лет в Омской области значительно вырос ВВП на душу населения; доля лиц, занятых в сельском хозяйстве существенно не изменилась; доля добавленной стоимости, созданной в сельском хозяйстве, снизилась; доля добавленной стоимости в сфере услуг также снизилась, но по-прежнему осталась на нормальном уровне. Стоимостная структура экономики формируется под влиянием отраслевых структурных изменений, необходимости решения проблем повышения эффективности общественного производства (снижение материало-, энерго- и фондоёмкости). Усиление ресурсосбережения и совершенствование организации производства способствует росту национального дохода. Эти данные свидетельствуют о том, что структурно экономика Омской области развивается достаточно нормально, что ведет к росту ВВП на душу населения, хотя и ниже нормального значения.

Социальные индикаторы первичной модернизации в 2010 году по сравнению с 2000 годом в Омской области выросли с 99 до 99,5%, увеличение составляет 0,5%.

Доля городского населения с 2000 по 2010 год увеличилась на 4%, индекс составляет 100.

Показатель по медицинскому обслуживанию (число врачей на 1000 человек) также составляет 100, за 10 лет практически не изменился.

Уровень детской смертности (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся ниже стандарта и продолжает снижаться (с 13 до 7).

Ожидаемая продолжительность жизни ниже стандарта, индекс в 2010 году составляет 98, по сравнению с 2000 годом он увеличился на 3 пункта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальная составляющая первичной модернизации находится на высоком уровне. Но при достаточном количестве медицинского персонала наблюдается низкая продолжительность жизни, что свидетельствует о развитии других факторов смертности, на которые медицина не влияет либо влияет косвенно: ДТП с мгновенным летальным исходом, наркомания и алкоголизм. Важен и фактор доступности медицинского обслуживания, политика медицинского обслуживания такова, что акцент сделан на сохранении жизни матери и ребенка – для беременных женщин, рожениц и их детей медицинские услуги достаточно доступны.

Индикаторы по общей направленности «Знания» первичной модернизации в 2010 году по сравнению с 2000 годом в Омской области не изменились и составляют 100 пунктов.

Уровень грамотности среди взрослых составляет 100%.

Доля студентов, получающих высшее образование, среди населения в возрасте от 18 до 22 лет с 2000 по 2010 год возросла с 41 до 75%, что в принципе выше стандартного значения 15%; увеличение составляет 34%.

Общий индекс первичной модернизации составляет в 2010 году 98 пунктов, в 2000 году – 91, увеличение составляет 7,7%. Оно произошло из-за увеличения ВВП на душу населения, снижения доли добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, увеличения продолжительности жизни.

Анализируя фазовые значения первичной модернизации, можно сказать, что Омская область находится в стадии расцвета первичной модернизации, еще не осуществлен переход ко вторичной модернизации.

Для анализа вторичной модернизации используем 4 индекса: индекс инноваций в знаниях, индекс трансляции знаний, индекс качества жизни, индекс качества экономики.

Индекс инноваций в знаниях находится на достаточно низком уровне и с 2000 года снижается (в 2000 году – 40 пунктов, в 2010 году – 33 пункта, снижение – 21,2%).

Такие показатели, как доля затрат на НИОКР в ВРП и число ученых и инженеров, занятых в НИОКР, за 10 лет значительно снизились. Это означает, что, несмотря на большое количество предприятий технического и промышленного характера, внимания развитию инноваций не уделяется, в будущем это может привести к устареванию научно-технической базы и производства в целом.

Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек выросло за 10 лет почти в 2 раза.

Таким образом, потребность в НИОКР и инновациях в Омской области есть (сами жители подают патентные заявки), но снижается поддержка государства в сфере разработок, что препятствует переходу на интенсивный путь развития региона и может усугубить экономическую ситуацию в целом.

Индекс трансляции знаний находится на среднем уровне и с 2000 года увеличивается (в 2000 году – 58 пунктов, в 2010 году – 85 пунктов, увеличение – 46,5%).

Показатель доли обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет, при норме 100%, за 10 лет снизился с 95 до 84%. Увеличение доли молодого населения, которое нигде не обучается, ведет к увеличению социальной дифференциации в обществе.

Для расчета индекса знаний был включен показатель доли студентов вузов среди населения в возрасте 18–22 года, по этому показателю наблюдается положительная динамика.

Показатель числа телевизоров на 1000 человек и на 100 домохозяйств вырос за 10 лет на 559 и 32 соответственно. Число пользователей сети Интернет на 100 человек и число ПК на 100 домохозяйств (отношение к стандартному значению) выросло с 7 до 100% и с 4 до 51% соответственно.

Таким образом, существуют предпосылки и техническое оснащение для получения информации и знаний, но в целом индекс меньше 100 за счет доли населения в возрасте 12–17, которые нигде не обучаются (в 2010 году – 16%), а также за счёт оснащённости ПК и телевизорами домашних хозяйств (при высоких показателях по числу телевизоров на 1000 человек) – эти показатели говорят о дифференциации в доходах населения (у некоторых домохозяйств по несколько телевизоров и ПК, у некоторых нет вообще).

Индекс качества жизни находится на высоком уровне и с 2000 года увеличивается (в 2000 году – 82 пункта, в 2010 году – 96 пунктов, увеличение – 17,1%). Для расчета этого индекса были взяты показатели из социальных индикаторов первичной модернизации и добавлен показатель потребления энергии на душу населения. Отношение к стандартному значению этого показателя возросло за период с 2000 года с 76 до 89% (на 13%), что означает увеличение производственных мощностей предприятий и увеличение количества бытовой техники домашних хозяйств, что в целом показывает улучшение качества жизни.

Индекс качества экономики находится на низком уровне и с 2000 года практически не изменился (в 2000 году – 39 пунктов, в 2010 году – 39 пунктов, наибольшее значение было в 2008 году – 47 пунктов).

Показатель ВВП на душу населения, рассчитанный двумя вариантами, находится на очень низком уровне, по ППС – немного выше. Доля ДС материальной сферы рассчитывается как обратный индикатор, с 2000 года доля повышается: 45% против 55% в 2010 году, что свидетельствует об экстенсивном пути развития региона. Доля лиц занятых в материальной сфере, за 10 лет практически не изменилась.

Таким образом, из вышеперечисленных показателей видно, что Омская область развивается по экстенсивному пути развития, снижаются затраты на НИОКР и инновации, что в дальнейшем может привести к ухудшению экономической ситуации в целом.

Сводный индекс вторичной модернизации с 2000 по 2010 год вырос на 3 пункта и находится на уровне 63. Можно сделать вывод о том, что в обществе наблюдается дифференциация доходов, происходит достаточно мало качественных изменений, регион развивается по экстенсивному пути и пока нет предпосылок перехода на интенсивный путь.

Вторичная модернизация находится на подготовительной стадии. Таким образом, современное общество находится на стадии расцвета первичной модернизации, подготовительной фазе вторичной модернизации. Если и далее не обращать внимания на провалы в сфере НИОКР, которая нужна для увеличения эффективности производства, на дифференциацию доходов, основные социальные проблемы (алкоголизм и наркомания), доступность медицины, Омская область так и не осуществит переход ко вторичной модернизации и еще более усугубится положение граждан. Тот, кто стоит на месте, имеет не нулевой, а отрицательный результат в современном динамически развивающемся обществе.

Для расчета индекса интегрированной модернизации были рассчитаны экономический индекс, социальный индекс, индекс знаний.

В экономический индекс включались такие показатели, как ВВП на душу населения, ВВП на душу населения по ППС, доля ДС сферы услуг, доля занятых в сфере услуг. За 10 лет экономический индекс вырос незначительно и остался на низком уровне – 45 пунктов в 2010 году.

Показатель «отношение ВВП на душу населения к стандартному значению» находится на низком уровне, так же как и ВВП по ППС; за 10 лет эти показатели выросли в 4,6 и 1,5 раза соответственно. Доля ДС сферы услуг с 2000 по 2010 год сокращается, а доля занятых в сфере услуг повышается, что свидетельствует о низкой рентабельности этой сферы в регионе.

Для расчета социального индекса были взяты такие показатели, как доля городского населения, число врачей на 1000 человек, ожидаемая продолжительность жизни и экологическая эффективность. По первым трем показателям достаточно высокие значения индексов. Показатель экологической эффективности имеет низкое значение, что означает высокую для общества стоимость энергии, низкую рентабельность сферы энергетики.

Индекс знаний включает проанализированные выше показатели: долю затрат на НИОКР в ВВП, число жителей, подавших патентные заявки, долю студентов вузов среди населения в возрасте 18–22 лет, число поль-

зователей сети Интернет, число ПК на 100 домохозяйств. В целом индекс имеет низкое значение, но за 10 лет увеличился на 20 пунктов. Основные сдерживающие факторы – это доля затрат на НИОКР, число жителей, подавших патентные заявки, и число ПК на 100 домохозяйств. Причиной является слабое внимание к качественным изменениям в регионе и высокая дифференциация доходов населения.

Таким образом, индекс интегрированной модернизации находится на низком уровне, но вырос за десять лет на 10 пунктов. Основные причины низкого уровня модернизации в регионе: низкие доходы населения, низкая рентабельность производства из-за отсутствия качественных изменений в НИОКР, экстенсивный путь развития региона.

Кратко характеризуя общий результат, вернёмся к основной гипотезе о том, что уровень модернизации в Омской области можно охарактеризовать как низкий. Между тем, индекс первичной модернизации принимает значение 98%, индекс вторичной модернизации – 63%, индекс интегрированной модернизации – 58%. Но наряду с этим в ходе исследования выявлены и обозначенные выше ограничения (низкие доходы населения, низкая рентабельность производства из-за отсутствия качественных изменений в НИОКР, экстенсивный путь развития региона), которые могут стать основанием для проведения дальнейшего анализа при построении программы социально-экономического развития Омской области.

А.И. Винокуров,
Смоленск

К программе регионально-страновых сопоставлений «Социокультурный портрет Российско-белорусского приграничья» (по материалам Смоленской области)

Цель программы – генерация системы ценностей и целей реинтеграции Союзного государства на материалах регионально-страновых сравнений показателей социокультурной эволюции Российско-белорусского приграничья.

Программа базируется на описании статистической и социологической информации, которая собирается по следующим составляющим: регион как социокультурное сообщество; население и поселения; культурный потенциал и капитал населения; трудовая мотивация и экономическая активность населения; уровень жизни, проблемы её качества; социальная стратификация, мобильность; реалии инновационной деятельности; правопорядок и правонарушения; государственное и муниципальное управление.

Теоретические основы регионально-страновых сопоставлений разработаны членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным и профессором Л.А. Беляевой. Методология и инструментарий разработки в РФ использовались в рамках тематики фундаментальных научных исследований Президиума РАН (программа 24 «Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез»).

На основе сравнительного анализа показателей социокультурной эволюции пространств западного приграничья программа позволит получить портрет культурных миров Российско-белорусского приграничья Союзного государства; оценить особенности проявления суверенитета и социокультурного потенциала интеграции в Союзном государстве, их влияние на систему индивидуальных и групповых ценностей населения; определить приоритетные направления и технологии преодоления противоречий, развития сотрудничества и интеграции во взаимоотношения государственных учреждений, бизнес-сообществ, масс-медиа и граждан России и Беларуси.

Социокультурный портрет западного приграничья Союзного государства может быть востребован органами управления, деловым сообществом, общественными организациями, научно-исследовательскими центрами и образовательными учреждениями, Постоянным комитетом Союзного государства.

Изложенный подход был апробирован в проекте «Социокультурные основания стратегии развития регионов России» (V Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» в г. Смоленске в 2009 г.).

Смоленская область – субъект Российской Федерации, входит в состав Центрального федерального округа, располагается в центральной части Восточно-Европейской равнины. Административный центр – город Смоленск. Смоленская область расположена в центре Восточно-Европейской равнины, на крайнем западе Российской Федерации. Область входит в состав Центрального административного округа Российской Федерации и по сетке экономического районирования принадлежит к территории Центрального экономического района. Область граничит: на юго-западе, западе и северо-западе – с Республикой Беларусь, на севере – с Псковской и Тверской областями, на северо-востоке – с Московской областью, на востоке – с Калужской областью, на юго-востоке – с Брянской областью.

Протяженность государственной границы составляет около 1/3 всего периметра, ее пересекают более полутора сотен дорожных переходов всех категорий и видов дорог (от шоссе М1 трассы федерального значения Москва – Западная Европа до «проселков», традиционно используемых для трансграничного обмена жителями приграничной полосы).

Площадь Смоленской области в современных границах равна 49,8 тыс. кв. км, что составляет около 0,3% площади России. Протяженность территории с запада на восток – 280 км, с севера на юг – 250 км.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 г. №131 с 1 января 2006 года в состав административно-территориальных единиц Смоленской области входят 2 города областного подчинения: областной центр Смоленск (326,9 тыс. чел.) и Десногорск (29,4 тыс. чел.), 11 поселков городского типа, 299 сельских поселений. Крупные города Смоленской области – Вязьма (56,3 тыс. чел.), Гагарин (31,3 тыс. чел.), Рославль (53,9 тыс. чел.), Сафоново (45,3 тыс. чел.), Ярцево (47,5 тыс. чел.), Дорогобуж (10,5 тыс. чел.).

В число городских поселений входят 15 рабочих поселков. Наиболее крупные из них – Верхнеднепровский и Озерный. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года на территории области учтено 985,5 тысячи человек, постоянно проживающих, и 1,8 тысячи человек, временно проживающих на территории области и постоянно проживающих за рубежом.

Смоленская область занимает 16 место по численности населения среди 18 регионов Центрального федерального округа. С 2002 по 2012 год численность постоянного населения области сократилась на 77,9 тыс. человек, или 7,4%. Временно проживающих зафиксировано больше в 2,9 раза. По отношению к 2002 году численность населения Смоленской области в 2012 году составляет 92,6% – восьмое место среди семнадцати областей Центрального федерального округа. Этот показатель ниже у Брянской, Ивановской, Костромской, Курской, Орловской, Тамбовской, Тульской, Тверской и Ярославской областей.

С 90-х годов XX века Смоленская область вступила в стадию стабильной депопуляции, она относится к числу регионов Центральной России с наибольшими потерями населения в XX в. С 1926 г. общая убыль населения составила более миллиона человек или более половины (54,2%) исходной численности населения в середине 1920-х гг. Всё это привело к невосполнимым демографическим утратам.

За последние годы численность населения Смоленской области сокращается в среднем в год на 10,2 тыс. человек. С 1994 г. по относительным темпам естественной убыли область почти вдвое опережает показатели по стране в целом.

В системе сельского расселения сокращается число поселений и их людность. В регионе отмечено преобладание сверхмалых и малых (до 100 жителей) поселений, на которые приходится более 3/4 всех сельских поселений. Отмечается мелкоселенность сельского расселения, преобладание мелкоконтурных сельскохозяйственных угодий, значительная залесенность территории области. С 1959 г. Смоленская область утратила более 4 тыс. сельских поселений. Прогноз к 2015 г. по ряду районов области – неблагоприятный. Одной из причин сокращения численности населения является его естественная убыль.

На численность населения области заметно влияет миграция, которая в силу её направленности (миграционная убыль) не может компенсиро-

вать естественную убыль населения. Наибольшая миграционная убыль смолян отмечается в регионы ЦФО, г. Москву и С.-Петербург. Основные мотивы выезда: поиск высокооплачиваемой работы.

Регрессивная направленность изменений большого масштаба проявляется в жизнеобеспечивающей функции приграничной моноэтнической общности русских людей, снижении потенциала развития одной из территорий ЦФО России.

Смоленщина занимает одно из первых мест в ЦФО по заболеванию туберкулёзом. В области усиливается процесс демографического старения. Почти каждый четвертый житель Смоленщины находится в возрасте старше трудоспособного. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Смоленской области, по предварительной оценке, численность постоянного населения области на 1 января 2013 г. составила 976,7 тыс. человек. Сокращение численности населения происходило за счет естественной убыли, которая в 2012 году сократилась по сравнению с 2011 годом на 0,3 тыс. человек (на 5,8%). Миграционный прирост компенсировал естественную убыль на 22,9%. В городских населенных пунктах в 2012 году родился 6251 младенец (73%), в сельской местности – 2365 (27%), по сравнению с 2011 годом число родившихся в городской местности увеличилось на 1,4%, в сельской местности – на 0,3%.

В 2012 году по сравнению с 2011 годом в 9 районах области и г. Смоленске увеличилось число родившихся, в то же время в 18 районах и в г. Десногорске наблюдалось снижение числа умерших. В городских населенных пунктах в 2012 году умерло 8870 человек (66%) – на 0,2% меньше, чем в 2011 году; в сельской местности – 4646 (34%) – на 3,9% меньше.

Во всех районах области, кроме г. Десногорска, наблюдалась естественная убыль населения. На 100 рождений в целом по области в 2012 году приходилось 157 случаев регистрации смерти (в 2011 году – 161), в городской местности – 142, в сельской местности – 196 случаев. Превышение числа умерших над числом родившихся 2,5 раза и более учтено в четырех районах области (16%).

В Смоленской области увеличилась доля городского населения. По Центральному федеральному округу этот показатель составляет 81,3% против 79,9% в 2002 году. В Смоленской области соотношение городского и сельского населения составляет 72,8 и 27,2%, в 2002 году – 70,8 и 29,2% соответственно. В 35 населенных пунктах области числится более

1 тысячи человек, из них 24 населенных пункта – с числом от 1001 до 2000 человек, 7 населенных пунктов – от 2001 до 3000 человек, 4 населенных пункта – от 3001 до 5000 человек. В среднем на один населенный пункт области приходится 70 человек.

Трудовые ресурсы Смоленской области на 1 января 2013 г. составили 619,7 тыс. человек, в том числе:

- экономически активное население – 533,6 тыс. человек (86,1%);
- лица, занятые в экономике, – 498,2 тыс. человек (80,3% к общим трудовым ресурсам);
- учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от работы, – 35,4 тыс. человек (5,7% к общим трудовым ресурсам);
- трудоспособное население в трудоспособном возрасте, не занятое в экономике, – 86,1 тыс. человек (13,9% к общим трудовым ресурсам).

Ситуация на рынке труда Смоленской области формируется под влиянием показателей, характеризующих состояние экономики. На сегодняшний день наблюдается определенная стабилизация ситуации в сфере занятости населения. Коэффициент напряженности (отношение численности незанятых граждан, зарегистрированных в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, к количеству заявленных свободных рабочих мест) составил 1,1 человека на вакансию (на 1 января 2012 г. – 1,7 человека на одну вакансию). Уровень регистрируемой безработицы (отношение численности граждан, признанных в установленном порядке безработными, к численности экономически активного населения) несколько снизился и составил 1,11% (на 1 января 2012 г. – 1,29). Неоднозначно складывается обстановка в районах области: если в Глинковском районе уровень регистрируемой безработицы зафиксирован на отметке 6,45%, Ершицком – 5,02%, Ельнинском – 4,03%, Темкинском районе – 3,63%, то в Вяземском районе – 0,37%, городе Смоленске – 0,51%, Десногорске – 0,53%, Смоленском районе – 0,59%, Рославльском – 0,90%, Ярцевском – 0,91%. Уровень регистрируемой безработицы, по официальным данным Росстата, составил по России 1,3%, по ЦФО – 0,8%.

Несмотря на принимаемые региональной властью меры по улучшению ситуации на рынке труда Смоленской области, остается значительной численность граждан, нуждающихся в дополнительных мерах социальной поддержки на рынке труда. Так, доля безработных женщин в числе зарегистрированных безработных составила 55,8%, лиц, испытывающих трудности в поиске работы, – 21,3%, в том числе инвалидов – 8,0%.

Интенсивность миграции населения Смоленской области неуклонно снижается. Если в 1990 году интенсивность миграции населения области составляла 4,5%, в 2000 году – 1,7%, то в 2010 году – только 1,3%. Лишь в 2008–2009 годах в Смоленской области наблюдался незначительный миграционный прирост за счет увеличения миграционного прироста со странами Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), вызванного мировым финансово-экономическим кризисом, который в этих странах был более глубокий, чем в Российской Федерации. В 2012 году миграционный прирост составил 1122 человек, что в 2,7 раза меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (3021 человек).

Международная миграция в Смоленскую область формируется главным образом из представителей государств-участников СНГ. Миграционные связи со странами дальнего зарубежья не оказывают существенного влияния на миграционную ситуацию. Миграционный прирост населения обеспечивался только за счет стран СНГ, прежде всего Беларуси – 1748 чел., Узбекистана – 883 чел., Украины – 379 чел., Таджикистана – 376 чел., Республики Молдова – 329 чел., Армении – 295 чел., Киргизии – 199 чел. и Казахстана – 148 чел.

Основная масса миграционных потоков населения области, оказывающая влияние на численность и состав населения, приходится на межрегиональные перемещения – в общем объеме миграции на них приходилось более 40% и их роль в формировании миграционной убыли населения оценивается как основная.

Наиболее мощный отток населения из Смоленской области направлен в самые развитые в социально-экономическом отношении регионы: Московскую область, города Москву и Санкт-Петербург, в обмене с которыми в 2012 году Смоленская область потеряла 2855 (2011 г. – 2300) человек, а всего за 1999–2012 годы – более 25 тыс. человек.

Смоленский регион продолжает оставаться привлекательным для иностранных граждан, о чём свидетельствуют показатели динамики их въезда на территорию региона. В 2012 году на миграционный учет в УФМС России по Смоленской области поставлено 59 230 (2011 г. – 58 708) иностранных граждан, в том числе по месту пребывания (с учетом продления срока регистрации) 55 083 (2011 г. – 55 526) иностранных граждан.

Исследование фазовых значений социокультурной модернизации Смоленской области в системе показателей модернизации «регион, федеральный округ, Россия, весь мир» показало следующее.

Уровень первичной модернизации Смоленской области соответствует уровню среднеразвитых стран за последние исследуемые годы. Индекс осуществления первичной модернизации в 2010 году равен 98, прирост за последние 10 лет составил 10%. Наименьшее значение индекса наблюдалось в 2000 году (88). Для достижения максимального значения индекса первичной модернизации необходимо, в первую очередь, увеличить ВРП на душу населения. Хотя за последние 10 лет значение индекса увеличилось практически в 5 раз. При этом отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВРП за весь рассматриваемый период составляет менее 15%, что принято за стандарт для завершения первичной модернизации. То же касается доли занятых в сельском хозяйстве к общей численности занятых – менее 30%.

Продолжительность жизни по годам в Смоленской области остаётся относительно стабильной, индекс составляет в среднем 90%. Уровень грамотности среди населения за последние 10 лет практически не изменился и составляет, в соответствии со статистическими данными, около 99%.

Первичная модернизация в Смоленской области переживает фазу расцвета и начало перехода к вторичной модернизации. Регион находится в подготовительно-начальных фазах вторичной модернизации. Индекс осуществления вторичной модернизации в Смоленской области в 2010 г. равен 61. Причём рост значения индекса происходит планомерно. Из четырех групп параметров вторичной модернизации две группы имеют достаточно высокие индексы: это качество жизни (в 2010 г. – 103%, а за 10 лет увеличение в среднем на 23,7%) и индекс трансляции знаний (в 2010 г. – 83%).

В системе показателей качества жизни все показатели стабильны в динамике, снизилась только младенческая смертность (на 67%). Что касается группы показателей «трансляция знаний», то число интернет-сетей хотя и увеличилось за 10 лет почти в 6 раз, всё же фазовое значение индекса в 2010 году составило только 40.

Чрезвычайно низкими оценками обладают две другие группы показателей: область инноваций в знаниях (11–16%) и область качества экономики (38–42%). Динамика индексов данных групп неравномерна по годам. Считаем, что первая из них тормозится всеми параметрами; реальные значения индексов заметно различаются по всем трём показателям, хотя проявляется некоторая тенденция к росту индексов, а вторую тормозит низкий уровень ВРП на душу населения.

Для достижения высокого уровня вторичной модернизации необходимо: увеличение затрат на НИОКР (в 20 раз); увеличение числа ученых и инженеров, занятых в НИОКР, и числа жителей, подающих заявки на патенты (в 10 раз).

Вторичная модернизация в Смоленской области находится на подготовительной стадии. Среднее фазовое значение составляет 0,25. Значение интегрированного индекса модернизации предварительно соответствует уровню развитых стран. Из трех групп параметров интегрированного индекса наиболее высокое значение имеет социальный индекс – 76% в 2010 году.

Индекс эффективности знаний в 2010 г. равен 44%. С одной стороны, здесь на 100% достигнута доля студентов среди молодежи соответствующих возрастов. С другой стороны, индекс финансирования затрат на исследования и разработки по отношению к ВВП составляет лишь 20%, а индекс числа жителей, подающих заявки на патенты (на 1 млн. человек), только 14%.

Таким образом, антропосоциетальные трансформации современной Смоленщины показывают своеобразие социокультурных изменений одной из территорий приграничья запада России и объективируют важность регионально-страновых сравнений со своими соседями.

Я.Н. Дашина,
Тюмень

Обеспечение прав и свобод граждан в Тюменском регионе (по материалам социокультурного мониторинга)*

Для любого человека важно быть защищенным от различного рода опасностей, а посему этот вопрос является одним из главных и актуальных на сегодняшний день. Каждое государство стремится максимально обезопасить своих граждан путем принятия законов, проведения различных профилактических мероприятий и т.д. Но нужно помнить о том, что важно не только наделить население правами и свободами, но и повсеместно их соблюдать.

Одной из главных опасностей для человека является преступность. Для того чтобы властные органы и правоохранительные структуры могли принимать адекватные решения по противодействию преступности, необходимо проводить мониторинг в каждом регионе страны с целью определить состояние преступности, узнать самочувствие населения: насколько оно чувствует себя защищенным и насколько защищаются его права и свободы.

Чувство защищенности у человека возникает тогда, когда он, сталкиваясь с окружающей действительностью, не испытывает неприятных чувств и опасения. Поэтому, чтобы население чувствовало себя безопасно, нужно стабильно координировать действия всех уполномоченных лиц в масштабе отдельного региона и страны в целом.

В данной статье автор анализирует, какой на данный момент уровень преступности в Тюменской области, какова раскрываемость преступлений, насколько защищенным чувствует себя население.

К 2012 г. число зарегистрированных преступлений в Тюменской области снижается. Как видно из таблицы 1, максимально высокий рост преступности пришёлся на 2005 и 2006 гг., когда количество преступлений возросло более чем в 2 раза по сравнению с 1990 г.

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №12-03-00304.

С 2006 г. идет спад числа совершенных преступлений: в 2007 г. показатель был снижен на 14%, в 2008-м – на 18%, в 2009 и 2010-м – на 7%, в 2011-м – на 9%, в 2012-м – на 14% по сравнению с предыдущим годом. Несмотря на общую тенденцию сокращения уровня преступности, Тюменская область, включая автономные округа, занимает *13 место* по России по уровню преступности на 2011 г.

Таблица 1. Зарегистрированные преступления, совершенные на территории Тюменской области, включая автономные округа [1; 2; 4]

Виды преступлений	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Число зарегистрированных преступлений, на 100 тыс. человек	1675	2472	2476	3725	3960	3419	2798	2608	2423	2205	1892
Число убийств и покушений на убийство	469	800	766	775	710	534	511	470	460	377	365
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	1356	2017	1484	1880	1666	1610	1520	1449	1357	1344	1253
Изнасилование и покушение на изнасилование	403	348	191	225	241	195	164	150	150	152	139
Грабежи	2613	4457	3976	10916	10665	8677	6619	5338	4255	3310	2081
Разбой	1908	1782	1371	417	...
Кражи	26639	36866	30917	54518	55009	48585	37095	33888	33143	30920	25053
Преступления в сфере экономики				4977	6694	7002	9262	10494	8318	4119	...
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков		2711	7220	9135	10725	8795	8325	7911	6633	6976	7013
Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств							743	795	771	842	959
из них повлекшие по неосторожности смерть человека, двух или более лиц							372	249	258	256	305
Взяточничество							376	436	447	390	386
Число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии	4443	6074	5469	4865	4870	3813	3357	3163	2341	2435	

С 2006 г. в сфере незаконного оборота наркотиков количество преступлений шло на спад. В 2011 г. показатель вырос на 5%, в 2012 — на 1% по сравнению с прошлым годом. Для сравнения: в соседних Омской и Челябинской областях в 2011 г. зарегистрировано в 2 раза меньше преступлений, чем в Тюменской области (3366 преступлений в Омской области и 4607 — в Челябинской).

В «Социокультурном портрете Тюменского региона 2013 г.» населению задавался вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с проблемой наркомании?» Результаты показали, что больше четверти ответивших (27%) сталкивались с проблемой либо лично, либо каким-то другим образом (рис. 1).

Рисунок 1. Столкновение с проблемой наркомании (в % числа от опрошенных)

Вышеуказанный вопрос взаимосвязан с вопросом: «Знаете ли Вы людей, употребляющих наркотики?» Был проведен корреляционный анализ по Спирмену, подтвердивший сильную двустороннюю связь между показателями ($\text{sig.} = 0,000$), (табл. 2). Логично, если человек сталкивался так или иначе с проблемой наркомании, он знает людей, кто употребляет наркотики, и, наоборот, 35% опрошенного населения знает таких людей.

Наркомания является латентной проблемой по своей природе, люди не всегда могут откровенно признаться в опыте личного употребления наркотиков или опыте своих близких, знакомых. И полученные данные отчетливо это подтверждают: в ответах на прямой вопрос о столкновении с наркоманией и на косвенный вопрос об информированности о людях, употребляющих наркотики, — цифры разнятся.

Таблица 2. Уровень взаимосвязи между вопросами о личном столкновении с наркоманией и информированности о людях, употребляющих наркотики

Вопрос			Приходилось ли Вам сталкиваться с проблемой наркомании? Если да, то каким образом?	Знаете ли вы людей, употребляющих наркотики?
Приходилось ли Вам сталкиваться с проблемой наркомании? Если да, то каким образом?	Correlation Coefficient	1		0,435*
	Sig. (2-tailed)			0
Знаете ли Вы людей, употребляющих наркотики?	Correlation Coefficient	0,435*		1
	Sig. (2-tailed)	0		

* Значимая связь.

Увеличилось и число преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: в 2011 г. оно выросло на 9%, в 2012 – на 14% по сравнению с предыдущим годом. Вполне вероятно, что это связано с увеличением числа машин у населения. Естественная тенденция: чем больше машин, тем выше уровень нарушений правил дорожного движения вследствие огромного потока машин на дорогах.

Несмотря на высокий уровень преступности (относительно среднероссийского показателя), раскрываемость преступлений в Тюменской области каждый год увеличивается (рис. 2). По сравнению с 2007 г. в 2012 г. раскрыто *в 2 раза больше* преступлений (56,2%). Это положительные данные: зарегистрированных преступлений с каждым годом становится меньше, раскрываемость – выше.

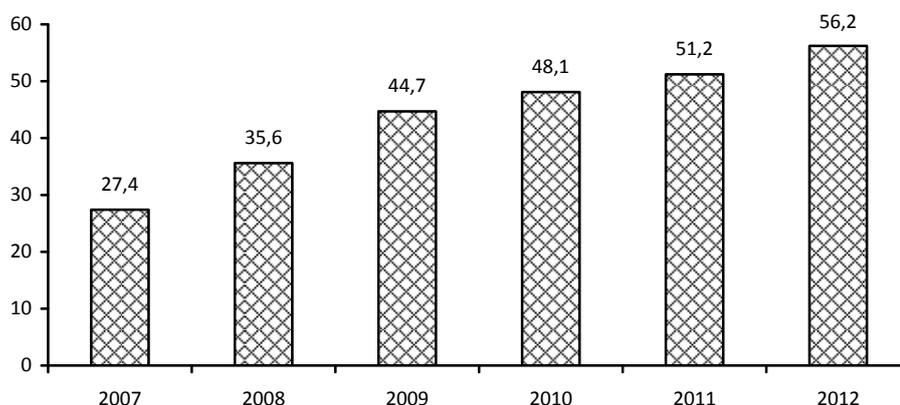

Рисунок 2. Раскрываемость преступлений в Тюменской области, в %

Состояние преступности по регионам области различается. В Ямало-Ненецком автономном округе в 2012 г. зарегистрировано 1692 преступления на 100 тыс. человек, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре – 1743, на юге Тюменской области – 2142 преступления [3]. На долю ЯНАО в общем количестве зарегистрированных преступлений приходится 14%, ХМАО – 42%, юга Тюменской области – 45%. Такое распределение по регионам области ($\pm 2\%$) сохраняется уже на протяжении 22 лет.

На юге Тюменской области продолжает оставаться самой острой проблемой кражи – с 1990 г. на этот вид преступлений приходится самая большая доля (40% и выше) из всех совершенных преступлений. В 2012 г. на их долю пришлось 40,5% от общего количества совершенных преступлений (в ХМАО этот показатель равен 36,4%, в ЯНАО – 34,6%). Для ХМАО продолжает оставаться актуальной проблема незаконного оборота наркотиков: в 2012 г. зарегистрировано 12,3% от общего количества преступлений. Для юга области также увеличилась доля преступлений в сфере наркооборота, но она ниже, чем в северных округах.

Преступность и правопорядок тесно взаимосвязаны между собой: чем ниже уровень преступности, тем выше правовой уровень политической системы. Для оценки нарушаемости прав и свобод человека населению Тюменской области задавался вопрос: «Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?» На основе распределения ответов определяются показатели:

- нарушаемость прав и свобод – **Сн** – доля (в %) тех, кто сталкивался с нарушением прав и свобод, среди всех опрошенных);
- интенсивность отстаивания нарушенных прав и свобод – **Ки** – доля тех, кто отстаивал нарушенные права, среди тех, кто сталкивался с нарушениями;
- успешность защиты прав и свобод – **Ку** – доля тех, кому удавалось отстаивать нарушенные права, среди тех, кто отстаивал нарушенные права и свободы.

За период 2009, 2011 и 2013 гг. отмечаются следующие изменения: в 2013 г. увеличивается нарушаемость прав и свобод (табл. 3). При этом интенсивность защиты нарушенных прав немного снижается, но повышается уровень успешности защиты. Население Тюменской области стало чаще встречаться с неправомерной деятельностью, реже защищать свои права, но если и отстаивает их, то вполне удачно.

Таблица 3. Нарушаемость прав и свобод человека в Тюменской области
2013 год

Ранг	Права и свободы	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивность защиты		Успешность защиты	
		<i>Рн</i>	<i>Сн(%)</i>	<i>Ри</i>	<i>Ки</i>	<i>Ру</i>	<i>Ку</i>
1	Право на безопасность и защиту личности	2	32	1	0,72	3	0,70
2	Право частной собственности	5	25	5	0,68	1	0,75
3	Равенство перед законом	1	32	4	0,69	10	0,48
4	Право на труд	3	28	6	0,68	7	0,60
5	Право на образование и обучение	6	22	2	0,70	2	0,72
6	Право на тайну личной переписки и т.п.	7	19	7	0,63	8	0,60
7	Право на свой язык, культуру	9	19	9	0,53	6	0,60
8	Религиозные свободы и свобода совести	8	19	8	0,53	4	0,65
9	Свобода слова	4	26	3	0,69	5	0,63
10	Свобода объединений, групп, союзов	10	18	10	0,50	9	0,54
	Среднее значение = сумма/10		24		0,64		0,63

2011 год

Ранг	Права и свободы	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивность защиты		Успешность защиты	
		<i>Рн</i>	<i>Сн(%)</i>	<i>Ри</i>	<i>Ки</i>	<i>Ру</i>	<i>Ку</i>
1	Право на безопасность и защиту личности	2	23	4	0,72	5	0,48
2	Право частной собственности	5	18	2	0,73	1	0,58
3	Равенство перед законом	1	24	1	0,73	10	0,37
4	Право на труд	3	21	3	0,72	3	0,49
5	Право на образование и обучение	6	14	7	0,68	2	0,53
6	Право на тайну личной переписки и т.п.	7	13	5	0,71	8	0,43
7	Право на свой язык, культуру	9	12	9	0,65	7	0,47
8	Религиозные свободы и свобода совести	10	12	8	0,66	4	0,48
9	Свобода слова	4	19	6	0,69	6	0,47
10	Свобода объединений, групп, союзов	8	13	10	0,64	9	0,43
	Среднее значение = сумма/10		17		0,69		0,47

Окончание таблицы 3.

2009 год

Ранг	Права и свободы	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивность защиты		Успешность защиты	
		<i>Рн</i>	<i>Сн(%)</i>	<i>Ри</i>	<i>Ки</i>	<i>Ру</i>	<i>Ку</i>
1	Право на безопасность и защиту личности	1	24	3	0,70	3	0,67
2	Право частной собственности	5	18	1	0,74	2	0,67
3	Равенство перед законом	2	23	4	0,69	8	0,56
4	Право на труд	3	21	2	0,73	6	0,57
5	Право на образование и обучение	6	14	6	0,67	4	0,59
6	Право на тайну личной переписки и т.п.	8	12	7	0,67	10	0,46
7	Право на свой язык, культуру	9	12	9	0,65	5	0,59
8	Религиозные свободы и свобода совести	7	13	10	0,64	1	0,68
9	Свобода слова	4	19	8	0,66	7	0,57
10	Свобода объединений, групп, союзов	10	11	11	0,59	9	0,53
	Среднее значение = сумма/10		16		0,67		0,57

В данных таблицах:
Рн, *Ри*, *Ру* – обозначения рангов нарушаемости, интенсивности, успешности отстаивания своих прав/свобод в соответствии с значениями *Сн*, *Ки*, *Ку*.

С 2009 по 2013 г. отмечается стабильное распределение нарушаемых прав: первые три места по рангам занимают *права на труд, безопасность и защиту личности и равенство перед законом*.

Самыми успешно защищаемыми правами считаются, по мнению респондентов, *право частной собственности (75%), право на образование и обучение (72%) и право на безопасность и защиту личности (70%)*.

В 2013 г. при положительной тенденции защиты своих прав только защита *равенства перед законом* оказалась менее 50% (см. табл. 3). Такой низкий показатель за 2011–2013 гг. настораживает.

Стоит задуматься о важности решения вопроса о том, почему граждане своей страны на протяжении нескольких лет чувствуют ущемление прав в равенстве перед законом. Равноправие – это важный принцип демократии, которая является политическим режимом России. Согласно ее принципам, все граждане страны равны перед законом независимо от пола, национальности, расы, положения в обществе и т.д. Высокий процент в Тюменской области (32%) нарушения прав на равенство перед законом говорит об определенной дискриминации населения по тем или иным признакам.

Ущемление прав и свобод подкрепляется данными о незащищенности населения перед некоторыми опасностями. Оказалось, что респонденты чувствуют себя не очень защищенными от произвола чиновников, правоохранительных органов и преступности (рис. 3). 46% населения Тюменской области не чувствуют себя защищенными от произвола чиновников, 45% – от преступности и 37% – от произвола правоохранительных органов.

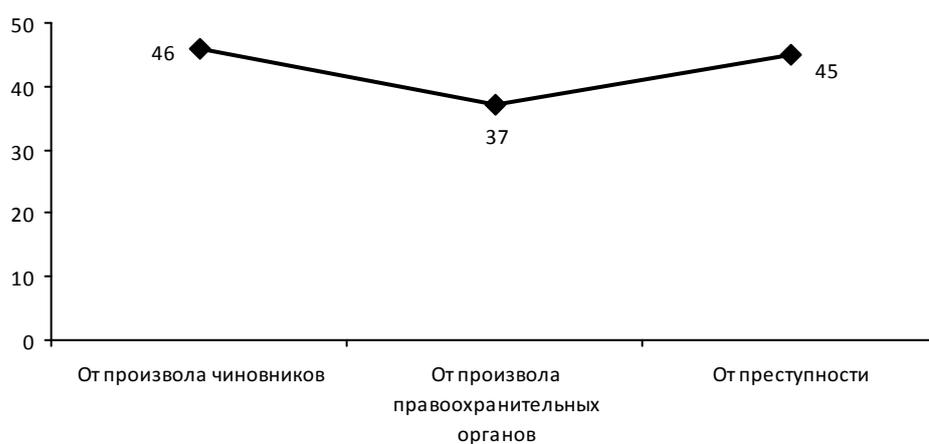

Рисунок 3. Уровень незащищенности населения Тюменской области от разных видов опасностей, 2013 г. (% от числа опрошенных)

Властным структурам и правоохранительным органам Тюменской области следует обратить внимание на результаты исследования, поскольку доля граждан, чувствующих себя не защищенными по анализируемым показателям, приближается к половине опрошенных.

Осуществлен корреляционный анализ с целью обозначить наличие либо отсутствие связи между показателями (не)защищенности и важностью соблюдения прав безопасности и защиты своей личности.

Как видно из таблицы 4, существует сильная связь между показателями защищенность от произвола чиновников, правоохранительных органов, защищенность от преступности и строгим соблюдением прав безопасности и защиты личности ($\text{sig.} < 0,001$), связь двусторонняя. То есть чем строже человек соблюдает права безопасности своей личности, тем больше он хочет чувствовать себя защищенным от различных опасностей.

Таблица 4. Корреляционный анализ уровня защищенности населения и важности соблюдения их права безопасности и защиты личности

Позиция		Насколько сегодня Вы чувствуете себя защищенным от произвола чиновников?	Насколько сегодня Вы чувствуете себя защищенным от произвола правоохранительных органов?	Насколько сегодня Вы чувствуете себя защищенным от преступности?	Насколько важно для Вас строгое соблюдение права безопасности и защиты личности?
От произвола чиновников	Correlation Coefficient	1	0,615*	0,504*	0,159*
	Sig. (2-tailed)		0	0	0
От произвола правоохранительных органов	Correlation Coefficient	0,615*	1	0,550*	0,129*
	Sig. (2-tailed)	0		0	0
От преступности	Correlation Coefficient	0,504*	0,550*	1	0,126*
	Sig. (2-tailed)	0	0		0
Соблюдение права безопасности и защиты личности	Correlation Coefficient	0,159*	0,129*	0,126*	1
	Sig. (2-tailed)	0	0	0	

* Значимая связь.

Проведен корреляционный анализ между показателями столкновения с фактами вымогательства, взяток, коррупции и чувством защищенности населения от произвола чиновников. По таблице 5 видно, что связь между показателями сильная, устойчивая и двусторонняя. Логично то, что чем чаще человек сталкивается с фактами коррупционных практик, тем больше он чувствует свою незащищенность от произвола чиновников.

Таблица 5. Взаимосвязь между показателями столкновения с коррупционными практиками и ощущением защиты от произвола чиновников

		Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции за последние 12 мес.?
Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от произвола чиновников?	Correlation Coefficient	0,153*
	Sig. (2-tailed)	0

* Значимая связь.

Далее рассмотрен индекс соблюдения прав и свобод человека (ИПС) по самооценкам населения (табл. 6). Данный индикатор состояния правовой системы региона по уровню соблюдения прав и свобод населения

указан в трех вариантах: ИПС-1 – учитывается только самое нарушаемое право/свободы; ИПС-5 – учитываются пять наиболее нарушаемых прав/свобод человека; ИПС-11/ИПС-10 – учитываются все перечисленные в методике права/свободы, практически все из которых содержатся в Конституции Российской Федерации.

Самое низкое значение имеет соблюдение опять же права на равенство перед законом – ИПС-1 = 0,68. Этот показатель значительно ниже показателя в 2011 г. (0,77). Пять наиболее нарушаемых прав и свобод имеют показатель – ИПС-5 = 0,71, что тоже оказывается ниже показателя прошлого года. Все 10 прав в совокупности, включая и самые нарушаемые, и менее нарушаемые, дают более высокий индекс – ИПС-10 = 0,76. Это характеризует *низкий правовой уровень* политической системы в Тюменской области.

Таблица 6. **Комплексные индексы соблюдения прав и свобод человека по самооценкам населения**

Индекс	Тюменская область			
	2006	2009	2011	2013
ИПС-1	0,66	0,76	0,77	0,68
ИПС-5	0,70	0,79	0,79	0,71
ИПС-11 (ИПС-10 с 2011 года)	0,78	0,84	0,83	0,76
Распространенность коррупции, % респондентов, сталкивавшихся с фактами коррупции	38	32	24	22

Итак, правопорядок в области и правонарушения неразрывно связаны. Для каждого человека важно, чтобы его права не нарушались, а будучи нарушенными – эффективно отстаивались. Когда права и свободы населения соблюдаются, оно чувствует себя защищенным. В результате данных анализа статистики и социологического исследования был определен уровень защиты граждан Тюменской области.

С 2006 г. наметилась позитивная тенденция: число зарегистрированных преступлений уменьшалось. Все это сопровождалось высоким уровнем раскрываемости преступлений. Несмотря на положительные показатели, в Тюменской области гораздо выше показатель преступности, чем в среднем по России, что придает негативную оценку ситуации в регионе.

Меньше всего зарегистрированных преступлений за 2012 г. приходится на Ямало-Ненецкий автономный округ (14%), затем на Ханты-Мансийский автономный округ (42%) и по самому высокому уровню совершенных преступлений – на юг Тюменской области (45%).

По результатам социологического мониторинга отмечено, что в Тюменской области низкий правовой уровень соблюдения прав и свобод граждан. По сравнению с предыдущими результатами исследований повысилась нарушаемость прав, при этом уменьшилась интенсивность защиты, но если человек идет защищать свои права, то завершается это успешно.

Наиболее нарушаемым правом населения оказалось право на равенство перед законом, оно же оказалось среди опрошенных самым малоуспешно защищаемым.

В современном стремительно развивающемся мире велика вероятность неравенства населения. Это может проявляться не только в дискриминации по полу, национальности и другим признакам, но и по положению в обществе. Население, превосходящее других по своим доходам, служебному положению, обладающее определенной властью в обществе, автоматически обособляется от остального народа. Речь идет, в первую очередь, о высокопоставленных лицах, чиновниках, олигархах. В России бытует мнение, что элита общества живет по своим правилам, в отличие от всех остальных граждан страны. Это подтверждается тем, что человек не может отстоять свои права в равенстве перед законом, чувствует ущемление, что, в свою очередь, создает напряженные отношения в обществе, возникает недоверие к власти. А посему важно, чтобы в стратегии социокультурной модернизации Тюменской области присутствовал лейтмотив поддержки своего населения, формирования честных и порядочных отношений между гражданами и властью.

Источники

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М., 2012. – С. 363.
2. Статистический ежегодник: Стат. сб. в 4-х частях. Ч. 1(1) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2005. – С. 250-310.
3. Тюменская область в цифрах: Крат. стат. сб. в 4-х частях. Ч. 1. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2013. – 261 с.

Н.В. Дергунова,
Ульяновск

Проблемы изучения динамики развития гражданского общества (региональный аспект)

Согласно методике Н. Беляевой¹, предложенной для количественной оценки степени развитости гражданского общества на местном уровне, гражданское общество описывается четырьмя наиболее значимыми компонентами:

1. *Средой*, в которой существует и развивается гражданское общество.
2. *Структурой* самих гражданских организаций и типами связи между ними.
3. *Ценностями*, которые свойственны гражданской активности в данном обществе.
4. *Воздействием*, которое активность гражданских союзов оказывает на изменение социально-политической среды.

Совокупность исследований, проведенных кафедрой с 2007 по 2012 г., позволяет в значительной степени в соответствии с избранной методикой описать уровень развития гражданского общества в регионе². Исследования проводились на пятилетнем временном отрезке, в течение которого основные экономические и политические параметры развития области не претерпели кардинальных изменений, но пролонгированные исследования не позволяют вычислить индекс гражданского общества CIVICUS в полном объеме.

I. Компонент «Политическая среда» включает в себя четыре параметра: наличие ограничений прав и свобод личности, оценки состояния коррумпированности чиновничества и участия респондентов в коррупционных схемах, а также развитие сферы услуг. Последний параметр не применялся в наших исследованиях.

¹ Алескеров Ф.Т., Беляева Н.Ю. Развитость гражданского общества в регионах России: методика и пилотные исследования // Полития. – 2008. – №1(48).

² Социокультурный портрет региона (2007, 2011), развитие НКО, благотворительность в регионе (2012). Все исследования проведены кафедрой социологии и политологии УлГУ, последние два совместно с Общественной палатой региона.

Важным фактором, характеризующим общественные отношения в регионе, является соблюдение конституционных прав и свобод населения. Подавляющее большинство участников исследования признают важность соблюдения прав и свобод граждан в нашей стране (табл. 1). Несколько менее значимыми, по мнению опрошенных, являются свобода объединений, групп, союзов и право на эмиграцию.

Таблица 1. **Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?, 2012 г.** (в % от числа опрошенных)

	Важно	Трудно сказать	Не важно
Свобода слова	86	6	8
Право безопасности и свободы личности	96	3	1
Свобода объединений, групп, союзов	58	20	18
Право народа на его собственный язык и культуру	93	4	2
Религиозные свободы и свобода совести	89	6	4
Равенство перед законом	98	1	0
Право на труд	97	1	2
Право на личную собственность	98	1	0
Право на образование и обучение	97	0	3
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	95	3	3
Право на эмиграцию	63	11	23

Распределение ответов респондентов в отношении нарушений их прав и свобод приведено в табл. 2. Подавляющее большинство участников исследования за последний год не сталкивались с нарушением религиозной свободы и свободы совести (99%), права на национальный язык и культуру (99%), права на образование и обучение (98%), права на личную тайну (98%), свободы объединений (97%), права частной собственности (97%). Кроме того, большинство опрошенных отметили соблюдение права на безопасность (95%), права на эмиграцию (95%), свободы слова (94%), права на труд (93%), равенства перед законом (92%).

Судя по результатам проведённого исследования, положение дел с соблюдением конституционных прав жителей региона за последние 4 года (с 2007 по 2011) заметно улучшилось. В частности, по оценкам респондентов, заметно уменьшилось число нарушений прав и свобод.

Однако исследования, проведенные в середине 2012 года, показали изменение ситуации. По сравнению с 2011 годом наблюдается отрицательная динамика в соблюдении прав граждан: стало больше людей, права которых нарушаются, особенно право на свободу слова, право на равенство перед законом, право на образование и обучение.

Таблица 2. Сталкивались ли Вы за последние 12 месяцев с нарушением прав и свобод?, %

	2012						2011					
	Не сталкивался	Не пытался отстаивать нарушенные права	Чаще удавалось отстаивать нарушенные права	Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права	Никогда не удавалось отстаивать нарушенные права	Не знаю	Не сталкивался с нарушением прав	Не пытался отстаивать нарушенные права	Чаще удавалось отстаивать нарушенные права	Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права	Никогда не удавалось отстаивать нарушенные права	Не знаю
Свобода слова	69,1	12,4	3,4	2,3	3,1	2,1	94	2	1	1	1	1
Право на безопасность	79,7	3,8	6,7	1,7	1,9	6,7	95	2	1	1	1	0
Свобода объединений, групп, союзов	80,7	2,7	2,9	1,3	0,6	8,4	97	1	0	0	0	2
Право народа на его собственный язык и культуру	82,8	2,9	2,7	2,3	2	7,3	99	1	0	0	0	1
Религиозные свободы и свобода совести	79,3	4,2	4	2,3	1	9,2	99	1	0	0	0	1
Право на эмиграцию	84,9	1,5	3,6	0,8	0,4	7,5	92	2	2	1	2	1
Равенство перед законом	73,2	3,4	9,9	3,8	2,5	7,2	97	0	1	0	0	1
Право частной собственности	79	1,9	5,9	3,6	0,2	7,5	93	4	1	1	1	0
Право на труд	80,5	3,1	4,6	2,1	0,6	6,9	98	1	0	0	0	0
Право на образование и обучение	76,9	2,1	7,5	3,1	0,6	7,8	98	1	0	0	0	2
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	80,1	2,5	3,4	2,5	1	8,8	95	0	0	0	0	4

Большой проблемой в современном российском обществе является широкое распространение таких явлений, как вымогательство, взятки, коррупция. За прошедшие 4 года (с 2007 по 2011) сократилось число случаев вымогательства, взяток, с которыми сталкивались жители региона. По результатам проведённого исследования подавляющее большинство опрошенных (80%) лично не сталкивались с фактами коррупции, 12% – изредка всё же сталкивались, а 3% – часто были свидетелями или участниками коррупционных проявлений.

Таким образом, в целом политическая среда начинает сдерживать деятельность НКО и дальнейшее развитие гражданского общества.

II. Компонент «Структура» включает в себя два показателя: личное участие в добровольческой деятельности и участие в мероприятиях общественных организаций.

Большинство граждан участвуют в основном в простейших видах благотворительности³. 86,1% опрошенных подавали милостыню на улице, 54,2% – передавали вещи, игрушки нуждающимся. В каких-либо благотворительных акциях большинство опрошенных участия не принимали – 61%. Что касается перечисления денег в благотворительные организации, то в этом большинство опрошенных участия также не принимали – 62,7%. 15,5% респондентов осуществляли переводы денег с помощью мобильной связи.

Можно сделать вывод, что люди с недоверием относятся к перечислению денег в какой-либо фонд, им проще передавать что-либо непосредственно нуждающимся. Но, не смотря на это, респонденты считают, что деньги нужно вносить, особенно если речь идет о помощи больным людям (детям) – 71,4%.

Сами же граждане в большинстве своем не обращались за помощью в благотворительные организации – 89,3%. Люди либо самостоятельно пытаются решить свои проблемы, либо не сталкивались с необходимостью обращаться в подобные организации.

Большинство из опрошенных не знакомы с деятельностью каких-либо благотворительных организаций – 69,9%. Наиболее известными организациями являются: Красный Крест, Фонд «Дари добро», «Рука помощи», «Доброе сердце», Фонд «Подари жизнь». Граждане в большей степени склонны доверять деятельности благотворительных организаций (41,5%), но вместе с тем почти столько же и тех, кто сомневается, – 36,9%. Не доверяют вообще – 27,7% респондентов.

Немного людей, которые постоянно занимаются благотворительностью, – только 4,7%. Достаточно много респондентов затруднились ответить на данный вопрос – 34,3%. 21,2% опрошенных всего лишь раз за последние три года участвовали в благотворительной деятельности.

Респонденты разделились практически поровну на тех, кто участвовал в добровольческой (51,2%) деятельности, и не участвовал (44,2%). Большинство из тех, кто участвовал, приобщались к данной деятельности с

³ «Отношение граждан к благотворительности и добровольческой деятельности». Объем выборки по области 600 респ., выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка репрезентативности не превышает 3,5%. Полевой этап исследования: с 15 октября по 12 ноября 2012 года.

помощью своего трудового коллектива – 24,8%. Самостоятельно находили нуждающихся 15,7% опрошенных. В добровольческие организации обращались 10,8% респондентов.

Большинство респондентов (44,4%) принимают участие в благотворительной деятельности, потому что им жалко людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Для 18,4% опрошенных важным мотивом является то, что благотворительность – это социально одобряемое дело. Некоторые (8,2%) надеются, что, оказавшись в тяжелой ситуации, получат ответную помощь (табл. 3). Не принимают участия в благотворительной деятельности, так как сами испытывают жизненные трудности, а также из-за отсутствия единомышленников (по 9,1%). Многие затрудняются ответить, почему они решили не принимать участия в благотворительной деятельности, – 14% .

Таблица 3. Почему Вы принимаете участие в благотворительной деятельности?, %

Я достаточно зарабатываю и хочу помогать нуждающимся людям	7,1
Из-за религиозных убеждений	7,3
Мне жалко людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации	44,4
Это социально одобряемое дело	18,4
Потому, что ранее мне была оказана благотворительная помощь	2,6
Надеюсь, что мне помогут, если я окажусь в тяжелой жизненной ситуации	8,2
Возможность решить волнующую проблему	4,4
Достаточное количество свободного времени	2,4
Возможность познакомиться с новыми людьми	1,1
Возможность научиться чему-то новому	1,3
Не принимаю участия	11,1
Нравится оказывать помощь	0,2
Затрудняюсь ответить	11,3

21,9% респондентов готовы стать волонтерами, если где-то случится стихийное бедствие. Многие (19,7%) согласны стать добровольцами, только если будет организованный сбор со всеми необходимыми инструкциями. 22,4% респондентов вообще не готовы стать волонтерами ни при каких обстоятельствах.

Таким образом, наиболее распространенными среди населения Ульяновской области видами благотворительной деятельности являются милостыня на улице и передача вещей и денег нуждающимся. Участие в благотворительных акциях, перечисление денег благотворительным организациям мало распространены среди граждан. Наиболее распространенными видами добровольческой деятельности являются благоустройство территории (33,3% опрошенных принимали участие),

оказание помощи инвалидам, престарелым, беженцам (12,2%), просветительская работа с молодежью – 8,4% принимали участие.

В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопрос о том, принимают ли они участие в общественной жизни своего рабочего коллектива, а также по месту своего жительства. Выяснилось, что большинство граждан принимают участие (или хотят принимать участие) в общественной жизни своего рабочего коллектива – 46,8%. Те, кто принимают участие и не принимают участия в общественной жизни по месту жительства, разделились практически поровну – 35 и 30,4% соответственно (табл. 4).

Таблица 4. **Принимаете ли Вы участие в общественной жизни своего рабочего коллектива? По месту проживания?, %**

Вариант ответа	Рабочий коллектив	Место жительства
Не принимаю участия	31,4	30,4
Принимаю участие	46,8	35
Хотел бы принимать участие	5,7	5
Не принимаю участия и не хочу	7,1	9,6
Затрудняюсь ответить	6,1	5

В общественной жизни люди чаще всего принимают участие в форме выборов, посещения сходов, общих собраний, членство в общественных организациях, а также через организацию и участие демонстраций, пикетов, митингов.

Таким образом, можно констатировать, что, при положительном отношении к общественной деятельности, реальное вовлечение в добровольческую деятельность и участие в общественных мероприятиях недостаточно.

III. Компонент «Ценности» включает в себя четыре параметра: это отношение к людям другой этнической и религиозной принадлежности, отношение и доверие к членам НКО и НПО, способность оказать помощь незнакомому человеку.

Для успешной модернизации региона необходимо наличие у населения базовых ценностей. Поддержка фундаментальных ценностей может свидетельствовать о готовности жителей к переменам⁴. Для выяснения уровня поддержки населением региона базовых ценностей респондентам предлагалось оценить ряд суждений (по шкале от 1 – «совершенно не согласен» до 11 – «полностью согласен»). Интегральные коэффициенты согласия представлены в таблице 5.

⁴ Первый опрос – июль 2007 года, объем выборки 1100. Второй опрос – апрель-май 2011 года. Объем выборки по Ульяновской области – 1000 человек, выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка репрезентативности не превышает 3,1%.

Структура основных жизненных ценностей жителей Ульяновской области выглядит следующим образом: ядро составляют ценности «жизнь», «дети», «семья», «безопасность». За ними следуют ценности «здоровье», «традиции», «независимость», «свобода», «доброта», «работа», «предприимчивость», «красота». На периферии остаются «власть», «своеволие».

За последние 4 года ядро структуры базовых ценностей населения региона не изменилось. Однако есть некоторая динамика. В частности, возросло значение таких ценностей, как «традиции» и «доброта». Опустились в общей иерархии «свобода» и «предприимчивость».

Таблица 5. **Согласны Вы или не согласны со следующими суждениями?**
(интегральный коэффициент согласия)

Суждение	2007 г.		2011 г.	
	Ранг	Коэф-т	Ранг	Коэф-т
В любых условиях красота делает человека лучше и чище	11	7,95	12	8,34
Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии	4	9,53	5	9,80
Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле, может посягнуть на жизнь другого человека	13	5,26	14	3,83
Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл	6	8,89	8	9,22
Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	8	8,43	10	8,95
Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	5	9,28	4	10,54
В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	3	9,54	3	10,58
Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	2	9,68	2	10,64
Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	7	8,57	7	9,30
Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	14	5,21	13	4,16
Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя	11	7,95	9	9,02
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	9	8,28	11	8,50
Самое ценное на свете – это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	1	9,96	1	10,76
Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям	10	8,26	6	9,64

Анализ результатов опросов позволяет также предположить достаточно высокий уровень национальной и религиозной толерантности в регионе. Подавляющее большинство опрошенных чувствуют себя защищёнными от притеснений из-за национальности и религиозных убеждений (табл. 6).

Таблица 6. **Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?, в %**

Опасность	2007 г.			2011 г.		
	Защищен	Трудно сказать	Не защищен	Защищен	Трудно сказать	Не защищен
От экологической угрозы	34	21	44	10	10	81
От притеснений из-за своего пола и возраста	70	14	14	62	12	25
От произвола чиновников	25	23	51	13	21	66
От ущемления из-за Вашей национальности	75	13	10	94	3	3
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	76	12	9	91	6	3
От произвола правоохранительных органов	27	21	45	24	24	51
От преследования за политические убеждения	56	12	17	42	45	13
От бедности	29	14	46	17	9	75
От одиночества и заброшенности	49	23	28	42	16	43
От преступности	18	13	60	12	13	75

Подавляющее большинство участников исследования за последний год не сталкивались с нарушением религиозной свободы и свободы совести (99%), права на национальный язык и культуру (99).

Большинство опрошенных граждан положительно относятся к общественной деятельности⁵. 30,6% считают, что она может принести пользу человеку, 39,8% – и человеку, и обществу в целом. Лишь 18,4% респондентов считают общественную деятельность бесполезной (табл. 7).

Таблица 7. **Скажите, как Вы относитесь к общественной деятельности (бесплатной)?, %**

Отрицательно, это никому не нужно	18,4
Скорее положительно, это может принести пользу человеку	30,6
Положительно, это приносит пользу и человеку, и обществу в целом	39,8
Затрудняюсь ответить	10,9

Самыми ценными для общества организациями, по мнению граждан, являются благотворительные фонды (так считают 57,2% респондентов). На втором месте правозащитные организации – 44,2%; 41,9% опрошенных считают, что для социума полезны общества инвалидов.

⁵ Метод проведения опроса: анкетный опрос. Объем выборки – 600 респондентов, выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка репрезентативности не превышает 3,5%. Полевой этап: 26–29 июня 2012 г.

Для личности самыми важными граждане считают экологические организации (26,2%), клубы по интересам (26%), товарищества собственников жилья (24,9%), а также религиозные организации (22%).

К организациям, которые вовсе не нужны, граждане отнесли молодежные политические (19,1%), причем чаще всего так отвечала молодежь – 38,5%; молодежные неформальные объединения – 14%, с этим также соглашалась в основном молодежь – 38,8%.

Доверие граждан распространяется в основном на членов семьи. 68,8% респондентов признались, что доверяют только членам семьи. 44,2% доверяют не только членам семьи, но и друзьям. Лишь 8,4% граждан, участвующих в опросе, доверяют и обычным прохожим. Никому не доверяют 6,5% опрошенных.

Молодежь в большей степени доверяет не только членам семьи, но и друзьям – 45,5%. Обычным прохожим доверяют больше пенсионеры – 27,5%, также граждане с высшим образованием – 37,5%. Никому не доверяют граждане старше 55 лет – 35,5%, большое количество сельчан – 45,2%, граждане со средним специальным образованием – 45,2%.

Фактором, побуждающим доверять человеку больше, является, в большинстве своем, общение. Так ответили 45,7% респондентов. Вторым по значимости фактором является совместная работа – 24,3%. Общественная деятельность побуждает доверять больше лишь небольшое количество людей – 9%. Для некоторых вообще не существует никаких факторов, заставляющих доверять человеку (7,1%).

Подводя итог развития гражданского общества в регионе, можно отметить как положительное атмосферу толерантности в отношении этнических и конфессиональных групп, но очень незначительную степень доверия граждан общественным организациям и друг другу.

IV. Компонент «Воздействие». Данный компонент характеризует влияние НКО на принятие решений, просвещение граждан и то, насколько авторитетными являются лидеры НКО.

В целом большинство граждан (46,9%) считают, что общественные организации сейчас играют незначительную роль: 19,7% – что довольно незначительную; 11,1% – что очень незначительную; 16,1% – что никакой роли не играют. Лишь 11,1% респондентов считают, что общественные организации играют очень значительную роль. 26,4% опрошенных думают, что данные организации играют довольно значительную роль (табл. 8). В сумме 37,5% придают определенный вес НКО.

С тем, что организации играют очень незначительную роль, соглашались в основном мужчины – 58,5%. Молодежь такого же мнения – 43,4% – считает, что организации играют очень незначительную роль.

Таблица 8. Как Вы считаете, если говорить в целом, какую роль играют сейчас в жизни человека общественные и другие некоммерческие организации и гражданские инициативы?, %

Очень значительную	11,1
Довольно значительную	26,4
Довольно незначительную	19,7
Очень незначительную	11,1
Не играют никакой роли	16,1
Затрудняюсь ответить	14

Большинство граждан считают, что общественные и другие некоммерческие организации реально помогают людям – с этим согласны 21,8%. 18,4% считают, что они помогают самореализоваться; 15,9% – что помогают общаться с единомышленниками. 20,1% респондентов уверены, что данные организации никакой роли в обществе не играют (табл. 9).

С тем, что организации реально помогают людям, соглашались в основном женщины – 58,6%, молодежь и люди среднего возраста – 35,7%, преимущественно со средним специальным образованием – 40,4%. Как способ общения с единомышленниками организации рассматривает молодежь – 36,8%, учащиеся – 27,6%. Женщины считают, что организации помогают самореализоваться – 59,1%; так же считают в большинстве своем учащиеся – 22,7%, люди с высшим образованием – 30,7%.

Таблица 9. Как Вы думаете, в чем проявляется роль общественных и других некоммерческих организаций?, %

Помогают добиться общественного признания, уважения	11,7
Помогают общаться с единомышленниками	15,9
Помогают отвлечься от работы	12,4
Помогают самореализоваться	18,4
Реально помогают людям	21,8
Помогают в профессиональном росте	7,8
Помогают улучшить свое материальное положение	6,3
Никакой роли не играют	20,1
Другое	5
Затрудняюсь ответить	13,2

По мнению 51,8% опрошенных, общественные объединения пользуются поддержкой у населения, но игнорируются властями. 43% респондентов считают, что и у населения они не пользуются широкой поддержкой. 38,8% ответили, что в их населённых пунктах объединения вообще не функционируют. Однако 39,6% опрошенных граждан считают, что общественные организации имеют значительное влияние на население и органы власти (табл. 10).

Таблица 10. С какими из утверждений Вы согласны, а с какими нет?, %

	Согласен	Не согласен
Общественные объединения имеют значительное влияние на население и органы власти	39,6	37,3
Объединения пользуются популярностью у населения, но власти их игнорируют	51,8	27,9
Объединения не пользуются широкой поддержкой населения	43	34,6
Общественные объединения находятся в полной зависимости от властных структур	36,9	37,3
О деятельности объединений практически ничего не известно	35,8	37,3
В нашем населенном пункте объединения не функционируют	38,8	34,8
Затрудняюсь ответить	16,1	

С тем, что объединения пользуются популярностью у населения, но власти их игнорируют, соглашались в основном женщины – 55,9%, молодые и люди среднего возраста – 37,3 и 36,8%. С тем, что общественные объединения имеют значительное влияние на население и органы власти, соглашались преимущественно граждане со средним специальным образованием – 37%. Достаточно большое количество сельчан признались, что им либо неизвестно о деятельности организаций, либо они в населенных пунктах не функционируют – 30,4 и 33,5% соответственно.

Таким образом, в глазах населения общественные организации сегодня невлиятельны и играют незначительную роль. Респонденты согласились, что общественные объединения игнорируются властью, а зачастую и самим обществом. Но при этом граждане отмечали, что некоторые организации являются полезными для общества и личности. Среди них особо выделились религиозные организации, благотворительные фонды, клубы по интересам, экологические организации, общества инвалидов.

Факт, но при обсуждении каких-либо важных социальных проблем граждане в большинстве своем прислушиваются не к мнению представи-

телей властей (13,8%), а к мнению простых граждан – 50,5%. К мнению представителей общественных организаций прислушивается меньше всего – 10,5% опрошенных (табл. 11).

Таблица 11. Скажите, при публичном обсуждении каких-либо социально значимых проблем, чье мнение наиболее важно для Вас?, %

Журналистов	10,7
Представителей власти	13,8
Представителей общественных организаций	10,5
Простых граждан	50,5
Другое	4,4
Затрудняюсь ответить	9

Таким образом, результаты исследований показывают, что деятельность НКО остается малозаметной; лидеры общественных организаций не являются знаковыми фигурами общественного мнения; население при решении своих проблем редко обращается в общественные объединения; взаимодействие с органами власти происходит по патерналистской модели.

В заключение можно констатировать незначительное развитие третьего сектора, несмотря на наличие ряда позитивных тенденций: положительное восприятие населением общественной деятельности, отсутствие этнических и конфессиональных конфликтов, реальные гарантии многих прав и свобод личности.

Источники

1. Алескеров, Ф.Т. Развитие гражданского общества в регионах России: методика и пилотные исследования / Ф.Т. Алескеров, Н.Ю. Беляева // *Полития*. – 2008 – №1(48).
2. Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж.Л. Коэн, Э. Арато. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 784 с.
3. Лэйн, Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии / Д. Лэйн // *Полис*. – 2012. – №2.
4. Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – ИФ РАН / сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., 2009. – 808 с.
5. Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области / под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. – Ульяновск: УлГУ, 2008. – 131 с.
6. Сунгуров, А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России / А.Ю. Сунгуров, Н.П. Распопов, А.Ю. Беляев // *Полис*. – 2012. – №4.

М.В. Дьяконова,
Петрозаводск

Перспективы развития этнопоселений (на примере Республики Карелия)

Под этноэкономикой понимается территориально-локализованный, исторически сложившийся на базе хозяйственного уклада этноса сегмент экономики, характеризуемый господством традиционных форм хозяйственной деятельности, натуральных и мелкотоварных форм производства, замкнутостью домохозяйств, использованием кустарных ремесел, надомного труда и т.п. [1].

Сельские территории сегодня, в условиях распространения рыночных отношений, представляют собой сегмент усиливающегося экономического и социального неблагополучия. В связи с этим актуален вопрос перспектив развития сельских поселений.

Изучение существующих проблем и перспектив развития этнопоселений РК проводилось в рамках проекта¹, целью которого является возрождение и укрепление активной гражданской позиции у молодежи – представителей коренных народов, содействие в развитии гармоничных межнациональных отношений. Проект реализовывался в 2012 г. на территории Суоярвского района (п. Вешкелица), Кондопожского района (п. Кончезеро) – данные населенные пункты являются старинными карельскими селами, где основное население – карелы и на территории Прионежского района (п. Шелтозеро, Рыбрека – Шелтозерское и Рыбрецкое поселения находятся в южном направлении от Петрозаводска), коренное население – вепсы. С 1994 по 2004 год поселения входили в состав Вепсской национальной волости, с 2004 года вошли в состав Прионежского района.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о существенных негативных изменениях, происходящих в последнее десятилетие на сельских территориях. Среди них можно определить проблемы

¹ Проект «Расширение прав и возможностей женщин и молодежи коренных народов в Российской Федерации» при финансовой поддержке Межрегиональной общественной организации «Информационно-образовательная Сеть коренных народов «Льбыравэтльан», при содействии в Республике Карелия – Карельской региональной общественной организации «Молодёжный информационно-правовой центр коренных народов «Невонд», рук. Е.А. Леонтьева.

формирования бюджетов поселений, проблемы качества жилья, проблемы социальной сферы села (школы, детские сады, ДК, медицинское обслуживание), изменения в трудовом законодательстве и общие переходные процессы.

Условия по финансовой и материальной поддержке муниципалитетов

В бюджете поселений не хватает средств на решение социальных проблем: капитальный ремонт и строительство жилья, содержание объектов социальной сферы, происходит ухудшение жилищных условий. Сложно решаемыми являются вопросы по благоустройству кладбищ, строительству пожарных пирсов, вывозу мусора, образуются несанкционированные свалки.

По мнению экспертов, необходимо увеличить долю дохода от налога на доходы физических лиц, остающуюся в поселении, и перераспределение налогов: *«Деньги от предприятий, работающих на территории, должны направляться на социальное развитие села»*. Должно быть взаимодействие власти и жителей, необходима организация совета, в который входили бы представители власти, предприятий, жители.

По мнению около 2/3 респондентов, **уровень жилищной обеспеченности** – низкий. Много ветхого и аварийного жилья, муниципального жилья нет, в очереди на получение жилья стоит большое число погорельцев. По мнению жителей, муниципальное жилье должно быть в запасе обязательно, для срочного предоставления жилья погорельцам и выделения жилья для молодых специалистов.

Федеральная программа «Ремонт многоквартирных домов» для сельских поселений недоступна, так как для того, чтобы войти в эту программу, необходимо выполнить все 16 пунктов программы, один из которых гласит, что 5% от всех многоквартирных домов сельской местности должно быть в ТСЖ, что для поселений, где живут в большинстве своем пенсионеры, невыполнимо.

По мнению экспертов, программа «Молодая семья» – хорошая, но необходимо вносить поправки в Жилищный кодекс, создавать и развивать систему льготного кредитования, увеличить возраст молодого специалиста.

Необходимо предусмотреть в республиканском бюджете финансирование строительства жилья в поселениях для молодых специалистов, особенно бюджетной сферы, необходимо также привлекать на условиях долевого участия работодателей.

Обеспеченность **медицинской помощью**, по мнению более чем половины опрошенных, находится на низком уровне. Медицинские пункты не оснащены необходимым оборудованием, не хватает врачей-специалистов. Для получения их помощи необходимо ездить в ближайший районный центр, что требует немалых затрат и отнимает целый рабочий день. Жители обеспокоены и тем, что медицинские кадры, работающие в поселениях, находятся в предпенсионном или пенсионном возрасте и если они уйдут, то поселение останется без медицинской помощи.

Обеспеченность услугами **школьного образования** примерно 2/3 респондентов оценило как высокую, но был назван и ряд проблем.

Средний возраст более чем 75% учителей приближается к пенсионному, на сегодняшний день все ставки в школах заполнены, но уже в скором будущем может возникнуть ряд вакансий.

Условия для трудового воспитания в школах очень плохие. До 2012 г. урок труда делился на обслуживающий, технический труд и на сельское хозяйство, сейчас *«на уроках технологии, дети просто сидят, записывают теорию»*. По мнению экспертов неправильно поставлена сама политика государства в отношении образования: *«Необходимо менять образовательную программу и обязательно возвращать трудовое воспитание»*.

В связи с оптимизацией расходов на образование происходит сокращение ставок: *«У нас сокращают учителя труда, организатора внеклассной работы и библиотекаря»*. В связи с сокращением ставок и образовательных программ эксперты волнуются, что возможна потеря национального компонента: *«У нас раньше в программу уроков труда были включены вопросы национальной культуры, национальная вышивка и кулинария»*.

Медицинские кабинеты в школах, оснащенные необходимым современным оборудованием, есть, но с 2011 г., в связи с новыми требованиями к медицинским кабинетам при школе, медицинское обслуживание перешло на базу ЦРБ с заключением договоров. Штатного медицинского работника в школах нет, так как нет лицензии. По мнению экспертов, в школе обязательно должен быть медицинский работник и логопед, так как очень много детей с нарушениями речи.

Эксперты считают, что в школе обязательно должны быть функции воспитания, в том числе трудового воспитания и обучения. По мнению экспертов необходимо пересмотреть финансирование школ, особенно сельских: *«Настал период, когда в школе необходимо решать много проблем: сигнализации, переоборудования и ремонта в столовой, оборудования в клас-*

сах и вообще ремонта школы». Необходима отдельная поддержка национальных школ, так как местный колорит постепенно исчезает: «Скоро дети не будут знать, какой они национальности, не говоря об особенностях языка и культуры своего народа».

Более 80% респондентов оценили как низкий уровень **обеспеченности учреждениями досуга**. Основными проблемами в сфере культуры являются: техническое состояние зданий, необходимость капитального ремонта, установка пожарных сигнализаций и систем оповещения, низкая материально-техническая оснащенность, нехватка специалистов для организации досуга и развития детей и, как следствие, скудный выбор кружковой направленности; существует проблема с кадрами, иногда вынуждены работать неспециалисты. К сожалению, при текущих зарплатах в сфере культуры и проблемах жилищного и бытового уровня решить проблему с кадрами самостоятельно поселения не в силах.

Примерно половина респондентов отметила, что **обеспечение занятости** находится на низком уровне. В свое время основными градообразующими предприятиями в поселениях были сельскохозяйственные (совхоз, звероферма). В настоящее время в поселениях работают предприятия социальной сферы, фермеры, частные магазины, многие вынуждены работать вахтовым методом. Ситуация с занятостью более или менее стабильна в двух поселениях. В Кончезерском поселении проблему с занятостью отчасти решает близость санаториев «Марциальные воды», «Дворцы», «Кивач». По мнению жителей, это, с одной стороны, большой плюс для поселения («Если человек хочет работать, то он найдет работу»), с другой стороны, санатории перетягивают кадры из бюджетной социальной сферы, особенно из медицины. На территории Рыборецкого поселения располагаются Рыборецкое (кварциты и песчаники), Ропручейское и Другоречское (диабазы, порфиты, габбро) месторождения, кроме того, недалеко от с. Рыбрека добывают глину. В перечисленных поселениях безработицы практически нет: все, кто хочет работать, работает, рабочих привозят и из-за пределов поселений, зарплаты также достаточно неплохие.

Эксперты считают, что на всех уровнях власти (федеральная, республиканская и местная) необходимо обязать предприятия, работающие в поселениях, платить налоги непосредственно в поселения и призвать их к социальной ответственности (улучшение бытовых условий, поддержка учреждений социальной сферы).

Вся сельскохозяйственная отрасль в настоящее время держится на фермерах, которые готовы работать на условиях социального партнерства и с властью, и прежде всего со школой. По мнению фермеров, в России неправильно поставлена политика ведения крестьянско-фермерского хозяйства, невыгодно держать животных, дорогие корма, проблемы с реализацией продукции. При введении системы госзаказа фермерам стало еще сложнее реализовывать свою продукцию; для поставки продукции в социальные учреждения необходимо участие в конкурсе, что является серьезным препятствием для мелких фермеров.

По мнению жителей, жизнь в поселениях бесперспективна, так как сельское хозяйство уже не возродится: *«Раньше был совхоз, полеводческие и животноводческие хозяйства, сегодня вернуться в село нашим детям перспективы нет»*. Возможным путем развития поселений является, по мнению жителей, открытие промышленного предприятия, но более вероятным и перспективным является развитие сельского туризма, национальной культуры, новых технологий и малого бизнеса.

Эксперты считают, что для развития туризма в первую очередь необходимо строить базы отдыха и предоставлять туристам возможность размещения в палатках: *«Нужен организованный туризм, можно было бы и досуг организовывать, рыбалку, надо, чтобы от туристов шел доход на поселение»*. Необходимо также развивать этнотуризм, основанный на традиционных ремеслах: *«Ремесла надо показывать, многие не знают, что такое национальная культура»*. По мнению жителей, в вопросе развития поселения многое зависит от администрации, которая не создает условия для привлекательности края.

Фермеры считают, что можно создать небольшие фермерские хозяйства: *«Для этого нужна инфраструктура, дороги, ведь поля пустеют, мы могли бы заниматься мясным производством. Сейчас нет нормальной информации, где взять кредит, какие условия, как доказать, что ты сможешь это сделать, как написать бизнес-план, да и кредиты очень дорогие»*. Созданные хозяйства, по мнению фермеров, могли бы приглашать туристов, обеспечивая им возможности отдыха вдали от цивилизации и возможности поработать, почувствовать себя фермером или научиться плотницкому мастерству.

В сельской местности программные мероприятия должны быть нацелены в основном на жителей районных центров и близлежащих поселков, что обусловлено экономической и транспортной недоступностью цен-

тров занятости для жителей. При содействии центров ЦЗ населения возможна поддержка сельского предпринимательства в рамках программы «Содействие самозанятости населения».

В свете перспектив развития поселений возможна эффективная поддержка народных ремесел, художественных мастерских, «зеленого» туризма, гостевых домов. Поддержка ЛПХ возможна через организацию сбыта продукции и снабжения (особенно комбикормами), развитие сельского предпринимательства. По мнению экспертов, государство должно повернуться лицом к селу и развивать здесь экономику, что решит проблему занятости: *«Молодежь будет оставаться и будет улучшаться демографическая ситуация»*. Назрела острая необходимость активизации общественных организаций на селе, которые выполняли бы функцию повышения уровня социальной активности граждан.

Источник

1. Печура, О.В. Этноэкономика региона: теоретико-методологический аспект / О.В. Печура // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 3. — Экономика. Вып. 24. — С. 56-60.

М.В. Донцова, П.П. Зети,
Ростов-на-Дону

Протестная активность населения Юга России как вызов инновационному развитию региона

В современной политической истории России становятся популярными проявления открытого политического протеста среди населения. Политическая пассивность основной части населения сменяется активностью оппозиционно настроенных групп, расширяющих своё влияние в обществе. События общественно-политической жизни электорального цикла 2011–2012 гг. показали значимость внимания к общественным настроениям и ключевую роль информационных технологий в процессе мобилизации населения [7]. Однако, по мнению экспертов, выработка политической стратегии власти по отношению к протестным группам общественности происходит «с колес». Только к моменту оглашения послания президента Федеральному Собранию эта стратегия окончательно оформилась (игнорирование и маргинализация либеральной части протеста, интеграция в официальную риторику власти части риторики националистов и рост социальных выплат для привлечения на свою сторону социально мотивированных протестников) [6]. В свою очередь, инновационное развитие России невозможно без постоянного конструктивного взаимодействия власти и общества по решению насущных проблем.

Кроме того, протестный потенциал современного российского общества стимулируется активно развивающимися интернет-коммуникациями. Так, получило распространение такое общественно-политическое явление, как несистемная оппозиция, лидеры которой активно используют интернет-технологии для распространения своего влияния в обществе. Следует отметить, что в Интернете нет институциональных ограничений протестной активности, а законодательное ее регулирование весьма ограничено. Но все более явными становятся попытки органов государственной власти работать в этом направлении [14].

Однако Интернет-сообщества в социальных сетях обладают высоким мобилизационным потенциалом. В последнее время именно группы в

социальных сетях используются в целях информационного и мобилизационного воздействия на население. Посредством сетевых технологий происходит интенсивное расширение круга участников и, тем самым, повышаются возможности привлекать к пропагандируемой в группе деятельности широкие массы. В частности, привлечение участников к массовым акциям протеста и кампаниям несистемной оппозиции России активно происходит через социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Twitter). Группы поддержки такого рода движений насчитывают тысячи участников.

В рамках данного этапа исследования проведён мониторинг средств массовой информации, в том числе социальных сетей, Краснодарского края, Ставропольского края и Ростовской области.

В Краснодарском крае акция протеста прошла на волне массовых выступлений «за честные выборы» в крупных городах России. В Краснодаре подобная акция протеста была инициирована Краснодарским краевым отделением КПРФ. Однако согласовать место проведения шествия и митинга организаторам не удалось, несмотря на альтернативные предложения (о переносе места проведения) городских властей. В итоге несанкционированная акция, собравшая более одной тысячи человек, состоялась в форме так называемой «встречи депутатов КПРФ с избирателями», на которой были подвергнуты критике итоги выборов в Госдуму и многочисленные случаи фальсификации результатов голосования [2]. Также КПРФ проводит менее значимые акции протеста против действия властей, распространяя агитационную продукцию и устраивая немногочисленные пикеты по всей территории Краснодарского края [10]. Однако данная протестная активность соответствует политике КПРФ и не переходит в массовые и открытые формы противостояния.

На фоне широко развернувшейся в обществе дискуссии вокруг ситуации с панк-группой Pussy Riot, в Краснодарском крае также прошёл ряд акций протеста. Так, в марте 2012 года был организован краевыми общественниками митинг в поддержку возрождения духовно-нравственных ценностей, который собрал более 10 тысяч человек со всего Краснодарского края. Данная акция протеста была направлена на легитимацию действия властей и поддержку резолюции создания в крае движения «За веру, Кубань, Отечество» в защиту традиционных духовно-нравственных ценностей [3]. Необходимо отметить, что вышеупомянутое общественное движение было в крае создано и активно поддерживается краевыми властями.

Что касается протестной активности радикальных экстремистских организаций в Краснодарском крае (например, местная организация города Краснодара – «Пит Буль» [12], футбольные фанаты), то в настоящее время данные движения являются разобщенными и дезорганизованными в связи с отсутствием лидеров движения, которые находятся под стражей. Ситуация с активностью такого рода протестных и экстремистских проявлений находится под контролем правоохранительных органов и на сегодняшний день является относительно спокойной.

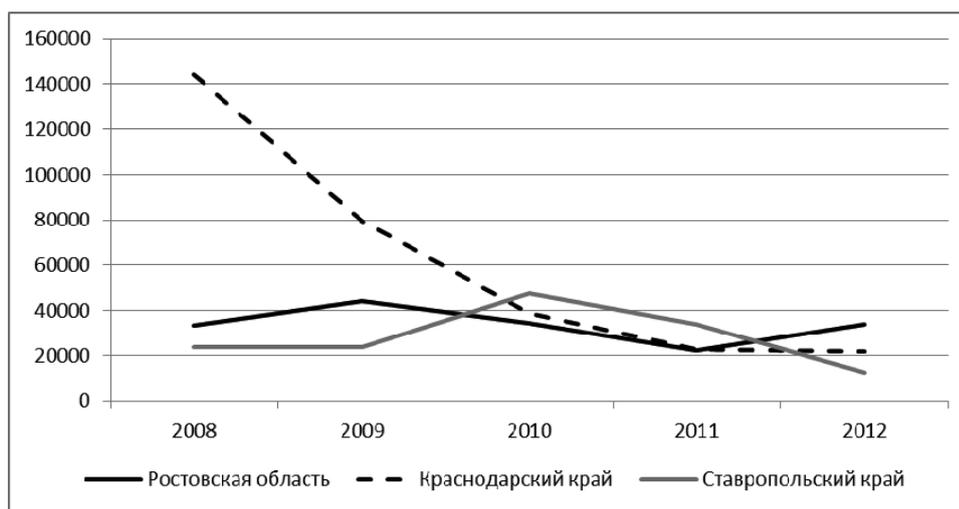
В Ставропольском крае, по мнению представителей ряда политических и общественных движений региона, идет угасание активного протеста [1]. Снижение протестной активности обусловлено дезорганизованностью самой оппозиции. В настоящее время проводятся отдельные выступления против деятельности городских властей, в частности против мэра Кисловодска. По данным организаторов протестов, собрано более 3 тысяч подписей с выражением недоверия главе города-курорта Кисловодска и его команде [5]. Таким образом, в регионе сохраняется потенциал гражданской протестной активности в связи с наличием организованного слоя граждански активных жителей.

В Ростовской области оппозиционные настроения проявляются более организованно по сравнению с соседними регионами. Движение «Левый Фронт» [11] проводит активную информационную пропаганду и ряд периодически повторяющихся акций протеста «за честные выборы» и в целом против деятельности властей. Также в Ростове-на-Дону получила поддержку тенденция проведения митингов в поддержку политических заключённых, обвиняемых по «Болотному делу» [4]. В массовые протесты данные акции не переходят, однако в регионе сохраняется протестный потенциал среди населения.

Об уровне протестной активности в регионах ЮФО можно судить по данным о количестве участников акций протеста, публикуемым на официальном сайте КПРФ [8].

Если сравнить три названных выше региона: Ставропольский край, Ростовскую область и Краснодарский край, то в 2012 г. наиболее активно протестные настроения проявляли себя в Ростовской области: доля принимающих участие в акциях протеста в общей численности населения данного региона составляет 0,8, что в 2 раза больше, чем в Краснодарском крае (0,4), и в 1,6 раза больше, чем в Ставропольском крае (0,5).

Динамика численности участников протестных акций (рисунок) показывает следующую картину. В Краснодарском крае наблюдается заметный спад активности населения в акциях протеста, однако растет количество таких акций. Как отмечает начальник полиции общественной безопасности УМВД России по городу Краснодару А. Папанов, «количество мероприятий с массовым пребыванием людей у нас с каждым годом увеличивается. Это отмечается в течение последних пяти лет. В год их прирост составляет около 100. Основная часть – это общественно-политические мероприятия» [9]. Ставропольский край, начиная с 2010 г., демонстрирует стабильный спад участия населения в протестных движениях. В Ростовской области за счет наличия довольно организованных протестных движений активность населения имеет стабильный, но не очень существенный рост.

Численность участников протестных акций в Краснодарском крае, Ставропольском крае и Ростовской области в период 2008–2012 гг.

Мониторинг средств массовой информации показал, что протестная активность населения в Ставропольском и Краснодарском краях, Ростовской области в настоящее время не представляет открытой угрозы для политической стабильности в них и инновационного развития. Динамика массовых протестов позволяет говорить о слабой организованности оппозиции, вместе с тем – о наличии протестного потенциала, поддерживаемого посредством социальных сетей и деятельности гражданских активистов. Наиболее активным протестным потенциалом обладает Ростовская область, имеющая стабильно развивающиеся

протестные движения. В ближайшее время всплеска протестных настроений не ожидается. Поскольку пик протестных настроений приходится главным образом на период выборов, то увеличения протестной активности в регионах можно ожидать лишь к 2015–2016 гг., в зависимости от политического ландшафта.

Источники

1. Бобро: оппозиция в Ставропольском крае активизируется в ходе мартовских муниципальных выборов. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/218390/>. (дата обращения: 25.03.2013).
2. В Краснодаре акция протеста 10 декабря прошла как встреча с депутатами. – Режим доступа: <http://www.yuga.ru/news/247585/>. (дата обращения: 13.06.2013).
3. В Краснодаре митинг возмущённых «панк-молебном» собрал 10 тысяч человек. – Режим доступа: <http://newsru.ru/russia/31mar2012/krasnodar.html>. (дата обращения: 13.06.2013).
4. В Ростове участники пикета потребовали прекратить преследование обвиняемых по «Болотному делу». – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/225606/>. (дата обращения: 13.06.2013).
5. В Ставропольском крае акция протеста против мэра Кисловодска продолжится. – Режим доступа: <http://www.kislovodsk.org/news/33/>. (дата обращения: 13.06.2013).
6. Доклад «Минченко консалтинг»: «Политбюро 2.0» накануне перезагрузки элитных групп. Часть 2. – Режим доступа: http://minchenko.ru/analitika/analitika_30.html. (дата обращения: 13.06.2013).
7. Зети, П.П. Информационные механизмы формирования гражданского сознания молодёжи на Юге России / П.П. Зети // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №10(18). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-gu/issues/2012/no10.html>. (дата обращения: 13.06.2013).
8. Итоги 2012. Мониторинг протестной активности. Сравнение некоторых данных организаторов акций и МВД РФ. – Режим доступа: <http://kprf.ru/actions/kprf/114345.html>. (Дата обращения: 26.05.2013).
9. Каргаполов, М.В. ближайшие два года Краснодар будет жить спокойно / М.В. Каргаполов // Информационное агентство «Живая Кубань». – Режим доступа: <http://www.livekuban.ru/node/512126>. (дата обращения: 01.06.2013).
10. Красный протест в Краснодарском крае. – Режим доступа: <http://kprf.ru/actions/110461.html>. (дата обращения: 13.06.2013).
11. Левый Фронт Ростовской области. – Режим доступа: <http://xn--d1abrke8a.xn--plai/index.htm>. (дата обращения: 13.06.2013).
12. Местная организация города Краснодара – «Пит Буль» («Pit Bull») решением Октябрьского районного суда г. Краснодара от 24.08.2010 признана экстремистской // Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». – Режим доступа: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret. (дата обращения: 15.03.2013).
13. Политическая активность: современные тенденции и новые формы: монография / под ред. В.Е. Хвощёва. Челябинск, 2009. – С. 356–357.

С.Г. Зырянов, Е.А. Терещук,
Челябинск

Доверие институтам власти и потенциал протестных настроений в Челябинской области

Учитывая изменения, произошедшие в социально-политической сфере жизни страны после декабрьских 2011 года выборов в ГосДуму РФ и мартовских 2012 года выборов Президента РФ, нельзя не подчеркнуть, что мониторинг общественных настроений на уровне региона является столь целесообразным, столь и своевременным.

Чтобы разобраться, какие трансформации происходят в массовом сознании населения Челябинской области, нужно, с привлечением социологических данных, ответить, по меньшей мере, на три вопроса: 1) каковы факторы, влияющие на отношение к власти?; 2) какова степень доверия властным институтам?; 3) какова вероятность формирования регионального протестного движения?

Результаты социологического исследования в 2011–2012 гг. позволяют охарактеризовать отношение общества к власти в Челябинской области по обозначенным аспектам [1].

Системным фактором, определяющим динамику и ценностное наполнение настроений, являются социально-экономические условия жизни населения региона (табл. 1).

Таблица 1. Самооценка материального положения жителей Челябинской области (2011 г.)

Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?	Челябинская область (1000 респондентов)	г. Челябинск (350 респондентов)
1. Денег не хватает на повседневные затраты	16,4	11,6
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	19,8	15,7
3. На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	21,8	22,4
4. В основном хватает, но не для покупки дорогостоящих предметов	27,4	29,7
5. Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры	12,6	18,9
6. Практически ни в чем себе не отказываем	2,0	1,7

Зафиксированный уровень самооценки материального положения населения области на момент опроса отражает отсутствие заметных изменений в сравнении с данными, во всяком случае, последних трех лет. Только 2% жителей области отнесли себя к группе высокообеспеченных. Почти половина – имеют средний уровень обеспеченности (суммарно 3 и 4 позиции – 49%) и чуть больше трети – ниже среднего (суммарно позиции 1 и 2 – 36%).

Не менее показательным с точки зрения влияния социально-экономической ситуации на общественные настроения является индикатор удовлетворенности жизнью в целом.

По самооценкам участников опроса, 55% в целом удовлетворены тем, как складывается их жизнь, против примерно 30% тех, кто не удовлетворен своей жизнью, при 14% затруднившихся с ответом, с соотношением 3:2 в пользу благополучных слоев населения, живущего в регионе.

Вывод первый. По субъективным оценкам материального положения и удовлетворенности жизнью опрошенных и их семей, а именно они являются исходным фактором, влияющим на социально-политические настроения, можно заключить, что в момент опроса не наблюдалось сколько-либо веских оснований для прогноза роста социальной напряженности в Челябинском регионе.

Еще один ракурс понимания социальных настроений жителей Челябинской области в сфере трудовой деятельности помогают обеспечить данные опроса экспертов: *«Какие ценности, являются доминирующими в целом для населения Челябинской области?»* При выборе в дихотомии «готовность рисковать – стремление к предсказуемости» мнения экспертов о привычных моделях поведения распределились примерно как 1:2 в пользу стремления к предсказуемости – 46% в сравнении с 21% готовых рисковать.

Государственнические ориентации, как выяснилось в процессе выявления общественных настроений в социально-экономической сфере, не отменяют формирования «рыночных» настроений, во всяком случае, по части ценностного отношения к собственности. На вопрос *«Насколько важно для Вас строгое соблюдение в нашей стране права на частную собственность?»* почти три четверти (72%) ответили «очень важно» и 14% – «пожалуй, важно». Степень важности обеспечения права граждан на частную собственность по величине показателя соизмерима только с важностью права на образование (73%).

В связи с этим следует **вывод второй**. Ценностное отношение к соблюдению права человека на частную собственность, выявленное у большинства респондентов, еще раз доказывает наличие доминанты прагматических мотивов у населения региона к сложившейся на момент опроса повседневной реальности.

Немаловажную роль в формировании социальных настроений играют национально-религиозное пространство, межконфессиональные отношения.

Так, эксперты, исходя из ответов на вопрос *«Как Вы в целом оцениваете отношения между представителями разных религий в Челябинской области?»*, считают, что эти отношения по преимуществу имеют либо дружественный характер (41%), либо они нейтрально-безразличные (45%), а вероятность в Челябинской области конфликтов на почве конфессиональных различий либо равно нулю (26%), либо невелика (52%).

При этом большая часть самих жителей региона считают себя защищенными от ущемления своих интересов по национальному признаку (суммарно 60%) и только 6% – чувствуют себя незащищенными.

Итак, краткий обзор данных социологического опроса, характеризующих особенности настроений жителей Челябинской области в связи с состоянием в социально-экономической сфере жизнедеятельности, дает основания предполагать, что в условиях относительной финансово-экономической стабильности в регионе вряд ли возможны сколь-нибудь массовые проявления социального недовольства на уровне протестных выступлений. До тех пор, пока вовремя выплачиваются заработная плата, пенсии и пособия, пока бесперебойно функционируют предприятия и существует минимальная проблема трудовой занятости, очень маловероятно образование очагов социальной напряженности, способных в ближайшем будущем переродиться в протестное движение.

Помимо группы социально-экономических факторов, влияющих на формирование протестных общественных настроений, существуют иные риски, способные спровоцировать социальную напряженность. Одним из главных в этом ряду является чувство личной безопасности либо защищенности. Понятно, что нарастание тревоги по поводу такого состояния может вызвать своеобразную цепную реакцию, результатом которой и станет нарастание протестных настроений и даже переход к протестным действиям. Распределение ответов опрошенных на вопрос: *«Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?»*

показало, что 64% населения региона чувствуют себя *не* защищенными от преступности, 60% – от бедности, 59% – от произвола чиновников, 58% – от какой-либо экологической угрозы, 51% – от произвола правоохранительных органов, 49% – от других опасностей. Есть и категория людей – 22%, которые чувствуют себя не защищенными от преследования за свои политические убеждения. При этом обеспечение права безопасности и защиты личности в большей или меньшей мере значимо для большинства участников опроса (суммарно 85%).

Ясно, что прессинг угроз, обострение чувства опасности, нарушение права безопасности и защиты личности могут привести к нежелательным с точки зрения благополучия общественного климата настроениям. Однако около двух третей жителей региона на вопрос *«Сталкивались ли Вы в последние 12 месяцев с нарушениями этих прав и свобод..?»* ответили отрицательно: не сталкивались.

Иными словами, возможно, субъективная незащищенность от разного рода рисков и опасностей и значимость обеспечения права на безопасность и защиту личности в момент опроса «уравновешивается» фактическим отсутствием нарушений этого права. До тех пор, пока это своеобразное равновесие существует, риски остаются рисками, но не запускается механизм дестабилизации общественных настроений в регионе.

Рейтинг первой пятерки ответов на вопрос *«Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения области?»* интересует нас главным образом с точки зрения выявления болевых точек в социальных настроениях жителей региона. Перечень ожиданий таков:

1. Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией – 42,4%.
2. Создавать новые рабочие места – 37,4%.
3. Оздоровить природу – 36,3%.
4. Улучшить медицинское обслуживание – 36,1%.
5. Строить доступное жилье – 29,1%.

Понимание респондентами приоритетности конкретных созидательных задач, решение которых способно улучшить их жизнь, со всей очевидностью отражает позитивный настрой и отсутствие радикалистских настроений в силу долгосрочности и мирного характера высказанных пожеланий, с одной стороны, и по причине фактического отказа от возможности дополнить предлагаемый список задач своими ответами – с другой.

Итоговой и обобщающей картину факторного пространства формирования общественных настроений можно считать следующую характеристику: «**Какие чувства Вы испытываете по отношению к своей области?**» Опрошенные поделились на несколько групп, наиболее статистически заметны из которых три: каждый четвертый житель области рад, что живет здесь (27%); четверо из каждых десяти, и это самая многочисленная группа, в целом довольны, но их многое не устраивает (43%), а 13% респондентов не испытывают при этом особых чувств, исповедуя принцип «где родился, там и пригодился». Иначе говоря, для большинства респондентов жизнь в Челябинской области представляется вполне приемлемой, что является своеобразным бонусом в деле сохранения устойчивости социальных настроений в кратковременной или даже среднесрочной перспективе.

Вопрос отношения населения к власти при рассмотрении особенностей общественных настроений имеет статус «краеугольного камня».

Ключевым индикатором, характеризующим взаимоотношения власти и социума, является степень его доверия к ней (табл. 2).

Таблица 2. Доверие населения Челябинской области институтам власти (2011, 2013)

Доверие региональным (областным, местным) органам управления, организациям	2011					2013 [3]		
	Полностью доверяю + пожалуй, доверяю.	Трудно сказать точно	Не очень доверяю + совсем не доверяю	Не знаю	Отказ от ответа	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить
Губернатор области	33,6	27,1	22,4	8,6	8,4	-	-	-
Правительство области	25,4	26,9	18,8	9,4	9,5	43,2	24,0	32,8
Законодательное собрание области	16,1	27,6	32,1	13,3	10,9	32,0	31,2	36,8
Политические партии (региональные отделения)	9,1	25,5	42,4	13,5	9,5	22,4	40,4	37,2
Муниципальные, местные органы управления	19,1	25,8	26,0	8,5	10,5	-	-	-
Прокуратура	24,9	24,9	32,5	9,0	8,8	20,0	47,6	32,4
Суд	33,6	21,8	30,8	6,8	6,9			
Полиция	19,7	22,3	44,1	5,0	8,8			
Профсоюзы	18,2	27,2	34,3	10,6	9,7	-	-	-
Средства массовой информации (печать, радио, телевидение)	23,9	19,3	40,1	7,2	9,6	-	-	-

В целом высокого уровня доверия населения тем или иным властным институтам не выявлено. Около трети доверяют губернатору и суду (33%), при этом наибольшим недоверием пользуются полиция (44%) и политические партии (42%).

Невысокий уровень доверия власти со стороны населения является приметой времени, которую зафиксировали и эксперты, считающие, что только около 30% жителей области доверяют и около половины (48%) не доверяют власти.

Что касается сравнения результатов опроса 2011 и 2013 гг., то в целом отмечено повышение с течением времени доверия институтам законодательной и исполнительной власти региона, с одной стороны, и снижение доверия к правоохранительным и судебным органам, с другой стороны.

Примечательно, что люди сами осознают связь между эффективностью деятельности властей и вероятностью протестных акций: «Работают власти – люди не бастуют» [2].

При этом нельзя не отметить позитивный с точки зрения современных тенденций настрой большинства жителей Челябинской области (82%), две трети которых (65%) считают, что улучшение их жизни «полностью зависит» *от них самих*, и 16% – «пожалуй, зависит» от них самих. Зависимость улучшения жизни от власти отмечают менее половины населения: от **районной, городской власти** – 44%; от **областной власти** – 41% и от **общероссийской власти** – 46%.

Подведем еще один **итог**. С одной стороны, выявленные признаки некоторого отчуждения между институтами политической власти и населением, невысокого уровня доверия власти и небольшого потенциала взаимодействия с нею указывают на существование «зазоров», лакун, которые при определенном развитии событий и процессов социально-политической жизни могут быть «заполнены» более или менее массовыми и быстро фокусирующимися негативными настроениями. А с другой – минимизация настроений сервильности, патернализма и зависимости от власти указывает на существование предпосылок для дальнейшего формирования в регионе гражданского общества.

Помимо целой системы косвенных индикаторов, опрос предполагал и прямой вопрос о вероятности участия граждан области в акциях протеста: «*Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, нарушений прав и свобод человека) ?*».

Таблица 3. Готовность участвовать в протестном движении жителей Челябинской области (2011 г.)

Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, нарушений прав и свобод человека)?	Челябинская область (1000 респондентов)	г. Челябинск (350 респондентов)
Готов	22,0	18,3
Пожалуй, готов	21,0	25,4
Пожалуй, не готов	11,9	15,0
Не готов	23,0	20,6
Затрудняюсь ответить	15,9	18,3
Отказ от ответа	6,3	2,4

Однозначную готовность принять участие в возможных акциях протеста выразил каждый пятый участник опроса (22%) и примерно столько же – предположительную готовность (21%). Много это или мало? Если рассматривать показатель прямолинейно и представить себе, что на улицы городов и сел области для участия в акции протеста выйдут около 40% жителей, – немало. Однако прогнозировать подобное как реальное нет оснований. О минимальной вероятности возникновения столь масштабных протестных акций свидетельствуют позитивные оценки населением социально-экономических условий жизни в регионе. Приведенные в таблице 3 данные статистически очерчивают примерную часть населения Челябинской области, у которой есть причины быть недовольными существующим состоянием дел или собственной жизнью. В долевого отношении этот показатель в значительной мере совпадает с показателем групп населения, имеющих материальные доходы ниже среднего уровня. Но на самом деле каузальный ряд, конечно же, шире – в диапазоне от недовольства властью как таковой и до сложности либо остроты каких-то семейно-личных обстоятельств.

Таким образом, баланс готовности к проявлению протестных настроений и неготовности участвовать в протестных акциях количественно близок, но не идентичен – 43% готовы к участию в протестных акциях и 34% говорят о той или иной степени неготовности. Характерно, что опрос проводился за несколько месяцев до всплеска гражданских протестов в декабре 2011 года и уже на этом временном отрезке число граждан, готовых к протестной активности, больше (на 7%) группы тех, кто готов терпеть или не видит причин для протестной активности.

Сравним социально-демографические характеристики двух контрастных групп: готовых и не готовых к проявлению протестной активности.

Среди готовых преобладают мужчины, старше 50 лет, со средним специальным профессиональным образованием, с относительно невысоким уровнем материальной обеспеченности (на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна).

Группа не готовых к участию в протестных акциях в большей степени состоит из женщин, с хорошим уровнем материальной обеспеченности (денег почти на всё хватает, но затруднительно приобретение квартиры), жителей малых городов.

Картину анализа контрастных групп дополняет выявление корреляций между готовностью к участию в протестах и включённостью в деятельность основных институтов общественной активности (табл. 4).

Таблица 4. **Взаимосвязь участия в деятельности политических и гражданских структур с готовностью/неготовностью к участию в акциях протеста (2011 г.)**

Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста?	В целом	Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?				
		Политической партии	Профсоюза	Религиозной организации	Других организаций	Не являюсь
Готов	22,0	34,9	27,6	23,1	28,6	21,8
Пожалуй, готов	21,0	25,6	29,1	23,1	21,4	21,0
Пожалуй, не готов	11,9	9,3	9,4	0,0	10,7	11,9
Не готов	23,0	16,3	15,0	46,2	21,4	23,0
Затрудняюсь ответить	15,9	4,7	16,5	0,0	17,9	15,9
Отказ от ответа	6,3	9,3	2,4	7,7	0,0	6,4

Как следует из данных корреляционной таблицы, респонденты, заявляющие о готовности к участию в акциях протеста, — это, в большей степени, члены политических партий (на 12,9% больше, чем в среднем по выборке) и профсоюзов (на 5,6% больше, чем в среднем по выборке), других общественных организаций (на 6,6% больше, чем в среднем по выборке).

С другой стороны, респонденты, заявляющие о своей неготовности к участию в протестных акциях, — это те, кто в большей степени включён (является членом) в религиозные организации (на 23,2% больше, чем в среднем по выборке).

Как факт, подтверждающий эти выводы, следует рассматривать уже многолетнее отсутствие забастовочного движения в регионе.

Итак, в регионе существует достаточно стабильное и относительно позитивное восприятие населением условий социально-экономической ситуации. Однако, несмотря на то, что основу экономического развития Челябинской области составляет металлургическая промышленность, общая ситуация в стране и в регионах в значительной степени зависит от уровня цен на сырье и углеводороды. Таким образом, от существующих рисков снижения мировых цен на нефть и газ не застрахованы как Россия в целом, так и ни один регион.

Второй риск кроется в возможной дисфункции финансово-экономической системы, которая, в свою очередь, связана с деятельностью банков, фондов, разрастанием кредитной системы и пр. Достаточно прокатиться волне несвоевременных выплат заработной платы, пенсий, пособий, и вероятность проявления протестных акций сразу же возрастет в разы. Именно внезапно возникающие негативные прагматические мотивы способны поднять массы и в Москве, и в регионах.

Однако, в отличие от протестов, вызванных, например, монетизацией льгот, протест в современных условиях на фоне медленного, но неуклонного снижения уровня доверия населения к руководителям государства может привести к социально-политическим осложнениям.

Главной задачей государственных и муниципальных органов власти является скрупулезный мониторинг экономической ситуации в регионе и создание мобильных финансовых резервных фондов, способных экстренно помогать корректировать ситуацию в лучшую сторону повсеместно, начиная градообразующими предприятиями в моногородах и заканчивая своевременной доставкой пенсий и социальных пособий. До тех пор, пока все системы и институты действуют стабильно, никакие московские митинги и никакие призывы к «солидарности» не подвигнут население в регионах, в том числе и в Челябинской области, к уличным протестам.

Особенности выявленных социальных настроений и спокойная позитивная ориентация населения Челябинской области в настоящее время свидетельствуют об отсутствии активных протестных настроений, однако это не отменяет задачи всестороннего и систематического мониторинга общественного мнения, которое, как известно, очень подвижно и подвержено влиянию многих факторов.

Ссылки

1. В 2011–2012 гг. при поддержке РГНФ (проект № 11-03-00655а) Лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС проведено социологическое исследование: июль–август 2011 года – стандартизированный опрос по методике ЦИСИ ИФ РАН (выборка – 1000 человек); июль–август 2012 года – серия глубинных интервью (120 интервью), экспертный опрос (150 человек).
2. Результаты глубинных интервью (120 интервью).
3. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного Лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, апрель 2013 года (выборка – 700 человек).

Л.В. Изюмова,

Вологда

Социокультурная трансформация северной деревни в 1930–1960-х годах

Термин *трансформация* (от латинского *transfar-mation* – преобразование) широко используется в социогуманитарных науках. Под *социальной трансформацией* понимается радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа общества. Академик Т.Н. Заславская выделяет несколько слоев, характеризующих направленность этих изменений: верхний слой – преобразование социальных институтов; средний – преобразование социально-групповой структуры; более глубинным и в то же время «наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества», служит генеральное направление социокультурных сдвигов [4, с. 149-151].

Историки солидарны в том, что в аграрной подсистеме социальная трансформация колхозного социума проходила в направлении раскрестьянивания. Под раскрестьяниванием исследователи понимают, с одной стороны, ликвидацию основных условий воспроизводства крестьянского двора, прямое выталкивание сельского населения из деревни (внешнее раскрестьянивание). С другой стороны, этот процесс означает изменение социокультурного типа работника, занятого сельскохозяйственным трудом, а также глубинные перемены в ментальной сфере (внешнее раскрестьянивание). Раскрестьянивание выступает закономерным, объективным явлением в модернизирующемся обществе, однако на его процессы серьезное влияние оказывают факторы субъективного порядка, прежде всего государственная политика в отношении сельского населения и ее реализация на практике.

По мнению Н.И. Лапина, *социокультурная трансформация* есть комплексное, преимущественно эволюционное преобразование общества как социокультурной системы. Комплексность преобразования означает, что трансформационный процесс охватывает все основные структуры и процессы системы и потому не сводится к реформам «сверху», а его ход и исход в решающей степени зависят от действий массовых социальных

групп [7]. В центре внимания данной статьи лишь один из аспектов социокультурной трансформации северной деревни периода 1930–1960-х гг.: становление и углубление профессиональной специализации, изменения в организации общественного труда, перемены в социокультурном типе колхозника.

Для первых колхозов характерен традиционный универсализм крестьянского труда. Профессиональная специализация развивалась в общественном производстве колхозов довольно медленно. С одной стороны, это было связано с сезонностью сельскохозяйственного производства, медленным внедрением механизации в животноводство и земледелие. С другой стороны, многое зависело от состояния конкретного колхоза, от наличия в нем трудоспособных кадров, развития отраслевой специализации.

В Вологодской области, например, к началу 1950-х гг. в растениеводстве работало более 75% колхозников, в животноводстве было задействовано 16,5%, на административных и обслуживающих должностях – 4,5%, в строительных бригадах – 2% [1, л. 520]. Необходимо напомнить, что в эти годы наиболее квалифицированные рабочие кадры аграрной подсистемы – механизаторы – практически были оторваны от общественного хозяйства колхозов, оставаясь сначала сезонными, а с 1953 по 1957 г. – кадровыми работниками МТС. В середине 1960-х гг. в колхозном производстве по-прежнему наиболее многочисленной группой оставались колхозники, занятые на конно-ручных работах в растениеводстве, хотя удельный вес этой группы последовательно сокращался. Так, в Архангельской области удельный вес колхозников, занятых на конно-ручных работах в растениеводстве, составил в 1964 г. 46,8%, а в 1967 г. – 44,8%, в Вологодской области – соответственно 58,4 и 53%, в Коми АССР – 54,4 и 48,3%. В среднем по колхозам РСФСР этот показатель сократился с 50% в 1964 г. до 47,1% в 1967 г. [5, с. 142-143].

По мере развития колхозной системы, с углублением профессиональной специализации, ростом уровня механизации общественного производства, происходило накопление человеческого капитала в аграрной подсистеме общества. Причем если в 1930–1940-е гг. основное внимание уделялось профессиональной подготовке руководителей, специалистов, а также механизаторов, то в дальнейшем развитие получила система подготовки кадров массовых профессий. Серьезные изменения в системе подготовки колхозных кадров наметились уже после окончания Великой Отечественной войны.

Согласно постановлению февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) были созданы двухгодичные государственные школы по подготовке руководящих колхозных работников и при них – постоянно действовавшие шестимесячные курсы переподготовки председателей колхозов [6, с. 210-260]. В 1951 г. двухгодичные школы были преобразованы в средние сельскохозяйственные школы по подготовке председателей колхозов с трехгодичным сроком обучения, а шестимесячные курсы – в годичные курсы по подготовке и повышению квалификации председателей колхозов. По мнению Ю.П. Денисова, роль школ в подготовке председателей колхозов была существенной, однако сколько-нибудь полно решить задачу укрепления колхозов квалифицированными кадрами они не могли [3, с. 43-44]. По-прежнему широко использовались различные виды курсовой подготовки и переподготовки председателей колхозов. Как правило, через такую систему повышения квалификации проходила значительная часть колхозных руководителей.

В 1960-х гг. при высших и средних сельскохозяйственных учебных заведениях были образованы специальные факультеты и школы повышения квалификации, которые готовили руководящие кадры для колхозов и совхозов. В одногодичных сельскохозяйственных школах готовили руководящие колхозные кадры среднего звена – заведующих животноводческими фермами, бригадиров производственных бригад, бригадиров-овощеводов, счетоводов, бухгалтеров. Однако набор в одногодичную школу был небольшой и не удовлетворял потребности колхозов в квалифицированных кадрах. Вместе с тем в укрупненных хозяйствах роль бригадиров и заведующих производственными участками в организации производственных процессов значительно возросла. Требовались знающие и инициативные кадры. В отчетах по итогам проверки организационного состояния укрупненных производственных бригад в колхозах прямо указывалось, что «низкая квалификация и недостаточная грамотность бригадиров продолжает оставаться наиболее слабым местом руководителей укрупненных бригад», что «назрела необходимость в обучении этих кадров» [1, л. 535].

После выхода постановления ЦК ВКП(б) от 19 июня 1950 г. «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве» началась подготовка массовых колхозных кадров на агрозоотехнических курсах с трехлетним сроком обучения без отрыва от производства [6, с. 308-322]. Программа первого года обучения

предусматривала овладение колхозниками обязательным минимумом агротехнических или зоотехнических знаний, необходимых для работы в определенной отрасли. Колхозникам, освоившим программу второго и третьего года обучения, сдавшим экзамен, присваивались соответственно звания мастера первого и второго разрядов в одной из отраслей колхозного производства (полеводство, огородничество, садоводство, животноводство) и выдавался аттестат с указанием полученной специализации. К работе курсов предписывалось привлекать наиболее квалифицированных специалистов сельского хозяйства, научных работников, преподавателей вузов и техникумов, а также передовиков сельского хозяйства. Однако на практике работа агрозоотехнических курсов часто проходила формально. Не удавалось привлечь к преподаванию на курсах опытных специалистов, преподавание проводилось «на низком теоретическом уровне», без проведения практических занятий непосредственно в колхозном производстве, «при плохой посещаемости слушателей». Тем не менее сама постановка вопроса о подготовке массовых профессий для общественного хозяйства, об освоении колхозниками какой-либо специализации свидетельствовала о том, что такая проблема назрела и отвечала потребностям колхозного производства.

В 1960-х гг. заметно возросла роль сельских профессионально-технических училищ в подготовке квалифицированных кадров для колхозов и совхозов. В учебных заведениях этого типа был введен ряд новых профессий, увеличилось количество специальностей для девушек, определились профессии для молодежи со средним образованием [2, л. 116]. Согласно Справке Государственного комитета профессионально-технического образования от 3 мая 1965 г. сельские ПТУ готовили кадры массовых профессий по специальностям «Растениеводство» (14 профессий), «Животноводство» (14), «Мелиорация» (6), «Транспорт» (2), «Хранение и переработка сельскохозяйственных продуктов» (4), «Строительство» (9), «Бытовое обслуживание населения» (8 профессий) [2, л. 117-128].

Таким образом, предпосылки социокультурной трансформации колхозного крестьянства складывались в процессе экономической модернизации аграрной подсистемы, по мере углубления профессиональной специализации, выхода за пределы села системы профессиональной подготовки сельскохозяйственных профессий. Первоначально труд в колхозах в основном не был специализирован, колхозники сохраняли статус многофункциональных работников. Постепенно наблюдается увеличе-

ние доли людей, связанных по характеру труда с машинами и механизмами, имеющих определенную трудовую квалификацию и профессию. В то же время необходимо отметить, что профессиональная специализация в сельском хозяйстве развивалась значительно медленнее по сравнению с промышленностью, даже в 1970 г. доля тех, кто работал «без обозначения специальности», составляла на селе 47%.

Серьезное влияние на социальную трансформацию деревни оказали процессы урбанизации (в самом широком смысле этого понятия), что привело к изменению традиционного образа жизни, организации и культуры труда сельского населения. В процессе развития колхозной системы колхозники по своему статусу все более приближались к работникам наемного труда. Одновременно усиливалась дифференциация колхозного социума, в основе которой лежали такие факторы, как объем властных полномочий, профессиональная специализация, уровень дохода, престиж. Отдельные социальные группы колхозников различались не только уровнем материального достатка, но и моделью поведения, образом жизни, профессиональными интересами. Значительно возросла социальная мобильность колхозников, это проявлялось в возможности смены социального статуса, а также перехода в другую категорию колхозного социума. В то же время процессы раскрестьянивания сопровождались и серьезными негативными явлениями: усиливалась пассивность колхозников, наблюдалось равнодушие к работам на земле, все более ощущался разрыв между ценностными установками разных поколений селян.

Источники

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1705. Оп. 9. Д. 646.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-616. Оп. 3. Д. 96.
3. Денисов, Ю.П. Кадры председателей колхозов в 1950–1968 гг. / Ю.П. Денисов // История СССР. – 1971. – № 1. – С. 38-57.
4. Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск, 1999. – 736 с.
5. Изюмова, Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России): монография / Л.В. Изюмова. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 176 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст]: 1898–1971; Т. 6. 1941–1954 / Под общ. ред. П.Н. Федосеева, К.У. Черненко. – М.: Политиздат, 1971. – 527 с.
7. Лапин, Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180772/2000_n3_p3-47.pdf (дата обращения 25.04.2013).

Н.А. Касавина,
Москва

Типы модернизированности регионов Центрального федерального округа*

На основании таблиц индексов модернизации России, полученных согласно методике ЦИМ КАН [3], а также подхода к структурированию регионов России и комплексному измерению состояний (типов) их модернизированности, разработанного Н.И. Лапиным [2, раздел 4], в данной статье представлен обзор во многом контрастных состояний модернизированности регионов Центрального федерального округа (ЦФО) Российской Федерации.

В ЦФО представлены все шесть состояний (типов) модернизированности российских регионов: начало, продолжение, завершение первичной модернизации, начало, продолжение, завершение вторичной модернизации. Рассмотрим их эволюцию в 2000–2010 годах.

К начальному, первому состоянию модернизированности (тип 1) относятся **регионы, начавшие индустриальную (первичную) модернизацию**. К этому типу в 2000 г. из 18 областей ЦФО относились шесть: Белгородская, Курская, Тамбовская – в Центрально-Черноземном экономическом районе; Воронежская, Калужская – в Центральном. Систематизировав статистические данные в соответствии с инструментарием ЦИМ КАН, мы констатируем, что экономические индексы этих регионов были ниже среднего, прежде всего из-за низкого ВРП на душу (19–22 тыс. руб., т.е. менее половины среднероссийской величины); социальные индексы – выше среднего (98); индексы знаний – высокие (100) за счет образования, достигнутого в советские годы. Фазовые значения всех областей находились в диапазоне значений *фазы роста* первичной модернизации (2,5).

Через пять лет, в 2005 г., Белгородская область поднялась в тип 2 (индекс ВРП на душу вырос с 18 до 48, до 100 выросла доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, несущественно подрос индекс доли добавленной стоимости в сфере услуг). Калужская и Воронежская области перешли в еще более высокое состояние модер-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-03-00363а).

низированности (тип 3). Это произошло прежде всего за счет значительного (почти в 8 раз) повышения ВРП на душу и заметного снижения доли занятости в сельском хозяйстве по отношению к общей занятости (с 60 до 48%); в итоге ПМ-индекс Калужской области стал выше среднего (93), а фазовое ПМ-значение выросло с 2,5 до 2,75, что означало переход в фазу ПМ-зрелости. Соответственно, к 2005 г. в составе типа 1 остались три области ЦФО: структура индексов сохранилась прежней, но их количественные значения немного поднялись и дифференцировались; их фазовые ПМ-значения не изменились.

Что касается Воронежской области, то в 2005–2008 годах отмечается позитивная тенденция улучшения состояния промышленности, относительная экономическая стабильность. За этот период объем промышленного производства в физическом исчислении в Воронежской области увеличился на 11,9%. В 2008 году – на 3,7% по сравнению с 2007 годом (в Российской Федерации в целом по промышленности – на 2,1%) [1].

Однако, несмотря на эту динамику, в Воронежской области фиксируется низкий уровень доходов на душу населения. По этому показателю Воронежская область отстает от среднего по РФ уровня, оказавшись в 2010 году на 56-м месте среди 83-х регионов. По среднему размеру начисленных пенсий (в 2010 году – 7087,2 рублей [6, 45]) область занимала 59 место. Здесь высокий показатель доли населения с доходами ниже прожиточного минимума: 18,4% при среднем по РФ – 12,6%. Область в этом аспекте существенно проигрывает другим регионам ЦФО. Например, в Белгородской области в 2010 году значение данного показателя составило 8,2%, в Липецкой – 9,9%, в Курской – 10,8%, в Тамбовской – 10,8% [6, 22, 45, 73, 80, 116]. Возможно, причина в том, что более промышленно развитая Воронежская область сильнее испытала последствия кризиса 2008–2009 гг. Так, в 2009 г. довольно резко возрос уровень безработицы: с 5,3 в 2008 г. до 8,6%. В 2010 г. уровень безработицы составил 7,5% (в то время как в Белгородской области – 5,2%, в Липецкой – 4,5%). В Курской и Тамбовской областях уровень безработицы также достаточно высок: 8,2 и 7,9% [6, 22, 45, 73, 80, 116].

Еще через 5 лет, к 2010 году, из типа 1 поднялась Курская область. В ней были осуществлены: новый этап роста ВРП на душу населения, снижение доли занятости в сельском хозяйстве по отношению к общей занятости, кроме того, существенное повышение доли сферы услуг в ВРП. Фазовые ПМ-значения достигли интервала *зрелости*.

Таким образом, к 2010 г. число регионов ЦФО, относящихся к типу 1, уменьшилось с шести до одного: в начальном состоянии осталась лишь центрально-черноземная Тамбовская область; ее индексы подросли недостаточно, а фазовые ПМ-значения остались в диапазоне фазы *роста*.

Второй тип модернизированности включает регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию. В 2000 г. к этому типу относились 11 областей ЦФО. Эти регионы отличаются от предыдущей группы прежде всего экономическими индикаторами: более высоким ВРП на душу, большей долей добавленной стоимости сферы услуг по отношению к ВРП, меньшей долей добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП.

Таблица 1. Экономические факторы регионов СЗФО

Регион	Индикаторы, 2000 г.		
	ВРП на душу	Доля добавленной стоимости сферы услуг по отношению к ВРП	Доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП
Тип 1			
Белгородская обл.	18	71	78
Воронежская обл.	13	96	86
Калужская обл.	15	77	100
Курская обл.	15	74	75
Тамбовская обл.	12	100	86
Тип 2			
Брянская обл.	11	100	77
Владимирская обл.	14	76	100
Ивановская обл.	9	95	100
Костромская обл.	14	81	76
Липецкая обл.	25	58	100
Орловская обл.	16	81	70
Рязанская обл.	14	79	73
Смоленская обл.	17	92	100
Тверская обл.	15	82	100
Тульская обл.	15	75	100
Ярославская обл.	19	72	100

Как видно из таблицы 1, отнесение региона к типу 1 или 2 зависит не от одного экономического индикатора, но от их комплекса, а также фазы первичной модернизации.

К 2005 г. в типе 2 по-прежнему 11 регионов. В него переместилась Белгородская область, а Ярославская область перешла из него сразу в тип 4.

В Ярославской области индекс ВРП на душу населения вырос с 19 до 49, а индекс доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП – с 72 до 100. Вероятно, проводимая в области политика сохранения экономической базы и рабочих мест дала свои положительные результаты, которые обеспечили ее социально-экономическое развитие. Так, на начало 2006 года в Ярославской области было официально зарегистрировано 9454 малых предприятия, или 7,1 предприятия на 1000 человек населения, что примерно соответствует российскому уровню (7,3). Темп прироста их в 2005 году составил 68,3%. В малом бизнесе занято 54,7 тысячи человек, что составляет 9,6% всех занятых в экономике области (в России – 11,4%). Инвестиции малого бизнеса в основной капитал в 2005 году выросли по сравнению с 2004 годом на 34,7% и достигли 351,6 млн. рублей, что составляет 37,2 тыс. рублей на одно предприятие [4].

Следует отметить, что в регионах, которые в 2005 г. не изменили своего состояния модернизированности, также наблюдается количественный рост экономических индексов.

К 2010 г. *в типе 2* остались 8 регионов. Их положение объясняется недостаточным для перехода в следующий тип модернизированности ростом ВРП на душу, а в некоторых регионах – отставанием индекса доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП (недотягивает до 100). Это касается Липецкой области (индекс 75), Курской области (95).

Третий тип модернизированности составляют регионы, завершающие индустриальную (первичную) модернизацию, точнее – находятся в фазе ее зрелости и приближаются к ее завершению.

В 2000 г. в данный тип входила только Московская область, у которой индекс ВРП на душу несущественно выше, чем в регионах 2 типа, но которая значительно превосходила их по доле добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП. В 2005 г. индекс ВРП на душу обнаруживает быстрый рост (с 17 до 53), а также наблюдается рост индекса доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП (до 100), что позволяет Московской области войти в фазу перехода к вторичной модернизации и подняться в тип 6. В этом типе Московская область остается и в 2010 г.

В 2005 г. тип 3 составляют Воронежская и Калужская области, а в 2010 г. его дополняют также Тверская и Тульская области. Типу три соответствуют следующие экономические показатели: индекс ВРП на душу не ниже 60, индекс доли добавленной стоимости в сфере услуг по отно-

шению к ВВП не ниже 100. Исключение составляет Тверская область, последний индекс в которой не 100, а 81, но индекс ВРП на душу выше 60 (65). Однако ни по одному из фазовых значений первичной модернизации регионам данного типа не удастся начать переход к вторичной модернизации.

В целом переход регионов ЦФО к вторичной модернизации затрудняется следующими факторами: низкий уровень ВРП на душу, низкая доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, высокая доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП и недостаточная ожидаемая продолжительность жизни. Последний индикатор с особенной очевидностью показывает, насколько глубокие процессы жизни общества определяют модернизацию и насколько действенные и долгосрочные программы, нацеленные на изменение отношения к здравоохранению и вообще на повышение ценности и защиту жизни человека, должны осуществляться на пути к модернизации.

К основным проблемам социально-экономической модернизации данных типов регионов ЦФО относятся также: низкая конкурентоспособность производимой промышленной продукции, обусловленная доминированием устаревших технологий, высоким уровнем износа основных фондов, низкой производительностью труда. В большинстве регионов структура пищевого промышленного производства ориентирована преимущественно на местные рынки сбыта, что существенно ограничивает возможности интеграции предприятий в национальное и, тем более, мировое экономическое пространство. Недостаточный уровень инвестиций в основной капитал препятствует удовлетворению реальных потребностей предприятий в обновлении производственной базы. Существует проблема разрыва между развитием научно-технического потенциала региона и низкой восприимчивостью его производственной системы к инновациям. Кроме того, в регионах наблюдается дефицит квалифицированных кадров. В той же Воронежской области численность трудовых ресурсов области за 2010 год снизилась на 10,0 тыс. человек. Тенденция продолжилась в 2011 году – сокращение на 8,2 тыс. человек к уровню предыдущего года. В среднесрочной перспективе прогнозируется дальнейшее сокращение всех составляющих трудовых ресурсов [5].

Измерение **вторичной модернизации** регионов ЦФО демонстрирует динамику индексов в области знаний (инновации и трансляция знаний), качества жизни и экономики.

Четвертый тип модернизованности регионов ЦФО представлен в 2005 г. Ярославской областью, которая вследствие роста экономических индексов перешла к **началу вторичной модернизации**. Среди четырех индикаторов фазовых значений ее переход к ВМ показывают: отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВВП и отношение занятости в сельском хозяйстве к общей занятости (уменьшение роли сельскохозяйственного сектора).

Наибольшее влияние на переход к вторичной модернизации оказывают инновации в знаниях. В табл. 2 сопоставлены индексы инноваций в знаниях Ярославской области (тип 4) с индексами Ивановской области (тип 2), которая войдет в тип 4 только к 2010 г., и Московской области, которая вошла в тип 6 уже в 2000 г., т.е. с регионами различных состояний модернизованности. Очевиден рост индексов первых двух индикаторов инноваций в знаниях Ярославской области по сравнению с Ивановской и еще больший рост всех трех индикаторов в Московской области.

Таблица 2. **Индексы инноваций в знаниях в регионах разных типов модернизованности**

Индикаторы, 2005 г.	Ивановская область Тип 2	Ярославская область Тип 4	Московская область Тип 6
Доля затрат на НИОКР в ВРП, %	21	61	120
Число ученых и инженеров, занятых в НИОКР, на 10 тыс. чел.	16	42	120
Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. чел.	16	20	41

В целом позиции Ярославской области в России по инновационному потенциалу оцениваются достаточно высоко. Наиболее наукоемкими в ней являются машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность. Основной направленностью деятельности научно-технического сектора Ярославской области являются опытно-конструкторские разработки, на финансирование которых направляется до 90% всех средств этого сектора.

Благоприятным фактором инновационного развития Ярославской области является наличие значительного числа потенциальных предприятий – акцепторов нововведений, относящихся к традиционно наукоемким отраслям: аэрокосмической, автомобильной, судостроительной, приборостроительной, химической и нефтехимической промышленности, которые составляют 88,2% всех инновационно активных предприятий.

При этом приоритетными для предприятий области являются такие технологические инновации, как исследование и разработка новых продуктов и производственных процессов (53,3%), приобретение машин и оборудования (73,3%).

В Ярославской области сложился значительный научно-внедренческий комплекс, в который входит 21 научно-исследовательский институт, конструкторские бюро и научные подразделения предприятий. По удельному весу инвестиций в науку в 2004 году область занимала третье место после Москвы и Московской области [4].

Значимым индикатором индекса трансляции знаний, влияющим на динамику ВМ регионов, является число персональных компьютеров на 100 домохозяйств. В 2005 г. в Московской области этот индекс составил 36, в Ярославской области – 19, в Ивановской – 7. Среди индикаторов качества жизни таким индексом является «младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся». Причем в Ярославской области этот индекс (80) намного лучше, чем в Москве (67), Московской области (61), Ивановской области (56).

К 2010 г. Ярославская область переходит в **тип 5 – продолжение вторичной модернизации**, а тип 4 в этот период представляют Ивановская и Владимирская области. На динамику Ярославской области в период с 2005 по 2010 г. в большей степени повлиял умеренный рост следующих индексов инноваций в знаниях, а также: число персональных компьютеров на 100 домохозяйств; ВВП на душу населения; младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся; средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении; доля добавленной стоимости материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП. Из четырех индикаторов фазовых значений выросли индексы двух индикаторов (число персональных компьютеров на 100 домохозяйств; доля инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг), и Ярославская область перешла из подготовительной в начальную фазу вторичной модернизации.

Переход Ивановской области к 2010 г. в *4 тип модернизованности* связан с явным ростом индексов «число жителей страны, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек (в 2005 г. – 16, в 2008 г. – 120, в 2010 – 64), «число телевизоров на 100 домохозяйств», «число персональных компьютеров на 100 домохозяйств». С 2008 г. лучшие показатели дал

также индекс «младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся». Переход Владимирской области к типу 4 большей частью связан с индексами трансляции знаний и качества жизни.

Среди индикаторов фазовых значений Ивановской области снизилась доля добавленной стоимости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП, увеличилось число персональных компьютеров на 100 домохозяйств (рост с подготовительной до начальной фазы вторичной модернизации). Во Владимирской области начальную фазу вторичной модернизации зафиксировал только индикатор «число персональных компьютеров на 100 домохозяйств», который показывает влияние экзогенного фактора модернизации.

Шестой тип модернизованности регионов (ВМ-развитые) представлен Москвой в 2000–2005 гг. и Московской областью в 2005–2010 гг. О динамике Московской области говорилось выше. Снижение состояния модернизованности столицы обусловлено спадом инноваций в реальном секторе экономики, что отражает общие негативные тенденции модернизации страны. Доля затрат на НИОКР в ВРП застыла на низком уровне – менее 3%, что тормозит рост доли инновационных товаров в ближайшей перспективе [2, глава 9].

Обозначим здесь характерные для этого типа фазы ВМ на примере Москвы.

Доля добавленной стоимости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП (%) в 2000 и 2005 гг. находится в фазе расцвета, в 2008, 2009, 2010 гг. – соответствует более ранней фазе развития. Вероятно, промышленная сфера, которая и составляет эту долю добавленной стоимости в материальной сфере, в кризисные годы развивается менее эффективно и в меньшей степени соответствует растущим требованиям.

Доля занятости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в общей занятости (%) на протяжении всех исследуемых лет пребывает в фазе развития.

Следующие два индикатора фазового значения вторичной модернизации были дополнительно введены ЦИСИ Института философии РАН. Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств в 2000, 2005 гг. соответствовало начальной фазе; в 2008, 2009 гг. – фазе развития. Расцвет был достигнут только к 2010 г. Серьезные изменения, только в обратном направлении, претерпел и второй индикатор – доля инновационных

товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг. В 2000 г. показатель соответствовал фазе расцвета, в 2005 г. — фазе развития, в 2008–2010 — подготовительной фазе. Инновационное развитие, на которое возлагается немало надежд в обновлении современного общества, таким образом, на фоне этих данных выглядит совсем не лучшим образом.

Подводя итоги оценки ВМ в регионах ЦФО, следует отметить, что основными препятствиями вторичной модернизации служат: низкий валовой региональный продукт на душу населения; невысокий индекс инноваций в знаниях (доля затрат на НИОКР в ВРП, число ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР, число жителей страны, подавших патентные заявки). Это делает особенно актуальным инновационное развитие науки, различных отраслей экономики и социальной сферы, включая образование.

* * *

Согласно проведенному анализу мы имеем дело со следующими видами динамики регионов ЦФО:

1. Отсутствие динамики, застои. Речь идет о Тамбовской области, которая за десятилетие не меняет своего положения, находясь в начале ПМ, а также о Брянской, Липецкой, Костромской, Орловской, Рязанской, Смоленской областях, которые за 10 лет не повысили свое состояние модернизованности (тип 2).

2. Позитивная постепенная (медленная) эволюция: повышение состояния модернизованности за 10 лет лишь на одну ступень. Курская область поднялась из типа 1 в тип 2; Калужская, Воронежская, Тверская, Тульская области поднялись из типов 1 и 2 в тип 3.

3. Позитивная быстрая эволюция. Такой характер развития относится к Московской (из типа 3 в тип 6), Ярославской (из типа 2 в тип 5), Владимирской (из типа 2 в тип 4), Ивановской (из типа 2 в тип 4) областям.

4. Затормозившееся высокое развитие (1 регион). Его показывает Москва, которая к 2005 г. вошла в фазу развития ВМ (тип 6), но затем стала отступать к начальной ВМ-фазе (тип 5).

Рассмотренные индикаторы модернизации ЦФО показывают и определенные *темпы динамики*. В 2000–2010 гг. из ПМ в ВМ перешли 5 регионов, т.е. по 2,5 региона за каждые 5 лет. При сохранении темпов предыдущего десятилетия, все регионы ЦФО могут достичь стадии ВМ только

через 26 лет, т.е. к середине 30-х годов текущего столетия. Но и это возможно лишь при активном влиянии федеральных органов на интенсификацию развития застойных регионов.

Источники

1. Концепция развития промышленности Воронежской области на 2010–2012 годы и на период до 2020 года. – Режим доступа: http://www.rspp-vrn.ru/load_files/79.DOC (Просмотрено 4 марта 2013 г.)
2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беяевой. – М., 2013.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. – М., 2011.
4. О стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2030 г. – Режим доступа: yagregion.ru/depts/dppdt/Documents/ocenka/post_572_07.doc (Просмотрено 27.02.2013 г.)
5. Программа социально-экономического развития Воронежской области на 2012–2016 годы: http://img.rg.ru/pril/article/61/88/73/proekt_voronezh.pdf (Просмотрено 3 марта 2013 г.).
6. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2012.

Д.В. Колечков,
Сыктывкар

Перспективы развития социокультурной системы северных регионов России

Успех модернизации экономики России во многом зависит от реформирования не только производственно-финансовой сферы, но и социокультурной системы, от состояния и перспектив развития которой напрямую зависит уровень и качество жизни населения. В свою очередь качество социально-культурной инфраструктуры территорий находится в прямой зависимости от уровня мощностей её учреждений. Необходимы немалые усилия со стороны государства, нацеленные на достижение оптимальных стандартов обеспеченности населения объектами образования, здравоохранения и культуры. Особенно это актуально для северных регионов страны в связи с действием удорожающих факторов, низкой плотностью населения, суровыми климатическими условиями, низкой транспортной доступностью периферийных районов к услугам, негативными последствиями рыночного реформирования и финансово-экономическим кризисом.

Актуальной проблемой последних лет стала напряженность в обеспечении населения *дошкольными образовательными учреждениями* (ДОУ). За период 2001–2010 гг. изменение числа дошкольных образовательных учреждений и обучающихся в них в целом по России и северным регионам имело равнонаправленную динамику. Причем если по России за этот период количество дошкольных учреждений сократилось на 12,1%, то по северным регионам – на 16,3%. Сокращение числа дошкольных образовательных учреждений при росте численности обучающихся в них за 2001–2010 гг. во всех северных регионах привело к увеличению нагрузки с 85 человек на 100 мест в ДОУ до 102. Подобные тенденции наблюдались и в целом по стране, но поскольку численность детей выросла более существенно, то и перегруженность стала выше, увеличившись с 82 до 107 чел.

Подобные проблемы характерны и для общеобразовательного, и начального профессионального звеньев в системе образования.

В отношении *среднего профессионального образования* можно сказать, что количество учреждений за эти годы осталось практически неизменным как по северным регионам, так и в целом по стране. Однако численность учащихся в северных регионах имела тенденцию к росту (на 7,4%), по России и, наоборот, наблюдалось снижение – на 7,9%. Тенденция была неравномерной: за исследуемый период происходили отдельные всплески повышения числа учащихся в 2001 и в 2003–2005 гг. – на 40%, в 2008 г. – на 20%.

Изменение количества образовательных учреждений *высшего профессионального образования* и численности обучающихся в них за рассматриваемый период в России и северных регионах имело одинаковую тенденцию роста.

В области *здравоохранения* в северных регионах наблюдается тенденция смещения приоритетов от стационарного к амбулаторно-поликлиническому лечению: если число больничных коек снизилось почти на 10%, то мощность амбулаторно-поликлинических учреждений выросла на 3%. Эти тенденции в точности соответствуют общероссийским.

Прогноз развития. Долгосрочный характер прогноза обусловил необходимость согласования расчетов с целями и задачами большинства стратегических документов на уровне страны и регионов – Послания Президента РФ Федеральному Собранию, стратегий социально-экономического развития России и регионов, указов Президента РФ о совершенствовании государственной политики в социально-культурной сфере и т.п.

В основу прогноза развития учреждений социально-культурной сферы положен демографический прогноз Росстата 2030 г. [1], скорректированный с учетом данных Всероссийской переписи населения 2010 г. [2].

Вариативность демографического прогноза и сценариев социально-экономического развития страны и регионов определила разработку целевого сценария развития социально-культурной инфраструктуры, который реализует нормативную концепцию прогнозирования. Исходной точкой расчетов послужили целевые ориентиры социального развития, заложенные в Стратегии социально-экономического развития России до 2020 г. и стратегиях социально-экономического развития ряда северных регионов РФ. Относительно этих ориентиров произведены расчеты возможных путей решения указанных задач. Особенностью данного сценария является то, что он позволяет учитывать несколько факторов, влияющих на конечный результат прогноза.

Так, кроме изменения численности населения по демографическому прогнозу, учитываются и различные целевые ориентиры, заложенные в программных документах государства.

Исходя из Стратегии-2020 пик потребности в дошкольных образовательных учреждениях придется на 2015 год, после чего начнется постепенное сокращение *численности детей дошкольного возраста*, которое по демографическому прогнозу детей в возрасте 2–7 лет в 2020 г. составит в целом по России 6,7% к 2015 г. С учетом существующей межрегиональной дифференциации и прогнозируемой численности населения по территориям среднегодовые темпы снижения численности детей, посещающих ДООУ, за 2010–2020 гг. составят по северным регионам 0,6, в целом по России – 0,4, а за весь исследуемый период их число сократится соответственно на 6 и 4%.

Наибольшее сокращение произойдет в Магаданской области (на 14,7%), Камчатском крае (11,6%), Республике Коми (11,3%) и Архангельской области (10,3%). Только в Ханты-Мансийском АО произойдет рост на 2,3%.

По охвату услугами дошкольного образования Россия находится на уровне развивающихся стран. За последние годы охват детей дошкольным образованием увеличился с 58 в 2005 году до 59,8% в 2011 году. Однако этот показатель остается ниже показателя 1991 года, который составлял 63,0%. Исходя из целевых ориентиров, подчеркнем, что степень охвата детей ДООУ к 2020 г. должна быть выше значений дореформенного периода.

Следует отметить, что охват детей ДООУ на Севере по сравнению с Россией в целом был значительно выше и эта ситуация сохранится на перспективу. Так, в 2020 г. по России ДООУ будет охвачено 67% против 57,4% в 2010 г., по северным регионам – 83% против 71,8%. Наибольшая степень охвата будет в Чукотском АО (98,7%), Ненецком АО (95,8%) и Мурманской области (91,6%).

Прогноз численности *студентов государственных (муниципальных) учреждений среднего профессионального образования* построен с учетом следующих обстоятельств:

1. Согласно целевым ориентирам развития среднего профессионального образования России, намеченным в Стратегии-2020, к 2020 г. произойдет сокращение спроса на программы начального профессионального образования в пользу среднего на 20–25%.

2. По демографическому прогнозу снижение численности молодежи в возрасте 17–25 лет к 2016 г. составит 12–15%.

С учетом данных условий и существующей межрегиональной дифференциации численности населения среднегодовые темпы прироста (снижения) количества студентов учреждений среднего профобразования по северным регионам составят 0,1%, в целом по России – +0,6%, а за весь исследуемый период их численность сократится на 0,1% и увеличится на 5,6% соответственно.

Среди северных регионов по изменению численности студентов данного звена системы образования в исследуемой перспективе будет сохраняться высокая степень дифференциации. Максимальный рост произойдет в нефтедобывающих округах: Ханты-Мансийском (на 28,4%), Ямало-Ненецком (18,3%) и Ненецком (14,9), что связано с растущей потребностью этих территорий в работниках технических специальностей на фоне роста добычи углеводородного сырья. Наибольшее снижение будет в Чукотском АО (на 26,9%), Сахалинской области (17%), Республике Коми (14,2%) и Архангельской области (13,2%), обусловленное отрицательным сальдо трудовой миграции.

Прогноз изменения численности студентов *образовательных учреждений высшего профессионального образования* построен исходя из консервативного сценария развития данного звена общей системы образования.

Согласно этим условиям среднегодовые темпы прироста численности студентов учреждений высшего профессионального образования по северным регионам составят 2,5, в целом по России – 0,8, а за весь исследуемый период их численность увеличится соответственно на 27,4 и 8,3%.

Прогноз численности врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала северных регионов построен исходя из ориентиров второго сценария Стратегии-2020, который предусматривает сравнительно медленное развитие системы охраны здоровья, поскольку оно будет происходить в условиях минимально необходимого роста объемов финансирования. При этом ожидаемый прирост численности к 2020 г. составит 14%.

С учетом этого, а также существующей межрегиональной дифференциации и прогнозируемой численности населения по территориям среднегодовые темпы прироста *численности врачей всех специальностей* по северным регионам составят 1,4, в целом по России – 1,3, а за весь исследуемый период их число увеличится соответственно на 14,4 и 14,1%. При

этом обеспеченность врачами в расчете на 10 000 населения возрастет по северным регионам с 53,8 в 2010 г. до 61,5 в 2020 г., а по России в целом – с 50,1 до 57,2.

Среднегодовые темпы прироста *численности среднего медицинского персонала* за 2010–2020 гг. по северным регионам, как и по России в целом составят 2,2, а накопленный прирост – соответственно 24,9 и 24,5%. В расчете на 10 000 населения их число возрастет по северным регионам со 140,5 в 2010 г. до 175,1 в 2020 г., по России в целом – со 105,5 до 131,6.

Правительство РФ планирует до 2020 г. оптимизировать соотношение стационарной и амбулаторно-поликлинической помощи, усилить координацию и преемственность между ними путем более целенаправленной и качественной подготовки медицинского персонала для амбулаторного звена и улучшения технической оснащенности медицинских учреждений, что приведет к сокращению коечного фонда больниц и росту мощности амбулаторно-поликлинических учреждений.

При реализации таких целевых ориентиров развития медицинской отрасли среднегодовые темпы снижения *количества коек в стационарных медицинских учреждениях* за прогнозируемый период по северным регионам, как и по России в целом, составят 1,5%, накопленный темп снижения – соответственно 13,6 и 43,9%. При этом в расчете на 10 000 населения их численность снизится по северным регионам со 108,7 в 2010 г. до 93,7 в 2020 г., по России в целом – с 93,7 до 80,8.

Наибольшее снижение коечного фонда за прогнозируемый период произойдет в Якутии (на четверть), Чукотском АО (20,9%) и Мурманской области (20,5%). Несмотря на снижение количества больничных коек, их количество в расчете на 10 000 населения в северных регионах останется по-прежнему выше, чем в России. Самая высокая обеспеченность больничными койками будет в Чукотском АО (163,3 койки на 10 000 человек), Магаданской и Сахалинской областях (129,9), Ненецком АО (108), Камчатском крае (107,2) и Республике Коми (100,1).

При сокращении коечного фонда возрастет *мощность амбулаторно-поликлинических учреждений*. По целевому прогнозу среднегодовые темпы прироста количества посещений в смену на Севере, как и по России в целом, составят 0,5%, а в целом за прогнозируемый период мощность сети амбулаторно-поликлинических учреждений увеличится соответственно на 5,2 и 4,8%.

Среди северных регионов значительный рост мощности амбулаторно-поликлинических учреждений за прогнозируемый период составит в Ханты-Мансийском (на 22,2%) и Ненецком АО (12,7%). Менее значительный рост будет зафиксирован в Республике Карелия (на 1%), Магаданской (2,6%) и Сахалинской (3,6%) областях, а также Республике Коми (3,8%).

Таким образом, проведенный анализ показал, что за период 2000–2012 гг. в инфраструктуре социальной сферы северных регионов, как и в целом по России, преобладали негативные тенденции. При сокращении количества объектов сферы образования и здравоохранения и росте численности населения, пользующихся этими услугами, продолжает увеличиваться нагрузка на учреждения данного сектора экономики. В обозримой перспективе, только комплекс радикальных мер, направленный не только на увеличение количества учреждений социальной сферы, но и, прежде всего, изменение качественной структуры системы образования и здравоохранения в целом, позволит изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону.

Источники

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года: стат. бюллетень. – Режим доступа: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/progn_09.zip (дата обращения: 28.05.2013).
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-03.xlsx (дата обращения: 28.05.2013).

Н.А. Кондакова,
Вологда

Реализация программы модернизации здравоохранения: региональный аспект

Актуальность исследования хода реализации целевых программ здравоохранения на региональном и федеральном уровнях обусловлена, с одной стороны, устойчивыми негативными тенденциями демографического развития российских территорий, а с другой – необходимостью повышения эффективности расходования средств, выделяемых на здравоохранение.

Понимание важности преобразований, направленных на сохранение численности населения и его качественных характеристик, в первую очередь здоровья, достигается в ходе анализа тенденций изменения общественного здоровья и демографических трендов.

Так, в Вологодской области за два последних десятилетия численность населения уменьшилась на 11% (составив в 2011 г. почти 1,2 млн. чел.), что превосходит темпы снижения по России в целом (3,3%), причем показатели рождаемости имеют сходные тенденции. Вместе с тем естественная убыль населения Вологодской области превышает средний уровень по стране в 3 раза вследствие более высоких показателей смертности (табл. 1).

Таблица 1. Естественное движение населения в Вологодской области и Российской Федерации

Год	Численность населения, тыс. чел.		Общий коэффициент рождаемости, ‰		Общий коэффициент смертности, ‰		Естественная убыль (прирост), ‰	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
1995	148514,7	1349,7	9,3	8,7	15,0	16,4	-5,7	-7,7
2000	148459,9	1299,6	8,7	8,8	15,3	16,0	-6,6	-7,2
2005	143474,2	1245,5	10,2	10,5	16,1	18,8	-5,9	-8,3
2010	141914,5	1213,7	12,5	12,5	14,2	16,8	-1,7	-4,3
2011	142865,4	1201,2	12,6	13,0	13,5	15,7	-0,9	-2,7

Источники: Федеральная служба государственной статистики – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBlnet.cgi?pl=2415019>; Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 83 с.; Россия в цифрах 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 572 с.

Анализируя половозрастные коэффициенты смертности, можно выделить следующие закономерности. Для российских территорий характерны высокие показатели смертности детей до года (справочно: в 2011 г. в Вологодской области – 6,5 случая на 1000 родившихся живыми). И хотя в последнее время в стране наблюдаются позитивные изменения в динамике младенческой смертности (снижение с 18,1 случая на 1000 родившихся живыми в 1995 г. до 7 случаев в 2011 г.), ситуацию нельзя считать удовлетворительной, поскольку ее уровень остается в 1,5 раза выше, чем в экономически развитых странах Европы (в 2010 г. – 4,1 случая на 1000 родившихся живыми [1]).

Следующей проблемой современной демографической ситуации в России является высокая смертность населения в трудоспособном возрасте. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2009 г. в России данный показатель составил 269 человек на 1000 населения, тогда как в Швейцарии и Италии – 58 и 59 соответственно, в Швеции и Норвегии – 61 и 67, в Германии, Австрии и Греции – 76, во Франции – 85 человек [5].

Одновременно с этим ухудшается здоровье, в том числе за счет роста сочетанной заболеваемости и распространения хронических болезней. Так, за период с 1995 по 2011 г. уровень первичной заболеваемости в Вологодской области вырос на 19% и составил 882 случая на 1000 человек. При этом наблюдается превышение первичной заболеваемости относительно общероссийского уровня (797 случаев).

Сложившаяся ситуация создает реальную угрозу формированию качественных трудовых ресурсов в ближайшей и отдаленной перспективе и предъявляет высокие требования к системе здравоохранения как институту поддержания здоровья. Вместе с тем нельзя обойти вниманием и финансовую ограниченность социальной сферы в Российской Федерации, в том числе и системы здравоохранения.

По уровню финансирования здравоохранения Россия заметно уступает западноевропейским странам. Даже в период кризиса 2008 г. общие расходы на здравоохранение в РФ составляли 5,4% ВВП, тогда как в европейских странах – 8–11% [5]. Государственные расходы на отрасль тоже существенно меньше: например, в 2010 г. их доля в ВВП страны составила 3,7%. Существующая проблема недофинансирования отрасли характерна для большинства регионов России.

Ограниченное финансирование стало причиной формирования ряда острых проблем, которые оказывают непосредственное влияние на эффективность функционирования отрасли, а также доступность и качество предоставляемых населению услуг.

1. Дефицит квалифицированных врачебных кадров. В Вологодской области за период с 2000 по 2011 г. обеспеченность населения врачами всех специальностей увеличилась на 2%, а обеспеченность средним медицинским персоналом сократилась на 5%. Однако уровень обеспеченности врачами в регионе заметно ниже, чем по России в целом (табл. 2).

Таблица 2. Обеспеченность населения врачами и средним медицинским персоналом

Территория	Год						Место, занимаемое в РФ в 2011 г.
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	
<i>Обеспеченность населения врачами всех специальностей, чел. на 10 тыс. нас.</i>							
Российская Федерация	46,8	48,8	49,6	50,1	50,1	51,2	
Вологодская область	34,1	35,3	36,1	35,5	34,6	34,8	76
<i>Обеспеченность населения средним медицинским персоналом, чел. на 10 тыс. нас.</i>							
Российская Федерация	107,6	107,7	105,9	106,2	105,6	107,0	
Вологодская область	120,2	119,7	119,2	116,5	115,9	114,4	40

Источники: Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат, 2012. – С. 58.; Россия в цифрах. 2012: стат. сб. / Росстат, 2012. – С. 158.; Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2011 гг. (приложение к стат. сб. «Российский статистический ежегодник. 2012»). – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016

По данным Департамента здравоохранения Вологодской области, на начало 2012 г. учреждения здравоохранения были укомплектованы врачами на 87,5%, специалистами со средним медицинским образованием – на 93,2%. Одной из причин дефицита врачей является отсутствие в регионе высших медицинских учебных заведений [4].

2. Низкий уровень заработной платы в сфере здравоохранения. Несмотря на значительный рост, ее уровень на 30% ниже, чем по экономике в целом (табл. 3).

3. Значительный износ высокотехнологичного медицинского оборудования и дефицит площадей помещений учреждений первичного звена. Эта проблема особенно актуальна для гг. Вологды и Череповца. Так, в Вологде есть примеры совмещения в одном здании взрослых и детских поликлиник (БУЗ ВО «Вологодская городская поликлиника №3», БУЗ ВО «Вологодская городская поликлиника №4»), создающего трудности для обслуживания постоянно растущего приписного населения.

Таблица 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в системе здравоохранения и предоставления социальных услуг

Территория	Год							
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в системе здравоохранения и предоставления социальных услуг, руб.								
Российская Федерация	1333,3	5905,6	8060	10037	13049	14820	15724	17545
Вологодская область	1842	6408	7612	9519	12627	12181	12934	14411
Соотношение номинальной начисленной заработной платы в системе здравоохранения и по экономике в целом, %								
Российская Федерация	60,0	69,0	75,8	73,8	75,5	79,5	75,0	75,1
Вологодская область	71,9	72,6	71,4	73,7	78,4	73,5	69,8	71,2
Источники: Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru ; Труд и занятость в России. 2011: стат. сб. / Росстат, 2012. – С. 566.; Труд и занятость в Вологодской области: 2007–2011 гг.: стат. сб. / Вологдастат, 2012. – С. 120.								

Для решения имеющихся в здравоохранении проблем и улучшения демографической ситуации была разработана Программа модернизации здравоохранения в Вологодской области в 2011–2012 гг. (далее – Программа модернизации)¹. Основанием для ее разработки стал Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 г. №326-ФЗ (глава 11, ст. 50).

Общий объем финансирования Программы модернизации за 2011–2012 гг. составил около 5 млрд. руб., в том числе федеральных средств – 2,6 млрд. руб. (52%) [4]. За успешную реализацию данной Программы Вологодская область в 2011 г. дополнительно получила из федерального бюджета 678,7 млн. руб.

В рамках реализации Программы модернизации здравоохранения большая часть денежных средства была потрачена на укрепление материально-технической базы учреждений (71% от всех расходов), на стандартизацию и доступность амбулаторно-поликлинической помощи – 25%, на информатизацию – 4% [4].

Об изменениях, происходящих в деятельности системы здравоохранения, позволяют судить оценки населением доступности и качества медицинской помощи. Согласно данным, полученным в ходе социоло-

¹ Целью Программы являлось улучшение качества и обеспечение доступности медицинской помощи населению Вологодской области. Разработчиками были выделены три основные задачи: 1) укрепление материально-технической базы государственных и муниципальных учреждений здравоохранения; 2) внедрение современных информационных систем; 3) внедрение стандартов медицинской помощи, повышение доступности амбулаторной медицинской помощи, в том числе предоставляемой врачами-специалистами.

гических исследований, ежегодно за медицинской помощью обращается около 70% населения Вологодской области, в том числе более 20% — раз в три месяца и чаще. В 2012 г. доступностью медицинской помощи полностью и в основном удовлетворены были 42% жителей области, 35% — удовлетворены частично, 23% — высказались на этот счет отрицательно². Это в целом соответствует уровню 2008 г.

Анализ результатов опроса показывает, что проводимые в отрасли преобразования положительно отразились на организации работы здравоохранительных учреждений. Однако практически половина жителей области отмечает такие негативные явления, как очереди в медицинских учреждениях и невозможность попасть на прием к врачу в удобное время. Существенной остается и кадровая проблема, требующая пополнения штатного состава медицинских работников квалифицированными специалистами (34% в 2012 г.). Заметное место, по оценкам населения, занимает проблема медицинской этики, т.е. неуважительное отношение к пациентам (18%).

Кроме того, население недовольно удаленностью медицинских учреждений от места проживания (10–13% в крупных городах и 22% в сельской местности); недостаточной квалификацией специалистов (42%) и плохим качеством медицинского оборудования (36%).

Оценивая изменения, произошедшие в системе здравоохранения за последние 5 лет, жители городов указывают на заметное улучшение технического оснащения медицинских учреждений (37%). В целом горожане в большей степени заметили и некоторое улучшение качества и доступности медицинского обслуживания, чем жители сельской местности. Следует подчеркнуть, что значительная часть опрошенных (до 54%) каких-либо изменений в сфере здравоохранения за обсуждаемый период не отмечает.

Таким образом, в ответах населения на вопрос о качестве и доступности медицинских услуг нет однозначной оценки результатов Программы модернизации здравоохранения, что обусловлено непродолжительностью периода ее реализации.

² Опрос проводится ИСЭРТ РАН ежегодно, начиная с 1999 г., в апреле–мае, на территориях городов Вологды, Череповца и восьми районов Вологодской области. Объем выборки — 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), пропорций половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

На наш взгляд, представляется актуальным анализ информированности и самих работников медицинских учреждений о ходе реализации Программы модернизации здравоохранения Вологодской области в 2011–2012 гг. С этой целью было проведено анкетирование работников лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) области³. Большинство опрошенных (82%) являются врачами, 13% – заведующими отделениями, 4% – работниками администрации ЛПУ, менее 1% составили медсестры и работники вспомогательных служб (бухгалтерия, отдел кадров и др.).

Большинству (72%) респондентов хорошо известно о реализации Программы модернизации здравоохранения на территории области, 26% – только «слышали», 2% – оказались не знакомы с данным направлением. Положительную оценку влияния Программы модернизации на развитие ЛПУ, в котором трудятся респонденты, дали 51% сотрудников; 40% ответили, что она «не оказывает существенного влияния»; 4% – дали отрицательную оценку.

Интересна зависимость уровня осведомленности работников медицинских учреждений о действии Программы и оценки ими ее влияния на развитие ЛПУ, в котором они работают. Так, 64% работников, хорошо осведомленных о реализации Программы модернизации, увидели улучшение положения дел в ЛПУ, а 28% – не почувствовали заметных улучшений. В то же время 64% опрошенных среди тех, кто не слышал о проводимых изменениях, считают, что Программа «не оказывает существенного влияния на положение дел в ЛПУ», и 14% отметили, что она «ухудшает существующее положение дел в ЛПУ». Это подтверждает гипотезу о том, что эффективность реализации преобразований зависит от того, насколько сами участники процесса осведомлены о них и включены в процесс реализации нововведений.

Анализ результатов опроса показал, что почти половина (43%) опрошенных отметила проведение капитальных ремонтов и оснащение новым оборудованием учреждений, в которых они работают, 26% – не заметили никаких изменений. Причем в сельской местности в большей степени наблюдается проведение капитальных ремонтов (71% опрошенных), чем приобретение нового оборудования (7%). В районных центрах более половины (63%) опрошенных отметили реализацию обоих направлений Программы, тогда как для городских ЛПУ характерен более кри-

³ Опрос проводился в июле 2012 г. на территории городов Вологды, Череповца и районных центров области. Объем выборки составил 656 респондентов, которые являются работниками лечебно-профилактических учреждений Вологодской области [2].

тический подход к поставленному в анкете вопросу: 33% опрошенных не увидели никаких изменений; 35% – отметили приобретение нового оборудования и проведение капитальных ремонтов, 16% – только проведение капитальных ремонтов.

Работникам ЛПУ было рекомендовано высказать свои предложения по поводу осуществляемой на территории Вологодской области Программы модернизации. Наиболее популярным (16%) стало предложение о продолжении реализации Программы в тех ЛПУ, которые уже задействованы в этом, и в тех, которые она не затронула. Только 11% опрошенных указали на необходимость повышения окладов, 3% – сокращения отчетной документации.

Несмотря на то, что всего 30% работников ЛПУ высказали пожелания в отношении Программы модернизации, на наш взгляд, руководителям Департамента здравоохранения Вологодской области следует учитывать их мнение при дальнейших разработках мероприятий в рамках программ, осуществляемых на территории региона. Так, важными представляются следующие предложения: «ликвидация зависимости заработной платы врача от работы всего отделения», «учет потребностей ЛПУ при реализации направлений Программы», «модернизация стационарной помощи (например, не сокращение коечного фонда, а создание лечебно-охранительного режима для больных)».

Подводя итог, отметим, что обозначившиеся векторы улучшения деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области требуют подкрепления и дальнейшего продолжения мероприятий по модернизации региональной системы здравоохранения. Для увеличения эффективности проводимых программ необходим мониторинг как статистических и финансовых индикаторов, так и оценок населением и медицинскими работниками происходящих преобразований.

Источники

1. Здоровье для всех: Европейская база данных ВОЗ. – Режим доступа: <http://data.euro.who.int/hfad/>
2. Модернизация здравоохранения в оценках населения и медицинских работников / А.А. Шабунова, В.Н. Асташов, Н.А. Кондакова, С.М. Шкаревская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №2. – С. 87-100.
3. О Программе модернизации здравоохранения в Вологодской области в 2011–2012 гг.: постановление Правительства Вологодской области от 04.03.2011 г. №183.
4. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента здравоохранения Вологодской области за 2012 г. – Вологда, 2013. – 30 с.
5. World health statistics. – Geneva: WHO, 2011. – 171 p.

И.А. Кох,
Екатеринбург

Роль малого предпринимательства в стратегии модернизации России

Социокультурная модернизация России неразрывно связана с модернизацией национальной экономики, возможностями ее интеграции в мировую экономическую систему. Особая и очень важная роль в этих процессах принадлежит малому предпринимательству. Эта роль проявляется в экономической, политической и социальной сферах. В экономическом плане малое предпринимательство заполняет ниши производства товаров и услуг, которыми крупным и средним предприятиям заниматься нерентабельно. Преимущества малого предпринимательства обусловлены его гибкостью, маневренностью, близостью к разнообразным ресурсам. Наряду с экономическими малое предпринимательство выполняет значимые социальные функции: увеличивает занятость населения, обеспечивает удовлетворение разнообразных потребностей в товарах и услугах жителей населенных пунктов.

Малое предпринимательство создает малые формы социальной инфраструктуры – это бытовое обслуживание, жилищно-коммунальное хозяйство, организация досуга и отдыха населения, общественный транспорт, дороги местного значения и много других. В политическом плане именно малое предпринимательство играет решающую роль в формировании среднего класса – основы социально-политической стабильности в обществе. Актуальность исследования роли малого предпринимательства в стратегии модернизации российского общества постоянно нарастает.

Проблемам предпринимательства посвящены труды таких представителей классических экономических школ, как А. Смит, Д. Риккардо, Макс Вебер, Дж. Кейнс, Й. Шумпетер. Значительный вклад в исследование проблем развития малого предпринимательства внесли отечественные ученые, такие как Л.И. Абалкин, С.Ю. Глазьев, В.Я. Горфинкель, Д.С. Львов, А.Д. Некипелов, А.Ю. Ясин и др. В их работах глубоко и разносторонне проанализированы особенности становления и развития российского малого предпринимательства, рассматриваются достиже-

ния и недостатки системы государственной поддержки малого бизнеса в России, определены основные проблемы, с которыми сталкиваются российские предприниматели, предлагаются пути их решения.

Развитие социальной инфраструктуры и сферы обслуживания – важнейшее условие и одновременно направление модернизации российского общества. Малое предпринимательство в этом плане выполняет ряд важнейших экономических и социальных задач. Помимо налоговых отчислений в государственный бюджет и бюджеты муниципальных образований, малое предпринимательство вносит вклад в развитие экономического сектора, конкуренции, в создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения.

Малое предпринимательство выполняет важную функцию в развитии инновационной экономики, инвестируя средства в наукоемкие высокотехнологичные направления производства. Конечно, основное направление деятельности для малого предпринимательства – торговля и сфера услуг, однако есть малые предприятия, которые занимаются разработкой новых научно-технических проектов, совершенствованием техники и технологии, IT-технологиями, изобретениями, а также производством товаров местного значения. В стране созданы наукоемкие и технологичные инновационные малые предприятия, призванные сыграть определенную роль в процессах модернизации. В основном именно эти направления деятельности малого бизнеса пользуются поддержкой со стороны государственных и муниципальных органов власти в виде заказов, дотаций, дополнительного субсидирования и т.д. Перестройка малого бизнеса в инновационную направленность позволит подготовить базис для развития больших промышленных предприятий, будет способствовать модернизации всей национальной экономики.

Большинством международных аналитиков справедливо замечено, что современная рыночная экономика отличается быстрым ростом и повышением роли малого бизнеса. Такой процесс обусловлен как действием объективных общемировых тенденций экономического развития, так и активизацией личных потребностей. Они становятся не только более разнообразными и динамичными, но и специализированными, отражающими запросы отдельных групп потребителей. Поэтому закономерным является переход к гибкому, все более индивидуализированному производству и оказанию услуг, ориентированному на небольшие по емкости рынки и их отдельные сегменты.

Как известно, малое предпринимательство стало неотъемлемым элементом современной рыночной системы хозяйствования, без которого экономика и общество в целом не могут нормально существовать и развиваться. В странах, в которых модернизация уже прошла, убедительно доказана эффективность работы малых предприятий.

Говоря о роли малого предпринимательства, можно отметить еще ряд важных моментов. Во-первых, малое предпринимательство способствует достижению оптимальной структуры экономики, и в первую очередь региональной, благодаря гибкости и способности занимать небольшие рыночные сегменты. Во-вторых, значимой функцией малого предпринимательства является обеспечение повышенной мобильности и результативности рыночной экономики. Если спрос растет, то быстро появляются новые малые предприятия. В случае падения спроса определенная часть малых предприятий закрывается или переориентирует свою деятельность. В-третьих, хорошо сбалансированная малая экономика обеспечивает развитие конкуренции, создающей мотивы и стимулы для более полного использования знаний, умений, энергии и трудолюбия населения. В свою очередь, это позволяет более активно использовать имеющиеся материальные, организационные, технологические и кадровые ресурсы. И в-четвертых, малый бизнес по своей природе является более инновационным по сравнению с крупными компаниями, так как само создание малых фирм нередко связано с идеей коммерческого использования какого-либо новшества. При этом для небольших фирм инновации связаны с меньшим риском, так как возможные неудачи не подрывают коммерческую репутацию всей продукции, как это было бы с большой компанией. Эти преимущества малого предпринимательства и обусловили его роль в модернизации всего общества.

В самом начале рыночных преобразований в нашей стране многие надежды по стабилизации экономики, ее структурной перестройке, решению проблем занятости связывались именно с развитием малого предпринимательства. В 90-х годах предполагалось, что в течение достаточно короткого периода времени будут созданы 2,5–3 млн. малых предприятий, занятость на которых составит не менее 22–24 млн. человек. Но пока малый бизнес не оправдал возлагавшихся на него надежд, прежде всего в сфере промышленных поставок продукции, занятости и развития местных услуг.

Одним из приоритетных стратегических направлений модернизации любого региона является переход от рентной экономики, базирующейся на эксплуатации природных богатств, к экономике развития, основанной на использовании человеческого капитала, интеллектуальных ресурсов и высоких технологий. Естественным инструментом инновационного развития и вовлечения населения в предпринимательство выступает малый бизнес. Малые предприятия, часто называемые «позвоночником экономики», вносят существенный вклад в формирование инфраструктуры рынка, в развитие национальной экономики, основанной на рыночных принципах. Малые предприятия непосредственно содействуют созданию новых рабочих мест, стимулируют конкуренцию, способствуют внедрению в производство инноваций и новых технологий, что непосредственно направлено на ускорение модернизации общества.

По данным ООН, в целом на малых и средних предприятиях в мире занято почти 50% трудоспособного населения и производится от 33 до 60% национального продукта. Опыт ведущих стран мира доказывает необходимость наличия в любой национальной экономике высокоразвитого и эффективного сектора малого предпринимательства. В странах, где малые и средние фирмы развиваются десятилетиями, эта сфера экономики устойчиво создает до 50–60% ВВП.

Значение малого предпринимательства огромно для экономического развития стран Европейского Союза. С принятием «Европейской Хартии для малых предприятий» [1] в 2000 г. правительства европейских стран признали, что конкурентоспособность Европы во многом зависит от развития малого бизнеса, а также отметили, что этот сектор является основой социально-экономической модели ЕС и одним из главных приоритетов ее деятельности. В расширившемся Союзе насчитывается 23 миллиона мелких и средних предприятий, которые обеспечивают 70% занятости в частном секторе, дают более половины общего оборота и добавленной стоимости.

Эти закономерности необходимо учитывать и использовать при модернизации экономики в регионах, в частности в Свердловской области. Достижение стабильности функционирования экономики региона в долгосрочной перспективе требует создания структуры хозяйства, основанной на возобновляемых ресурсах и наукоемких технологиях, в качестве двигателей которых выступают малые и средние предприятия [2].

Невозможно мыслить становление рыночной экономики в современных условиях без активного содействия государства, способствующего такой важной сфере, как предпринимательская деятельность граждан. Прежде всего, необходимы нормативно-правовая база, определяющая статус и положение малых предприятий, налоговая система и ее возможные льготы для малого бизнеса, минимизация административных барьеров. С момента вступления в силу Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» №209 государственная политика в области предпринимательской деятельности окончательно оформляется, вырабатываются цели и направления деятельности государства в отношении малого и среднего бизнеса. Основные цели и принципы государственной политики сформулированы в статье 6 указанного выше закона.

Свердловская область имеет высокий потенциал по перспективам развития предпринимательской деятельности. Это связано с наличием богатых природных ресурсов и возможностей развития экономики в разных ее отраслях. В такой благоприятной ситуации есть необходимые предпосылки для эффективной реализации политики по развитию малого бизнеса.

Несмотря на наличие в Уральском регионе высокого потенциала, статистика показывает, что по количеству малых предприятий на 100 тыс. жителей Свердловская область занимает почетное 5 место в двадцатке регионов с самыми низкими показателями.

По состоянию на 01.01.2012 года в Свердловской области насчитывается 190 767 субъектов малого и среднего предпринимательства (на 01.07.2011 года – 189 909 субъектов), из них 124 790 (123 937 в 2011 г.) индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица и крестьянско-фермерских хозяйств, 65 595 малых предприятий (включая микропредприятия), 382 средних предприятия.

В первом полугодии 2011 года в Свердловской области отмечено снижение в целом на 18% количества средних предприятий, в том числе по видам экономической деятельности: производство и распределение электроэнергии, газа и воды (на 54%); операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (на 37%); оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (на 16%). При этом оставшиеся средние предприятия сохраняют и увеличивают количество рабочих мест, так как снижение количества замещенных рабочих мест составило 2,8%.

Количество малых предприятий в Свердловской области в 2012 г. увеличилось на 31%, в том числе по видам экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (на 27%); обрабатывающие производства (на 42%); оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (на 27%).

В Свердловской области осуществляют свою деятельность 31,4% всех малых предприятий УрФО. На малые предприятия (без учета микропредприятий) области приходится 29,7% среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых предприятий УрФО, 38,9% – инвестиций в основной капитал и 39,1% – оборота.

Количество субъектов малого и среднего предпринимательства на 1000 жителей Свердловской области составляет 44 единицы, что в аспекте темпов модернизации вряд ли можно считать достаточным.

Для анализа проблем предпринимательства в мае 2013 года был проведен экспертный опрос субъектов малого предпринимательства в муниципальном образовании «Полевской городской округ» Свердловской области с целью выявления проблем и потребностей предпринимателей, а также оценки деятельности органов местного самоуправления по поддержке предпринимательства. Предметом исследования является развитие предпринимательства в городе Полевском (население 65 тыс. человек). Цель – изучение состояния и особенностей развития предпринимательства в г. Полевском.

Экспертный опрос проводился в форме интервью, прямого общения с предпринимателями. Это позволило проанализировать разные точки зрения на проблемы развития предпринимательства в городе Полевском и его возможности, а также выявить проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели.

Экспертный опрос проводился среди представителей самых разных секторов экономики для получения наиболее полной картины об особенностях развития предпринимательства в городе. В опросе приняли участие предприниматели различных отраслей деятельности: промышленности, торговли, строительства, бытового обслуживания населения, досуга, рекламы, санитарной обработки, риэлтерских услуг и др.

В процессе опроса для каждого предпринимателя обозначился свой круг проблем, которые сдерживали развитие бизнеса. Однако выявилась общая тенденция: 76% опрошенных предпринимателей отметили сложность получения помещений в аренду и проблемы с приобретением коммерческой

недвижимости в собственность. Это является существенным недочетом в деятельности муниципальной администрации, так как управление недвижимостью и землями муниципалитета практически полностью возложено на органы местного самоуправления. Грамотное распоряжение этим важным ресурсом позволяет влиять на развитие предпринимательства в городе. Следующей проблемой оказалась недостаточность начального капитала, на что указали 83% опрошенных предпринимателей. Это очень высокий показатель, отражающий негативные тенденции, с которыми борются органы власти, но, пока, безуспешно, несмотря на существование программы по развитию предпринимательства в городе Полевском с 2010 года.

Практически единодушно – 97% опрошенных предпринимателей – обозначили такую важную проблему, как нехватка квалифицированных кадров. Решение этой проблемы не является прямой задачей муниципальных органов власти, но она косвенно сильно влияет на развитие малого бизнеса. Довольно сложно строить и развивать свою компанию, когда нет на рынке труда квалифицированного кадрового потенциала, способного грамотно и эффективно работать. Здесь мы затрагиваем такую особенность в реализации любой целевой программы, как взаимосвязка программ развития и задач государственного и муниципального управления в различных сферах жизни общества. В данном случае необходимо скоординировать и увязать направления в деятельности по развитию предпринимательства и регулированию рынка труда. Кадровая проблема является также чрезвычайно важной в обеспечении модернизации, предполагающей использование современной техники и высоких технологий, внедрение инноваций в предпринимательской деятельности.

Следующими по степени распространенности являются проблемы, связанные с недобросовестной конкуренцией и административными проблемами при лицензировании деятельности и сертификации товаров и услуг. Если сложность в получении лицензий с некоторой точки зрения может быть вполне объективной и оправданной, то наличие недобросовестной конкуренции, которую отметили 60% предпринимателей, заставляет задуматься о реальной правовой, рыночной и иной защищенности предпринимателей. В данном случае должны подключиться к работе специалисты по правовому регулированию и, возможно, правоохранительные органы. Для более подробного рассмотрения данной проблемы необходимо детальное изучение, ведь задача органов местного самоуправления состоит в организации и создании благоприятных условий для развития предпринимательства.

Наименее значимыми проблемами в общей картине развития предпринимательства являются сложность системы налогообложения (отметили 46% опрошенных предпринимателей), сложность получения банковских кредитов для развития бизнеса (40%). Несмотря на то, что по сравнению с вышеуказанными проблемами, процент недовольных предпринимателей меньше, но отметка в 40% при этом весьма существенная. Оба показателя — налогообложение и кредитование — являются очень важными пунктами в деятельности предпринимателя, и сегодня государство всячески пытается стимулировать банки к предоставлению кредитов начинающим предпринимателям и упрощению порядка налогообложения.

На последнем месте по значимости оказались административные проблемы при регистрации (10%), при административном контроле (15%). Эти показатели отражают позитивную тенденцию в работе местных органов власти, направленную на снижение административных барьеров и коррупции. Но при этом на вопрос: «Несете ли Вы финансовые потери при проведении проверок органами контроля и надзора?» — 40% опрошенных ответили утвердительно, а 20% — воздержались от ответа. При этом две трети опрошенных предпринимателей заявили, что частота проверок составляет раз в три года и что это немного облегчает деятельность предпринимателя.

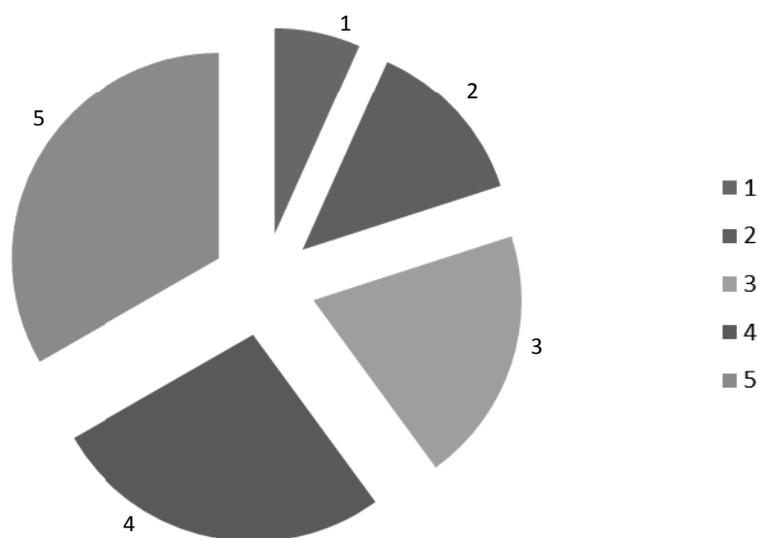
Среди других проблем предприниматели отметили отсутствие хороших дорог, парковочных мест, а также нереализованность обещаний местных органов власти решить те или иные задачи. Речь идет об инфраструктуре обеспечения предпринимательской деятельности.

После выявления проблем предпринимателям было предложено выдвинуть свои варианты их решения. Наиболее частыми были предложения по оптимизации налогообложения, финансово-кредитной поддержке малого бизнеса, налаживанию диалога между местными органами власти и представителями бизнеса (так называемая «обратная связь»). Некоторые предприниматели сделали акцент на необходимости регулирования выплат в Пенсионный фонд, снижения стоимости аренды, стимулирования отзывчивости сотрудников различных административных органов и их готовности помогать начинающим предпринимателям по вопросам, входящим в их компетенцию. Кроме того, одним из важнейших механизмов поддержки предпринимателей местными органами власти является размещение муниципальных заказов. 80% экспертов ответили, что муниципальные заказы не выполняли, но хотели бы.

Согласно программе развития малого предпринимательства, в Полевском городском округе предусмотрена информационная и образовательная поддержка субъектов малого бизнеса. Так, в данном контексте предусмотрены такие варианты поддержки, как проведение семинаров, конференций, мастер-классов, выставок и т.д. Результаты экспертного опроса показали, что участвуют или готовы участвовать в городских выставках 50% опрошенных предпринимателей, чуть меньше – 40% – принимают или хотят принимать участие в городских выставках.

Если говорить о реализации самой программы и ее мероприятиях, то принимают участие только 30% опрошенных предпринимателей, не принимают участие 50%, и вообще не слышали об этом 20% опрошенных предпринимателей. Эти показатели вполне объяснимы, так как в программе не может принять участие каждый предприниматель. А 20% опрошенных предпринимателей, ничего не знающих о существовании программы развития, что можно объяснить человеческим фактором.

Деятельность общественных организаций, а именно Союза промышленников и предпринимателей является заметной для города (рисунок). Не состоят в РСПП 65% опрошенных предпринимателей, и только 10% ничего не слышали об этом. Это показывает, что общество оказывает поддержку предпринимательству, но помощь должна быть более эффективной. Следует отметить, что в Полевском есть реально работающие общественные организации по поддержке предпринимательства в городе.

Оценка деятельности Полевского филиала Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей (по пятибалльной шкале)

В результате проведенного исследования были выявлены проблемы в развитии предпринимательства и деятельности органов местного самоуправления, а также некоторые варианты возможных решений указанных проблем. Была дана оценка перспективности муниципального образования «Полевской городской округ» с точки зрения развития предпринимательства.

Развитие малого предпринимательства в отраслевом разрезе происходит неравномерно. Свыше половины предпринимателей заняты в сфере торговли и услуг, что соответствует общероссийским тенденциям: 60–80% малых предприятий России занимаются торговлей, предоставлением услуг и сервисом. Незначительная часть малого бизнеса связана с промышленным производством и жилищно-коммунальной сферой. На это влияют различные факторы. Главная проблема заключается в неразвитости кооперации крупного, среднего и малого бизнеса, ограниченности доступа субъектов малого предпринимательства к производственным мощностям крупных предприятий, аренде и приобретению помещений и оборудования.

При этом роль малого бизнеса в экономике Полевского городского округа, так же как и в стране в целом, по ряду показателей на 30–50% выше официальных статистических данных, так как часть субъектов малого предпринимательства вынуждена работать в «тени» из-за несовершенных системы налогообложения и нормативно-правовой базы в сфере малого предпринимательства. В то же время отсутствие полной статистической информации о деятельности всех форм субъектов малого предпринимательства, недостаточное качество статистических показателей, получаемых на основе выборочных обследований с использованием постоянно меняющейся методики расчета, отсутствие статистического наблюдения за предпринимателями без образования юридического лица не позволяют составить представление о реальной ситуации в сфере малого предпринимательства и осложняют принятие эффективных управленческих решений. Отсутствие информации не дает возможности оценить ресурсы территории, потенциальный спрос даже на внутреннем рынке. Для получения полной и достоверной информации о состоянии и развитии малого и среднего предпринимательства, переработанной и освоенной на современной технической основе, выявления тенденций его развития и существующих проблем необходимо создание и постоянное пополнение базы данных, а также проведение анкетирования и опросов субъектов малого и среднего предпринимательства по различным вопросам [3].

Исходя из социальной значимости малого предпринимательства и в целях его развития муниципальная целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в Полевском городском округе на 2011–2015 годы» направлена на решение следующих задач:

- формирование в пределах полномочий органов местного самоуправления благоприятной правовой среды для развития малого и среднего предпринимателей;
- развитие инфраструктуры, обеспечивающей доступность получения предпринимателями консультаций и деловых услуг, реализация эффективных механизмов удовлетворения финансово-кредитных потребностей малых предприятий;
- поддержка в области подготовки и повышения квалификации кадров для сферы малого и среднего предпринимательства;
- укрепление социального статуса, повышение престижа предпринимателей.

В заключение отметим, что развитие предпринимательства имеет особое значение в моногородах, для муниципальных администраций которых это является одним из стратегических направлений деятельности. Президентом РФ поставлена задача: до 2020 года в предпринимательском секторе должно быть занято 60–70% трудоспособного населения городов.

На основании проведенного исследования можно отметить, что основными проблемами, затрудняющих развитие малого и среднего предпринимательства в Свердловской области, являются:

- 1) трудности в привлечении финансовых ресурсов на развитие бизнеса, особенно на стадии становления малого предприятия;
- 2) недостаточное развитие механизмов финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства на ранних стадиях развития;
- 3) недостаток собственных ресурсов у субъектов малого и среднего предпринимательства и затрудненный доступ к источникам финансирования;
- 4) недостаток доступных производственных и офисных площадей;
- 5) недостаточное развитие организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, государственная поддержка малого бизнеса в России на федеральном и региональном уровнях создает определенные условия для его дальнейшего развития. Стабильное развитие сектора малого

предпринимательства во многом определяет уровень социально-экономического развития региона и муниципальных образований, что, в свою очередь, зависит от эффективности реализации государственных программ поддержки субъектов малого предпринимательства на территории муниципальных образований. Развитие малого предпринимательства в каждом регионе, в каждом городе является необходимым условием осуществления экономической и социокультурной модернизации российского общества.

Источники

1. Европейская хартия для малых предприятий (European Charter for Small Enterprises) / European Union. – Режим доступа: http://europa.eu/legislation_summaries/enterprise/business_environment/n26002_en.htm (дата обращения: 5.06.2013).
2. Исследование состояния, проблем и тенденций развития малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях в Свердловской области / Министерство экономики Свердловской области. – Режим доступа: http://economy.midural.ru/news/show/id/372/news_category/86 (дата обращения: 01.02.2013).
3. Об утверждении муниципальной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Полевском городском округе на 2011–2015 годы»: Постановление Главы ПГО от 30 августа 2011 №2315 / Администрация Полевского городского округа. – Режим доступа: <http://polevsk.midural.ru/article/show/id/122> (дата обращения: 12.05.2013).

П.М. Крылов,
Москва

Транспортная система региона и перспективы социально-экономической модернизации (на примере Самарской области)

Самарская область – один из экономических лидеров современной России; регион, отличающийся высокой диверсификацией экономики. Но при этом он характеризуется множеством проблем, в т.ч. обусловленных текущими параметрами региональной транспортной системы. В настоящей работе мы рассмотрим некоторые из важнейших составляющих транспортной системы Самарской области в их влиянии на перспективы социально-экономической модернизации региона, которые были разработаны при участии автора.

Учитываемые параметры экономической модернизации транспортной сети региона:

1. Интегральная транспортная доступность (ИТД), которая измеряется в средневзвешенных затратах времени, необходимых для того, чтобы в районе добраться из любой его точки в любую другую. Рассчитывается отдельно по грузовым и пассажирским перевозкам и вбирает в себя особенности начертания и технического состояния не только автодорожной сети, но и всех имеющихся транспортных коммуникаций. ИТД заменяет неадекватные «плотностные» показатели дорожной сети типа коэффициента Энгеля, Успенского, Василевского, Гольца и др.

ИТД является аналогом показателя надежности функционирования транспортной сети и в этом смысле представляет особый интерес для пользователей транспорта, которым выгодно оплачивать не километры построенных или реконструированных дорог (или стоимостной аналог использованных ресурсов), а реальное снижение затрат времени на грузо- и пассажироперевозки [1].

Единого норматива ИТД для региональной транспортной сети не существует, он является расчетным для каждого региона (области, края). Для пассажироперевозок он переменный (около 1,8 часа, в зависимости от сложившейся системы расселения и набора услуг в поселениях).

Во всех районах Самарской области по пассажирским перевозкам фактическое значение ИТД больше нормативного (т.е. хуже).

2. Процент обеспеченности территории всей транспортной сетью или только автодорожной — это главный показатель качества транспортной инфраструктуры региона, который определяется как отношение фактических средневзвешенных затрат времени на перевозки (грузовые или пассажирские) к нормативным.

Нормативы, являясь переменными, определяются спецификой района и связаны с высоким удельным весом регулярных связей, т.е. сколько бы ни была велика территория низового административного района, все его жители нуждаются в более или менее регулярном потреблении услуг гарантированного минимума (специализированная медпомощь, учреждения культуры и соцобеспечения, ремонт сложной бытовой техники и т. д.).

Сетью всех видов транспорта в области в полной мере не обеспечен ни один из районов Самарской области, так как везде фактический процент обеспеченности сетью не превышает нормативный, но можно выделить районы с уровнем обеспеченности более 40%: Волжский (52%), Кинельский (41%), Ставропольский (45%), Сызранский (45%). В остальных районах этот показатель ниже — 26% в среднем для всех районов.

Другие показатели транспортной обеспеченности представляют интерес с точки зрения анализа причин недостаточной надежности транспортной сети, в том числе технической и конфигурационной.

3. Доля автодорог в транспортной сети (по вкладу в ИТД).

Анализ показал, что в большинстве районов Самарской области доля дорог в сети по вкладу в ИТД колеблется от 49,3% (Волжский район) до 100% (8 районов области, где не функционируют прочие виды транспорта, — Алексеевский, Большеглушицкий и др.), то есть роль автомобильных дорог в создании нормальных транспортных условий — определяющая.

Предлагаемое решение задач социокультурной модернизации условий жизнедеятельности населения Самарской области:

- *Снижение уровня транспортной дискриминации населения*

Одним из основных понятий, характеризующих транспортно-коммуникационную среду в регионе, в том числе в контексте экономической и социокультурной модернизации, выступает транспортная дискриминация населения — явление, когда из-за недостаточного развития транс-

портной системы (а не по финансовым причинам!) людям не доступны услуги, связанные с обеспечением социально-гарантированного минимума (в образовании, здравоохранении, соцобеспечении, культурно-бытовом обслуживании и др.).

Главным измерителем уровня транспортной дискриминации населения является норматив затрат времени – интегральная транспортная доступность.

Единая транспортная сеть должна быть такой, чтобы по своим техническим параметрам и надежности начертания обеспечивать названные нормативы, которые, в свою очередь, зависят не только от чисто транспортных факторов – технической и топологической надежности ЕТС, но и от социальных и расселенческих факторов и особенностей системы расселения (в т.ч. административного статуса поселений), размеров освоенной территории. В противном случае населенные пункты попадут в разряд периферийных, а их население будет подвергнуто транспортной дискриминации. Уровень транспортной дискриминации определяется долей населения, проживающего вне нормативной зоны транспортной доступности.

По уровню транспортной дискриминации населения все районы Самарской области могут быть разделены на три группы:

- 1) благоприятный уровень (до 10%);
- 2) удовлетворительный уровень (10–40%);
- 3) неудовлетворительный уровень (более 40%).

В настоящее время 29,1% населения области проживает вне нормативной зоны доступности (в масштабах области рассматриваются эпизодические, а не регулярные связи), что составляет около 930 тыс. чел. Полученная величина незначительно превышает уровень большинства центральных регионов России.

В целом в Самарской области наблюдается чрезвычайно высокий уровень территориальной дифференциации транспортной обеспеченности, которая показывает, насколько неодинаковы, контрастны транспортные условия жизнедеятельности в пределах районов.

В Самарской области имеется пять населенных пунктов, подъезд к которым возможен только по автодорогам с грунтовым покрытием, что ухудшает возможности существования и развития общественного транспорта: поселок Рошинский (14 тыс. чел., Волжский район), НПС «Дружба» (1,7 тыс. чел., Волжский район) и др.

Реализация обоснованной стратегии развития транспортной инфраструктуры приведёт к увеличению потребительского спроса на транспортные услуги, эквивалентному приросту ВВП на 2,2%, что, разумеется, совершенно недостаточно. В дальнейшем одним из возможных решений проблемы дискриминации населения в малочисленных населенных пунктах, а также с целью сокращения издержек на содержание школ и повышения качества образования, может стать создание новых «школьных» автобусных маршрутов для подвоза школьников в школы более крупных населенных пунктов. *Так и было сделано в последние годы в Самарской области, где одновременно с закрытием 109 сельских школ появились 109 новых автобусных маршрутов.*

- *Механизм компенсационных выплат населению за плохие транспортно-дорожные условия*

В тех случаях, когда даже в отдаленной перспективе не будет решена проблема транспортной дискриминации населения, целесообразно ввести компенсационные выплаты из областного (или муниципального) бюджета за плохие транспортные условия (аналогично надбавкам за плохие экологические условия проживания или аналогично северным надбавкам). В отличие от программ развития в заполярных районах, власть должна быть заинтересована в том, чтобы деревня не обезлюдела, и если признается невозможность относительно скорого (в пределах одного поколенческого периода, т.е. в течение 20–25 лет) решения проблемы транспортной дискриминации, то необходимо компенсировать эти неблагоприятные условия [3]. *При этом стимулируется выполнение дорожной программы, т.к. только при достижении нормативов выделяемые населению дотации могут быть отменены.*

- *Достижение растущей подвижности населения с социально-культурными целями – норма цивилизованности*

Одной из основных характеристик роли пассажирского транспорта в экономической жизни региона является пассажироемкость его валового продукта. Как известно, чем выше уровень индустриального и социально-экономического развития страны, тем выше в ней показатель подвижности и мобильности населения [2]. При этом в западных странах лишь 35–40% пассажирооборота приходится на трудовые поездки (в России и развивающихся странах – 60% и более). Отдельными исследованиями было доказано, что транспортная доступность существенно влияет на увеличение душевых показателей ВВП (ВРП), тогда как рост ВВП сам по себе не гарантирует роста транспортной доступности [5].

Анализ полученных данных позволил определить основные тенденции развития пассажирского транспорта в Самарской области на перспективу:

1. Изменение структуры пассажирооборота (соотношение видов транспорта в транспортной работе) с учетом мировых тенденций и особенностей развития отдельных видов транспорта Самарской области:

– падение доли автомобильного транспорта в общем пассажирообороте (с 51 до 30%) в связи с возрастанием роли железнодорожного транспорта;

– относительно быстрое развитие железнодорожных перевозок, в первую очередь за счет развития системы скоростных пригородных линий и строительства новой скоростной транспортной системы Самара – Аэропорт – Тольятти;

– возрождение и укрепление роли водного транспорта в связи с увеличением регулярности и надежности пригородных и междугородных перевозок по Волге.

2. Подвижность населения, выражаемая в пассажиро-километрах в расчете на 1 жителя, вырастет более чем в 3 раза, что будет свидетельствовать о благоприятной тенденции развития пассажирского транспорта. Каждый взрослый житель области уже сегодня должен проехать не менее 3000 км с социально-культурными целями (по меркам западных стран эта величина должна составлять 4000 км, фактически же житель Самарской области проезжает около 2100 км). То есть, как показывает анализ, уровень мобильности населения в регионах РФ не отвечает даже скромным требованиям развивающегося государства.

• *Предложения по реформированию низового административного деления*

Одна из главных задач транспортной инфраструктуры – связать в единое целое населенные пункты и хозяйственные точки территории. Выгоды экономико-географического положения района во многом определяются именно единством, которое достигается благодаря нормативной транспортной доступности. Напомним абсолютные нормативы для низового административного района, сложившиеся в мировой практике регионального планирования: 1,8 и 2,4 часа соответственно для пассажиро- и грузоперевозок.

Возможны два основных подхода к коррекции низового административного деления: разукрупнение и укрупнение.

В пределах Самарской области разукрупнения районов не предполагается – уже имеющаяся сетка административных районов заведомо избыточна.

Для получения более точных выводов нами было проведено моделирование более 30 различных вариантов слияния соседних административных районов Самарской области (как двух соседних районов, так и трех), в результате чего предполагается сократить количество районов с 27 до 18 единиц. Полученный вариант сетки административного деления имеет много общих черт с выделенными субрегионами Стратегии социально-экономического развития Самарской области до 2020 года [4].

Предлагаемые преобразования сокращают количество административных районов области, созданных в 1965–1990-х гг.

Источники

1. Бугроменко, В.Н. Транспорт в территориальных системах / В.Н. Бугроменко. – М.: Наука, 1987.
2. Крылов, П.М. Типологии региональных транспортных систем России / П.М. Крылов. – Саарбрюкен.: LAP, 2011.
3. Пациорковский, В.В. Социально-культурная подвижность населения и развитие региональных систем культурного обслуживания / В.В. Пациорковский // Художественная культура и развитие личности / Отв. ред. Ю. Фохт-Бабушкин. – М.: Наука, 1987. – С. 114-126.
4. Стратегия развития Самарской области до 2020 года. – Самара, 2007.
5. WCTR. – vol. 4, 1999.
6. www.gks.ru – официальный сайт федерального агентства по статистике РФ и его территориального органа по Самарской области.

И.В. Крюкова

Вологда

Потенциал развития религиозного туризма в Вологодской области

Бурное развитие индустрии туризма на современном этапе, несомненно, обусловлено увеличением уровня жизни населения в большинстве стран мира, доступностью личных финансов, совершенствованием средств транспорта и связи. В России посещение святых мест издавна представляло собой одну из наиболее важных и почитаемых традиций русского народа, неразрывно связанную с самой сущностью православного вероучения.

В настоящее время назначение многих культовых объектов приобретает свой изначальный смысл, они становятся объектами поклонения и объектами познания.

Необходимо отметить, что религиозный туризм играет большую роль в системе международного и внутреннего туризма. Люди, отправляющиеся в паломнические и экскурсионные поездки по святым местам и религиозным центрам, стремятся принять участие в религиозных церемониях, помолиться, совершить жертвоприношения. Религия влияет на формирование самосознания и стереотипов поведения людей. Она выступает элементом общественной системы и во многих случаях – одним из важнейших.

Религиозный туризм является составной частью современной индустрии туризма. У него есть свои разновидности: паломничество и познавательные туры религиозной направленности.

Паломников интересует непосредственное участие в религиозных культах. Социально-психологическая база паломнического туризма более узкая, чем религиозного. Паломники в основном исповедуют ту религию, святым местам которой они приехали поклониться. Экскурсии, посещение музеев, выставок для них – вторичная, сопутствующая задача.

В религиозном туризме экскурсионной направленности туристов интересуют главным образом экскурсии с посещением монастырей,

храмов, музеев и выставок. Причем эти туристы могут быть, а могут и не быть приверженцами той религии, объекты которой посещают, а также могут быть вообще людьми нерелигиозными.

Таким образом, различие данных видов деятельности налицо, и, возможно, правильным было бы отдать паломничество в компетенцию русской православной церкви. В то же время встает вопрос о том, насколько сегодня русская православная церковь обладает возможностями организации путешествий паломников, то есть обеспечения их транспортом, местом проживания, питанием, и, вообще, насколько готовы русские храмы и монастыри к приему паломников. В данном случае выход мог бы быть найден в организации сотрудничества русской православной церкви и предприятий туристской отрасли, уже имеющих опыт организации подобных туров. На российском рынке туризма сформировались фирмы, занимающиеся практической организацией поездок паломников и экскурсантов и специализирующиеся на предоставлении услуг в области религиозного туризма.

В Вологодской области активно развивается весь комплекс индустрии гостеприимства: транспорт, отдых, лечение, экскурсии, культурно-познавательный досуг, образование, что в итоге работает на устойчивость доходов от туризма. Туристский поток в область за период 2007–2011 гг. вырос в 1,5 раза (рис. 1).

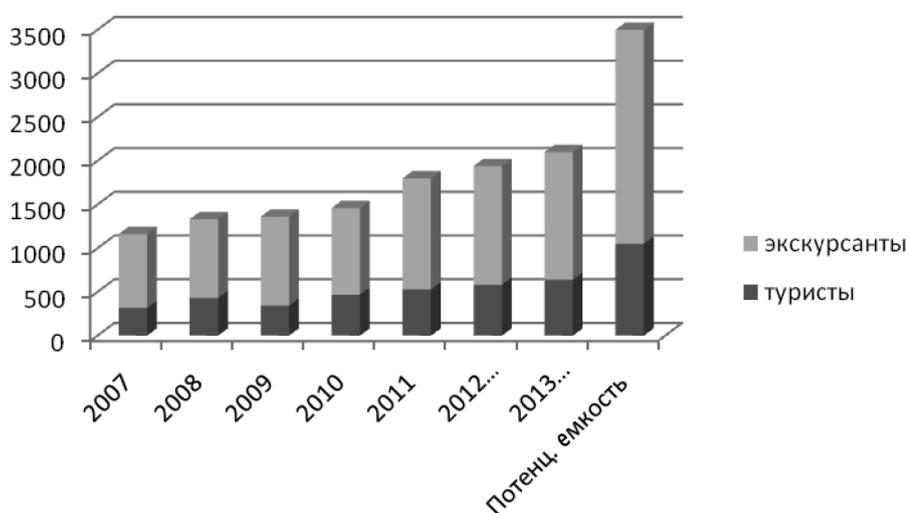

Рисунок 1. Туристский поток Вологодской области, тыс. человек

Количество экскурсантов увеличилось в 1,7 раза, а туристов – в 2 раза. По предварительным оценкам, число путешественников по области в 2012 году составит 1940 человек, в 2013 году – 2100 человек. Потенциальная туристская емкость Вологодской области, по расчетам экспертов, составляет 3,5 млн. человек в год [1].

Структура туристского потока, по данным Департамента туризма [2], представлена на рис. 2. В составе этой структуры нет религиозного туризма. К сожалению, региональные власти не рассматривают этот растущий сегмент туризма, поэтому не существует статистики или даже оценки его рынка. Не занимается такой работой и Вологодская Епархия Русской Православной Церкви. Все это значительно усложняет управление данным сегментом туристской отрасли.

Напротив, представители власти многих поселковых советов Вологодской области считают религиозный туризм направлением, заслуживающим внимания, что подтверждается анализом проектов, разработанных в рамках программы «Команда губернатора: муниципальный уровень».

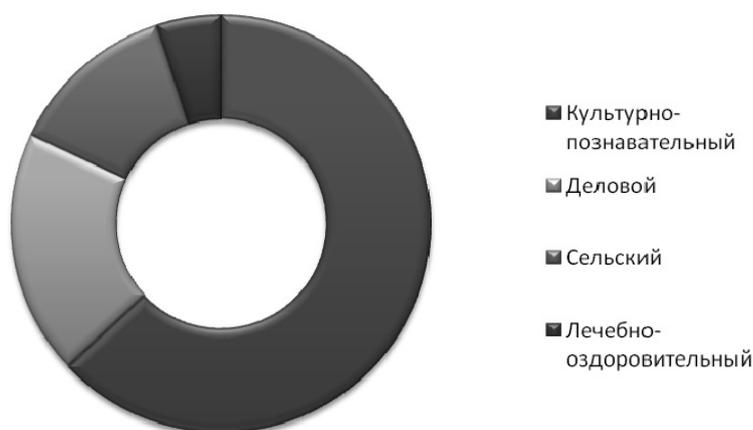

Рисунок 2. Структура туристского потока Вологодской области

Этот проект стартовал в области в начале 2013 года. Он реализуется Департаментом внутренней политики правительства области совместно с Департаментом государственной службы и кадровой политики области; направлен на качественный отбор и продвижение во власть муниципального уровня лучших жителей области способных реализовать идеи и проекты, имеющие важное значение для социально-экономического развития сельских территорий. Участниками проекта стали 273 представителя

муниципальных образований области, прошедших обучение по уникальной образовательной программе повышения квалификации. Её разработал Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, имеющий огромный опыт подготовки высокопрофессиональных специалистов в сфере государственного и муниципального управления. Образовательная программа нацелена на развитие управленческих компетенций будущих руководителей сельских поселений, органов местного самоуправления районов, включенных в резерв управленческих кадров. Специальные площадки для этого были сформированы в нескольких районах.

Один из важных этапов реализуемого в нашей области нового начинания – разработка участниками собственных проектов. «...Наша задача – научить наших резервистов профессионально положить свои идеи, замыслы на бумагу, оформить это в конкретный проект с цифрами и результатами. – Научившись на малом, наши участники смогут смело двигать и более масштабные задачи, и мы их в этом будем поддерживать», – отметил губернатор Вологодской области [3].

Следует заметить, что, по данным автора, разработчики 55 проектов из 196 (т.е. более 28%) представленных рассматривают сферу туризма как перспективную для развития на территории Вологодской области и своего муниципалитета в частности. В 35 проектах (т.е. 64% от числа турпроектов) предлагается развивать религиозный туризм (рис. 3).

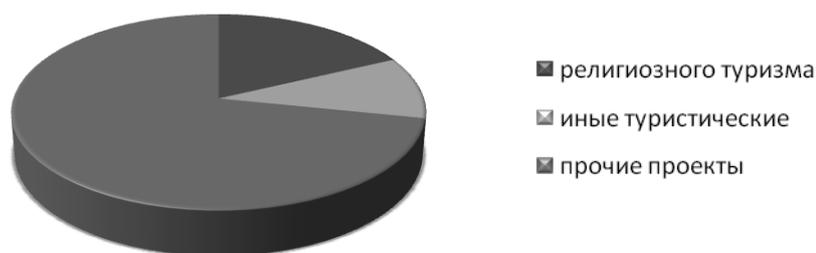

Рисунок 3. Диаграмма направленности проектов

Рассмотрим особенности Вологодской области, представляющие интерес для субъектов религиозного туризма:

1. Вологодская область располагает огромным культурным наследием, задействованным, в частности, и в религиозном туризме. До революции 1917 года посещение святых мест было обязательным обрядом для православного христианина, на совершение которого он должен был

получить благословение священнослужителя. В советские времена число паломников резко сократилось, как, впрочем, и количество святых мест. Перепрофилирование множества храмов, церквей, монастырей под различные нужды сделало их недоступными для отправления религиозного культа и поклонения паломников. Немалую долю религиозных сооружений удалось сохранить в достойном виде благодаря тому, что они стали музеями и в итоге оказались вовлечены в процесс туристического освоения. Таким образом, в массовом сознании укоренилось представление о религиозных сооружениях и святынях как о музейном объекте. Лишь не так давно церкви начали возвращать ее храмы и святыни, и естественно то, что она стала возвращать им не только внешний облик, но и духовное содержание.

2. Множество памятников русской православной культуры, например Кирилло-Белозерский монастырь, Спасо-Прилуцкий монастырь и многие другие, активно использовались в туризме на протяжении многих лет и представляли собой весьма популярные маршруты как внутреннего туризма, так и международного. В последнее время у туристов наблюдается устойчивый рост интереса к посещению монастырей. Паломники едут из всех регионов России и из-за рубежа. Целевая направленность этого интереса – глубокое ознакомление с жизнью обители.

Учитывая сказанное выше, можно сделать следующие выводы:

– Вологодская область обладает значительным потенциалом развития религиозного туризма.

– Следует признать, что данный потенциал остается нереализованным.

– В числе причин можно назвать неразвитую инфраструктуру; дефицит информации об имеющихся ресурсах и маршрутах; слабые пока еще связи между туристическими фирмами и религиозными организациями; недостаток в этой сфере квалифицированных кадров.

– Разработка новых маршрутов к святыням, улучшение инфраструктуры, информированность должны послужить привлечению большего числа паломников (туристов) в нашей «живой истории».

– Вероятно, совместные усилия паломнических служб и туристских организаций помогут возродить, сохранить и благоустроить объекты культуры, достопримечательности, места паломничества, обустроить их и создать вокруг них должный достаток, культурную среду обитания и комфортность

На взгляд автора, региональным властям следует обратить внимание на развитие религиозного туризма, что позволит решить целый ряд задач, в числе которых: реализация духовно-культурного потенциала, повышение внутреннего и международного культурного статуса региона, увеличение потока «внутреннего и въездного международного туризма», развитие внутреннего духовно-просветительского туризма, поддержание в надлежащем состоянии памятников истории и культуры и, как следствие, развитие туристско-рекреационного кластера, малого бизнеса, занятости населения и повышение доходов бюджетов разного уровня.

Источники

1. Новости. Правительство Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/ru/press-center/?id_15=43392&id_16=101
2. Департамент международных, межрегиональных связей и туризма области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vologdatourinfo.ru
3. Команда губернатора: муниципальный уровень // Газета «Красный Север» №47 (27 073) / СРЕДА, 20 марта 2013.

Т.Г. Кульсеева,
Курск

Проблемы модернизации системы социальной защиты в регионе (на примере Курского областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних)

Система социальной защиты населения в регионах имеет специфику, связанную с особенностями социально-экономического, культурного, национального развития региона, преобладанием тех или иных социальных проблем.

Социальная защита выступает как процесс обеспечения государственными или иными органами существующих в обществе гарантий и прав, охраняющих личность, ее экономические, социально-политические, социальные потребности и интересы во всех сферах жизнедеятельности общества. В своем действии она распространяется на всех членов общества, однако функциональное проявление по отношению к различным группам неодинаково.

Социальная защита включает:

- 1) реализацию установленных законом социальных прав и минимальных социальных гарантий гражданам, прежде всего, в области пенсионного обеспечения, социального обслуживания, материальной поддержки семей с детьми и т.д.;
- 2) адаптацию системы социальной защиты к изменяющимся социально-экономическим условиям, включая развитие сети учреждений социального обслуживания, расширения перечня предоставляемых населению социальных услуг, поддержку негосударственных форм социальной помощи, подготовку кадров социальных работников;
- 3) совершенствование организации социальной защиты на основе модернизации социальных технологий, дифференцированного подхода к различным категориям населения и типам семей, адресной социальной помощи, непосредственно связанной с конкретными потребностями получателя;
- 4) использование активных форм социальной поддержки населения (социальная и психологическая реабилитация и адаптация, содействие самореализации и самообеспечению, профессиональной ориентации и т.д.).

В системе социальной защиты населения Курской области функционируют 56 государственных учреждений социального обслуживания, оказывающих услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам, семьям с детьми, несовершеннолетним и другим категориям населения, включая стационарные и нестационарные учреждения социального обслуживания, территориальные центры социальной помощи семье и детям, реабилитационные центры. В области действуют такие крупные учреждения социального обслуживания, как ГУСОН «Областной медико-социальный реабилитационный центр имени преподобного Феодосия Печерского», ГУСОН ССО «Курский областной социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», ОГУЗ «Центр социального обслуживания «Участие» и «Забота»».

Помимо Федерального Закона «Об основах социального обслуживания населения РФ» от 1995 года, на территории региона действуют постановление Губернатора Курской области от 06.11.2009 г. №360 «О государственных стандартах социального обслуживания населения на территории Курской области» и постановление Администрации Курской области от 30.12.2010 г. №655-па «О государственных стандартах социального обслуживания населения в Курской области».

Обозначим некоторые проблемы модернизации данной сферы:

- недоработанность нормативно-правовой базы в области социальной защиты населения;
- различия социально-демографической ситуации, особенно в части старения населения и неблагоприятного соотношения численности населения трудоспособного возраста и населения старшего поколения, которые нуждаются в социальных услугах и социальной поддержке;
- нехватка финансовых средств, необходимых как на развитие новых направлений, так и на модернизацию материально-технической базы отрасли.

Модернизация предусматривает не только улучшение материально-технической базы системы социальной защиты населения, но и использование различных технологий, в том числе инновационных. Рассмотрим это на примере ГУСОН ССО «Курского областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних».

Деятельность Центра осуществляется по следующим направлениям:

- прием несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, оказание им экстренной помощи, в случае необходимости — проведение доврачебного осмотра и организация медицинского обследования, оказание медицинской помощи;

- проведение социального диагностирования с целью дальнейшей разработки индивидуальных и групповых программ социальной реабилитации, обеспечение их реализации, обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- обеспечение реализации программ социальной реабилитации несовершеннолетних;
- профилактическая работа с семьями и детьми различных категорий, находящимися в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении, по предупреждению безнадзорности несовершеннолетних, оказание им адресной социальной помощи;
- методическое обеспечение деятельности учреждения в процессе социальной реабилитации семей с несовершеннолетними детьми; оказание методической помощи специалистам учреждений социального обслуживания семей и детей;
- социальное сопровождение граждан из числа сирот-детей, оставшихся без попечения родителей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, оказание помощи органам опеки и попечительства в сопровождении замещающих семей, создании социально-педагогической среды, обеспечивающей психологическую комфортность и социальную поддержку гражданам, выразившим желание стать опекунами (попечителями);
- организация работы с гражданами, выразившими желание стать усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями, патронатными воспитателями; гражданами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Проблемы у детей, поступающих в Центр, часто являются следствием безответственного отношения родителей к своим обязанностям по воспитанию, обучению и содержанию несовершеннолетних.

При решении проблем семьи и ребенка подключаются специалисты всех отделений. Вся работа с несовершеннолетними и их семьями реализуется через комплексную программу «Я нужен России». В эту программу входят 14 целевых программ: «Рука помощи», «От А до Я», «Твори себя и мир вокруг твори», «Окно в будущее», «Эдельвейс» и др.

В Центре ведется непрерывная работа по преодолению ситуации семейного неблагополучия путем индивидуального подхода к решению возникающих проблем семьи с помощью консультаций и профилактических бесед с родителями.

Применяются такие формы работы, как родительские собрания (четверг в Центре – родительский день), занятия в школе для родителей

«Мы и наши дети», консультации специалистами всех категорий; организуется встречи с врачами.

Как показывает практика работы, используя только традиционные методы, не всегда можно достичь желаемых результатов, в связи с этим возникла необходимость поиска новых методов. Назовем некоторые из них.

«Почта доверия» для родителей – предназначена для сбора и анализа конфиденциальных или анонимных пожеланий, обращений, заявлений, вопросов, предложений, просьб и т.д., поступающих от родителей, родственников или законных представителей несовершеннолетних.

Родители на специальных бланках пишут свои вопросы и опускают в почтовый ящик. Еженедельно вопросы анализируются. За 2012 г. от родителей на «Почту доверия» поступило 73 вопроса разного характера. Ни один из вопросов не остался без внимания.

Ответы на вопросы по блокам были включены в тематику занятий школы для родителей «Мы и наши дети» («Закон и семья», «Пока беда не вошла в дом», «Наказание и поощрение»), проведены групповые консультации для родителей.

В 2012 году специалисты активно работали по внедрению новой формы работы с семьей – **интервью «Досуг в нашей семье»**, которое было направлено на получение полной информации о сфере свободного времяпровождения семьи.

Сотрудничество специалистов и родителей через интервью помогает лучше узнать о жизнедеятельности семьи в свободное время. Специалисты, выясняя увлечения семьи, стараются включить их в досуговые мероприятия Центра, где родители поют песни, танцуют, участвуют в различных конкурсах. Совместные спортивные соревнования носят командный характер. Взрослые и дети с удовольствием принимают участие в играх. Организовывались совместные выходы детей с родителями в драматический театр, ТЮЗ, цирк и др., родителям давались также рекомендации по организации совместного времяпровождения с детьми.

Семьи включаются в **организационно-массовые мероприятия**, которые являются одним из путей профилактики семейного неблагополучия («День семьи», «День матери»).

Внедрена в работу такая форма, как **«психолого-педагогическая библиотека»**, которая необходима, так как слова, которые мы произносим, описывая проблему, зачастую, может быть, до конца не услышаны

родителями или они не придают им особого значения. Родителям предлагается разнообразная литература для расширения своих знаний, способов взаимодействия с ребенком, повышение психолого-педагогической грамотности.

Прочитав литературу, родители способны задуматься над имеющимися проблемами и начать их решать самостоятельно. Кроме того, специалистами разработаны **памятки**, которые рекомендуются родителям в конце каждого занятия школы для родителей «Мы и наши дети».

Специалисты Центра работают по внедрению еще одной новой формы – «**проблемное кино**». Родителям предлагается просмотреть проблемные фильмы: «Я больше сюда никогда не вернусь», «Леденец», «Воробей» и др. После просмотра фильма происходит обсуждение с психологом, в ходе которого родители высказывали свое мнение о проблемах своих семей, своих детей, проявляли эмоцию в виде плача. Приводились примеры из личного опыта, осуществлялось активное взаимодействие со всеми родителями.

Этот метод имеет успех в работе с родителями, так как с его помощью удается вывести родителей на эмоции и чувства переживания, происходит процесс осознания проблемной ситуации, совместно со специалистами намечаются варианты её разрешения.

В работе с семьей специалисты Центра используют методику «**сетевых встреч**», когда к решению проблем несовершеннолетних и его семьи привлекают наиболее значимых для ребенка людей, способных оказать в этом помощь.

По завершении курса реабилитации Центр проводит анкетирование родителей с целью изучения их удовлетворенности результатами реабилитационного курса ребенка.

Результаты анкетирования дают представления о степени удовлетворенности качеством услуг, предоставленных семье и несовершеннолетнему, позволяют родителям проявить инициативу в предложении тем для обсуждения на родительском собрании, высказать свое мнение о комфортности пребывания ребенка и т.д.

Результаты реализации комплексной программы «Я нужен России» в 2012 году:

- курс реабилитации прошло 412 несовершеннолетних;
- на социальном патронаже находилось 3519 семей;
- 346 несовершеннолетних из числа выбывших возвращены в семьи.

Это самый лучший показатель за годы работы — 93%.

«Телефон доверия» в Центре работает с 1996 года, а с ноября 2010 года — как детский «телефон доверия», с единым общероссийским номером, работает круглосуточно.

Статистика свидетельствует, что эта форма очень востребована, в первую очередь потому, что является анонимной и бесплатной формой психологической помощи и консультирования, в связи с чем вызывает особую доверительность у клиента. Именно по «телефону доверия» легче обсуждать личные проблемы, в том числе и связанные с сексуальной сферой межличностных отношений, жестокостью обращения и др. За 2012 год на «телефон доверия» поступило 15 885 обращений, ежедневно — от 70 до 100 звонков.

Таким образом, детский «телефон доверия» является очень важной структурой, помогая за 15–20 минут разговора решить проблемы, которые самостоятельно ребенок решал бы намного дольше, а возможно, помогает и избежать многих травмирующих ситуаций, которые могли бы повлиять на развитие личности в будущем.

В результате проведенного социологического исследования в мае 2013 года было выявлено, что семьи, находящиеся на обслуживании в Центре, в целом удовлетворены процессом социальной реабилитации. Психологический климат в Центре — благоприятный. Среди семей, находящихся на обслуживании, подавляющее большинство неполных. Семьи испытывают ряд проблем, что позволяет отнести их к категории «семьи, находящиеся в социально опасном положении». Данные обстоятельства свидетельствуют о высокой востребованности среди клиентов Центра услуг по осуществлению социальной реабилитации. Клиенты Центра выдвигают ряд предложений по улучшению условий проведения реабилитации, касающихся в большей степени улучшения финансирования, применения инновационных технологий. Развивая и совершенствуя деятельность служб социальной помощи семьям, находящимся в социально опасной ситуации, органы социальной защиты проявляют постоянную заботу о создании более комфортных условий для их жизнедеятельности.

Таким образом, использование традиционных форм работы и внедрение новых позволяют расширить возможности коррекции детско-родительских отношений, повысить воспитательную роль семьи, а тем самым решить главную задачу — сохранить семью и вернуть в нее ребенка.

Н.М. Лавренюк,
Уфа

Стратегия модернизации кадрового потенциала науки Республики Башкортостан

В Башкортостане, как и в России в целом, наблюдается падение престижа профессии ученого. Кадровый потенциал республики, по данным официальной статистики, по отношению к уровню 2000 г. сократился почти на треть. В результате ВПН-2010 Башкортостанстат подсчитал, что в регионе две трети кандидатов наук и около половины докторов наук трудоспособного возраста. Средний возраст докторов наук составляет от 50 до 64 лет. Более половины из них заняты естественнонаучными исследованиями. В областях юридических, психологических, социологических, политологических, культурологических наук, по данным Башкортостанстата, число исследователей-докторов наук минимально.

Большее число кадров за период трансформации потерял предпринимательский сектор науки, где число работников сократилось более чем в 5 раз. Самым малочисленным сектором науки остается сектор высшего образования, без учета сектора некоммерческих организаций, которого фактически нет. В государственном секторе науки за последние 10 лет произошло двухкратное увеличение числа исследователей. Снижаются темпы прироста преподавателей-исследователей, имеющих ученую степень.

Коэффициент соотношения числа ученых к числу занятых в экономике Башкортостана на протяжении десяти лет практически в два раза ниже, чем в среднем по России и в Приволжском федеральном округе. С 2002 г. наблюдается снижение значения показателя с 69,3 до 43,23 пунктов в 2010 г.

Большое влияние на результаты НИР оказывает мотивация исследователей. Несмотря на рост заработной платы в сфере науки, она остается непривлекательной и сильно дифференцирована по горизонтали и по вертикали, что имеет объективные и субъективные предпосылки. Увеличивается разрыв в материальном стимулировании студентов и аспирантов, соответственно доцентов и докторантов.

Анализ формирования кадрового научного потенциала показал, что процессы воспроизводства научных кадров в Башкортостане имеют неоднозначный характер. В 2010 г. по числу аспирантов регион был на 2 месте в ПФО, а по числу докторантов – на 7 месте. Спрос на обучение в аспирантуре растет. Следует отметить, что идет сокращение мест в докторантуре, что стимулирует совмещение научной и преподавательской деятельности и работу над докторской диссертацией. Это приводит к отсроченным результатам, к переносу горизонта защиты.

Актуальной проблемой в регионе остается защита аспирантов и докторантов в срок. С 2000 г. доля лиц, окончивших аспирантуру с защитой в срок, не превышает 50%. Прослеживается дискриминация социальных и гуманитарных направлений подготовки.

Так как сила системы измеряется силой самого слабого «звена», то наблюдаемые системные диспропорции в воспроизводстве кадровых ресурсов указывают на текущие и перспективные сложности в социально-гуманитарных, сельскохозяйственных и некоторых естественных областях знаний.

Как и в России в целом, ситуация в Башкортостане, сложившаяся в области воспроизводства и изменения возрастной структуры научных и научно-педагогических кадров, показывает, что реализуемый комплекс государственных мер по привлечению и закреплению кадров является недостаточным и не оказывает решающего влияния на позитивное изменение ситуации. Несмотря на достигнутые результаты в области подготовки и развития кадров науки, имеются проблемы, требующие первоочередного решения:

- отсутствие прогнозов в области развития кадрового научного потенциала республики, кадровой стратегии, политики и эффективного кадрового менеджмента в науке;
- суженное и простое воспроизводство кадров в отраслях науки, что увеличивает разрыв между научным кадровым потенциалом республики и кадровым потенциалом развитых регионов России, развитых стран мира;
- неэффективная подготовка высококвалифицированных научных кадров, что отражается в обучении слабомотивированных к научной работе аспирантов, в низком показателе окончания аспирантуры и докторантуры с защитой диссертаций в срок;

- ограниченный доступ к финансовым ресурсам для научных исследований у неостепененных молодых ученых и у кандидатов наук старше 35 лет и недостаточно высокая практическая эффективность от реализуемых НИР;
- невысокий статус и неэффективная мотивация работников сферы науки;
- низкая мобильность ученых и неразвитая система научных стажировок, особенно ученых среднего и старшего возрастов;
- невысокая инновационная, патентная, публикационная и грантовая активность занятых НИР;
- не высоко развитая культура использования IT-технологий, отсутствие единой информационно-коммуникативной платформы для научного делового взаимодействия;
- недоиспользование интегративного кадрового потенциала в государственном, предпринимательском и в вузовском секторах науки; отсутствие развития общественного сектора науки региона;
- недостаточное участие в ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы».

Подсистемы формирования и развития кадрового научного потенциала Республики Башкортостан находятся в разбалансированном состоянии. В связи с этим актуально создание системы скоординированных действий всех субъектов научной деятельности региона в целях развития кадрового научного потенциала для продуцирования отличительных конкурентных преимуществ республики в научно-техническом, социально-экономическом, общественно-политическом и культурно-духовном видах развития.

Должны соблюдаться основополагающие принципы формирования и развития кадрового научного потенциала:

- безопасность личности, общества и государства, интеграция образования, науки и предпринимательства;
- признание науки социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства;
- интеграция науки и образования на основе различных форм участия работников, аспирантов и студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках;
- поддержка конкуренции и предпринимательской деятельности в области науки и техники;

- концентрация человеческих ресурсов на приоритетных направлениях развития науки, не в ущерб остальным отраслям науки;
- стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных мер и льгот;
- вовлечение научных сотрудников в развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности посредством создания системы государственных научных центров и других структур;
- расширение возможностей для занятия научно-исследовательской деятельностью наиболее компетентных и талантливых исследователей;
- расширение возможностей для защиты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в регионе;
- прогнозирование, планирование и программирование развития кадров науки;
- сбалансированное формирование и распределение человеческих ресурсов науки в научно-техническом, социально-экономическом, общественно-политическом и культурно-духовном направлениях развития региона.

В этих условиях актуальна разработка стратегии формирования и развития кадрового научного потенциала Республики Башкортостан на среднесрочную и долгосрочную перспективы для создания системы скоординированных действий всех субъектов научной деятельности региона в целях развития кадрового научного потенциала для продуцирования отличительных конкурентных преимуществ республики в научно-техническом, социально-экономическом, общественно-политическом и культурно-духовном видах развития.

Для модернизации сферы науки Башкортостана актуально выделить следующие стратегические направления формирования и развития кадрового научного потенциала республики:

1. Повышение эффективности управления формированием и развитием кадрового научного потенциала.
2. Привлечение и мотивация молодых кадров в науку, сохранение эффективных научных работников.
3. Оптимизация подготовки высококвалифицированных научных кадров в актуальных областях науки региона.
4. Развитие республиканского научного сообщества, интегрированного в российское научно-исследовательское пространство.
5. Создание и развитие единой информационной системы о науке и научных кадрах региона.

В рамках инновационного развития республики расширенное воспроизводство человеческих ресурсов в сфере науки и эффективные научно-исследовательская, опытно-конструкторская, инновационная деятельности, при соответствующем управлении кадрами, найдут широкое применение и позволят получить научно-технические, социально-экономические, общественно-политические и культурно-духовные перспективные результаты.

Источники

1. Наука и информационные технологии: Статистический сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2012.
2. Обзоры ОЭСР по инновационной политике. Российская Федерация. – М.: Издание на русском языке осуществлено по заказу Министерства образования и науки РФ, 2011.
3. Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 года.

И.В. Лашук,
Минск

Социокультурные процессы в современном белорусском обществе

Общества современного типа характеризуются, с одной стороны, глобализационными процессами, с другой — нарастанием сопротивления массовой унификации. Таким образом, суть эпохи, которая началась с XXI века, можно обозначить двумя символами: глобализация и идентичность.

Обозначенные процессы ведут к образованию сложных социокультурных систем, которые не ограничены географическими, социальными и иными границами. Возникают другие конфигурации пространств, которые имеют способность как к расширению, так и к сокращению. В первом случае речь идет об образовании новых транснациональных социокультурных пространств, во втором — о фрагментации и локализации пространств.

Указанные особенности значительно уменьшают социальную обусловленность общественных процессов. Социологами зафиксированы нарастание индивидуализации жизни, ослабление коллективности и вместе с тем «культуризация социальности». Социальные взаимодействия сегодня основываются в большей степени на культурных основаниях. Это проявляется как на уровне межличностного взаимодействия (человек сегодня выбирает коммуникационного партнера не по критерию пространственной близости, а по общности интересов, что и служит культурным основанием), так и на уровне социальных групп и систем.

Итак, современное общество характеризуется уменьшением удельного веса социальности, утратой глубокой социальной укорененности и формированием социокультурной реальности.

В этой связи особую значимость приобретает культурная составляющая общественной жизни, которая имеет в современном социуме решающее влияние на формирование и воспроизводство белорусской нации. Однако культура существует не сама по себе, а только в единстве с социальными компонентами, воплощаясь в них. Тогда определяющими и регулирующими современное общество являются именно социокультурные процессы. Обозначенные процессы в различных проявлениях и выступают предметом данной работы.

Методологическими основами данного научного исследования социокультурных процессов в современной Беларуси являются:

1. Культурсоциологический подход.

В основе данной работы лежат теоретические положения, которые разрабатываются сегодня в рамках культурсоциологического направления, основателем которого признан Дж. Александер. На фоне целого ряда подходов, разворачивающих социологическое рассуждение «о культуре», этот исследовательский проект выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения. Иными словами, культура, указывая на определенное видение социальной реальности, предстает в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую оптику социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории, в противоположность концепциям, которые более корректно рассматривать как версии социологической субдисциплины «социологии культуры».

2. Теория социального пространства П. Бурдьё.

В разработанной П. Бурдьё теории социальное пространство образуется целым рядом силовых полей (полей отношений или свойств) – политическим, социальным, культурным, символическим и т.д. Поле представляет собой определенный тип игры, в каждом поле существуют своя логика или свои правила. При этом в каждом поле могут выделяться субполя: например, в поле культуры (в узком смысле) сосуществуют субполя морали, образования, религии и т.д.

В каждом поле имеют хождение свои «kozyри» или виды капитала, выступающие в объективном или инкорпорированном (внутреннем) состоянии. В зависимости от обладания этими капиталами группы имеют разную власть над тем или иным полем, причем власть над полем означает власть над продуктом этого поля и над совокупностью средств его производства.

3. Аксиологически-деятельностное понимание «культуры».

Среди различных перспектив концептуализации «культуры» фокус нашего внимания сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании феномена «культура», суть которого заключается в следующем: в основании различного рода культурных выборов индивидов и

групп лежат ценностные приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения. Не претендуя на универсальность, данный подход является одной из возможных концептуализаций культуры в конкретном научном проекте.

Применив обозначенные методологические основы к изучению социокультурных процессов современного общества, получаем следующие концептуальные послышки исследования:

1. Все процессы, происходящие в современном обществе, полагаются и интерпретируются как культурно обусловленные. Культура выступает своего рода «фоном», на котором происходят социально-экономические, политические и другие изменения.

2. Мы рассматриваем (вслед за П. Бурдьё) современную социальную реальность как многомерное пространство, включающее различные поля (политическое, экономическое, социальное, образовательное и т.д.). Причем эти поля определяются, в первую очередь, как поля отношений, то есть структурируются в зависимости от различий в обладании субъектами того или иного поля определенного (соответствующего полю) вида капитала. Социокультурное поле при этом тесно связано и с экономическим, и с политическим и т.д. В этом смысле каждое из полей является в той или иной степени социокультурным.

3. Мы рассматриваем культуру современного общества как «архив» ценностей, идей, представлений. Однако существуют они в «закодированном» виде и культура в таком случае является «не включенной» в социальность. «Репрезентативной» (по терминологии Ф. Тенбрука) она станет только тогда, когда будет реализована в «социальности» посредством воспроизводства в реальных повторяющихся моделях поведения в различных повседневных жизненных ситуациях. Эти устойчивые поведенческие стратегии конструируют и реконструируют затем и структуру культуры (культурный код).

Тогда единицей социологического анализа выступает не «культура» в качестве «архива», «кода», а устойчивые, повторяющиеся социокультурные стратегии поведения, посредством которых происходит формирование, воспроизводство, трансляция культурных основ современного общества.

В реальном социологическом исследовании речь идет об изучении ценностей, которые реализуются в реальных повседневных практиках посредством выработки устойчивых повторяющихся стратегий поведения. В рамках социологического исследования, проведенного сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси весной 2012г.¹, ценности делятся на базовые (предельные) и инструментальные. Так, базовые ценности представляют собой ядро личности, являются основным мотивом социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности.

Инструментальные ценности понимаются как социально значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

«Закрепление», формирование, воспроизводство ценностных иерархий происходит в повседневном взаимодействии людей или в повседневном мире. Оказывается, что ценностная позиция проявляется в действиях индивидов и групп в возникающих проблемных жизненных ситуациях. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения. В таком случае значимость инструментальных ценностей определяется степенью «включения» в решение проблемных жизненных ситуаций.

Итак, социокультурная стратегия поведения определяется, во-первых, базовыми ценностными ориентирами. С другой стороны, в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас

¹ В статье представлены данные социологического исследования, проведенного сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси по национальной выборке. Объем выборочной совокупности составил 2106 респондентов.

капиталов (образовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала).

Перечень базовых и инструментальных ценностей разрабатывался с учетом форм капиталов, выделенных П. Бурдьё: каждому капиталу соответствует определенный набор базовых, и инструментальных ценностей. Различные комбинации базовых и инструментальных ценностей и формируют социокультурные стратегии поведения.

Эмпирическим индикатором базовых ценностей являлся список из 23 базовых ценностей (вопрос «Что для Вас в жизни является наиболее важным?», возможность выбора не более 7 альтернатив). Применение факторного анализа позволило выделить 7 факторов (главных компонент):

1. *Творческо-образовательный ценностный вектор* включает следующие базовые ценности: познание; самореализация; интересная работа, профессия.

2. *Вектор индивидуального благополучия*: душевный покой, комфорт; здоровье; дети; счастливая семейная жизнь; материально обеспеченная жизнь.

3. *Достиженческий ценностный вектор*: общественное признание, известность, репутация; карьера, высокое положение в обществе; разнообразие поиска нового; жизнь, полная впечатлений.

4. *Реализация себя как независимой личности*: твердая воля; эффективность в делах; свобода, независимость в поступках, суждений; трудолюбие, продуктивность в работе.

5. *Личностный ценностный вектор*: любовь, дружба, счастливая семейная жизнь.

6. *Духовная ориентация жизни*: вера, жизненная мудрость

7. *Властно-материальный ценностный вектор*: богатство, большие деньги; власть.

Эмпирическим индикатором инструментальных ценностей являлся список из 23 позиций (вопрос «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?»), значимость которых респондентами оценивалась по следующей шкале: «помогает во всех ситуациях», «помогает в большинстве ситуаций», «помогает только в некоторых ситуациях», «не помогает вообще», «затрудняюсь ответить».

Методом факторного анализа было выделено 4 фактора (главные компоненты):

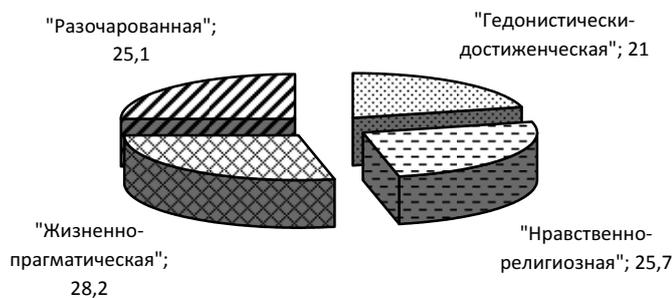
1. *Нравственно-образовательный ценностный вектор*: образованность; профессиональные знания; свобода, независимость в принятии решений; нравственные качества; максимально полное использование своих возможностей; терпимость.

2. *Достиженческо-правовой ценностный вектор*: участие в политической жизни; творчество; обращение к закону; возможность получать любые удовольствия.

3. *Корыстный ценностный вектор*: деньги; наличие нужных связей; занимаемая должность; личный авторитет; хорошие верные друзья.

4. *Семейно-духовный ценностный вектор*: дети; семья; духовная близость с любимым человеком; вера в бога.

Применив к полученным факторам базовых и инструментальных ценностей кластерный многомерный статистический анализ (метод k-means), мы получили четыре социокультурные стратегии поведения, характеризующиеся различными комбинациями базовых и инструментальных ценностей: гедонистически-достиженческая; нравственно-религиозная; жизненно-прагматическая и разочарованная социокультурные стратегии поведения. Данные стратегии и являются «рамочными» конструкциями, характеризующими культуру современного общества (рисунок).

Процентное распределение носителей различных типов социокультурных стратегий поведения, %

Данная типология создана в аналитических целях и, возможно, в «чистом» виде не существует в реальности, однако отражает основные тенденции, происходящие в социокультурном пространстве белорусского общества.

Н.А. Левочкина, Ю.А. Скоромникова,
Омск

Организационно-управленческие проблемы современных учреждений культуры (на примере Омской области)

Современный менеджмент напрямую связан с экономической стабильностью в стране. В период экономического кризиса можно отметить возникшие трудности и в современном менеджменте социально-культурных учреждений. Следует отметить, что с 2008 по 2010 г. наблюдается значительный спад в инфраструктуре и социально-экономической структуре учреждений сферы культуры. Так, в соответствии с данными, число работающих в учреждениях культуры г. Омска руководителей и специалистов в 2009 г. составило 1845, что на 229 человек меньше, чем в 2008 г.; из них: 711 человек (38,5%) – специалисты и руководители учреждений дополнительного образования детей (в 2008 г. – 857 чел. или 41,3%); 293 человека (15,9%) – специалисты и руководители учреждений культуры досугового типа (в 2008 г. – 321 чел. или 15,5%); 20 человек (1,1%) – специалисты и руководители органов управления культуры (в 2008 г. – 19 чел. или 0,9%) [2, с. 84-86]. Такие же тенденция прослеживались до 2010 г. По состоянию на 1 января 2011 г. в учреждениях культуры г. Омска работало 1962 человека, в том числе: специалисты и руководители учреждений дополнительного образования детей – 757 (38,6%); работники учреждений культурно-досугового типа – 280 (14,3%); работники органов управления культурой – 21 (1,1%) [3, с. 78-80].

В указанный период наблюдается резкое сокращение финансирования сферы культуры, сокращается число рабочих мест. По сравнению с развитыми европейскими странами российский менеджмент пострадал в меньшей степени. Это стало возможным, в первую очередь, благодаря своевременному и правильному реагированию высшего топ-менеджмента страны

Однако на 1 января 2013 года ситуация стала складываться следующим образом. Так, в учреждениях культуры г. Омска в настоящий момент

работает 1897 человек. Соотношение административно-управленческого персонала и творческих работников (специалистов) учреждений культуры выглядит следующим образом: руководителей – 374 человека (19,7%), специалистов – 1523 человека (80,3%) [4, с. 106-108]. Данная тенденция вызвана рядом организационных проблем менеджмента учреждений культуры г. Омска, а также связана с влиянием новой волны экономического кризиса, тяжелыми финансовыми проблемами в европейских странах. Поэтому нами выделяется как современный период 2010–2013 гг.

В нашей стране существует ряд специфических и очень серьезных проблем, касающихся положения дел в российском менеджменте. Эти проблемы взаимосвязаны и отражаются как на экономических показателях, так и на экологических и иных аспектах работы предприятий. Так, ведущий российский консультант в области менеджмента В.А. Лapidус выделяет около десятка «смертельных болезней российского менеджмента». Следует рассмотреть наиболее серьезные из них:

1. Гипериярхия. Возникает при построении «вертикали власти» на предприятии. Бюрократизация компании, нецелесообразный рост штата административных работников проявляется при отсутствии ясных корпоративных целей, миссии, идеологии, философии, принципов.

2. Милитаристский, репрессивный стиль менеджмента. Данный стиль характерен для многих российских компаний. Он основан на поиске виновных и наказаниях, что приводит к разрыву доверия между руководством и сотрудниками предприятий.

3. Дисбаланс ответственности, полномочий и взаимодействия. Такого рода проблема приводит к производственным войнам и баррикадам. Иными словами, во многих российских компаниях руководство (включая конструкторов и отдел планирования) привыкло ставить заведомо невыполнимые задачи, реально осознавая, что они будут выполнены в лучшем случае наполовину.

4. «Тройной стандарт» – наиболее тяжелая «болезнь» российского менеджмента, а иными словами, просто бардак. Основным оружием в борьбе с «тройным стандартом» является принцип: «Пишем то, что думаем; выполняем то, что записано». Этот принцип лежит в основе любой системы экологического менеджмента [5].

На взгляд автора статьи, можно выделить такие серьезные проблемы российского менеджмента, которые возникают в рамках функ-

циональной департаментализации как «функционализм», при котором происходит нарушение горизонтальных связей организации, в результате чего отдельные области предприятия начинают существовать автономно; эффект «бутылочного горла» – в результате протекания данного процесса происходит нарушение вертикальных связей в организации; «продуктивизм», суть которого заключается в противопоставлении целей продукта общим целям организации и появлении конкуренции за ее ресурсы и другие.

Данные проблемы обусловлены непрофессионализмом топ-менеджеров, нежеланием постоянно обновлять свои знания и быть гибкими во внутренней и внешней среде организации, а также неумением стратегически мыслить и пользоваться различными инструментами менеджмента.

Потребность в профессии менеджера культуры появилась лишь в последнее десятилетие. С развитием шоу-бизнеса профессия менеджера становится все более востребованной на рынке услуг, однако специалистов такого профиля до настоящего времени готовят лишь в отдельных вузах. На практике же организаторами социально-культурной деятельности (СКД) могут стать специалисты с разной исходной квалификацией [1, с. 31].

В ходе исследования одной из проблем нами были опрошены (с помощью анкеты и индивидуальных бесед) специалисты бюджетных учреждений культуры разного уровня. Среди них были и заместители директоров, и администраторы театров и концертных залов, и заместители, помощники руководителей, менеджеры самостоятельных коллективов, специалисты отделов культуры районных администраций, а также заведующие методическими отделами. Условно были выделены три уровня их квалификации (высший, средний, низший), которые обозначены были через должности «заместителя директора», «менеджера» и «администратора». При этом менеджеры составляли более половины опрошенных. Учитывалось, что в реальности их функциональные обязанности могут меняться и пересекаться. Индивидуальные беседы удалось организовать со специалистами, которые поменяли должность организатора на другую профессию (25 человек; часть из них ушли в исполнительские коллективы, часть – на работу в сферу управления, часть – в педагогику или маркетинг).

Анализ полученных данных показал, что средний стаж работы специалистов, работающих в сфере организации театральной и концертной деятельности, составляет 5 лет, при разбросе количественных данных от 18 лет до нескольких месяцев. В целом можно говорить, что в этой сфере наблюдается довольно высокая текучесть кадров, причем на всех уровнях. Распределение руководителей и специалистов по стажу работы в учреждениях культуры г. Омска выглядит следующим образом: менее 5 лет – 569 человек; от 6 до 10 лет – 311 человек; от 11 до 20 лет – 418 человек; свыше 20 лет – 599 человек.

Часто меняются руководители и сотрудники в отделах культуры районных администраций. Соответственно меняются их помощники. В результате на всех уровнях менеджмента возникает ситуация, когда управленческие решения принимаются поверхностно, без анализа внутренних проблем и тенденций развития учреждения или коллектива.

Основными причинами текучести кадров, как показал анализ, является низкий уровень заработной платы в социально-культурных учреждениях, при том что в большинстве своем менеджеры и администраторы не имеют возможности дополнительного заработка через, например, творческую, исполнительскую, преподавательскую деятельность.

Вторая причина текучести тесно связана с первой, но определяется ненормированным рабочим днем, большим количеством контактов с людьми разного типа, что ежедневно составляет содержание работы менеджера и администратора.

Выявлена также и третья причина текучести кадров на этих должностях. Это уровень подготовленности и профессиональной культуры специалистов. Следует отметить, что на 1 января 2013 г. в учреждениях культурно-досугового типа высшее образование имеют только 138 руководителей, среднее специальное – 345 руководителей, из них профильное – 201 человек; 373 специалиста имеют высшее образование, 1114 человек – среднее специальное.

В период 2008–2012 гг. проходили профессиональную переподготовку 43 руководителя, 50 специалистов [4, с. 183].

Таким образом, полученные данные показали, что две трети опрошенных (36 человек из 55) окончили различные образовательные учреждения культурного профиля, специализируясь на художественном направлении (режиссура, вокал, инструментальное исполнительство, актерское мастерство). В ряде случаев имеется филологическое, педагогическое,

юридическое, экономическое, искусствоведческое образование. Следует отметить, что в коммерческих культурных организациях должности менеджеров все чаще занимают специалисты, не имеющие художественного образования и, соответственно, не знающие специфики и запросов тех, чью деятельность они организуют или продюсируют [6, с. 11-13].

Среди проблем на начальных этапах работы в должности опрошенные чаще всего называли (по частоте упоминания) недостаток опыта, информированности, практических умений, знания специфики работы в театре (и в концертном коллективе), отсутствие личных связей, умения переключаться, умения работать с разными людьми. Так, заместитель директора ДИ им. Малунцева выделила в данном учреждении как одну из основных проблем менеджмента недостаточное количество квалифицированных кадров в лице молодых специалистов-менеджеров. С учетом перехода к новой модели финансирования можно отметить, что учреждения культуры сегодня не могут существовать без топ-менеджера, имеющего специальность, связанную непосредственно с культурой.

Те же проблемы выделяют и худруки вокальной студии «Шарм», ДК «Сибиряк»; при этом в организационных структурах данных организаций нет менеджеров управляющего звена и функционирует лишь методист. Стоит отметить, что из-за недостаточного уровня заработной платы молодые специалисты не идут работать в учреждения такого рода.

На основе материала, полученного в результате индивидуальных бесед, можно заключить, что многим организаторам в сфере культуры не хватает профессиональных знаний и умений в области межличностных коммуникаций, маркетинга, менеджмента, средств рекламы и связи с общественностью. Специалистам, имеющим профессиональную подготовку в нехудожественной сфере, недостает знания специфических особенностей исполнительства и взаимоотношений между артистами. Все это приходится осваивать в процессе работы. При развитой мотивации и способностях приобретение такого опыта проходит менее болезненно. Но в ряде случаев проявляется неудовлетворенность работой и недостаточная её результативность. Таким образом, полученные результаты позволили выявить следующие проблемы менеджмента в сфере культуры: высокую текучесть кадров на всех уровнях, приводящую к снижению количества квалифицированных и опытных специалистов в сфере организации СКД и, как следствие, снижению качества этой деятельности; на должностях организаторов СКД всех уровней в подавляю-

щем большинстве работают специалисты, профессиональная подготовка которых является частичной, не охватывающей в полном объеме требования к профессиональной и социальной компетентности менеджера по культуре; из сопоставления проблем высшего и среднего звена организаторов СКД следует, что вопрос взаимопонимания между ними является важнейшим и должен служить предметом специального внимания при их обучении и повышении квалификации.

Источники

1. Киселева, Т.Г. Социально-культурная деятельность: Учебник / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников. – М.: МГУКИ, 2004. – 539 с.
2. Культура и искусство Омской области в 2008–2009 г.: Сборник информационно-аналитических материалов / Министерство культуры Омской области. – 2010. – Вып. 13. – 190 с.
3. Культура и искусство Омской области в 2010 г.: Сборник информационно-аналитических материалов / Министерство культуры Омской области. – 2011. – Вып. 14. – 164 с.
4. Культура и искусство Омской области в 2012 г.: Сборник информационно-аналитических материалов / Министерство культуры Омской области. – 2013 г. – Вып. 16. – 200 с.
5. Лapidус, В.А. Проекция принципов менеджмента демпинга на российскую практику [Электронный ресурс] / В.А. Лapidус. – Режим доступа: [<http://www.klerk.ru/boss/53210>] (19.01.09)].
6. Приходько, И.А. Проблемы современного менеджмента / И.А. Приходько // Менеджмент в России и за рубежом. – 2010. – №3 – С. 11-13.

Т.С. Лыткина,
Сыктывкар

Сельская кооперация и практики взаимопомощи в XXI веке: причины, проблемы и перспективы самоорганизации селян в постсоветской России

Рыночная трансформация в постсоциалистической России характеризуется коммерциализацией, ростом экономических интересов и конфликтом ценностных предпочтений. По-прежнему не решены проблемы социального неравенства, провоцирующие резкую дифференциацию населения внутри регионов и между регионами. Данные социальные процессы, с одной стороны, провоцируют аномию и разрыв социальных связей в обществе, а с другой – клановую солидарность, способствующую групповому использованию преимуществ рынка при отсутствии (слабости) гражданского общества. Село, оказавшееся под натиском российского рынка и глобализационных процессов в режиме социального исключения, относится сегодня к числу наиболее актуальных тем в стране.

Цель доклада – на материалах монографического исследования показать возможности расширения практик сотрудничества/кооперации и солидарности на селе в одном из регионов постсоциалистической России. Исследовательский вопрос заключался в изучении условий формирования практик взаимопомощи и сотрудничества различных социальных групп на селе в современной России.

Для постановки проблемы мы обратились к эмпирическим материалам монографического исследования, посвященного проблемам северного села в России. В 2006 году проведено сравнительное пилотное исследование сельской жизни на Севере и Юге России. Впоследствии тема Севера получила продолжение в рамках проекта преодоления периферийности пространства северного региона, реализованного в 2009–2011 гг. Фокус внимания к сельскому Северу был значительно расширен. Вместо одного сельского района Республики Коми выбрано четыре: Ижемский, Удорский, Усть-Куломский, Прилузский. Площадками для исследования с использованием качественных методов стали как относительно благо-

получные поселения, имеющие экономические ресурсы для развития, так и неблагополучные поселения, лишенные таких ресурсов. Информационная база включает 40 экспертных интервью, в том числе руководителей органов власти и предприятий различных форм собственности, а также специалистов бюджетной сферы. В ходе исследования проведены глубинные интервью в семьях сельских жителей (44 интервью)¹. Дальнейшее теоретическое осмысление трансформации социальных отношений осуществляется в рамках проекта изучения социального потенциала региона², основанного на изучении факторов формирования практик взаимопомощи, кооперации и солидарности населения республики в современных условиях глобализации и утверждения рынка на российской почве.

Основной тезис доклада заключается в том, что рыночные условия хозяйствования оказывают существенное давление на село. Оно выражается не только в структурных ограничениях, препятствующих самореализации селян, но и в проявившихся противоречиях между условиями жизни населения и распространяющимися ценностями индивидуализма среди охваченных потребительскими настроениями людей, а также восприятием социальной справедливости и реальными практиками распределения благ внутри локальности в частности и в стране в целом. Через анализ государственной статистики и ретроспективный анализ повседневной жизни селян Республики Коми мы попытаемся определить не только структурные, но и социокультурные источники современных проблем солидарности, кооперации и практик взаимопомощи.

Результаты проведенного кейс-стади (детальное изучение одного случая) не претендуют на обобщение и распространение полученного знания на все российские села. Напротив, мы согласны с точкой зрения Т.Г. Нефедовой, которая отмечает, что сельское население в различных регионах «болеет» по-разному [1] и, соответственно, нуждается в определении индивидуального «курса лечения» с учетом выявленных причин «заболевания». Современное северное село по-прежнему рассматривается государственной политикой как средство извлечения ресурсов и

¹ Проект «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности пространства северного региона» по программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития: междисциплинарный синтез», рук. В.Н. Лаженцев.

² Проект «Социальный потенциал моногородов Российского Севера: сети, доверие и практики взаимопомощи (на примере Республики Коми) (2012–2014)», рук. Т.С. Лыткина.

принимается во внимание по остаточному принципу, по-прежнему не предусмотрены меры, способные интегрировать сельскую модель хозяйствования и проживания в рыночные условия. В настоящее время в рамках социальных отношений на селе сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, – селяне испытывают тоску по поводу плотных социальных сетей в прошлом и называют разобщенность населения в качестве одной из проблем жизни на селе (около четверти населения); но, с другой стороны, – скептически относятся к различным видам сотрудничества. Решение проблемы нам видится в создании самодостаточной культуры сельской жизни, со своей системой ценностей, смыслов и образцов поведения, способами взаимодействия.

Несмотря на то, что мы не претендуем на обобщения жизни селян всего современного российского пространства, мы должны отметить общие тенденции развития (становления) рынка, независимые от пространства и времени. Иными словами, изучение повседневных практик жителей села еще раз подтвердило значимость теории великой трансформации К. Поланьи в изучении социальной реальности постсоветского пространства и показало, что саморегулирующийся рынок и минимизация государственной поддержки провоцируют разрыв социальных связей и аномию в сельском сообществе. Для их преодоления необходима консолидация самых разных групп, а также формирование гражданской ответственности населения как внутри уязвимого сообщества, так и за его пределами.

Источники

1. Нефедова, Т.Г. Социально-экономическая и пространственная самоорганизация сельской местности / Т.Г. Нефедова // Мир России. – №3.
2. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи; перевод с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева; под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб: Алетейя, 2002.

И.С. Мальцева,
Сыктывкар

Предпосылки и условия формирования аграрного кластера в северном регионе*

Вопросы, связанные с созданием кластеров в аграрно-промышленном комплексе, широко обсуждаются в печати [1, 2, 3, 4, 6], особого внимания при этом заслуживает проблема создания региональных кластеров как механизма инновационного развития и повышения региональной конкурентоспособности.

По определению Майкла Портера, кластер представляет собой группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга [5].

Концепция развития аграрных кластеров, разработанная учеными РАСХ, определяет аграрный кластер как систему многомерно взаимосвязанных форм организации деятельности (сельскохозяйственных предприятий, личных подсобных, крестьянских (фермерских) хозяйств и др.), интегрированных с целью одновременного и взаимосвязанного решения задач охраны окружающей среды и внедрения в производство инновационных технологий, превращающих «отходы» в ресурсы развития сельского хозяйства [6].

С.И. Грядов, И.В. Ковалева определяют агропромышленный кластер как территориальное сочетание организаций, связанных производственно-сбытовой деятельностью с целью повышения конкурентоспособности продукции и активизации инвестиционной деятельности [2].

По мнению Е.В. Куркудиновой, которое мы разделяем, агрокластер представляет инновационно направленную, территориально локализованную интегрированную структуру, организованную на основе сельскохозяйственного производства, включающую различные сферы АПК,

* Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», проект 12-П-7-1003 «Пространственное измерение постиндустриальной трансформации северного региона».

входящие в технологическую цепочку создания добавленной стоимости. Взаимодействие элементов кластера происходит посредством обмена товарами, технологиями, информацией, услугами [4].

В процессе исследования ставилась задача выявления предпосылок и условий формирования аграрного кластера в Республике Коми

На начальном этапе исследования изучались предпосылки и факторные условия развития агрокластера в северном регионе и проводилось выявление элементов протокластера, обозначенных как локализованные совокупности предприятий.

Информационной базой исследования послужили статистические сборники, данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми о размещении зарегистрированных предприятий, сведения Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми о деятельности сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. В изучаемую совокупность были включены данные по 274 сельскохозяйственным организациям и хозяйствам, 49 организациям, перерабатывающим молоко и мясо, и 9 – кожу и мех, а также по 20 организациям, специализирующимся на рыболовстве и рыбоболловстве.

Для обработки данных использовались количественный и картографический методы. В рамках количественного метода исследования рассчитывались и анализировались коэффициенты локализации по занятости и производству сельскохозяйственной продукции в муниципалитетах. Картографический метод обеспечил визуализацию распределения по населенным пунктам сельскохозяйственных предприятий, сгруппированных по производству первичной продукции, продуктов питания, изделий из кожи и меха, рыболовству и рыбоболловству.

Полученные результаты исследования

Сопоставление коэффициентов локализации с пороговой величиной больше 2-х по обоим показателям однозначно относит к локализациям аграрного производства 6 муниципалитетов (таблица). Это Сыктывдинский и Корткеросский районы, непосредственно соседствующие с г. Сыктывкар, а также южные районы республики – Прилузский, Койгородский, Сысольский и северный городской округ – Инта.

Превышают пороговые значения коэффициенты локализации по занятости в Усть-Цилемском, Ижемском и Усть-Куломском районах. И хотя малые масштабы производства и низкая степень переработки

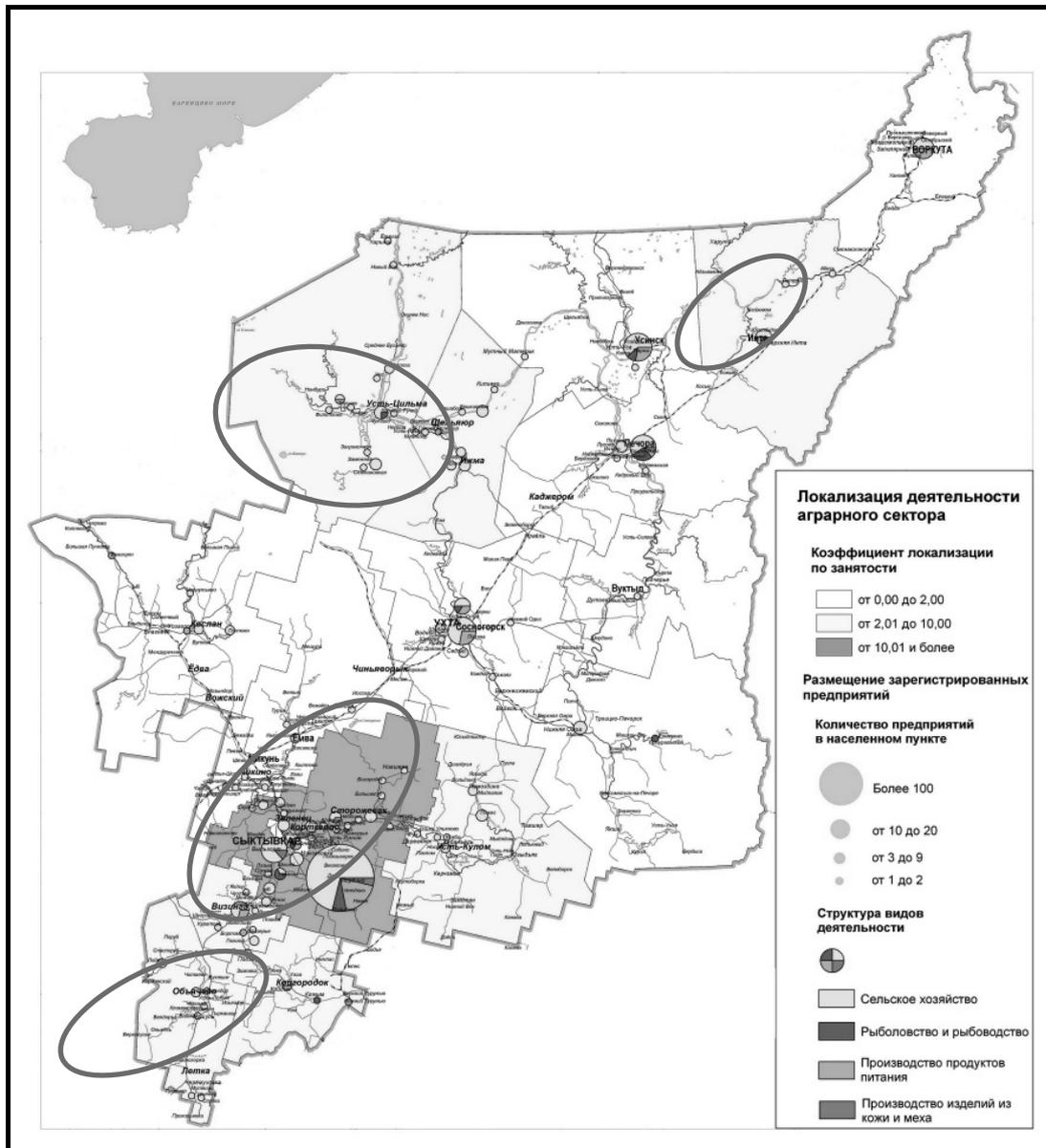
продукции (низкая добавленная стоимость) не позволили этим районам выделиться по показателям объема валовой продукции, предлагаем, учитывая высокую занятость, определяющую сельское хозяйство как профилирующую отрасль муниципальной экономики, рассматривать Усть-Цилемский и Ижемский районы (в отличие от преимущественно лесопромышленного Усть-Куломского) как пространственную концентрацию аграрной деятельности.

Коэффициенты локализации аграрного производства

Муниципалитет	Коэффициенты локализации	
	По занятости	По объему производства
Сыктывдинский	23,15	23,50
Корткеросский	10,06	3,68
Усть-Цилемский	6,23	0,99
Ижемский	3,34	0,34
Инта	3,27	2,48
Сысольский	3,26	1,98
Прилузский	3,07	2,63
Койгородский	3,03	2,00
Усть-Куломский	2,61	0,74

Картографирование предприятий дополняет картину размещения аграрного производства, хотя надо учитывать, что она не дает достоверного представления о масштабе производства, поскольку отражает только количество предприятий. Тем не менее комбинирование указанных методов позволило выявить несколько локальных совокупностей агропромышленной деятельности на территории республики (рисунок).

Более четкое представление о локализации агропромышленного производства с позиций цепочки «производство – переработка» было получено при исследовании размещения предприятий, перерабатывающих сельхозпродукцию. Сопоставление с коэффициентами локализации подтвердило объективность результатов относительно агломерации агропромышленной деятельности в центральных и южных районах, но в Ухте выделило, вследствие большого потребления продуктов, концентрацию, которая может рассматриваться в качестве точечного элемента потенциального агрокластера при условии развития специфических функций (например, генерирования инноваций в сфере семеноводства).

Локализация деятельности аграрного сектора – локализованные совокупности аграрных организаций

Типизация и характеристика локализованных совокупностей

Типизация выявленных локальных совокупностей проведена по показателям масштаба производства, степени переработки сельхозпродукции, тесноте связей между сельскохозяйственными и перерабатывающими производствами, конкурентоспособности продукции производителей и степени развития инфраструктуры.

Сильная локализованная совокупность организаций расположена на территории Сыктывдинского, Корткеросского района и г. Сыктывкара. К ней тяготеют и предприятия Сысольского района.

Анализ аграрного производства выявил, что на территории близкой к г. Сыктывкару созданы «ключевые» факторы производства (квалифицированные специалисты, капитал, инфраструктура). На данной площадке расположены две птицефабрики и ОАО «Пригородный», которые смогут создать бизнес-ядро предкластера. Данные сельскохозяйственные предприятия имеют перерабатывающие производства. ОАО «Птицефабрика Зеленецкая» является агропромышленным формированием, производящим продукцию птицеводства и свиноводства. Внутренняя интеграция проводится постоянно по всем направлениям деятельности, начиная с разработки новых видов продукции на основе свинины и мяса птицы и заканчивая разработкой бизнес-планов реконструкции производства. ОАО «Птицефабрика Сыктывкарская» была организована как предприятие яичного направления, однако неустойчивая ценовая ситуация на рынке яиц вызвала необходимость создания цеха по переработке мяса птицы. Предприятия имеют точки фирменной торговли, оптовые склады.

На данной территории активно работают научные организации: институты биологии, химии, физиологии Коми НЦ УроРАН, Научно-исследовательский проектно-технологический институт агропромышленного комплекса Республики Коми, Институт переподготовки и повышения квалификации работников агропромышленного комплекса, высок потенциал вузовской науки – Сыктывкарского госуниверситета и Сыктывкарского лесного института.

Необходимо и возможно формирование звена по кормопроизводству, поскольку проблема производства кормов и сбалансированного кормления животных и птицы в республике стоит очень остро (практически все концентрированные корма завозятся). Реализация данной инициативы возможна только при поддержке Правительства Республики Коми в рамках реализации государственной программы.

Локальные совокупности среднего уровня – Прилузский, Койгородский районы, а также Инта.

Среди них выделяются Интинская, с базовым предприятием – ОАО «Интинская птицефабрика», и Прилузская, ядром которой является ОАО «Южное». Данные совокупности отличаются развитой специализацией сельскохозяйственного производства, высоким уровнем концентрации

и комбинирования, технологичной переработкой и собственной торговой сетью. Их продукция реализуется на территории местного и соседних муниципальных образований. Сельскохозяйственное производство здесь диверсифицировано и в первом случае включает скотоводство и оленеводство, а во втором – помимо растениеводства и скотоводства – рыбоводство. Планами намечено развитие туризма, а в Гуляшорской – создание агрогородка.

Слабая локальная совокупность – Ижемский и Усть-Цилемский районы.

Данная локальная совокупность обладает производственными, кооперативными (по связям) и рыночными признаками, но в меньшей степени и с географическими ограничениями. Она сочетает сельскохозяйственные и несельскохозяйственные виды деятельности, доля которых в структуре доходов достигает 30–45%, что повышает экономическую устойчивость. В производственном ядре имеются мелкие предприятия, использующие традиционные, а часто устаревшие технологии. Сельскохозяйственные организации выпускают узкий ассортимент сельскохозяйственной продукции с низкой степенью переработки (низкой добавленной стоимостью) и поставляют продукцию на местный (поселенческий) рынок. Реализация продукции осуществляется по договорам с розничными торговыми организациями небольшими партиями. Через участие в ярмарках, выставках, выездной торговле происходит постепенное вхождение организаций в районные рынки и развитие межрайонных связей. Так, продукция диюрских и сизябских производителей продается на выезде в районном центре с. Ижма, туда же попадает и рыбная продукция усть-цилемских производителей (из соседнего района). Однако данная совокупность является социально значимой, так как организации совокупности создают рабочие места и обеспечивают местное население свежей продовольственной продукцией.

Таким образом, сильная локализованная совокупность организаций, расположенная на территории Сыктывдинского, Корткеросского района и г. Сыктывкара, имеет «ключевые» факторы производства, необходимые для развития предкластера. Локальные совокупности среднего уровня (Прилузский, Койгородский районы, г. Инта) и слабая локальная совокупность (Ижемский и Усть-Цилемский районы) не имеют пока «ключевых» факторов производства, необходимых для интеграции в кластерную структуру, поэтому очень остро стоит вопрос развития данных факторов на данных территориях.

Источники

1. Ахмадеев, М.Г. Кластерные стратегии в агропромышленном комплексе / М.Г. Ахмадеев, Р.Г. Багаутдинов // Российское предпринимательство. – 2007. – №8. Вып. 2(96). – С. 38-42.
2. Грядов, С.И. Агропромышленный кластер: проблемы и перспективы развития / С.И. Грядов, И.В. Ковалева // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2009. – №4(54). – С.74-79.
3. Карпова, Д.П. Использование кластерного подхода в управлении региональной экономикой [Электронный ресурс] / Д.П. Карпова // Региональная экономика и управление: электр. науч. журн. / Вятский государственный университет – Киров: ООО «Международный центр научно-исследовательских проектов». – 2007. – №4(12). – Режим доступа: <http://region.mcsnp.ru>.
4. Куркудинова, Е.В. К вопросу о роли агропромышленного кластера в системе региональной экономики [Электронный ресурс] / Е.В. Куркудинова // Управление экономическими системами: электр. науч. журн. / Кисловодский институт экономики и права. – Кисловодск: ООО «Д-Медиа», 2011. – №8. – Режим доступа: <http://uecs.mcsnp.ru>.
5. Портер, М. Конкуренция.: пер. с англ. / М. Портер. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 608 с.
6. Хухрин, А.С. Агропромышленные кластеры: российская модель / А.С. Хухрин, А.А. Примак, Е.А. Петухова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – №7. – С. 30-34.

А.А. Мехова,
Череповец

Современные технологии социального участия в модернизации региона

Сегодня невозможно представить стратегию модернизации региона без широкого участия в этом процессе самого населения. Любая стратегия развития только тогда будет поддержана и успешно реализована, когда люди увидят в ней возможность реализации личных жизненных стратегий.

Социальное участие в разработке, принятии и реализации социально значимых управленческих решений является одной из актуальных проблем современного российского общества. Новое прочтение эти проблемы приобрели в последнее время, обнажившее острую необходимость согласования интересов органов власти, управления и общества, особенно в отношении определения вектора развития как страны в целом, так и каждого поселения в отдельности. Вот почему особо актуальным представляется изучение эффективных инновационных практик и технологий социального участия. В контексте поставленной проблемы особый интерес вызывает форсайт как технология стратегирования.

Форсайт (от английского «foresight» – взгляд в будущее) – это не прогнозирование и стратегирование в традиционном понимании, это конструктивная технология создания реалистического образа будущего, базирующегося на общем согласии и приверженности [1, с. 4-12].

Методология форсайт-исследований отвечает требованиям и соответствует характеру современных процессов общественного развития. Это соответствие становится условием и залогом ее эффективности и подтверждается тем, как стремительно форсайт вошел в науку и социальную практику. Речь идет не только о конечных результатах, но и о самих механизмах реализации, о социально-коммуникативном потенциале этого метода. Форсайт по праву можно считать инновационной технологией социального участия. Автор имел возможность убедиться в этом на опыте личного участия в проекте «Форсайт города Череповца до 2020 года» [4].

В современной науке представлены вполне перспективные подходы к разработке самих понятий «социальная технология» и «социальное участие» [2]. Социальное участие в широком смысле слова – это совместная с органами власти и управления деятельность граждан по вопросам реализации политических, экономических и социальных прав. В узком смысле это совместная с территориальными органами власти и управления деятельность граждан по поводу формирования среды жизнедеятельности.

Как правило, форсайт применяется тогда, когда требуются кардинальные изменения либо в какой-то отдельной отрасли, либо в компании, либо в городе или регионе.

Особое значение приобретает форсайт моногородов. Город Череповец Вологодской области – яркий пример такого города. Построенный в 1950-е годы вместе с Череповецким металлургическим комбинатом, ставшим за эти годы транснациональной компанией ОАО «Северсталь», Череповец переживает на себе все циклические взлеты и падения металлургии. Последнее десятилетие развитие металлургии в целом и компании «Северсталь» шло по восходящей линии. Череповец был одним из самых успешных индустриальных городов не только в своем регионе, но и в России в целом. Отсюда – высокие доходы жителей, награды городу за достижения в различных экономических и социальных проектах. Не случайно в 2003 году была разработана и утверждена достаточно амбициозная стратегия развития города до 2012 года «Череповец – город лидеров». Однако сверхзависимость города от доминирующего предприятия ведет к цикличности в развитии других связанных сегментов городской экономики и городского бюджета в целом. Кризис 2008–2009 года ярко это показал.

В городе было решено провести форсайт, основной задачей которого стала корректировка стратегии развития города, выявление новых направлений и ниш в развитии экономики города, которые сбалансируют бюджет и занятость населения, поглотят высвобождающуюся силу, помогут диверсифицировать экономику. Они должны быть реалистичны по ресурсам, быть привлекательными и перспективными в контексте городской экономики, должны иметь поддержку ключевых стейкхолдеров. Основная сложность и основная задача форсайта – вырваться за пределы привычной действительности. Выявить и по-новому взглянуть на те ресурсы – материальные, человеческие, интеллектуальные и т.д.,

которые имеются в городе, но не были задействованы ранее. Рассмотреть те предложения, которые ранее казались фантазией, и трезво оценить возможность их воплощения в жизнь. Определить, какие инновационные технологии, появившиеся в последнее время, могут найти свое применение в городе.

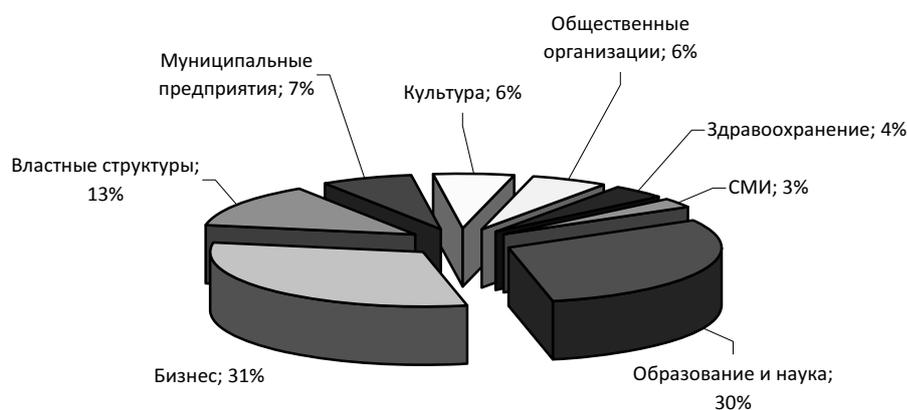
Форсайт по определению предполагает объединение всех заинтересованных участников – органов городского самоуправления, бизнеса, общественности, всех горожан, поэтому в основе социально-коммуникативной составляющей проекта «Форсайт Череповца 2020» была заложена теоретическая научная модель технологии социального участия А. Мерзлякова [3, с. 24.]. Все элементы модели были последовательно реализованы.

1. На этапе социально-диагностического исследования особенностей среды был применен целый комплекс методов: экономический анализ текущей ситуации, сценарное планирование, бенчмаркинг форсайтов российских и зарубежных городов. Особое внимание было уделено общественному мнению и настроениям горожан. Были проведены социологические исследования, призванные оценить степень готовности населения к участию в формировании новой стратегии и их отношение к грядущим переменам. В методический комплекс этого этапа вошли массовые опросы общественного мнения, фокус-группы, глубинные интервью, экспертные интервью, установочные семинары, обучающие тренинги, дискуссии в рабочих группах.

2. Этап организации информирования. В информационной составляющей проекта в первую очередь следует отметить общегородскую конференцию-старт проекта «Форсайт», на которой было подписано соглашение между мэрией города, ОАО «Северсталь» и общественностью города; формирование специальных площадок и каналов предоставления населению информации о содержании проекта, о правах, возможностях и механизмах участия в проекте горожан, о способах взаимодействия со специалистами-учеными и другими субъектами согласовательного процесса. На этом этапе особую роль сыграли городские СМИ, специальный интернет-сайт «Форсайт Череповца 2020» и др.

3. Важный этап инициирования общественной самоорганизации был нацелен на выявление лидеров среди местного населения, обучение их навыкам группового взаимодействия и опыту переговорного процесса. На этапе сбора предложений был также задействован широкий комплекс

социологических методов. Проведено более 125 экспертных интервью, организованы экспертные панели по отраслям и сферам, «мозговые» штурмы, рабочие группы и многое другое. Экспертный опрос способствовал аккумуляции научных знаний и практического опыта профессионалов различных отраслей и сфер городского хозяйства. В экспертную панель вошли самые авторитетные и компетентные представители различных сфер городского хозяйства, руководители предприятий, ученые, представители творческой элиты города (рисунок).

Структура экспертной панели Форсайта

Внешними экспертами выступили специалисты центра «Сколково», Института статистических исследований и экономики знаний и Международного научно-образовательного Форсайт-центра Московского ГУ-ВШЭ, Программы «Форсайт» Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO), г. Москва, проекта «Региональный Форсайт Иркутской области».

4. Принимались не только экспертные мнения, предложения мог высказать любой череповчанин. Для этого были сформированы специальные каналы коммуникаций: сайт в сети «Интернет», городские форумы, интерактивные передачи на городском телевидении, рубрики в городских газетах, специальные конкурсы для различных возрастных и социальных групп «Мой Форсайт». Для экспертной оценки было отобрано около 150 перспективных предложений.

5. Полученные предложения проходили отбор и оценку. Экспертное сообщество совместно вырабатывало критерии оценки предложенных проектов и идей. Применялись элементы социальной экспертизы, метод

дельфи, публичные слушания. Основными критериями для включения в пул предложений стали следующие позиции, нацеливающие на учет как экономических, так и социокультурных интересов города:

- содействие занятости населения в целом и занятости целевых групп;
- содействие росту уровня жизни;
- содействие росту доходов и уменьшению расходов городского бюджета;
- содействие росту сопутствующих отраслей;
- воздействие на окружающую среду.

6. Самым проблемным стал этап согласования интересов. Какие проекты принять, включить в план реализации, почему эти, а не другие, как объяснить тем, кто вносил предложения, почему их проект не принят, если их более 2000 – организовать решение этих вопросов было чрезвычайно сложно. Сказывалось отсутствие опыта у участников проекта, разница в подходах, недоверие друг к другу и самой процедуре, опасение населения, что проект – очередная пустая декларация, не подкрепленная действием. Риск не оправдать ожидания населения – это самый большой риск форсайта, так как основа проекта, его главная отличительная черта – социальное участие, вовлеченность населения в стратегирование. Все это возможно только на основе социального доверия.

7. Конкретным результатом Форсайта стала обновленная стратегия, Комплексный план развития города до 2020 года, представленный в марте 2010 г. в Министерство регионального развития РФ. Итоги Форсайта были обсуждены на форуме Союза городов Центра и Северо-Запада, прошедшем в Череповце в июне 2010 года. Однако те, кто давал свои предложения, участвовал в рабочих группах и дискуссиях, ждали обратной связи. Была проведена итоговая городская конференция, на которой были подведены итоги форсайта, в том числе и с точки зрения активности череповчан в проекте.

8. Конференция дала старт последнему этапу проекта – контролю за принятыми соглашениями, за реализацией Комплексного плана развития города. Были намечены дальнейшие перспективы сотрудничества муниципалитета и городской общественности в формировании обновленной стратегии города, предложены формы этого сотрудничества: постоянно действующие рабочие группы, семинары, горячие линии, форумы и т.п.

Таким образом, Форсайт Череповца стал школой социального участия как для многих череповчан, так и для муниципалитета. Форсайт продемонстрировал эффективность такой организации и стал началом институционализации социального участия как необходимой составляющей процесса принятия важных управленческих решений. Сегодня можно видеть элементы Форсайта в части его социально-коммуникативной составляющей, и в общественных обсуждениях стратегии города, и в проекте «Команда губернатора» на областном уровне, и в других проектах. Формализация, т.е. нормативное закрепление обязательного обращения к мнению общественности, играет здесь позитивную роль, тем самым закрепляется и может быть растиражирована технология социального участия.

Источники

1. Барышев, И.А. Закономерно ли появление Форсайта / И.А. Барышев, С.Ф. Серегина // Форсайт. – 2008. – №2. – С. 4-12.
2. Заборова, Е.Н. Участие граждан в управлении городом / Е.Н. Заборова // Социологические исследования. – 2002. – №2. – С. 23-31.
3. Мерзляков, А.А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / А.А. Мерзляков. – М.: Институт социологии РАН, 2007.
4. Мехова, А. Форсайт как современная технология социального участия в контексте глобализационных процессов / А. Мехова // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления». Том 2. – М.: Издательство МГУ.

В.И. Мосин,
Тула

Экономическая безопасность как основа модернизационного развития Тульской области

Развитие экономики под воздействием рыночных механизмов выделило в качестве самостоятельной функцию государства по защите экономической безопасности.

Объектами экономической безопасности субъектов Российской Федерации являются территория, население и всё, относящееся к экономике, расположенное на данной территории (пространственный базис деятельности, включающий производственные фонды, инфраструктуру, который рассматривается как среда жизнедеятельности населения, совокупность ресурсов развития).

Критерии оценки состояния экономики и их пороговые значения для каждого региона могут быть различными. Вместе с тем ряд важнейших макроэкономических и социальных индикаторов являются общими для всех территорий:

- состояние природно-ресурсного, производственного и научно-технического потенциала региона;
- динамика валового регионального продукта, показатели объемов, темпов и структуры промышленного производства, инвестиций, доли экспорта в производстве;
- способность хозяйственного механизма адаптироваться к меняющимся внутренним и внешним факторам (темпы инфляции, дефицит консолидированного бюджета, влияние внешнеэкономической конъюнктуры, кредиторская и дебиторская задолженность, сбережения населения);
- качество жизни населения (валовой региональный продукт на душу населения), уровень безработицы и социально-демографическая дифференциация доходов, средняя продолжительность жизни, состояние окружающей среды.

Тульская область расположена на Среднерусской возвышенности, почти в самом центре Европейской части Российской Федерации, грани-

чит на севере и северо-востоке с Московской, на востоке — с Рязанской, на юго-востоке и юге — с Липецкой, на юге и юго-западе — с Орловской, на западе — с Калужской областями.

Тульская область занимает площадь 25,7 тыс. кв. километров (14 место в Центральном федеральном округе — ЦФО). Протяженность территории с севера на юг — 200 километров, с запада на восток — 190 километров. В области 22 муниципальных района и 5 городских округов, центром области является город-герой Тула.

Население Тульской области по состоянию на 1 января 2012 года составило 1544,5 тыс. человек (4 место в ЦФО), плотность населения — 60 человек на один кв. километр (по этому показателю область уступает лишь г. Москве и Московской области). В г. Туле численность населения на 1 января 2012 года составляла 499,5 тыс. человек, плотность населения — 3,4 тыс. человек на один кв. километр.

Экономика Тульской области представлена 37,6 тыс. организаций и 41,1 тыс. индивидуальных предпринимателей, включенных в Статрегистр Росстата по Тульской области. Основным видом деятельности 30,0% организаций и 61,% индивидуальных предпринимателей является торговля. На долю обрабатывающих производств приходится 10,2% организаций и 4,3% индивидуальных предпринимателей, строительства — соответственно 9,7 и 3,1%, транспорта и связи — 5,5 и 13,5%, сельского хозяйства — 6,3 и 2,6%. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг являются основным видом деятельности для 18,5% организаций и 8,7% индивидуальных предпринимателей, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг — соответственно 6,1 и 4,2%.

В последние годы активно проводится структурная перестройка экономики, осуществляется разграничение экономических интересов регионов и центра. На этом фоне создание устойчиво развивающейся экономики, обеспечение экономического суверенитета области, а значит, экономическая безопасность региона, приобретает все большее значение.

Валовой региональный продукт (ВРП). Основным показателем, характеризующим уровень экономического развития региона, является валовой региональный продукт. Объем ВРП Тульской области за 2010 год составил 237,2 млрд. рублей, что в сопоставимом исчислении выше уровня 2009 года на 3,6%, по РФ ВВП увеличился на 4,6%.

Динамика валового регионального продукта является важнейшим макроэкономическим индикатором, отражающим тенденции развития региональной экономики. Реальный объем ВРП за период с 2000 по 2008 год имел стабильную тенденцию к росту (от 4 до 12%), который был обусловлен в основном увеличением объемов промышленного производства, строительной деятельности и оборота розничной торговли. В 2009 году произошло снижение ВРП на 6,9% (по РФ ВВП в 2009 г. уменьшился на 7,6%). Последствия финансово-экономического кризиса не могли не отразиться на экономике области. Уже через год ситуация в экономике региона стабилизировалась, в 2010 году против предыдущего года реальный объем ВРП увеличился на 3,6%.

В экономике Тульской области традиционно доминируют предприятия обрабатывающих производств, которые формируют около трети валовой добавленной стоимости, оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (14,2%), организации, осуществляющие операции с недвижимым имуществом (12%). По сравнению с предыдущим годом в 2010 году отмечалось увеличение вклада в валовой региональный продукт предприятий обрабатывающих производств — их доля в ВРП возросла на 2,2 процентного пункта, доля организаций оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования осталась на уровне 2009 года.

Удельный вес организаций, занимающихся сельским хозяйством и операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг, сократился по сравнению с 2009 годом соответственно на 1,4 и 1 процентный пункт.

Безопасность финансовой сферы. Финансовая сфера является ключевым звеном региональной экономики, обеспечивая сохранение, наращивание и эффективное использование денежных средств региона. Она призвана финансировать производственную сферу в объемах, обеспечивающих экономический рост и повышение уровня и качества жизни населения.

Наиболее важными составляющими финансовой системы являются государственные и муниципальные финансы (бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды) и финансы предприятий частного сектора. Взаимодействие между двумя этими частями осуществляется по линии налоговых отчислений организаций в бюджеты всех уровней и обратным

потоком ассигнований в виде субсидий, дотаций, субвенций, дешевых кредитов, налоговых льгот и инвестиционных налоговых кредитов.

По данным Министерства финансов Тульской области, в 2011 году консолидированный бюджет области (бюджет субъекта РФ и свод бюджетов муниципальных образований) был исполнен по доходам в сумме 49 734,6 млн. рублей, по расходам – 46 973,7 млн. рублей. Доходы превысили расходы, и профицит бюджета составил 2760,9 млн. рублей (в 2010 г. дефицит – 3448,7 млн. рублей).

Формирование бюджетных средств происходило под влиянием положительных изменений в экономике Тульской области: налоговые и неналоговые поступления возросли с 34 136,5 млн. рублей в 2010 году до 38 435,3 млн. рублей в 2011 году, или на 12,6%. В результате чего их удельный вес в общем объеме денежных средств, поступивших в консолидированный бюджет области, возрос с 70,8 до 77,3% соответственно.

Основными источниками формирования доходов консолидированного бюджета Тульской области в 2011 году продолжали оставаться налог на доходы физических лиц, налог на прибыль организаций, акцизы.

Поступления налога на доходы физических лиц в 2011 году составили 13 808,2 млн. рублей и возросли по сравнению с 2010 годом на 9,4%, его доля в доходах консолидированного бюджета области возросла с 26,2 до 27,8%.

Поступления налога на прибыль организаций составили в 2011 году 8225,1 млн. рублей и возросли относительно 2010 года на 29,0%. Увеличение поступлений по налогу на прибыль организаций в 2011 году свидетельствует об улучшении деятельности организаций на территории области: ими получено прибыли на 25,4% больше, чем в 2010 году. Удельный вес налога на прибыль в общем объеме доходов консолидированного бюджета составил 16,5% против 13,2% в 2010 году.

Расходование бюджетных средств производилось исходя из обеспечения приоритетов в финансировании здравоохранения и спорта, образования, социальной политики. Доля расходов на эти направления составила 65,1% (в 2010 г. – 52,5%) от общего объема расходов, или 30 625,2 млн. рублей.

Основные фонды. Основные фонды – важнейшая составляющая национального богатства. Перспектива развития экономики региона во многом определяется их состоянием.

По оценке, основные фонды экономики Тульской области, включая фонды, находящиеся в собственности граждан, на конец 2011 года составляли по полной учетной стоимости с учетом переоценки, осуществленной на конец отчетного года, 636 млрд. рублей, по остаточной стоимости – 363,6 млрд. рублей. Их объем по сравнению с 2010 годом в сопоставимых ценах увеличился на 6,2%.

В 2011 году было введено в действие новых основных фондов на 63,3 млрд. рублей, что превышает уровень 2010 года. Наиболее высокий коэффициент обновления (определяемый соотношением стоимости вновь введенных основных фондов и их полной учетной стоимости на конец года) в 2011 году сложился в организациях по производству и распределению электроэнергии, газа и воды – 19,4%, государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального страхования – 19,1%, оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 18,8%, сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства – 14,9%, в обрабатывающих производствах – 14,4%. Низкий коэффициент обновления в организациях образования – 1,7%, в гостиницах и ресторанах – 1,6%, организациях рыболовства и рыбоводства – 1,3%.

Степень износа основных фондов крупных и средних коммерческих организаций на конец 2011 года составила 45,9%, что практически соответствует уровню 2010 года (45,8%). Больше, чем в целом по области, изношены основные фонды в организациях лесного хозяйства – 77,9%, в организациях оптовой и розничной торговли – 65,0%, в организациях строительства – 51,2%. Степень износа машин и оборудования составила 47,8%, транспортных средств – 46,7%. Доля полностью изношенных фондов к концу 2011 года составила 18,3% (в 2010 г. – 17,8%).

По данным крупных и средних коммерческих организаций области, средний возраст машин и оборудования на конец 2011 года составил 10 лет, транспортных средств – 13 лет, в том числе в организациях транспорта и связи соответственно 13,5 и 19,2 года, в организациях по производству и распределению электроэнергии, газа и воды – 12,3 и 8,2 года, в обрабатывающих производствах – 9,7 и 12,9 года. Наиболее старое оборудование и транспортные средства используются в лесном хозяйстве (средний возраст – соответственно 27,8 и 13,2 года), в организациях по производству электроэнергии (24,1 и 9,3 года), на электрическом транспорте (24,9 и 15 лет), железнодорожном транспорте (19,0 и 23,9 года).

На конец 2011 года в структуре основных фондов крупных и средних коммерческих организаций преобладали фонды обрабатывающих производств (39,9%), организаций оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (23,1%), транспорта и связи (12,5%), организаций по производству и распределению электроэнергии, газа и воды (10,3%).

Большой удельный вес основных фондов оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования в экономике области объясняется проведенной переоценкой. Основные фонды крупных и средних организаций этого вида деятельности на конец 2011 года были учтены преимущественно в ценах этого года, в то время как фонды лесного хозяйства – в ценах 1997 года, рыболовства и рыбоводства – в ценах 1999 года, здравоохранения – в ценах 2005 года, производства и распределения электроэнергии, газа и воды – в ценах 2006 года.

Наличие физически и морально устаревших основных фондов во многих случаях ведет к невозможности выпуска конкурентоспособной продукции и к неэффективности использования основных фондов. В связи с устареванием основных фондов возрастает вероятность их разрушения вследствие техногенных катастроф и стихийных бедствий.

Инвестиции в основной капитал. Активное инвестиционное развитие хозяйствующих субъектов способствует укреплению экономической безопасности региона за счет повышения конкурентоспособности предприятий и увеличения налоговых поступлений.

Стабильный экономический рост опирается на масштабный и постоянный приток отечественных и иностранных инвестиций в экономику, поэтому активизация и повышение эффективности инвестиционного процесса приобретают сегодня ключевое значение для будущего субъектов Российской Федерации и всей страны.

В 2011 году организациями всех форм собственности освоено 72 579,4 млн. рублей капитальных вложений, что в сопоставимых ценах почти вдвое превышает уровень 2000 года. В то же время уровень 2010 года не достигнут (96,4%). Для сравнения: в 2010 году к уровню 2009 года было увеличение на 12,8%.

Для обеспечения инвестиционного процесса необходима мобилизация всех источников финансирования инвестиций в основной капитал.

Основным источником финансирования инвестиций в основной капитал в 2011 году являлись собственные средства (51,1%), на долю привлеченных средств приходилось 48,9% инвестиций.

Средства бюджетов всех уровней составили 7,4% от общего объема инвестиций в основной капитал, доля федерального бюджета уменьшилась за 2011 год в 3,6 раза, доля бюджета субъекта Российской Федерации – в 3,2 раза.

Возросла доля банковской сферы в финансировании реального сектора экономики – в 2011 году она составила 16,4% в общем объеме инвестиций в основной капитал, что на 5,9 процентного пункта больше, чем в предыдущем году.

Доля инвестиций из-за рубежа в общем объеме инвестиций в основной капитал по сравнению с 2010 годом возросла на 0,7 процентного пункта, составив в 2011 году 8,3% против 7,6% в 2010 году.

Более трети (35%) годового объема инвестиций освоено по виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии», четверть капиталовложений – в обрабатывающих производствах: производстве прочих неметаллических минеральных продуктов, химическом производстве, производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака (т.е. в производствах, получающих наибольшую прибыль).

На развитие производственной базы транспортных организаций направлена одна десятая всего объёма инвестиций, организаций, сельскохозяйственных организаций – 5%, строительных – менее одного процента.

Не все организации направляют инвестиции на развитие своей производственной базы. Финансовое состояние многих из них характеризуется ограниченностью собственных средств и отсутствием инвестиционной деятельности.

Инвестиционную деятельность в 2011 году осуществляли 86% организаций (99% крупных и средних организаций и 41% организаций, относящихся к субъектам малого предпринимательства). По предварительной оценке, в 2012 году доля крупных и средних инвестиционно активных организаций останется на том же уровне (99%), организаций малого бизнеса – станет еще меньше (39%).

По данным выборочного обследования инвестиционной активности организаций, основанного на изучении мнений руководителей, знающих инвестиционные возможности своей организации, основными фак-

торами, ограничивающими инвестиционную деятельность, являются: недостаток собственных финансовых средств (на этот фактор указали две трети руководителей организаций), процент коммерческого кредита (22%), экономическая и политическая ситуация в стране и инвестиционные риски (по 21%). Объектами данного наблюдения являются крупные, средние и малые организации, осуществляющие деятельность в добывающих и обрабатывающих производствах, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды.

Среди субъектов ЦФО по объему инвестиций в основной капитал в 2011 году Тульская область находилась на 7 месте (в 2010 г. – на 8 месте).

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП РФ в 2010 году составила 20,4%. В Тульской области доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте достигает 29,1%, это наибольшее значение за одиннадцать последних лет (в 2009 г. – 28,8%, в 2008 г. – 23,9%, в 2005 г. – 17,9%, в 2000 г. – 24,2%).

Иностранные инвестиции. Важнейшим направлением экономических связей области с зарубежными странами является инвестиционное сотрудничество. Привлечение иностранных инвестиций остается одной из актуальных задач экономики области.

Иностранные инвестиции, являясь одной из форм международного движения капитала, включают в себя все виды вложений имущественных и интеллектуальных ценностей иностранными инвесторами, а также зарубежными филиалами российских юридических лиц в объекты предпринимательской и других видов деятельности на территории России с целью получения последующего дохода и делятся на прямые, портфельные и прочие.

Общий объем поступлений иностранных инвестиций в область достиг своей максимальной величины за период с 2000 года и составил в 2011 году 504,6 млн. долларов США, увеличившись по сравнению с 2010 годом на 37,8%, а с 2000 годом – в 6,2 раза.

Среди субъектов Центрального федерального округа в общем объеме поступлений иностранных инвестиций в 2011 году Тульская область занимала 8-е (в 2010 г. – 6-е) место (без учета г. Москвы и Московской области).

Незначительные изменения произошли в структуре иностранного капитала. Так, при снижении доли прямых инвестиций с 25,1% в 2000

году до 20,7% в 2011 году наблюдался рост доли прочих инвестиций, максимальный удельный вес которых в общем объеме поступивших иностранных инвестиций составил в 2011 году 79,3% против 74,6% в 2000 году.

Научно-технический потенциал. В 2011 году в Тульской области 21 организация (без учета субъектов малого предпринимательства) выполняла научные исследования и разработки, количество научных организаций осталось на уровне 2010 года, по сравнению с 2000 годом их число снизилось более чем на треть.

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 10 тыс. занятых в экономике области в 2011 году сократилась в 2,6 раза по сравнению с 2000 годом и составила 49 человек (2010 г. – 66 человек).

В 2011 году общий объем научно-технических работ составил 43 748,2 млн. рублей, или в 1,6 раза больше, чем в 2010 году, в действующих ценах. Внутренние затраты на исследования и разработки в 2011 году сложились в сумме 1715,1 млн. рублей, что на 9,5% выше уровня предыдущего года в действующих ценах. В 2010 году в объеме ВРП внутренние затраты на исследования и разработки составили 0,66%, в РФ – 1,16%.

Доля капитальных вложений в науку в общем объеме инвестиций в основной капитал в 2011 году составила 0,7% (в 2010 г. – 1,4%, в 2000 г. – 0,9%).

В Тульской области в 2011 году осуществляли хозяйственную деятельность 90 малых предприятий, относящихся к виду деятельности «Научные исследования и разработки», со среднесписочной численностью 169 человек.

Одним из важнейших результатов научных исследований и разработок является создание передовых производственных технологий.

В 2011 было создано 2 новые производственные технологии (в 2010 г. – 10, в 2000 г. – 16 технологий), использовано 3 нанотехнологии.

В 2011 году организации Тульской области использовали 4898 передовых производственных технологий, что на 40,2% ниже уровня предыдущего года, но в 2,4 раза выше уровня 2000 года. Из всей совокупности используемых технологий 94,5% приходится на обрабатывающие производства, 3,1% – на научные исследования и разработки, 1,1% – на производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Приведенный анализ показателей экономической и социальной безопасности позволяет определить направление развития региона, при котором создавались бы приемлемые условия для стабильной жизни общества и развития личности, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз и возможности для модернизации Тульской области. За последнее десятилетие в модернизации Тульского региона достигнуты некоторые успехи. И хотя темпы, в особенности вторичной, модернизации оставляют желать лучшего, общая тенденция оставляет надежду на переход к начальному фазовому уровню вторичной модернизации до 2015 года.

К.А. Петухов, Е.Б. Плотникова,
Пермь

Динамика процессов модернизации регионов России

Исследования социокультурных портретов российских регионов, изучение процессов их перехода к новому типу социально-экономических отношений — информационному обществу — продолжаются под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой уже более десяти лет. За это время накоплен обширный эмпирический материал, полученный в ходе социологических исследований, а также сбора и анализа статистических данных. Расчеты индексов модернизации, выполненные в соответствии с адаптированной к российским реалиям методикой проф. Хэ Чуаньци, позволили оценить состояние процессов модернизации, определить их стадии и перспективы в России [2].

Использованная методика предусматривает определение состояния процессов первичной, вторичной и интегрированной модернизации. Первый тип модернизации определяет, насколько продвинулась та или иная территория, регион или страна в реализации индустриального типа развития социально-экономических отношений. Индекс вторичной модернизации отражает процесс перехода общества к информационному, постиндустриальному типу развития. Индекс интегрированной модернизации позволяет оценить состояние обоих процессов. В основу расчета индексов положен ряд важнейших статистических социально-экономических показателей. В табл. 1 представлено их описание.

Все индексы модернизации выражены в процентах. Для более подробного анализа в методике заложена возможность выделения фаз и уровней первичной и вторичной модернизации. В структуре первичной модернизации предусмотрены следующие этапы: фаза традиционного общества, начальная фаза, фаза развития, фаза расцвета, а также фаза перехода ко вторичной модернизации. Каждой из указанных фаз присвоены значения от 0 до 4. В перечень фаз вторичной модернизации включены подготовительная, начальная, фаза развития и фаза расцвета, которым также присвоены значения от 0 до 3.

Таблица 1. Статистические показатели, применяемые для расчетов индексов модернизации

№ п/п	Тип показателя	Описание показателя
<i>Для индекса первичной модернизации</i>		
1	Экономические показатели	ВНП на душу населения
2		Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве
3		Доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве
4		Доля добавленной стоимости в сфере услуг
5	Социальные показатели	Доля городского населения
6		Число врачей на 1000 человек
7		Уровень детской смертности
8		Ожидаемая продолжительность жизни
9	Показатели знания	Уровень грамотности среди взрослых
10		Доля студентов вузов среди населения студенческого возраста
<i>Для индекса вторичной модернизации</i>		
1	Показатели инноваций в знаниях	Соотношение затрат на НИОКР и ВВП
2		Число ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР, на 10 000 человек
3		Число жителей страны, подающих заявки на патенты, на 1 млн человек
4	Показатели передачи знаний	Доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения соответствующего возраста
5		Доля студентов вузов среди населения студенческого возраста
6		Число телевизоров на 1000 человек
7		Число пользователей сети Интернет на 100 человек
8	Показатели качества жизни	Доля городского населения
9		Число врачей на 1000 человек
10		Смертность детей в возрасте до 1 года на каждую тысячу родившихся
11		Ожидаемая продолжительность жизни
12		Потребление энергии на душу населения в кг нефтяного эквивалента на человека
13	Показатели качества экономики	ВНП на душу населения
14		ВНП на душу населения в условиях ППС
15		Доля добавленной стоимости в материальной сфере
16		Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, в общей занятости
<i>Для индекса интегрированной модернизации</i>		
1	Экономические показатели	ВНД на душу населения
2		ВНП на душу населения в условиях ППС
3		Доля добавленной стоимости в сфере услуг
4		Доля занятых в сфере услуг
5	Социальные показатели	Доля городского населения
6		Число врачей на 1000 человек
7		Ожидаемая продолжительность жизни
8		ВВП на душу населения / потребление энергии на душу населения
9	Показатели знаний	Соотношение затрат на НИОКР и ВВП
10		Число жителей страны, подающих заявки на патенты, на 1 млн человек
11		Доля студентов вузов среди населения студенческого возраста
12		Число пользователей сети «Интернет» на 100 человек

Сотрудники Института социально-экономического развития территорий РАН создали уникальную информационно-аналитическую систему, в которой аккумулированы данные об индексах первичной, вторичной и интегральной модернизации всех регионов России за 2000, 2005, 2008, 2009 и 2010 гг. [1]. Эта система позволяет исследовать динамические характеристики процессов модернизации в России, выявить тенденции в развитии процессов модернизации отдельных регионов.

В связи с тем что расчеты индексов модернизации в начале 2000-х гг. осуществлялись нерегулярно, данные за 2001–2004 гг., а также за 2006–2007 гг. были получены путем линейной интерполяции.

Как было установлено в ходе анализа, изменения индексов модернизации в большинстве регионов России происходят в соответствии с моделью линейного роста. Для каждого региона и индекса были определены числовые характеристики линейного тренда, а затем были рассчитаны отклонения от него по имеющимся фактическим данным. На основе полученных отклонений была определена дисперсия признака, характеризующая степень устойчивости изменений индексов первичной, вторичной и интегральной модернизации.

Другой важной характеристикой изучения процессов модернизации является темп изменения значений индексов. Для его определения по каждому году и региону были рассчитаны цепные темпы прироста, а также среднее значение темпов прироста за период с 2000 до 2010 г.

Фазовые значения индексов первичной и вторичной модернизации, достигнутые регионами России к 2010 г., также были учтены в ходе анализа. Таким образом, в исследовании учитывались три критерия:

1. Фазовые значения индексов первичной и вторичной модернизации за 2010 г.
2. Средние темпы прироста индексов за период с 2000 до 2010 г.
3. Дисперсия отклонений значений индекса от линейного тренда.

Значения критериев каждого региона сравнивались со среднероссийским уровнем (медианным значением). В результате были выделены восемь моделей модернизации российских регионов, каждой из которых было присвоено образное название-характеристика. В таблице 2 приведен их перечень.

Как было установлено в ходе анализа, динамические характеристики индекса первичной модернизации наибольшего числа регионов России (21 ед.) позволили охарактеризовать их как регионы «претендующие на лидерство». Почти столько же регионов (19 ед.) могут быть названы «надеж-

Таблица 2. Модели модернизации российских регионов

№ п/п	Характеристика регионов	Описание (в скобках указывается, является ли указанное свойство преимуществом или недостатком)
1	Звезды	Значение индекса выше среднероссийского уровня (+) Темп прироста выше среднероссийского уровня (+) Дисперсия ниже среднероссийского уровня (+)
2	Претенденты на лидерство	Значение индекса выше среднероссийского уровня (+) Темп прироста выше среднероссийского уровня (+) Дисперсия выше среднероссийского уровня (-)
3	Надежные	Значение индекса выше среднероссийского уровня (+) Темп прироста ниже среднероссийского уровня (-) Дисперсия ниже среднероссийского уровня (+)
4	Импульсивные	Значение индекса выше среднероссийского уровня (+) Темп прироста ниже среднероссийского уровня (-) Дисперсия выше среднероссийского уровня (-)
5	Догоняющие	Значение индекса ниже среднероссийского уровня (-) Темп прироста выше среднероссийского уровня (+) Дисперсия ниже среднероссийского уровня (+)
6	Подающие надежду	Значение индекса ниже среднероссийского уровня (-) Темп прироста выше среднероссийского уровня (+) Дисперсия выше среднероссийского уровня (-)
7	Отстающие	Значение индекса ниже среднероссийского уровня (-) Темп прироста ниже среднероссийского уровня (-) Дисперсия выше среднероссийского уровня (+)
8	Аутсайдеры	Значение индекса ниже среднероссийского уровня (-) Темп прироста ниже среднероссийского уровня (-) Дисперсия ниже среднероссийского уровня (-)

ными», поскольку к 2010 г. их индекс первичной модернизации оказался выше среднероссийского (медианного) значения, его изменения в 2000–2010 гг. были более предсказуемы, однако ежегодный прирост индекса был ниже, чем в среднем по стране. Хуже всего процесс первичной модернизации происходил в трех регионах (Республики Мордовия, Северная Осетия и Камчатский край). Все три исследованные характеристики динамики изменения индекса оказались в этих регионах хуже, чем в среднем по России.

Динамические характеристики индекса вторичной модернизации российских регионов распределились иным образом. Самую большую группу (17 ед.) составляют здесь регионы, условно названные «импульсивными». Уровень вторичной модернизации в этих регионах выше среднероссийского значения. Однако изменения индекса за десять лет носили неустойчивый характер, а темпы прироста были ниже, чем в среднем по стране. Обращает на себя внимание тот факт, что число регионов, демонстрирующих низкие динамические характеристики процесса вторичной модернизации (33 ед.) и отнесённых к моделям «догоняющие», «подающие надежду», «отстающие» и «аутсайдеры», оказалось в два раза больше,

чем при анализе процесса первичной модернизации (16 ед.). Более подробно агрегированные данные по динамическим моделям индексов модернизации регионов представлены в таблице 3.

Таблица 3. Распределение регионов России по динамическим моделям модернизации

Модель	По индексу первичной модернизации	По индексу вторичной модернизации	По индексу интегральной модернизации
Звезды	14	11	5
Претенденты	21	10	16
Надежные	19	12	11
Импульсивные	13	17	10
Догоняющие	2	11	14
Подающие надежду	5	10	7
Отстающие	6	7	11
Аутсайдеры	3	5	9

Из представленной таблицы видно, что распределение регионов по динамическим моделям относительно индекса интегральной модернизации выглядит менее оптимистично. Количество регионов со значениями индекса ниже среднероссийского составляет 41 ед. Оказалось также, что ни один регион России не смог обеспечить позитивную динамику по всем трем видам модернизации. Лишь Мурманская и Томская области «заслужили» определения регионов-звезд по индексу первичной и вторичной модернизации, в то время как в отношении интегральной модернизации эти субъекты России являются лишь регионами-претендентами на лидерство.

В целом изучение динамики процессов модернизации показало, что около 40% регионов смогли достичь сравнительно стабильного роста индексов. Для остальных характерны резкие изменения уровня модернизации. Больше чем для половины регионов темпы прироста индексов превышали средний по стране уровень.

В ближайшие годы большинство регионов России, окончательно завершат процесс перехода к индустриальному обществу. Это остро поставит проблему обеспечения высоких темпов роста вторичной модернизации, осуществление которой будет невозможно без значительных изменений общественной и политической жизни общества.

Источники

1. Информационная система «Модернизация» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mod.vscs.ac.ru>. (дата обращения: 20.06.2013)
2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина / Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011.

И.Ф. Печеркина,
Тюмень

Самоидентификация в процессе конструирования социальной реальности*

В современной социологии, помимо объективных критериев измерения социальной стратификации – дохода, образования, профессиональной принадлежности, положения в системе власти, в качестве дополнительного критерия используется самооценка социального и материального положения индивидов. Такой подход, называемый «субъективным», основывается на принципе «самоидентификации», т.е. учитываются мнения самих индивидов относительно того, к какому социальному слою они принадлежат.

На характер социальной самоидентификации могут оказывать влияние самые разные факторы, вплоть до настроения респондента и его самочувствия в день опроса. Важно знать, какие рациональные доводы оказывают влияние на субъективное восприятие индивидом своего положения в социальной иерархии.

Во-первых, нельзя не согласиться, что в основе социальных оценок лежит принцип социального сравнения с «другими» – оценка собственного социального положения во многом исходит из сопоставления своей жизни с жизнью окружающих, доступного «большинства», референтной группы или некоего социального стандарта. Об этом говорит тот факт, что на уровне своего поселения индивиды, как правило, оценивают себя выше, чем в масштабах региона или всей страны (рис. 1)¹.

В своем населенном пункте, сравнивая свою жизнь с жизнью окружающих (а скорее «круга взаимодействия»), индивид видит, что многие живут так же, как он, в тех же условиях, имеют те же проблемы, отсюда

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-03-00304 а.

¹ В качестве эмпирической базы использованы материалы исследования, проведенные в соответствии с типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона» ЦИСИ ИФ РАН, разработанной под руководством чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф. Н.И. Лапина и д.социол.н., проф. Л.А. Беляевой.

более позитивные оценки своей жизни. В масштабе страны сравнение происходит не с реальными людьми, а с неким социальным стандартом потребления, транслируемым СМИ (жизнь публичных людей, образ жизни кино- и рекламных героев). Отсюда при оценке собственного положения на уровне региона и страны происходит существенное сужение слоев среднего и выше и увеличение доли тех, кто относит себя к слоям ниже среднего.

Кроме того, чем больше масштаб сравнения, тем больше доля тех, кто не смог соотнести себя с определенной позицией в социальной иерархии и уклонился от ответа. Причем в подгруппах «высший слой» и «слой выше среднего» доля затруднившихся с ответом о своей социальной идентификации на уровне страны – наибольшая. Резко понижают свой статус при увеличении масштабов сравнения госслужащие, сельская интеллигенция, предприниматели, значительно уменьшается доля среднего слоя в подгруппах ИТР и рабочих (см. табл. 3).

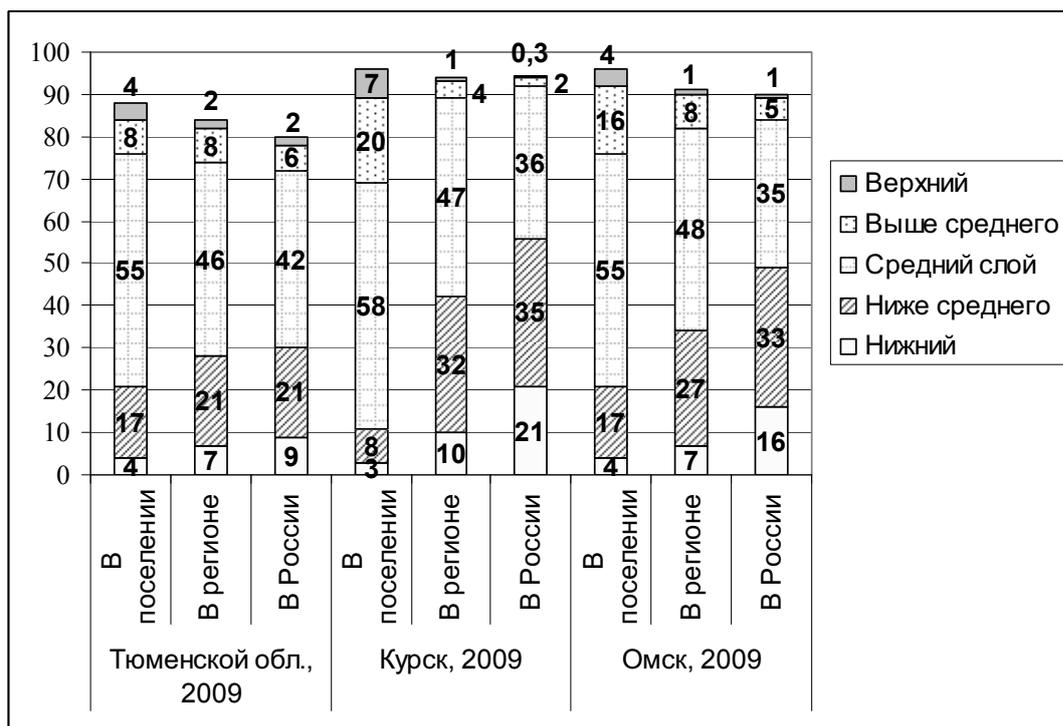

Рисунок 1. Динамика самоидентификации респондентами своего социального положения в масштабе поселения, региона, всей страны (% от числа опрошенных; на рисунке не отражены варианты «нет ответа», «не знаю»)

Рассмотрим изменение скорости снижения среднего слоя с увеличением масштаба сравнения в разных регионах страны – Тюменской, Курской и Омской областях². При первом увеличении масштаба сравнения (переход от поселения к региону) средний слой во всех рассматриваемых территориях уменьшается в пределах 13–19%. Однако при переходе от поселения к сравнению в масштабе страны здесь разница между территориями уже существенна – доля среднего слоя в Тюменской области уменьшается на 24%, в Курской – на 38%, Омской – на 36%.

Таким образом, для населения Тюменской области самые большие проблемы несовпадения социальной реальности происходят на уровне поселения-регион. При переходе на этот уровень средний слой уменьшается сразу на 16%, а уже изменение среднего слоя при переходе регион-страна не так существенно – 9%. Для населения Курской и Омской областей конфликт возникает как между позиционированием себя в локальном сообществе и на уровне регионе (изменение среднего слоя – 19 и 13% соответственно), так и восприятием себя в масштабе региона и страны (изменение среднего слоя при переходе регион-страна – 23 и 27%).

Можно предположить, что разница в самоидентификации на разных уровнях это результат сравнения: 1) качества жизни в рамках своего локального сообщества с качеством жизни в регионе; 2) качества жизни в своем регионе с качеством жизни во всей стране. В этом случае можно сделать вывод: тюменцы оценивают свой регион в масштабах страны скорее положительно и чувствуют себя в масштабах страны достаточно уверенно, а жители Курской и Омской областей проводят четкое различие между своим положением в рамках местного, локального сообщества, регионального сообщества и социальной позицией в масштабе страны.

Сопоставление самооценок социального положения и ответов на вопрос: «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?» – показало, что зависимость между этими двумя переменными также существует. Респонденты, позитивно оценивающие качество жизни в своих регионах по сравнению с соседними регионами, в целом несколько выше оценивают свой статус, и их представления о своем положении в социальной иерархии меняется

² Доля среднего класса в этих областях примерно одинакова – 23-25% от численности населения (средний класс выделен по трем признакам: образование, уровень жизни, самоидентификация со средним слоем в масштабах региона). Однако уровень жизни (средняя зарплата, средний размер пенсий, средние потребительские расходы) в Тюменской области существенно выше, чем в Курской и Омской.

не так значительно в зависимости от масштаба сравнения (поселение – регион – страна), как это происходит в подгруппах, хуже оценивающих качество жизни в своем регионе, чем в соседних (табл. 1).

Таблица 1. Самооценка принадлежности к социальному слою в зависимости от ответов на вопрос: «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?», %*

К какому слою себя причисляете?	Масштаб сравнения	Группы, в зависимости от ответов на вопрос: «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?»		
		В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних	По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, с другими – хуже	В нашем регионе люди живут хуже, чем в соседних регионах
Высший слой + слой выше среднего	Поселение	20	16	19
	Регион	13	10	11
	Страна	10	8	12
Средний слой	Поселение	50	52	37
	Регион	46	41	28
	Страна	42	34	20
Слой ниже среднего + нижний слой	Поселение	16	17	26
	Регион	19	25	29
	Страна	22	31	36

* Здесь и далее в качестве эмпирической базы использованы материалы исследования в Тюменской области в 2013 г. Объем выборки – 3054 человек. Исследование осуществлено в соответствии с типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона» ЦИСИ ИФ РАН, разработанной под руководством чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф. Н.И. Лапина и д.социол.н., проф. Л.А. Беляевой.

Так, доля среднего слоя в подгруппе респондентов, которые считают, что жители их региона живут лучше, чем в других, уменьшается с 50% на уровне поселения до 42% на уровне страны. В то время как в подгруппе «В нашем регионе люди живут хуже, чем в соседних регионах» на уровне поселения причисляют себя к среднему слою 37%, а на уровне страны – уже почти в два раза меньше – 20%. Доля слоев «нижнего» и «ниже среднего» увеличивается в первой подгруппе с 16 до 22%, а во второй – с 26 до 36%. Исключение составляют слои «высший» и «выше среднего», которые стремительно «худеют» с увеличением масштаба сравнения, вне зависимости от относительной оценки качества жизни в регионе. Это можно расценить как то, что верхние слои чаще сравнивают себя с референтными группами, находящимися в столицах, публичными людьми, которые практикуют иные, чем в провинции, стандарты жизни и образцы потребления. А средние слои больше склонны сравнивать свою жизнь с окружением поближе.

Еще одним фактором, способным оказывать влияние на самооценку социального положения, является сравнение с собственным положением в прошлый период времени (рис. 2). Те, кто отмечает улучшение своей жизни, как правило, относят себя к средним и выше социальным слоям (так, в подгруппе «стали жить намного лучше» таковых 78% на уровне поселения, 53% – на уровне страны; в подгруппе «стали жить несколько лучше» – 77 и 52% соответственно). А респонденты, считающие, что они стали жить хуже, значительно ниже оценивают свое социальное положение (так, в подгруппе «стали жить несколько хуже» к среднему социальному слою и выше отнесли себя 55% на уровне поселения и 35% – на уровне страны; в подгруппе «стали жить намного хуже» – 42 и 20% соответственно).

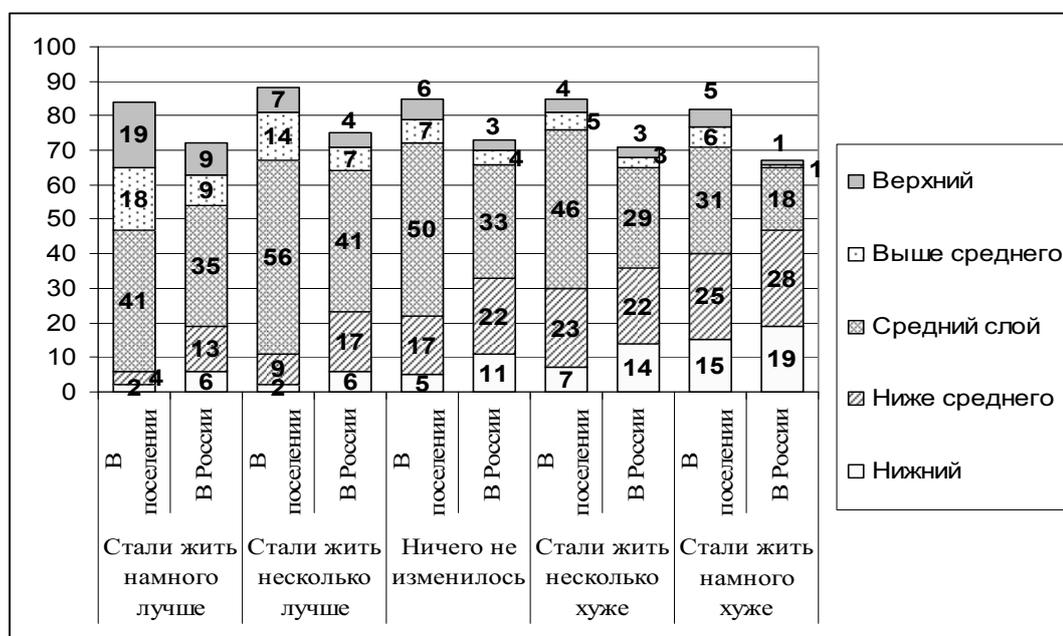

Рисунок 2. Самоидентификации респондентами своего социального положения в масштабе поселения и всей страны в зависимости от ответов на вопрос: «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» (% от числа опрошенных в подгруппе)

Логично предположить, что важным фактором, оказывающим существенное влияние на мироощущение людей, является их материальное положение. В нашем исследовании материальное положение оценивалось через субъективное самопричисление к одному из шести выделенных социально-экономических слоев (табл. 2).

Таблица 2. Самооценка материального положения

Варианты ответов	Тюменская область, 2013 г.	Условные слои
Денег не хватает на повседневные затраты	8	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	13	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	15	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	31	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи, машины	26	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	5	«Богатые»

Коэффициент корреляции Спирмена между самооценкой материального положения и самооценкой социального статуса составляет 0,334 и является максимально значимым³ $r = 0,000$. Т.е. представления людей о собственном месте в социальной иерархии в значительной мере зависят от самооценки материального положения (рис. 3).

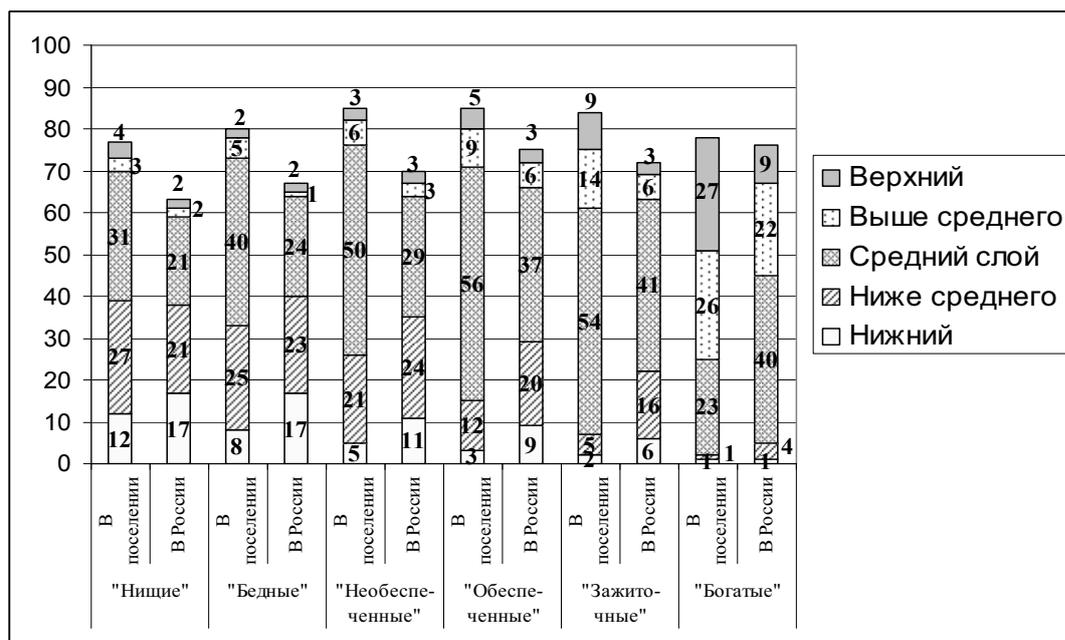

Рисунок 3. Самоидентификации респондентами своего социального положения в масштабе поселения и всей страны в зависимости от оценки своего материального положения (% от числа опрошенных в подгруппе; на рисунке не отражены варианты «нет ответа», «не знаю»)

³ Здесь и далее коэффициент корреляции Спирмена рассчитан между переменными «самоидентификация с социальным слоем в своем городе (селе)» и рассматриваемой переменной (в данном случае – самооценкой материального положения).

Значимым в определении субъективных оценок социального положения является и фактор должностного статуса: во-первых, кем работают респонденты – коэффициент корреляции Спирмена 0,109 при максимальной значимости; во-вторых, наличие и число подчиненных на основной работе – коэффициент корреляции Спирмена составляет 0,135 при максимальной значимости $p = 0,000$.

Полученное образование также учитывается респондентом при определении своего статуса (0,418 при $p = 0,015$). Исключение составляет молодежь до 23 лет.

При оценке своего статуса в масштабе страны имеет значение тип поселения, в котором проживает респондент (коэффициент корреляции Спирмена составляет 0,051 при значимости $p = 0,025$). Кроме того, в крупном и среднем городе социальная самоидентификация носит более устойчивый характер при изменении масштаба сравнения (табл. 3).

Таблица 3. Самооценка социального статуса в зависимости от типа населенного пункта, %

К какому слою себя причисляете?	Масштаб сравнения	Тип населенного пункта				
		Деревня, село	Поселок городского типа	Малый город (до 100 тыс.)	Средний город (100–500 тыс.)	Крупный город (более 500 тыс. жит.)
Высший слой + слой выше среднего	Поселения	14	15	18	21	14
	Региона	9	6	10	14	10
	Страны	5	6	8	10	9
Средний слой	Поселения	47	55	49	46	50
	Региона	32	39	38	43	44
	Страны	26	34	30	40	40
Слой ниже среднего + нижний слой	Поселения	22	13	17	16	21
	Региона	32	25	24	18	24
	Страны	38	22	30	23	29

Таким образом, конструируя социальную реальность и сопоставляя себя с тем или иным социальным слоем, респондент учитывает те же самые объективные критерии определения класса, которые используют социологи: величину дохода, характер деятельности, образование. Однако представление о конфигурации социальной реальности на уровне своего населенного пункта и в масштабе всей страны у респондента существенно отличается. Даже в таком благополучном регионе, как Тюменская область, где треть населения отметила, что «живут лучше, чем

в соседних регионах» и только 6% считают, что «живут хуже», существует некоторое противоречие в представлениях о стандартах жизни на уровне своего поселения и страны в целом.

Возможно, это всего лишь проявление «комплекса провинциальности», извечная социальная зависть к жизни в столицах, результат социального сравнения с образом жизни «публичных людей», т.е. некоторый результат естественного процесса определения характеристик «ближнего и дальнего» социального пространства. Однако существенное различие в самооценках на разных уровнях — это следствие неравенства между территориями, субъективное восприятие такого неравенства и в какой-то степени оценка своего локального сообщества и региона в масштабе всей страны. На наш взгляд, такое несовпадение социальной реальности на уровнях поселение — регион — страна может стать одним из поводов для возникновения напряженности в социальном пространстве.

Источники

1. Беляева, Л.А. Напряжения социального пространства в России и ее регионах и проблемы модернизации / Л.А. Беляева // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», 22–25 октября 2012 г. / Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. — Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. — С. 24–37.
2. Курская область в динамике социокультурных изменений: монография / Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец, Т.Г. Кульсеева, А.А. Телегин. — Курск: ООО «Учитель», 2011. — 232 с.
3. Социокультурный портрет Омской области / Сост. и общ. ред. В.С. Половинко. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. — 396 с.

Е.Д. Разгулина,
Вологда

Социализация бизнеса как необходимое условие развития регионов России

При переходе российской экономики к модели социально ориентированного развития важнейшей задачей экономической политики является приоритетное решение социальных проблем. Формирование в России социального государства предполагает создание такой политической системы, в которой каждому гражданину гарантирован достойный уровень жизни и широкий набор социальных благ. При этом социальные гарантии обеспечиваются путем государственного регулирования экономики (прежде всего крупного бизнеса), налоговой политикой, достижением интеграции власти, бизнеса и общества [2].

В то же время социально-экономическое развитие территорий в определяющей степени зависит от организации управления и активности участия в этих процессах субъектов экономической деятельности [5]. Усиливающееся в последние годы влияние крупных компаний на экономическое развитие страны обуславливает необходимость привлечения бизнеса к формированию социально-экономической политики государства, а также разработки согласованных с ним действий, направленных на внедрение социально ориентированных моделей поведения. Решение поставленных задач связано с формированием соответствующих институциональных основ взаимоотношений бизнеса, общества и власти. Одним из таких механизмов эффективного сотрудничества должна стать корпоративная социальная ответственность.

Международная конференция по устойчивому развитию, состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, стала поворотным пунктом, зафиксировавшим новые требования со стороны мирового сообщества к корпорациям по повышению их социальной ответственности. Данная конференция явилась мощным импульсом активизации изучения роли крупных компаний в решении социальных проблем, а также разработки на корпоративном, национальном и международном уровнях программных политических документов, определяющих сферы социальной ответственности и социальные функции бизнеса [1].

На государственном уровне в России впервые о социальной ответственности бизнеса было заявлено в выступлении Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании Правления Торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ, что нашло свое отражение в Постановлении Правления ТПП РФ «О социальной ответственности бизнеса в современной России» от 23 декабря 2003 г. №71-7, где прозвучал призыв к участию в решении наиболее острых и неотложных социальных проблем, стоящих перед страной.

В отличие от ряда европейских стран, в России корпоративная ответственность является добровольной. Основным российским документом, характеризующим и регламентирующим социально ответственное поведение предприятий, является «Социальная хартия российского бизнеса», разработанная Российским союзом промышленников и предпринимателей в 2004 г. С целью обобщения коллективного опыта ответственной деловой практики компаний, базирующейся на принципах Социальной хартии российского бизнеса, и продвижения основ социализации бизнес-структур Союзом промышленников и предпринимателей создан банк корпоративных практик социальной направленности компаний, действующих на территории Российской Федерации. По данным на II квартал 2013 г. в библиотеке зарегистрировано 252 программы (корпоративные практики) 125 компаниями различных отраслей экономики (табл. 1). Всего к Социальной хартии присоединились 246 организаций [3].

Таблица 1. Практика российских компаний в области корпоративной социальной ответственности

Отраслевая принадлежность компаний	Кол-во компаний	Программы			
		Всего	направленные на работников компании	направленные на внешнее сообщество	кодексы, политики, стандарты
Нефтегазовая	17	51	22	17	12
Энергетика	18	29	14	10	5
Металлургическая и горнодобывающая	18	41	28	10	3
Производство машин и оборудования	18	26	20	3	3
Химическая, нефтехимическая, парфюмерная	9	18	8	4	6
Деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	1	1	1		
Производство пищевых продуктов	4	14	6	4	4

Окончание таблицы 1.

Телекоммуникационная	5	7	3	4	
Финансы и страхование	8	17	6	6	5
ЖКХ и бытовое обслуживание	2	4	1	1	2
Розничная торговля	2	3	2	1	
Транспорт и дорожное хозяйство	10	22	13	3	6
Общественное питание, гостиничное хозяйство	1	1	1		
Строительство	3	6	3	3	
Сельское и лесное хозяйство	3	5	2	3	
Образование, наука, культура	2	2	1	1	
Прочие виды услуг	4	5	4	1	
Итого	125	252	135	71	46

Как показывает анализ, наибольшее внимание российские компании уделяют таким вопросам социальной политики в отношении работников, как: повышение квалификации и образование, система мотивации, охрана здоровья и улучшение условий труда, добровольное медицинское страхование, корпоративные пенсионные фонды и пр. Что касается их участия в развитии территорий присутствия, то оно осуществляется через инвестиционные программы технической модернизации, экологические программы, а также благотворительность и спонсорство. Следует подчеркнуть, что вклад компаний в социально-экономическое развитие территорий пока остается крайне малым, предпринимательский сектор явно недостаточно участвует в обеспечении социальных потребностей общества.

Проблематика институционализации корпоративной социальной ответственности в России в первую очередь связана с неэффективностью государственных механизмов регулирования и отсутствием цивилизованных механизмов общественного давления и на бизнес, и на власть; отсутствием общественных механизмов формирования и артикуляции запросов общества. Главные проблемы дальнейшего эффективного развития социальной ответственности бизнеса в России проистекают из-за слабо оформленного публичного спроса на социальную активность частного сектора: общественный запрос не сформулирован, публичные представления о справедливости искажены, круг стейкхолдеров сводится в основном к государству и собственникам, слабы механизмы публичного информирования и общественного признания социальной деятельности компаний [2].

Итак, одним из факторов, сдерживающих процесс социализации бизнеса, является отсутствие необходимых институциональных условий (финансовых, инфраструктурных, информационных). Особенно остро эти проблемы стоят в регионах России, в большинстве которых бизнес-сообщество еще не перешло к использованию социальной отчетности в качестве стратегического императива действий. Лишь в некоторых российских регионах приняты соответствующие документы в области корпоративной социальной ответственности (табл. 2).

Таблица 2. Инструменты региональной экономической политики в области корпоративной социальной ответственности

Регион	Инструменты региональной экономической политики
Саратовская область	Постановлением Правительства Саратовской области «О добровольной корпоративной социальной ответственности организаций в Саратовской области» от 07.03.2008 №88-П утверждена методика и порядок определения ежегодного рейтинга добровольной корпоративной социальной ответственности организаций.
Иркутская область	Правительство Иркутской области, Иркутское региональное отделение работодателей «Партнерство товаропроизводителей и предпринимателей» и Иркутское областное объединение организаций профсоюзов проводят областной конкурс «За высокую социальную эффективность и развитие социального партнерства» на основе совместно разработанного положения. Цель проведения конкурса – привлечь внимание к решению социальных вопросов и распространить положительный опыт победителей и лауреатов в данной сфере, поощрить данные организации.
Ростовская область	Союзом работодателей Ростовской области, региональным отделением РСПП разработан и принят «Кодекс социально ответственного бизнеса Ростовской области», где сформулирована основная миссия бизнеса – достижение устойчивого развития самостоятельных и ответственных предприятий, отвечающего долгосрочным экономическим интересам бизнеса, способствующего безопасности и благополучию жителей Ростовской области, сохранению окружающей среды, соблюдению прав человека.
Воронежская область	Принят «Стандарт корпоративной социальной ответственности предприятий Воронежской области», главной целью которого является формирование системного видения корпоративной социальной ответственности и активизация социально ответственного поведения предприятий Воронежской области.

В развитых странах корпоративная социальная ответственность является необходимым и обязательным условием осуществления бизнеса, в то время как в России она только начинает внедряться. Для стимулирования этого процесса необходима система мер со стороны государства, направленная на расширение круга участников социальной ответственности бизнеса. Одним из инструментов на этом пути может быть государственно-частное партнерство. Расширить партнерство бизнеса и власти возможно путем создания комфортных условий для развития предпринимательской среды [6].

Конечно, определяющая роль в создании экономики благосостояния отводится государству, тем не менее только государственных средств недостаточно. И здесь, как нам представляется, одним из важнейших инструментов создания социально ориентированной экономики являются социальные инвестиции, представляющие собой форму финансовой помощи, выделяемой компанией на реализацию долгосрочных и, как правило, совместных партнерских программ, направленных на снижение социального напряжения в регионах присутствия компании и повышение уровня жизни и человеческого потенциала различных слоев общества. Однако данный вид деятельности в России осложнен в связи с отсутствием единого представления о социальных инвестициях и бессистемным подходом к нему, а также отсутствием общепринятых стандартов публичной социальной отчетности компаний [4].

В этой связи весьма полезным может оказаться мировой опыт социализации бизнеса. Многие правительства (Италия, Великобритания, Норвегия и др.) не только используют меры экономического характера, но и оказывают комплексную информационную, методическую, исследовательскую поддержку, принимают самое активное участие в формировании институциональной среды социально ответственного поведения бизнеса. Разнообразный характер участия государства в продвижении принципов социально ответственного предпринимательства в западных странах служит аргументом в пользу целесообразности использования этого опыта в России. Однако простое копирование западных стандартов без учета российской специфики не может являться успешным решением проблемы. Для отечественной практики требуется формирование новых подходов к социальной ответственности бизнеса с максимальным учетом последствий проведенных в России трансформационных преобразований. В процессе приватизации крупные бизнес-структуры сосредоточили в своих руках основную часть национального богатства, но при этом не приняли на себя соответствующей доли ответственности за социально-экономическое развитие страны.

Наконец, еще одна причина, вызывающая необходимость разработки и институционализации концепции социальной ответственности бизнеса, связана с глобализацией, усиливающей влияние крупных компаний на социально-экономическое развитие территорий. Национальные государства постепенно утрачивают способность независимо формировать внутреннюю социально-экономическую политику, уступая место

транснациональным корпорациям. Пагубные для устойчивого развития регионов социальные и экологические последствия деятельности мощных транснациональных структур можно предотвратить только путем согласованных действий власти и бизнеса, направленных на постепенное формирование социально ориентированных моделей их поведения и, как следствие, повышение качества жизни российского общества.

Источники

1. Глебова, И.С. Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом: учебное пособие / И.С. Глебова. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008. – 113 с.
2. Джинджолия, А.Ф. Институциональные формы проявления социальной ответственности российского малого бизнеса / А.Ф. Джинджолия, А.Б. Авидзба // Вестник экономической интеграции. – 2012. – №9. – С. 36.
3. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/simplepage/476>
4. Социальная ответственность бизнеса и развитие территорий / А. Барабанов, Е. Разгулина // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – №5. – С. 73-81.
5. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
6. Uskova, T.V. Social responsibility of Russian business: theoretical vision and practical implementation / T.V. Uskova, E.D. Razgulina. – Transfer inovácií: Slovak Republic.

Н.Г. Семедова-Полупан,
Чебоксары

Об основных стратегических направлениях социокультурной модернизации Чувашии*

Сегодня Чувашия – это не та Чувашия, которая была до осени 2010. Это республика, которая пережила смену руководителей субъекта, смену административных центров республики, муниципальных образований. Изменилось многое: изменились люди, векторы развития по всем направлениям жизнедеятельности.

Так, рассматривая политические установки и политическое поведение населения, нельзя не заметить разницу в уровне доверия населения республики к региональным институтам власти по сравнению с предыдущим исследованием (табл. 1).

Таблица 1. Уровень доверия населения Чувашской Республики к региональным институтам власти (% от числа опрошенных)

Институт	Доверяю		Трудно сказать		Не доверяю	
	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.
Суд	50	44,2	27	22	20	33,8
Президент	59	44,2	19	23,2	18	32,6
Профсоюз	32	25,5	33	29,9	27	44,6
Прокуратура	41	40,7	30	23,8	24	35,5
Милиция (полиция)	31	30,0	26	21,6	40	48,4
Правительство	46	37,5	26	27,4	24	35,1
Региональные отделения политических партий	21	16,5	32	28,3	38	55,2
Парламент	32	29,3	34	30,6	26	40,1
СМИ (печать, радио, телевидение)	38	31,4	25	25,1	34	43,5
Муниципальные органы	-	31,4	-	25,1	-	43,5

Возросла готовность жителей Чувашии принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека (табл. 2).

Остается только задуматься, почему увеличилось в 4 раза количество отказавшихся от ответа на вопрос: «Часто ли Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?», а затруднившихся ответить – почти в полтора раза (табл. 3).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный портрет Чувашской Республики 2006–2012». Грант №12-03-00232.

Таблица 2. Жители Чувашской Республики о своей готовности принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека), %

Уровень готовности	Город		Село		Всего	
	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.
Готов	11,9	15,8	13,7	16,6	12,6	16,2
Пожалуй, готов	18,5	20,8	19,1	18,9	18,7	19,8
Пожалуй, не готов	17,0	20,5	9,3	13,9	14,0	17,2
Не готов	39,3	22,3	35,1	25,0	37,7	23,7
Нет ответа, затрудняюсь	13,3	16,1	22,8	22	17,0	19,0
Отказ от ответа	-	4,5	-	3,7	-	4,1

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Часто ли Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006 г.	2012 г.
Лично не сталкивались	68,9	68,4
Изредка	21,5	18,2
Часто	4,0	4,3
Затруднились ответить	4,9	6,3
Отказались от ответа	0,7	2,8

Растет и количество незащищенных, по мнению самих опрошенных, от социальных опасностей (табл. 4).

Таблица 4. Жители Чувашской Республики о своей социальной защищенности от социальных опасностей, %

Виды опасностей	Защищен		Трудно сказать		Не защищен	
	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.
Преступность	22,5	19,7	27,1	25,8	50,4	54,5
Бедность	27,2	21,5	25,7	26,0	47,1	52,5
Экологическая угроза	35,5	24,4	26,2	36,1	38,3	39,5
Произвол чиновников	28	17,9	33,9	35,3	31,5	30,7
Произвол правоохранительных органов	34,6	25,4	34,8	35,9	30,6	51,3
Притеснения из-за возраста и пола	60	56,6	24,1	28,4	15,9	15
Преследования за политич. убеждения	60,5	44,3	30,1	38,0	9,4	17,7
Ущемление из-за национальности	76,6	66,7	17,5	24,6	5,9	8,7
Притеснения за религ. убеждения	76,4	68,6	19,4	25,5	4,2	5,9

Наиважнейшим аспектом государственной политики является здоровье населения. В Чувашской Республике создана комплексная система охраны здоровья и социальной защиты населения, основу которой составляет программно-целевой подход, предполагающий нормативно-правовую, финансовую, материально-ресурсную и кадровую поддержку

для решения наиболее актуальных проблем здравоохранения. Так, в 2012 году родилось на 1307 младенцев больше, чем в 2011 году; возросло число повторных рождений; снизился коэффициент смертности; увеличилась ожидаемая продолжительность жизни населения до 69,66 года. Продолжительность жизни мужчин составила 63,44 года, женщин – 76,17 года, снизился коэффициент младенческой смертности. По результатам социологического опроса (в июле–сентябре 2012 года опрошена 1000 чел. в 40 населенных пунктах) почти 44% оценивают состояние своего здоровья как нормальное. Продолжает оставаться высокой неудовлетворенность государственным медицинским обслуживанием (62,1 и 40,8% среди городского и сельского населения соответственно неудовлетворены возможностью попасть к врачу, их не устраивают большие очереди, а также выписка лекарств, которые потом невозможно купить; большие трудности вызывает получение места в больнице). Вместе с тем 22,9% горожан и 42,5% сельских жителей в целом удовлетворены качеством медицинского обслуживания.

Таким образом, последовательная реализация государственной политики в Чувашии способствует стабильности политической, экономической, социальной ситуации, стабилизации показателей рождаемости, снижения материнской, перинатальной, младенческой смертности, внедрению принципов здорового образа жизни.

Н.Д. Серeda,
Вологда

Экспертсорсинг как инновационная технология прогнозирования развития региона

Констатируя актуализацию для устойчивого социально-экономического развития страны и ее регионов в средне- и долгосрочной перспективе прогнозирования, выбора научно-технологических приоритетов, отметим, что задачей государства при этом является координация формирования научно-технологического модуля посредством «мягких» способов управления, среди которых особое значение имеют кластерная политика и форсайт (от англ. foresight – предвидение). Форсайт понимается как технология долгосрочного прогнозирования крупномасштабных процессов, основанная на коллективных экспертных оценках, получаемых от различных социальных групп, готовых активно участвовать в реализации прогноза [4], формирования приоритетов и мобилизации большого количества участников для достижения качественно новых результатов в сфере науки и технологий, экономики и общества в интересах роста уровня конкурентоспособности и достижения социального консенсуса. Цель форсайта – определение возможного будущего, создание желаемого образа будущего и определение стратегий его достижения.

По мнению специалистов (например, [1]), идеология форсайта заключается в тезисе: будущее развитие можно не просто предсказать, а конструировать в наиболее желаемом варианте. Особое значение для оценки вариантов будущего имеет экспертный анализ, в связи с этим в целях формирования наиболее полной и адекватной картины к форсайтингу обычно привлекается большое число экспертов (иногда несколько тысяч). Набор инструментов форсайта постоянно расширяется и охватывает сегодня десятки как традиционных, так и новых экспертных методов, как количественных, так и качественных и синтетических (однако обычно применяется комбинация различных методов), в числе которых интервью, метод Дельфи (Delphi), SWOT-анализ, мозговой штурм, моделирование, разработка сценариев, анализ взаимного влияния, экстраполяция, составление технологических дорожных карт, деревьев соответствий (релевантности), определение критических технологий, мор-

фологический анализ, ролевые игры, обзоры литературы, семинары, конференции, формирование фокус-групп и экспертных панелей, ряд других.

Технологический форсайт, когда метод используется для разработки перспектив в развитии научно-технической сферы, и форсайт в сфере бизнеса (корпоративный, рыночно ориентированный) в той или иной степени уже около полувека имеет место быть как в развитых странах – Японии, США, Канаде, Великобритании, Нидерландах, Германии, Франции, Швеции, Австрии, Дании, Чехии, ЮАР и других, так и в странах с переходной экономикой. Экстраполяция методов технологического форсайта, т. е. методов выбора приоритетов в сфере науки и технологий, на решение задач социально-экономического развития территорий привела в 1980-е годы к использованию форсайта также для стратегического планирования общественно-политического (социального), тематического и территориального (в т. ч. регионального) развития. Наиболее успешными (в глобальных рамках) считаются форсайт-проекты Барселоны, Стокгольма, Штутгарта, Питербора, Дублина. В настоящее время страны, вступающие в Евросоюз, обязаны разрабатывать региональные форсайты. В России практика территориального стратегического планирования как альтернатива административному планированию начала складываться с середины 1990-х годов в независимых аналитических центрах (МЦСЭИ «Леонтьевский центр», Фонд «Институт экономики города»). В настоящее время в России начато или планируется осуществление территориального форсайта в Иркутской области, Пермском крае, Башкортостане и др.

В качестве субъектов территориального форсайта [6] могут выступать тысячи участников, принадлежащих к ряду разнообразных структур и организаций, физические и юридические лица, действующие на данной территории: администрации региона и муниципальных образований, университеты, предприятия, торгово-промышленная палата, местные средства массовой информации, промышленные ассоциации, гражданские институты, общественные организации, граждане. Здесь тоже важную роль играет то, на что ориентирован проект: если деятельность социального и территориального характера, то активизируются научное сообщество, коммерческие структуры, региональная и муниципальная власть и самые широкие слои общества.

Поскольку форсайт часто требует существенных расходов и сопряжен со сложной координацией, мировой опыт демонстрирует предпочтитель-

ность в некоторых случаях создания рабочих групп из стейкхолдеров и экспертов. Деятельность рабочих групп в определенные моменты осуществляется параллельно с широкими консультациями с использованием таких методов, как анкетирование, конференции, семинары и встречи с общественностью. Последние играют очень важную роль, поскольку позволяют с большей долей вероятности представить перспективы реализации территориального форсайта.

В связи с этим в определении перспектив развития территории, предвидения будущего региона подчеркнем особое значение экспертов и такой технологии, как экспертсорсинг.

Термин «сорсинг» (от англ. *sourcing*) используется как обобщающий для различных видов использования ресурсов в организации с целью оптимизации той или иной деятельности, а также обозначает инструмент менеджмента, повышающий эффективность и маневренность управления за счет трансформации части процессов организации и используемых ими активов в промежуточные продукты с устойчивыми характеристиками. Теоретически обоснованы и практически апробированы уже несколько моделей сорсинга. Существует (по Б.Б. Славину [5]) обусловленная закономерность в развитии известных моделей сорсинга: социально-экономическому созреванию общества соответствует приоритетная технология управления ресурсами организации.

Так, когда в ремесленную эпоху все производство было сосредоточено в одних руках – в руках ремесленника, можно говорить о реализации модели «селфсорсинг» (от англ. *selfsourcing*); сегодня термин применяется для обозначения условий, когда предназначенное для функционирования разрабатывается за счет ресурсов и кадров самой организации. Разделение труда в индустриальную эпоху привело к появлению и активной реализации модели «инсорсинг» (от англ. *insourcing*), значимого инструмента менеджмента, повышающего эффективность и маневренность управления – за счет передачи части процессов организации в выделенное самостоятельное подразделение. В постиндустриальную эпоху, когда происходит интенсивное развитие сферы сервиса, а сервис в свою очередь способствует модернизации социальных отношений и экономическому росту, обеспечивая такие важнейшие тенденции, как улучшение качества жизни, увеличение скорости каналов коммуникации, формирование представлений о приоритете партнерских отношений между организациями и необходимости корпоративной социальной ответственности, стала актуальной модель «аутсорсинг» (от англ. *outsourcing*),

важный инструмент менеджмента, также повышающий эффективность и маневренность управления — за счет передачи части процессов организации на обслуживание другой организации, специализирующейся в данной сфере. В информационную эпоху, когда в огромном темпе реализуется доступ населения к обмену информацией, организуется информационно-коммуникационная среда, позволяющая людям легко общаться друг с другом и легко объединяться, произошло формирование модели «краудсорсинг» (от англ. crowdsourcing).

В настоящее время, когда одним из условий эффективного социально-экономического развития является способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям, а также степень вовлеченности граждан в добровольные (неформальные) объединения на основе доверия и взаимодействия, именно краудсорсинг предполагает прямое взаимодействие субъекта с широким кругом лиц — аудиторией, не имеющей прямого отношения к деятельности субъекта. При этом выбор аудитории происходит естественным образом, поскольку субъект не просто транслирует сообщение о себе и своих проблемах на ту аудиторию, которая, как он считает, влияет на его развитие, а предлагает сотрудничество, выражает желание совместно осуществить действие/решить конкретную задачу/разрешить конкретную проблему. Таким образом, эффективность данной модели сорсинга основывается на заинтересованности людей в сотрудничестве, поиске ими объектов самореализации. В свою очередь, социализация населения через краудсорсинг ведет к ускорению инновационных процессов в обществе в целом.

Продуктом краудсорсинга являются предложения в ответ на просьбу о поиске решения, которые впоследствии обрабатываются экспертами для отбора наиболее полезных. Именно в социальном пространстве краудсорсинг является одной из перспективных технологий для формирования публичного капитала, поскольку стимулирует мотивацию и активность общественности. Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что субъект, использующий эту технологию, создает условия широкому кругу лиц для приобретения опыта взаимодействия с ним, что также способствует формированию общественного консенсуса.

Однако сегодня, когда, с одной стороны, существуют новые коммуникационные возможности взаимодействия, а с другой — необходимо создание в короткое время сложных проектов, разработка стратегий развития или выхода из кризисной ситуации, целесообразно использовать потенциал организованного экспертного сообщества, что логично

обозначить как модель «ноосорсинг» (от греч. noos – разум) [5] или «экспертсорсинг» («expertsourcing») [<http://crowdsourcing.ru/article/6-companies-crowdsourcing-our-education>]. Данная модель является логическим развитием модели «краудсорсинг», представляя собою экспертную (по аналогии с социальной) сеть квалифицированных специалистов, членами данных сообществ становятся специально отобранные профессионалы в конкретных сферах, обязательно из научной среды, при этом требуется отбор и фильтрация их участников; выработка более сложных систем их рейтингования; выявление и учет их уровней компетенции; осознание роли фасилитаторов. Кроме того, важно выделять типы ресурсов сорсингов по их назначению – в каких целях они используются: модернизация управления, разрешение кризиса, другое.

Таким образом, экспертсорсинг обеспечивает объективность, научный подход, широту рассмотрения, независимость, непредвзятость, «свежий» взгляд на проблему, учет социальных, а не ведомственных/политических ожиданий, стимулирует мониторинг мировых тенденций. Форсайт ориентирован не только на создание сценариев, рекомендаций и т. п., важным результатом является развитие неформальных взаимосвязей между их участниками, создание единого представления о ситуации. За рубежом формирование горизонтальных сетей и площадок, в рамках которых учёные, специалисты, преподаватели вузов, представители бизнес-сообщества и властных структур могут систематически обсуждать общие проблемы, и стимулирование общественной активности рассматривается как один из главных социально значимых эффектов.

В то же время трудно не согласиться со специалистами, которые констатируют, что в России, с одной стороны, существует определенная недооценка потенциала экспертного сообщества и его эффективности, а с другой – подмена широкого экспертного сообщества общественными и иного рода советами, его «зауживание», а также мнимая опора на экспертизу, выводы которой на конечном этапе заменяются административным решением.

Однако форсайт – более комплексный подход, чем традиционное прогнозирование [2], в том числе для региона. Прогнозы обычно вырабатываются гораздо более узким кругом экспертов, как правило, ученых, чем в рамках форсайта, который всегда подразумевает участие многих экспертов из всех сфер деятельности, в той или иной степени связанных с тематикой конкретного форсайта, и иногда проведение опросов опре-

деленных групп населения, непосредственно заинтересованных в решении обсуждаемых проблем. Существенное отличие форсайта от традиционного прогнозирования – нацеленность на разработку практических мер по приближению выбранных стратегических ориентиров, поскольку в результате форсайта оцениваются не перспективы развития вообще, а перспективы развития, которые могут быть достигнуты при вложении определенных средств и организации конкретной работы, а также вероятные эффекты для социально-экономического развития территории. Выбор стратегии развития территории, произведенный на основе последовательности широких экспертных консультаций, позволит предвидеть самые неожиданные пути развития событий, учитывать возможные угрозы.

Представляется, что в условиях, когда комфортность жизни в регионе и его конкурентоспособность все меньше зависят от его населенности или размера его территории и все более – от его инновационной активности и уровня инновационности развития, от реализации знания в производстве (экономика знания) и человеческом потенциале, для определения стратегии формирования будущей социальной реальности и социокультурной модернизации территории следует использовать инновационные технологии, среди которых основанный на экспертсорсинге форсайт.

Источники

1. Бочко, В.С. Рассеянное знание и проблема скоординированного развития экономики / В.С. Бочко // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2010. – №3(29).
2. М. ди Чезаре. Региональный форсайт [Электронный ресурс] / М. ди Чезаре // Отраслевые рынки. – 2007. – №3-4(14). – Режим доступа: <http://www.virtass.ru>
3. Международный научно-образовательный форсайт-центр ИСИЭЗ НИУ / Высшая школа экономики: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://foresight.hse.ru/whatforesight/>
4. Региональный Форсайт – возможности применения в России: стенограмма «круглого стола», 22.10.2010 г. / Институт современного развития. – Режим доступа: http://www.virtass.ru/admin/pics/24_04_IO.pdf
5. Славин, Б.Б. Эволюция моделей сорсинга и ноосорсинг / Б.Б. Славин. – Режим доступа: Sourcing%20evolution%20Information%20Management%204%202012.pdf
6. Третьяк, В.П. Форсайт в вопросах и ответах / В.П. Третьяк. – М.: ГУУ, 2007.
7. Швецов, А. Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения / А. Швецов // Российский экономический журнал. – 2009. – №3-4.
8. Центр стратегических исследований и разработок: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://foresight.sfu-kras.ru/node/48>

М.М. Стыров,
Сыктывкар

Экономическое развитие: размышления о целях и ценностях

При изучении экономических явлений и процессов большое научное удивление вызывает факт непрерывного *развития*, которое состоит в последовательном расширении и усложнении сферы хозяйственной деятельности человека. Повсюду человек стремится более полно удовлетворить естественные потребности, сделать более комфортной среду обитания, увеличить телесные и умственные способности, разнообразить внешние впечатления, избавиться от страданий и болезней. Проявляющееся в этих устремлениях хозяйственное развитие можно считать одной из сущностных черт человека, в природе подобного не наблюдается.

Одним из крупнейших мыслителей, стремившихся осознать и философски изложить проблему развития хозяйства, был протоиерей профессор Сергей Булгаков. В своём труде «Философия хозяйства» (1912) он видит смысл экономического развития в основном в трех направлениях: естественная биологическая борьба за ресурсы, процесс самореализации человека в творческой деятельности над природой и осуществление некоторого высшего трансцендентного творческого замысла о мире [1, с. 84, 90, 170-171]. Итак, хозяйственное развитие имеет вполне определенное назначение и оказывается благом для человека постольку, поскольку воспринимается как благо сама жизнь.

Но с другой стороны, и именно в этом заключается авторский интерес к данной проблеме, столь же очевидно, что хозяйственное развитие является благом не безусловным, не самодостаточным. Примеры многочисленны: чрезмерное отдаление человека от естественной природной среды и даже разрушение её самой, специфические «цивилизационные» душевные и телесные недуги, межличностная разобщенность, девальвация смысла жизни из-за чрезмерных попечений о материальной стороне бытия, усиление неравномерности и цикличности развития и т.д.

Эти противоречия между идеальным видением хозяйственного развития и его практическим осуществлением особенно усилились в XIX–XX вв. с переходом экономического развития многих стран в фазу сверхбыстрого роста. Наряду с впечатляющими успехами в покорении природы, развитии медицины, внедрении всеобщего образования и социальной защиты с огромной остротой встали проблемы социальные, экологические, а главное – антропологические. Приблизил ли этот промежуток времени нашу цивилизацию к пониманию того, каким и для чего должен быть человек, в чём цель его бытия? Вопрос риторический.

Наше время – эпоха потребления. Это очевидно и общепризнанно. Приведем несколько характерных цифр. Лишь за десять лет, с 2001 по 2011 г., в расчете на одного человека величина денежных доходов населения России увеличилась в 2,5 раза, число зарубежных туристических поездок – в 7,4 раза, в т.ч. в Египет – в 11, Турцию – в 5 раз; количество предметов в домашних хозяйствах: телевизоров – в 1,5 раза, автомобилей – в 2, компьютеров – в 8, кондиционеров – в 10 раз. Почти две трети (64%) всех преступлений связаны с экономической сферой: кража, разбой, грабеж, мошенничество, незаконный оборот наркотиков. При этом разница в доходах 10% самых богатых и самых бедных граждан составляет 17 раз, что вдвое больше нормального уровня [2]. Современное потребление удваивается за считанные годы, приближаясь к кривой бесконечного роста [3]. В XXI в. происходит переход от экономики масштабов к экономике разнообразия, что меняет форму, но не меняет самой сути общества потребления.

Всё это заставляет задуматься об идейных основаниях хозяйственной эволюции, попытаться найти и обозначить те грани, которые отделяют нормальное экономическое развитие от нездорового, созидательное от потребительского и разрушительного.

Прежде чем перейти к решению этой задачи, нужно пояснить, что любая наука представляет собой ограниченную область знаний, нуждается в определенных идейных предпосылках или верованиях, которые не могут быть логически обоснованы ей самой, т.к. находятся за пределами рационального познания. Наука не способна их обосновать и опровергнуть, она может лишь принять те или иные из них как аксиому и на их фундаменте возводить своё здание логических построений, способствующее реализации на деле этих ненаучных положений. Вопрос о целях экономического развития относится как раз к данной области.

Сам находясь вне границ рационального научного поиска, он тем не менее оказывает огромное влияние на всю ценностную установку теории и практики хозяйствования.

Превалирующая идейная основа современной экономики в наиболее общем виде такова. С началом секуляризации и Реформации начинает складываться и к XX в. окончательно оформляется общество, в котором высшие духовные интересы уступают место идеалу земного благополучия, хотя бы и широко понимаемому: материального достатка, безопасности, отсутствия страданий и болезней, социальной справедливости и т.д. Получает мощный импульс научно-технический прогресс, а экономическая наука обращает все свои усилия на поиск инструментов и методов достижения данной цели, иначе говоря – на решение задачи экономического роста. Это, по мнению многих исследователей, и является глубинной духовной предпосылкой стремительного развития человеческой цивилизации в Новейшее время. Так, академик РАН С.Ю. Глазьев пишет: «Духовное состояние «*Noto oeconomicus*», вся мотивация которого сводится к максимизации прибыли, оказалось весьма эффективным толчком для развития экономики ... и стало ведущим двигателем экономического подъема протестантских обществ, который вывел европейскую цивилизацию из средневековой спячки на путь быстрого экономического роста» [4].

К началу XXI в. несостоятельность прежней парадигмы «потребительского» развития по вышеназванным причинам стала весьма заметной. Экономическая наука по сравнению с первыми двумя десятилетиями рыночных реформ всё чаще стала обращаться от поиска *способов* обеспечения экономического роста к осмыслению его *целей и ценностей*, пересмотру его идейных оснований. Вопросы духовности и нравственности стали играть всё большую роль в работах учёных-экономистов. «Главное – жить по правде, тогда богатство и процветание придут. Рассмотрение экономической свободы как главного фактора хозяйственного развития при бездуховности способно разрушить общество» – так считает академик РАН В.Л. Макаров [5, с. 234-235], и его можно считать выразителем настроения многих специалистов. Усиливается внимание к многовековому опыту культуры и мировых религий, который мог бы дать твердую идейную основу новой эпохи развития хозяйства. **По аналогии с физикой и другими естественными науками, в экономике, возможно, назревает некий синтез научного и ненаучного знания, способный преодолеть ограниченность того и другого и привести человечество к целостному и ответственному восприятию мира.**

Попытаемся и мы, опираясь на православное христианское мировоззрение, обозначить грани, отделяющие здоровое экономическое развитие от нездорового.

Первая такая грань, на наш взгляд, кроется в дилемме «цель-средство». *Экономическое развитие никогда не должно быть самодовлеющей ценностью, не должно рассматриваться как высшая и достаточная цель земной жизни человека, но призвано всегда быть средством, служить другому, высшему идеалу.* И поскольку оно служит ему, способствует его достижению — постольку оно оказывается полезным и благим. Т.е. критерий правильности экономического развития не в нём самом, а в его соотнесённости с вышестоящей целью.

Цель жизни человека не может состоять лишь в самой жизни, в самом существовании ради себя самого, она должна позиционироваться вне конкретной личности. Христианство видит эту цель в деятельной любви и обретении единства человека с Творцом и с другими людьми, причем эти два вектора неразрывно связаны: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12, 30-31).

Поэтому когда экономическая сфера развивается и это развитие служит достижению данной цели — улучшается культурная и коммуникативная среда, появляется возможность сократить объём физического труда в пользу духовных интересов, увеличиваются масштабы милосердия и взаимопомощи как проявления любви, сокращаются бедствия и страдания и т.д. — это является благом. Если же точка приложения энергии человека находится в нём самом, лишь в его чувственных (вкус, зрение, осязание) и низших душевных (тщеславие, властолюбие, накопительство и т.д.) удовольствиях, в обустройстве жизни не как Школы, но как места, где будем «есть, пить и веселиться, ибо завтра умрём», то это неверное, губительное содержание экономической деятельности.

Когда материальные интересы занимают в системе ценностей человека неподобающее — господствующее вместо служебного — место, тем самым теряется свобода духа, и человек фактически начинает служить вещам, вместо того чтобы они служили ему и его намерениям. Трагедия в том, что ложная цель роста ради самого роста, не увязанная с высшими идеалами, фиктивна, виртуальна. Достижение некоторой её сту-

пени (доходности, благосостояния) даёт человеку лишь кратковременное удовлетворение, а затем манит к новым вершинам, в результате чего человек оказывается «белкой в колесе».

К сожалению, приходится констатировать, что в современной хозяйственной системе зачастую складывается именно такая ситуация: рост понимается как самодостаточное благо, не обосновывается никакими вышестоящими идеалами или оправдывается сомнительными. Таковы, на наш взгляд, многочисленные исследования факторов экономического роста, не сопровождаемые размышлениями об использовании его плодов; такова привычная трактовка цели деятельности предприятия как «роста объёмов продаж», «максимизации прибыли» и «повышения благосостояния акционеров» без чёткого осмысления возможностей применения этих результатов; таковы многие государственные программы и стратегии развития, в которых задачи роста благосостояния стоят на первом месте и слабо увязаны с решением конкретных проблем.

Итак, экономическое развитие обретает свой смысл лишь в качестве средства реализации более высоких целей. В этой связи нужно еще раз подчеркнуть, что важно не только наличие этой внешней цели, но и, безусловно, её суть, содержание. Иначе говоря, необходим анализ *намерений*, с которыми совершается то или иное практическое действие. *Все объекты деятельности человека, в т.ч. и относящиеся к экономической сфере, нравственно нейтральны, не являются сами по себе благом или злом, но становятся тем или иным в зависимости от свободной воли человека, стремления употребить их на созидание или на разрушение.* «В самой природе вещей нет зла. Зло есть лишь следствие греховной, злой воли и заключается не в вещах, а в извращенном, неправильном пользовании ими», — пишет проф. Николай Фиолетов [6, с. 228].

Правда, и само различение добра и зла не всегда очевидно и легко, оно требует непрерывного духовного совершенствования и развития способности рассуждения. И второе: добрые намерения еще не гарантируют благих последствий, как это показал пример атомных электростанций, поэтому прогресс должен соответствовать мере ответственности человека, его способности полноценно управлять создаваемыми искусственными объектами. Иными словами, неразумно уповать на решение всех существующих проблем общества лишь за счёт развития науки и техники, не обеспечивая это адекватным прогрессом в моральном облике людей.

Идеология «потребления» видит если и не смысл, то одну из главных ценностей человеческой жизни во всё более полном удовлетворении материальных потребностей. Более того, классическая формула предпринимательства «спрос рождает предложение» уже трансформировалась в маркетинговый девиз «предложение рождает спрос», т.е. развитие экономики нацелено уже не только на удовлетворение естественных потребностей, но и на создание новых. Не это ли привело к ценностной опустошённости современного человека и бесчисленным экологическим проблемам?

Православное же восприятие мира состоит в том, что материальный достаток сам по себе не делает человека счастливее: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имущества» (Лк. 12, 15). Для здоровья как тела, так и души не только не следует увеличивать потребности, но, напротив, ограничивать их, упражняться в воздержании.

Следующая идейная установка, позволяющая различать «правильное» и «неправильное» экономическое развитие, — это анализ его влияния на других людей и природную среду. *Устойчивым является лишь такое развитие, которое, создавая жизнь одного, не разрушает жизни других.* Очевидно, как с этой точки зрения следует оценивать хищническое истребление многих видов животного и растительного мира в последние столетия, переход к выработке энергии за счёт невозобновляемых источников, повсеместное экологическое загрязнение и т.д.

В более широком смысле, при анализе экономического развития одних субъектов (людей, предприятий, регионов, стран) следует обращать внимание и на динамику благосостояния окружения. Правильное развитие должно как минимум не ухудшать, а в идеале — происходить гармонично со всем внешними и внутренними сторонами, и не только живущими, но и будущими. Если же развитие происходит не за счёт своего труда, но за счёт ресурсов окружения (обнищания определённых социальных групп, снижения прибыли или банкротства предприятий-партнёров, отставания в развитии соседних стран и т.д.), то оно, во-первых, безнравственно, а во-вторых, как показывает практика, саморазрушительно, подрывает экономический и социальный базис собственного существования непомерно растущего субъекта.

К сожалению, именно такой искажённый вариант экономического развития очень распространён в наше время на всех уровнях — от лич-

ностного до глобального, о чём свидетельствуют зашкаливающие показатели дифференциации доходов населения, огромная неравномерность в рентабельности и платежеспособности предприятий, резкие различия в социально-экономическом положении городов и регионов (особенно по линиям «центр—периферия» и «город—село») и целых стран. Конкретные формы и механизмы возникновения и поддержания такого процветания одних за счёт других могут быть различны: от «законных» рыночных ценовых механизмов до монополизма и построения локальных и глобальных финансовых пирамид, а в крайнем проявлении — прямого открытого или тайного присвоения чужого имущества преступным путём.

Частным случаем такого «паразитарного» развития является приобретение материальных благ без адекватной трудовой отдачи, без приложения собственных усилий к созданию ценностей (конечно, это не касается объективно нетрудоспособных членов общества). Таких примеров сегодня множество: ростовщичество (получение сверхдоходов от предоставления денежного капитала), спекуляции на товарных и финансовых рынках, тунеядство и недобросовестный труд, взяточничество и т.д. Наверное, здесь наиболее ярко проявляется сущность того, что именуется потребительским отношением к действительности: желание получить больше, чем отдавать.

Как пишет о.Сергий Булгаков, в труде есть две стороны — объективная и субъективная, труд является не только источником материальных благ, но и «живой связью, мостом, выводящим я в мир реальностей и неразрывно соединяющим его с этим миром» [1, с. 126]. В наше время понятие труда зачастую сужается лишь до одной его стороны — производительной, причём эта сторона возводится в ранг высшей ценности. Вторая же сторона, заключающаяся в самореализации и самовоспитании человека, сильно нивелируется, а иногда и совершенно игнорируется. В своём крайнем развитии это искажение приводит к существованию сверхдоходного законного или незаконного «бизнеса»: от продажи алкогольных напитков и табачных изделий до незаконной торговли оружием, наркотиками и т.д.

Но, как уже было отмечено, даже если развитие происходит исключительно за счёт собственного созидательного труда без истощения ресурсов других членов общества и природной среды, оно должно отвечать ещё одному важному условию: плоды его должны быть доступны не только самому субъекту хозяйствования, но и разделяться с теми, кто по каким-

либо причинам не может получать столь же высокие доходы и прибыль: дети, пожилые, больные, люди с ограниченными возможностями, занятые на общественных работах и в сфере нематериального производства. В противном случае успехи наиболее сильных и способных членов будут приводить к росту лишь их собственного благосостояния, а значит — к росту неравномерности, увеличению разрыва между богатыми и бедными.

Ещё одна из глубоких предпосылок гипертрофированного научно-технического прогресса и развития экономики, по-видимому, кроется в неправильном отношении людей (а следовательно, и социальных групп, регионов, стран) друг к другу. Призванные жить в мире и согласии, совместно трудиться и справедливо разделять плоды этого труда, люди нередко следуют законам животной борьбы за выживание, становятся соперниками в борьбе за ресурсы, почести и власть, а экономику рассматривают как полигон для осуществления этого нездорового соперничества. Может и должен происходить поиск лучших способов выполнения работы, организации производства, но он не должен становиться средством доминирования, господства сильных над слабыми, не может ставиться выше принципов взаимопомощи, сострадания, справедливости.

Подведём итог нашим рассуждениям:

- экономическое развитие есть повсеместный и непрерывный процесс расширения и усложнения хозяйственной деятельности, имеющий своей целью защиту жизни человека как биологического существа, его трудовую и творческую самореализацию, а также совершенствование самой природы и приведение её вместе с собой к некой запредельной цели;
- современный этап развития хозяйства характеризуется резким увеличением темпов роста материального благосостояния, исходная предпосылка чего видится в переориентации интересов от духовных ценностей к идеалам земного благополучия;
- в современном варианте развитие хозяйства носит во многом искажённый характер, не отвечающий интересам самого человека и заключающийся, во-первых, в утрате из поля зрения высшей цели, оправдывающей экономический рост, и бессмысленной трактовке последнего как главной и самодостаточной ценности, во-вторых, усиливающимся разрыве единства людей друг с другом и с окружающим миром и возникающими отсюда обогащением одних за счёт других и за счёт разрушения

природы, сильной ориентацией экономического развития на эгоистическое удовлетворение низших потребностей, а также нездорового и губительного соперничества;

- исправление отмеченной неудовлетворительной ситуации возможно не теми или иными преобразованиями социального устройства, но в первую очередь посредством личного духовно-нравственного преобразования каждого человека, приведения им своей воли в согласие с другими людьми, окружающей средой и высшими целями мироздания, а также посильного совершенствования мира вокруг себя;

- необходима новая парадигма научно-технического и социально-экономического развития, синтезирующая в себе лучшее из духовного опыта человечества с возможностями современной науки и практики, способная обеспечить гармоничное существование человека на Земле и реализацию им своего предназначения.

Источники

1. Булгаков, С. прот., проф. *Философия хозяйства* / С. Булгаков // *Собрание сочинений в двух томах.* – Т. 1. – М.: Наука, 1993. – 608 с.

2. Центральная база данных Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbds.gks.ru>

3. Панфилов, В.С. Трансформация производственного механизма мировой экономики и перспективы социально-экономического развития России / В.С. Панфилов // *Проблемы прогнозирования.* – 2012. – №4. – С. 3-20.

4. Глазьев, С.Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии – важнейший ресурс возрождения России / С.Ю. Глазьев // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки* / Под ред. О.Т. Богомолова. – М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 440 с. – С. 406-421.

5. Макаров, В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов / В.Л. Макаров. – М.: Бизнес Атлас, 2010. – 272 с.

6. Фиолетов, Н.Н. Очерки христианской апологетики / Н.Н. Фиолетов // *Клин: Христианская жизнь*, 2007. – 288 с.

С.А. Храпов, Ю.А. Жигульская,
Астрахань

Кризис общественного сознания как социокультурный фактор ограничения модернизации современной России

Современные исторические процессы формируют совершенно иной тип социальности, кардинально отличающийся от всех предыдущих этапов общественного развития. В основе его формирования лежат два основных исторических процесса. Первый из них представлен глобализацией – процессом становления единого мирового экономического, культурного и политического пространства. Второй значимый фактор состоит в том, что в эпоху постиндустриализма в западном мире и Японии были заложены основы социальных систем, основным вектором развития которых является производство информации (знаний) и информационное регулирование общественной организации.

Возникает правомерный вопрос о том, каково же состояние российского социума в этом новом историческом контексте. Совершенно ясно, что распад СССР и проблемы модернизации объективно выступают для России более значимыми историческими условиями, чем процессы мирового социального развития. Несмотря на то, что в последние годы темпы экономического развития России увеличились, справедливость требует отметить, что до сих пор социальная динамика нашей страны имеет «догоняющий характер» по отношению к США, Евросоюзу и Японии. Особенно актуально стоят вопросы дифференциации, поляризации экономического и социокультурного развития регионов России, что и стало предметом уникальных исследований коллектива Центра изучения социокультурных изменений РАН во главе с членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным [6, 7].

Ориентированность внешней политики и общественных преобразований на западные ценности и идеологемы, развитие демократических институтов, либерализация экономики, географические и природные ресурсы, научный и культурный потенциал обеспечивают достаточно сильную интеграцию постсоветской России в процессы формирования глобального мира. В этих условиях общественное сознание как социо-

культурный феномен находится в ситуации парадоксального сочетания кризисных тенденций, выражающих и определяющих модернизацию постсоветской России, становление ее антропосоциетальной системы.

В исследовании роли общественного сознания в модернизации постсоветской России необходимо учитывать все линии социального, культурного, антропологического развития. Трансформацию общественного сознания следует рассматривать в контексте тех экономических, политических, социальных, культурных преобразований, которые формируют реальность постсоветского общества. В условиях глубоких структурных преобразований социальная реальность и общественное сознание нашей страны объективно переполнены кризисными явлениями и тенденциями. Учитывая их сложность, мы полагаем методологически оправданным введение и прояснение ряда категорий анализа, выступающих для нас в качестве инструментария для решения заявленных проблем [11].

Кризисные тенденции общественного сознания постсоветской России представляют собой специфические типы выражения социокультурной динамики, а также сопряженные с ними и фиксированные на уровнях общественного сознания образы, ценностные ориентации, адаптационные стратегии и идентификационные стили, демонстрирующие устойчивость функционирования и выражающие его тяжелое переходное состояние.

Ценностные ориентации общественного сознания — объективизированные в процессе социокультурного развития и зафиксированные в общественном сознании социально значимые образы и установки, регулирующие поведение социальных субъектов.

Адаптационные стратегии общественного сознания — объективизированные в процессе социокультурного развития и зафиксированные в общественном сознании представления социальных субъектов о способах адаптации, регулирующие их деятельность в конкретном типе социальности.

Идентификационные стили общественного сознания — объективизированные в процессе социокультурного развития и зафиксированные в общественном сознании представления о наиболее распространенных способах идентификации с социально привлекательными образами.

Факт кризисной трансформации общественного сознания нашей страны подтверждают многие ученые. В частности, крупный современный социальный мыслитель Ж.Т. Тощенко отмечает следующие: «Мета-

морфозы могут охватывать как общественное сознание в целом, так и отдельные его виды, формы, а также механизмы его функционирования. Причем эти метаморфозы могут отражать как отдельные сдвиги и изменения, происходящие в сознании, так и самое причудливое их сочетание. Они – своеобразный результат деформаций общественного сознания, знаменующий появление его превращенных форм на всех уровнях социальной организации общества – макро-, мезо- и микросреда. Но, несомненно, еще одно – современные метаморфозы появляются и возникают не сами по себе, а при определенных травмирующих условиях, складывающихся задолго до того, как они оформятся в некую целостность, становящуюся заметным явлением в общественной жизни» [9, с. 4].

Трансформация общественного сознания постсоветской России проходит очень сложно. Ясно, что в целом наличие этих процессов обусловлено крахом советской и тяжелым процессом формирования постсоветской социальной системы. Общество постоянно изменяется; именно наличие изменений есть показатель его существования как социальной реальности. В обществе и общественном сознании постсоветской России активизировались трансформационные процессы: вестернизация ценностных ориентаций населения, институционализация власти по западному образцу, становление независимых политических партий, плюрализация и легитимизация форм собственности и т.п. Данные конструктивные изменения являются неоспоримым фактом и для мировой общественности.

Но изменения, как известно, различны по качеству, масштабам и последствиям, коренная трансформация российского общества настолько изменила политические, экономические и социокультурные формы проявления социальности, что позволила провести жесткое разделение на советский и постсоветский типы, хотя ясно, что подобное деление достаточно условно и выполнено на структурном уровне, поскольку до сих пор «советское» парадоксально существует как в общественной и культурной жизни, так и в общественном сознании, часто скрываясь за новыми дефинициями и формами.

Парадоксальные представления в общественном сознании постсоветской России можно объяснить следующим: 1) утрачены социально-экономические гарантии, которые при их минимуме в период СССР давали человеку чувство безопасности; 2) на индивидуальное сознание обрушился поток новой информации, для осмысления которой нужно

не только время, но и разъяснительная позиция государства, а она была крайне слаба; 3) формирование постсоветского общества привело к осознанию значительными массами населения социального положения, которое в большинстве случаев их не устраивало; в результате советские характеристики сознания существенно изменились или нивелировались, а новые еще не зафиксировались общественной реальностью; данная ситуация характеризуется неясностью и неопределенностью социального положения и способствует тому, что общественное сознание часто проявляется как маргинальное и ложное; 4) трансформации общественной жизни и общественного сознания сигнализировали человеку, что «по-старому» жить нельзя; соответственно необходимо вырабатывать новые поведенческие стратегии. При этом в обществе обострились риски всех уровней. Противоречивость постсоветского российского общества и сознания проявилась и в сочетании возрождения классового общества и в интеграции в глобальные процессы новообразования социальных систем. Особенно актуальным представляются противоречия между элитарными и массовыми типами сознания, федеральным, окружными центрами и регионами, муниципальными образованиями.

В этом историческом контексте актуальна мысль известного социального мыслителя У. Бека о том, что: «Неравенство классового общества и неравенство общества риска, могут, следовательно, наслаиваться, обуславливать друг друга, одно может порождать другое. Неравномерное распределение общественного богатства представляет практически неустраиваемые лазейки и оправдания для производства рисков» [1, с. 53].

Кризис российского общества в период последнего десятилетия советской власти был следствием системного неравновесия, одним из оснований которого было постоянно «будирование» советским государством традиционалистских ориентаций социокультурного пространства. Необходимость системных изменений воплотилась в перестройке, идеологии которой совершили массу ошибок, основной из которых было использование «старых административных методов» в «новых условиях». Так, А.А. Галкин отмечает: «Судя по всему, процесс становления современной социальной структуры в России происходит не столько путем замещения старых структурных элементов новыми, но гораздо сложнее — в результате наложения одной структуры на другую, их взаимодействия и противостояния. Видимо, складывающаяся социальная структура, даже если она приобретет более определенные, устойчивые формы, далеко не

во всех чертах будет совпадать со структурной, существующей в развитых странах Запада. Из этого, а не из ориентации на заимствованные извне модели, должна исходить российская социальная политика» [3, с. 61].

Неверно думать, что трансформация российского общества и общественного сознания и их кризисные тенденции обусловлены лишь распадом СССР. Ясно, что здесь проявился комплекс факторов, носящих более глобальный характер. Назовем лишь основные: всемирные процессы глобализации, участие России в которых неизбежно, затем структурно-функциональные закономерности, имманентные преобразованиям любой системы. Чрезвычайно важным является и сопряженность данных социальных преобразований с явлениями и процессами динамики социокультурного пространства.

Тысячелетняя российская культура, разумеется, не может изменить свои базовые структуры и темпоритм за двадцать лет, но это не означает, что никакой культурной реакции не будет. Российская история знает примеры таких кардинальных социальных преобразований (эпохи Крещения Руси, Петра I, революции 1917 г.), помнит и их последствия (в отличие от многих современных политиков). В ответ на революционные изменения разрушаются система ценностей, меняется вектор социокультурной идентичности, деформируется система сопряженности духовных феноменов и социального познания (общественное сознание, социальная память, социальное бессознательное, менталитет). Возникший духовный вакуум быстро заполняется суррогатом идеологием, ценностей и установок. В этих условиях общественное сознание постсоветской России находится в «расколоте» парадоксальном состоянии, уязвимом для различных манипуляций. Все это существенно ущемляет его потенциал как духовного феномена, «выражающего» и «опосредующего» основные тенденции общественной жизни [13, 14, 15, 16].

Осмысливая социальные условия трансформации общественного сознания, не стоит забывать и роли человека в данных процессах. Этот аспект важен и в том плане, что именно человек является носителем общественного сознания и основным актором всех социальных трансформаций. Интересной в этом плане представляется монография крупного социолога и философа Л.А. Беляевой [2].

Социальная адаптация является условием перехода общества от состояния реформирования, трансформации к устойчивому типу общественного развития. Качество адаптации выражается в типах группового и массового сознания, общественного мнения, отражающих готовность

принять новые социально-экономические, политические и социокультурные условия существования в качестве параметров повседневности (академик В.И. Жуков, Г.И. Осадчая, М.К. Горшков, Р. Крумм) [4, 8].

Наша страна, стремясь стать равноправным субъектом мировой политики и экономики, проводит либеральные реформы, постулируя ценность индивидуализма. При несомненном достоинстве либеральных ценностей и институтов демократии, которые заложили потенциал успешного социального развития, необходимо отметить парадоксальную ситуацию распространения явлений крайнего индивидуализма – социальной атомизации, когда личность замыкается в своих личных интересах и потребностях, ставя их выше групповых и общественных. Российское общественное сознание конструктивно отреагировало на провозглашенную политику демократизации и гласности, первых шагов на пути демократизации (гласность, выборность руководителей, плюрализм предпринимательства, легализация различных форм собственности и др.). Но методы реализации этих проектов в основном остались прежними: сработали ментальные «имперские» установки и советский принцип кулуарного принятия решений. Перестройка и дальнейшие либеральные реформы сформировали и способствовали проявлению новых явлений общественного сознания, отражающих его кризисную тенденциозность (например, сверхценность потребления, интолерантные установки, деформация традиционных идентификационных образов). Все это привело к негативным последствиям, отразившимся в массовом поведении.

Рассматривая проблему соотношения реформирования российского общества и трансформации общественного сознания, на наш взгляд, необходимо определить потенциал для подобных преобразований. Так академик Т.И. Заславская отмечает, что «этот потенциал зависит от институционального устройства, социальной структуры, человеческого потенциала и культурно-политических особенностей общества. В нем можно выделить три компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный. Реформаторский потенциал общества определяется, в первую очередь, установками и деятельностью элит, включая верхний слой бюрократии... Социально-инновационный потенциал общества зависит в первую очередь от мощности, социального качества и характера соответствующей деятельности слоев, располагающих хотя и меньшими, чем элиты и субэлиты, но все же достаточно ощутимыми экономическими, политическими и культурными ресурсами. Что касается адаптационного потенциала общества, то он зависит, в первую оче-

редь, от объективного положения, установок, деятельности и поведения рядовых граждан страны – крестьян, рабочих и служащих, массовой интеллигенции» [5, с. 3-4]. Как здесь видно, академик Т.И. Заславская рассматривает трансформационный потенциал исходя из структурного деления граждан общества в соответствии с их возможностями участия в социальных преобразованиях. Значимая роль первых двух социальных слоев несомненна, ибо они и являются креативным аккумулятором всех реформ. Адаптационный же потенциал массового слоя часто недооценивают, что приводит ко многим кризисным явлениям как в общественной жизни, так и в общественном сознании. Недооценка «массового человека» как основного носителя общественного сознания, культурной идентичности и стилей социального поведения, с одной стороны, и отчуждение массового сознания от политических процессов – с другой, приводят к торможению трансформации; в целом порождает многие кризисные тенденции общественного сознания, а поскольку данная «особенность» имманентна всей истории России, то ее явно можно отнести к социокультурным ограничениям модернизации России [10, 12].

Подводя итоги, отметим следующее.

Во-первых, трансформация общественного сознания в условиях становления постсоветского российского социума имеет объективно кризисный характер. Мы полагаем концептуально и прагматически оправданным использование категории «Кризисные тенденции общественного сознания постсоветской России», которые представляют собой специфические типы выражения социокультурной динамики, а также сопряженные с ними и фиксированные на уровнях общественного сознания образы, ценностные ориентации, адаптационные стратегии и идентификационные стили, демонстрирующие устойчивость функционирования и выражающие его тяжелое переходное состояние.

Во-вторых, трансформация общественного сознания в условиях модернизации постсоветского российского социума проявляется в кризисном, искаженном сочетании содержательных и структурно-функциональных новообразований с огромным пластом традиционалистских параметров социокультурного пространства.

В-третьих, трансформация общественного сознания в условиях становления постсоветского российского социума проявляется в парадоксальном сочетании универсальных (структурно-функциональных, системных, глобальных) и национальных (современных, историко-культурных) механизмов и характеристик модернизации.

Источники

1. Беляева, Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития / Л.А. Беляева / Институт философии РАН. – М.: Академия, 2001.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.
3. Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания (круглый стол) // Социологические исследования. – М.: Наука, 1998. – №12. – С. 48-61.
4. Жуков, В.И. На рубеже тысячелетий: социология отечественных преобразований (1985–2005 годы) / В.И. Жуков. – Москва: Изд-во Российского гос. социального ун-та, 2008. – 937 с.
5. Заславская, Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция: монография / Т.И. Заславская. – Москва: Дело, 2002. – 568 с.
6. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., МФРАН, 2010. – 135 с.
7. Лапин, Н.И. Проблема социокультурной трансформации / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – М.: Наука, 2000. – №6. – С. 3-17.
8. Российская повседневность в условиях кризиса: монография / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – Москва: Альфа-М, 2009. – 270 с.
9. Тощенко, Ж.Т. Метаморфозы общественного сознания: методологические основы социологического анализа / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – М.: Наука, 2001. – №6. – С. 3-15.
10. Храпов, С.А. Антропологический фактор становления потребительской направленности общественного сознания современной России / С.А. Храпов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология и социальные технологии. – Волгоград: Издательство ГОУ ВПО ВолГУ, 2009. – №1. – С. 52-57.
11. Храпов, С.А. Кризисные тенденции общественного сознания современной России: Монография / С.А. Храпов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 144 с.
12. Храпов, С.А. Социокультурная динамика общественного сознания постсоветской России: Монография / С.А. Храпов. – М.: Социально-политическая мысль, 2010. – 160 с.
13. Храпов, С.А. Становление представлений о кризисных тенденциях общественного сознания постсоветской России / С.А. Храпов // Ученые записки РГСУ. – М.: ОРПИ РГСУ, 2009. – №3 – С. 164-172.
14. Храпов, С.А. Трансформация общественного сознания современной России: социокультурные основания и кризисные тенденции / С.А. Храпов // Социальная политика и социология. – М.: ОРПИ РГСУ, 2008. – №3 – С. 231-245.
15. Храпов, С.А. Трансформация сознания российского общества в контексте его социокультурной динамики / С.А. Храпов // Власть. – Москва: ООО Редакция журнала «Власть». – 2009. – №9. – С. 50-53.
16. Храпов, С.А. Трансформация сознания российского общества в контексте социально-экономической динамики потребления / С.А. Храпов // Власть. – Москва: ООО Редакция журнала «Власть». – 2010. – №2. – С. 56-58.

М.М. Юсупов,
Грозный

Социокультурные изменения в городском пространстве

Города являются движущей силой и одновременно средой развития научно-технического, экономического, социального прогресса, социокультурных трансформаций в обществе. Они аккумулируют социокультурный опыт, задают стандарты и направления обновления социальной жизни.

За последние 20 лет в стране произошел переход от социалистического типа экономики к капиталистической, изменилась ранее относительно однородная социальная структура, углубилась социальная дифференциация, сформировалась новая система организации и регулирования социальных отношений. Эти процессы интенсивно протекают в городах, особенно в крупных мегаполисах, которые превращаются в результате высокой социальной и миграционной мобильности в мультикультурные пространства. И поэтому в определении стратегии социокультурной модернизации исключительное значение имеет изучение социально-функциональной природы городского пространства.

Методы. Городская социокультурная общность исследуется специалистами разных отраслей знаний с позиции выявления социально-психологических, территориальных, историко-культурных, социологических аспектов. В изучении города применяют разные методологические подходы – институциональный, деятельностный, коммуникативный и другие.

В советские годы явно были выражены два подхода: технократический, рассматривающий город как планируемое пространство организации производства и общественного быта, и органический, воспринимающий город как саморазвивающийся социум. В наши дни среди урбанистов популярностью пользуется семиотическая концепция, которая помогает объяснять природу социальных и культурных явлений через топонимику, знаки ландшафта и архитектуры [1]. Знаки и их символичные смыслы оказывают влияние на формирование ментальности, патриотизма горожан. Социально ориентированным является течение, назы-

ваемое новым урбанизмом. Его сторонники считают главным в проектах градостроительства предусматривать создание удобств человеку, приспособление инфраструктуры к потребностям повседневной жизни людей.

Комплексному исследованию городского социума способствует антропосоциетальная концепция, предусматривающая анализ социокультурных процессов в контексте жизнедеятельности социального субъекта [3].

В данной статье ставится задача выявить социокультурные изменения в жизни города на основе деятельного, конфликтологического и социокультурного подходов, показателей статистики и социологических исследований.

Ретроспективный взгляд. Город (от латин. *urbs* – город) на многих языках означает укрепление, сооружение защитного характера. На чеченском языке город-гIала – производно от слова «башня» (здание), что чаще ассоциируется с боевой башней, крепостью. Города в разных регионах мира пережили разные исторические периоды, одни разрушались, другие существуют столетиями, сохраняя пласты культуры различных эпох. Характерно, что города на Руси воздвигались на холмах (Киев, Смоленск, Москва и другие), что облегчало строить труднодоступные оборонительные стены. На Кавказе в раннее средневековье также строили башенные комплексы, «города» на недоступных склонах гор, над пропастью, ущельем. В царской России, в канун и в ходе Кавказской войны (XIX в.), на Северном Кавказе создавались города-крепости, как правило, на предгорном ровном месте, обеспечивающем хорошую обзорность, своевременное принятие оборонительных мер при возникновении внешней угрозы со стороны горцев.

10 (22 по новому стилю) июня 1818 года на левом берегу реки Сунжа закладывается крепость Грозная, ее первыми жителями были прежде всего военные. В дальнейшем вокруг крепости возникают поселки, станции, учащаются торгово-экономические контакты с другими населенными пунктами. В 1870 г. крепость Грозная получает статус города с предоставлением прав и льгот сроком на 5 лет. Это стимулировало приток сюда переселенцев из центральных районов России и Дона.

В 70-х, 80-х годах XIX в. в городе появляются первые заводы и фабрики: мукомольные, кирпичные, мыловаренные и сыродельные, но ускоряется развитие промышленности в 90-х годах. В 1893 году на Грозненском холме, недалеко от города, была пробурена первая нефтяная скважина.

К концу XIX века Грозный превращается в крупный промышленный центр Северного Кавказа, он соединяется железной дорогой с портами Черного и Каспийского морей, с Баку и Москвой.

В 1917 г. грозненские промыслы давали 22% всей добычи нефти в России. В 90-х годах XX в. продукция многих предприятий шла на экспорт в более чем 30 стран мира. Грозный был вторым городом, после Ростова-на-Дону, по объему индустриального потенциала и третьим – по количеству населения. В нем работало 159 крупных и средних предприятий, на которых производилось 54% всей промышленной продукции бывшей ЧИА ССР. В 1990 году население города составляло 401 тыс. человек [5].

Социальная характеристика Грозного. Городское пространство – это совокупность архитектурно-инженерной инфраструктуры, историко-культурного наследия, социальной структуры. Его характеризует взаимодействие индивидов и групп, социальных и этнических общностей с присущими им ценностями и нормами. Как видим, современный город – это сложное, интегративное явление, включающее в себя множество разнообразных социальных процессов [2]. Социокультурные изменения в городском пространстве представляют собой трансформацию различных сфер городской среды и образа жизни.

Грозный по характеру расселения населения можно отнести к городу смешанного типа. Есть в нем округа или зоны, где люди живут и работают, но многие проживают и трудятся в разных местах. В советские годы в центре жили в основном партийно-советские чиновники, руководители предприятий, деятели культуры и науки, квалифицированные рабочие и другие. Этнические группы горожан проживали дисперсно и компактно в некоторых частных жилых массивах.

В период конфликта и постконфликтной ситуации в центре поселились служащие, средние предприниматели, представители интеллектуального труда. Крупные чиновники, руководители ведомств, занятые большим бизнесом, строят частные дома на окраине. В общем, по соседству сосуществуют представители разных социальных слоев. Вместе с тем обозначилась, как и в других регионах, тенденция установления социально-территориальных границ, образования закрытых зон: пока в черте города строятся два таких «поселения».

Численность населения г. Грозного на 01.01.2012 г., по данным отдела статистики г. Грозного, составила 275 281 человек. Трудовые ресурсы (трудоспособное население) на 01.01.2013 г. – 151 946 чел., численность

экономически активного населения – 147 467 чел., занятого – 97 379 чел., количество пенсионеров – 69 724. Всего зарегистрировано браков на 1000 населения – 6,1, разводов – 1,07 [5].

Материальное положение у двух третей горожан улучшилось по сравнению с периодом конфликта. В расчете на одного члена семьи имеют доходы из всех источников до 3500 руб. 37,8% опрошенных в Грозном и 41,2% – в сельской местности; свыше 25 тысяч руб. – соответственно 5,3 и 3,8%; уверены в своем будущем в городе – 47,9%, в селе – 34,1% (по данным социологического опроса «Социальная ситуация: 2012», ЧР, объем выборки – 450 чел.).

Миграционные настроения испытывает на протяжении 9 лет, с некоторыми колебаниями, треть населения; хотели бы уехать при возможности в зарубежные страны – три четверти и около четверти – в российские регионы. Причем желающих мигрировать больше в столице, чем в сельской местности.

Однако в целом нормализация социальной жизни, укрепление порядка оказывает позитивное влияние на идентификацию. Значительно больше по сравнению с 2003 г. стало ощущающих себя гражданами России «в полной мере» и «в основном» – 73,4% опрошенных (социологический опрос «Социальная ситуация: 2012», ЧР, объем выборки – 450 чел.). Горожане и сельские жители в преобладающем большинстве выступают за светскую форму самоорганизации, но некоторые считают возможным использовать религиозные принципы и нормы в сфере политики и экономики (социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона», ЧР, объем выборки – 1000 чел.).

На введение «дресскода» в общественных местах, на работе и по месту учебы жители реагируют по-разному. За ношение платка в Грозном – 71,3% опрошенных, на селе – 77,7%. На взгляд респондентов в столице и селе, через 50 лет за ношение платка будут соответственно 52,1 и 35,3% (социологический опрос «Социальная ситуация: 2012», ЧР, объем выборки – 450 чел.).

Согласно Г. Зиммелю, горожанин соприкасается с различными социокультурными мирами. Своеобразие культурных миров Грозного состоит в том, что в результате конфликта и военных действий произошел почти полный исход горожан, прежде всего, русской и других национальностей. В этническом составе города в 1989 г. русские составляли 52,8%, чеченцы – 30%, в настоящее время в столице ЧР насчитывается 96% чеченцев, примерно 1% русских, остальные – представители других национальностей.

В такой городской среде межкультурные контакты, диалоги на межэтнической основе объективно ограничены, культурные процессы чаще протекают внутри этносоциальной общности. Причем новые городские жители тесно связаны с сельским укладом, для них характерно сочетание в своем социальном и духовном мире элементов городской и сельской культуры с доминированием последней.

В то же время горожанам присущи представления о сожительстве в городской среде, но они еще не сформировались как целостная городская социокультурная общность, слабо осознается ответственность за архитектурно-культурное и общественное устройство городского пространства, необходимость овладения механизмами контроля над деятельностью муниципальных органов власти.

Поствоенная реконструкция. В результате двух войн г. Грозный пострадал в центре на 90%, периферии – 70% [5], уничтожены библиотечные и архивные фонды, музейные реликвии и другие историко-культурные памятники. Его сравнивали со Сталинградом, а журналисты называли городом-призраком. И поэтому после освобождения города от «боевиков» на повестку встал вопрос о целесообразности его восстановления, предложение о переносе столицы в другой город – Гудермес или о строительстве республиканского центра на новом месте. Однако символическое значение города и ряд других объективных причин предопределили решение о возрождении Грозного.

В ходе восстановительных работ, которые активно велись с 2006 г. под девизом «Грозный без следов войны», он отстроен почти заново. Проектирование реконструкции и застройки происходило по плану и, в определенной степени, стихийно. К сожалению, первоначальные намерения о восстановлении прежнего архитектурного облика по сохранившимся чертежам и фотографиям не были в полной мере реализованы, в местах стопроцентных разрушений стали точечно воздвигать здания, не вписывающиеся в общий историко-архитектурный ансамбль. Восстановительный процесс свидетельствует о влиянии на выработку и реализацию градостроительной схемы, с одной стороны, мировосприятия, ценностных ориентаций, эстетических вкусов первых руководителей. С другой – о давлении позиции прагматизма и экономической выгоды отдельных фигур.

Интересным представляется суждение Пол Даунтона о том, что города репрезентируют все направления культурной деятельности, которые их

создают, и являются наиболее полным выражением общества [4]. В возрожденной столице архитектурная композиция городского пространства, отдельные знаковые зоны и объекты репрезентируют социокультурный мир региональной общности. В городской «мирской» ландшафт и в некоторые сооружения вкрапливаются элементы религиозно-культурной инфраструктуры и горской архитектуры.

В главной столичной мечети «Сердце Чечни» люстры имеют геометрические формы известных мировых святынь-мечетей в Мекке, Медине, Иерусалиме. На территории Грозненской резиденции Главы ЧР основной корпус мечети в архитектурном отношении выполнен в виде черного квадратного камня Каабы, само здание резиденции представляет во многом копию здания резиденции Н. Назарбаева в Астане. На территории искусственно образованы горы, а внешние границы резиденции обрамляют стены и башни, сооруженные в виде национальных боевых башен средневековья. Башни, кстати, составляют органический архитектурный компонент нового здания республиканского национального музея. Как видим, в многоуровневом городском пространстве «пересекаются и накладываются геометрическая, географическая и концептуальная модели мира» [4].

В обустройстве городского пространства чаще обращается внимание на эффективность, выразительность внешних форм и воспроизводятся просчеты городского строительства в прошлом. Так, в ходе реконструкции городской среды не были произведены надлежащие работы по ремонту и усовершенствованию подземных коммуникаций, обеспечению удобств и доступности основных городских участков людям с ограниченными возможностями. «Колоритом» пространственной композиции стали заборы вокруг учреждений, вначале вокруг них сооружались каменно-бетонные укрепления, затем с установлением порядка воздвигли железные ограждения. Причем на освободившемся после разрушений пространстве некоторые ведомства закрепили за собой прилегающие участки, тем самым нарушив присущую городским строениям пространственную уплотненность и доступность.

Руководство ЧР стремится новый столичный облик и линии автомагистралей с прилегающими населенными пунктами гармонически соединить в общий рисунок. Преобразован высотными застройками г. Гудермес, реконструируется путём строительства высоких зданий г. Аргун. При этом композиционные сюжеты скорее отражают авторитарность в

управлении, нежели демократизм, нахождение в эпицентре общественной жизни не человека, гражданина, а наделенных властью глав территориальных администраций, руководителей подразделений правоохранительных органов. Величественные триумфальные арки, олицетворяющие мощь власти и потенциал региона, выстроены на автомагистрали, ведущей с востока, со стороны Дагестана и родового села Главы ЧР в г. Грозный. Всего на этом пути 5 арок на въезде и выезде в г. Гудермес, г. Аргун и г. Грозный.

Итак, социокультурные изменения в городском пространстве сопряжены со сменой исторической эпохи, трансформацией социального строя, социальных институтов и связей, системы ценностей и норм. Катастрофические последствия войны или стихийные бедствия могут прервать эволюцию, радикально преобразить архитектурный и культурный облик города, создать предпосылки становления заново городского социума.

Источники

1. Капицын, В.М. Семиотика города: поиск взаимодействия знаков и символов [Электронный ресурс] / В.М. Капицын. – Режим доступа: http://istina.msu.ru/workers/worker_search/
2. Кузнецова, Н.В. Современный российский город: теория, методология и практика исследования: Монография / Н.В. Кузнецова, С.О. Лебедева, В.В. Токарев. – Волгоград, 2004. – 180 с
3. Лапин, Н.И. Социокультурный портрет регионов. Типовая программа и методика / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., 2006. – 328 с.
4. Николаева, Е.В. Города как фрактальные перекрестки мира / Е.В. Николаева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – №3. – С. 92-96.
5. Паспорт Грозный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://groz-mer.ru/historychechenstat.gks.ru>

Сведения об авторах

РЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Республика Башкортостан

г. Уфа

Лавренюк Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий сектором социального проектирования, ГБНУ Институт социально-политических и правовых исследований

Мажитова Альфира Раисовна – старший научный сотрудник, ГБНУ Институт социально-политических и правовых исследований

Республика Калмыкия

г. Элиста

Муханова Мария Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, заведующий социологической лабораторией, Калмыцкий госуниверситет

Республика Карелия

г. Петрозаводск

Дьяконова Мария Владимировна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН

Республика Коми

г. Сыктывкар

Колечков Дмитрий Васильевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Лыткина Татьяна Степановна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Мальцева Ирина Станиславовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Носков Владимир Александрович – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Стьров Максим Михайлович – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Шишелов Максим Александрович – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Чеченская Республика
г. Грозный

Юсупов Муса Мовлиевич – кандидат социологических наук, доцент, директор, Центр социально-стратегических исследований

Чувашская Республика
г. Чебоксары

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Иванова Наталья Михайловна – научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – кандидат социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Тарасов Владимир Тимофеевич – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и корпоративного управления, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Харитонова Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Алтайский край
г. Барнаул

Перекаренкова Юлия Александровна – младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Родионова Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Рыбкина Ирина Дмитриевна – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН

Краснодарский край
г. Краснодар

Донцова Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

Зети Полина Петровна – кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

Красноярский край
г. Красноярск

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой, заведующий отделением социологии и общественных связей, Сибирский федеральный университет

Пермский край
г. Пермь

Германов Игорь Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Петухов Константин Алексеевич – кандидат политических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Плотникова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Архангельская область
г. Архангельск

Воронина Людмила Васильевна – аспирант, младший научный сотрудник, отдел экономических исследований, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Губина Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Кармакулова Анна Вячеславовна – аспирант, младший научный сотрудник, отдел экономических исследований, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Проворова Анна Андреевна – научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Астраханская область
г. Астрахань

Жигульская Юлия Артемовна – студентка, факультет педагогики, социальной работы и физической культуры, Астраханский государственный университет

Каргаполова Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Астраханский инженерно-строительный институт

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Астраханский государственный университет

Владимирская область
г. Владимир

Калмыкова Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Петросян Дмитрий Ильич – кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Плеханов Евгений Александрович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Филановская Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент МАНПО, заведующий кафедрой художественного образования, Владимирский государственный гуманитарный университет

Волгоградская область
г. Волгоград

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет

Вологодская область
г. Вологда

Анисимова Людмила Владимировна – кандидат архитектуры, профессор, Вологодский государственный технический университет

Антонова Мария Андреевна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Белехова Галина Вадимовна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Галухин Антон Викторович – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Евграшина Ирина Алексеевна – заместитель директора, филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде

Изюмова Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела научно-исследовательской работы и инноваций, Вологодский государственный педагогический университет

Ильин Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Кондакова Наталья Александровна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Крюкова Ирина Владимировна – старший преподаватель, кафедра экономики и финансов, Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Панов Александр Михайлович – аспирант, инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Попов Андрей Васильевич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Разгулина Екатерина Дмитриевна – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Россошанский Александр Игоревич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Середа Наталья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, Вологодский государственный технический университет

Ускова Тамара Витальевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Устинова Ксения Александровна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Шафигуллина Юлия Фаритовна – студентка, Вологодский государственный технический университет

г. Череповец

Мехова Альбина Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет

Свердловская область
г. Екатеринбург

Кох Иван Адамович – доктор социологических наук, доцент, профессор, Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Иркутская область
г. Иркутск

Киреева Юлия Андреевна – инженер, отдел региональных экономических и социальных проблем, Президиум Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН

Калининградская область
г. Калининград

Бычкова Юлия Руслановна – аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Тяпушова Елена Валерьевна – соискатель, кафедра менеджмента, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Шеховцева Лидия Семеновна – доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Курская область
г. Курск

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, Курский государственный университет

Комков Константин Анатольевич – заместитель генерального директора, ООО «ПолиПринт»

Кульсеева Татьяна Гавриловна – кандидат философских наук, доцент, кафедра социальной работы, Курский государственный медицинский университет

Немцев Александр Викторович – главный специалист-эксперт управления по работе с политическими партиями, комитет внутренней политики Администрации Курской области, Курский государственный университет

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Курский государственный университет

Яцкова Дарина Сергеевна – студентка, Курский государственный университет

Московская область
г. Коломна

Крошкилин Сергей Викторович – кандидат технических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Медведева Елена Ильинична – кандидат экономических наук, кафедра экономики и менеджмента, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Новосибирская область
г. Новосибирск

Кулаев Александр Павлович – кандидат экономических наук, заведующий Новосибирской экономической лабораторией, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Мостовая Елена Борисовна – доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет

Смирнова Наталья Евстафьевна – научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Соболева Светлана Владимировна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Чудаева Ольга Владимировна – научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Омская область
г. Омск

Арбуз Анна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Богомазов Константин Иванович – старший преподаватель, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Левочкина Наталья Алексеевна – кандидат экономических наук, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, первый проректор, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Скормникова Юлия Александровна – студентка, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Ростовская область

г. Ростов-на-Дону

Лимарева Дарья Александровна – преподаватель, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рязанская область

г. Рязань

Рожкова Наталья Викторовна – старший преподаватель, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Самарская область

г. Самара

Мартышкин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Самарский государственный университет

Прохоров Денис Викторович – старший преподаватель, Самарский государственный университет

г. Тольятти

Кудинова Галина Эдуардовна – кандидат экономических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт экологии волжского бассейна РАН

Шабунин Дмитрий Михайлович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления, Тольяттинский филиал Самарского государственного университета

Юрина Владлена Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент, Поволжский государственный университет сервиса

Смоленская область

г. Смоленск

Винокуров Александр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, кафедра менеджмента, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Тамбовская область

г. Тамбов

Панков Сергей Викторович – доктор географических наук, доцент, профессор, кафедра географии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Тульская область

г. Тула

Мосин Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор, Тульский социологический центр

Слобожанин Алексей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого

Тюменская область

г. Тюмень

Андреанова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Институт права, экономики и управления, Тюменский государственный университет

Арбитаило Ирина Яновна – аспирант, Тюменский государственный университет

Ахмедзянова Рузилья Маратовна – старший преподаватель, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Дашина Яна Николаевна – преподаватель, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет

Печеркина Ирина Федоровна – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет

Степанова Мария Вячеславовна – аспирант, Тюменский государственный университет

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Ужахова Лейла Магомедовна – кандидат экономических наук, доцент, Тюменский государственный университет

Ульяновская область

г. Ульяновск

Галкина Елена Петровна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Кадничанская Марина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Челябинская область
г. Челябинск

Зырянов Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, директор, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Терещук Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Москва, город федерального значения

Алексеев Александр Иванович – доктор географических наук, профессор, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Карлова Елена Васильевна – аспирант, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Касавина Надежда Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Клюев Николай Николаевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Крылов Михаил Петрович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Крылов Петр Михайлович – кандидат географических наук, доцент; главный специалист, Московский государственный индустриальный университет

Лапин Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Николаев Алексей Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, докторант, Военный университет Министерства обороны РФ

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, заведующий кафедрой, Научно-исследовательский университет, Высшая школа экономики, президент Сообщества профессиональных социологов

Суворова Мария Игоревна – аспирант, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Яковенко Лариса Макаровна – научный сотрудник, Институт географии РАН

Санкт-Петербург, город федерального значения

Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, кафедра методов и технологий социологических исследований, Высшая школа экономики

Скворцова Маргарита Борисовна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

Гюlicheва Лидия Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

Шестакова Наталия Николаевна – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

г. Минск

Лашук Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра телевидения и радиовещания, Белорусский государственный университет; заведующий сектором культурных инноваций, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

УКРАИНА

г. Симферополь

Абдурешитова Диляра Ваитовна – студентка, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Лапин Н.И.</i> Предисловие	3
-------------------------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Ильин В.А.</i> Глобальные вызовы и модернизация России: приоритеты нового десятилетия	7
<i>Лапин Н.И.</i> О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации.....	14
<i>Половинко В.С.</i> Использование методологии социокультурного портрета при разработке долгосрочной стратегии развития региона (на примере Омской области)	39
<i>Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.</i> Угорский проект Сообщества профессиональных социологов. Новые социальные смыслы окружающей среды (База СОПСО, село Угоры).....	55
<i>Шабунова А.А., Ласточкина М.А.</i> Роль пространства в модернизации России	66
<i>Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А.</i> Экономические механизмы формирования социальной структуры: модернизация или архаизация?	73
<i>Беляева Л.А.</i> Социальный капитал в регионах России: содействие или препятствие модернизации?	84
<i>Когай Е.А.</i> Динамика модернизационных процессов регионов Центрального Черноземья	98
<i>Кулаев А.П.</i> Роль и возможности органов местного самоуправления в формировании социокультурных основ инновационного развития общества и экономики.....	109
<i>Немировский В.Г.</i> Личностный смысл термина «модернизация» для населения крупного сибирского региона (на материалах исследований в Красноярском крае)	115

**Секция №1. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ**

<i>Алексеев А.И.</i> Социально-географические аспекты эволюции сельской местности России в постсоветский период	121
<i>Анисимова Л.В.</i> Социокультурный потенциал города. Мониторинг 5-ти открытых пространств Вологды	125
<i>Арбуз А.В.</i> Анализ уровня модернизации в Омской области	135
<i>Винокуров А.И.</i> К программе регионально-страновых сопоставлений «Социокультурный портрет Российско-белорусского приграничья» (по материалам Смоленской области)	156
<i>Дашина Я.Н.</i> Обеспечение прав и свобод граждан в Тюменском регионе (по материалам социокультурного мониторинга)	164
<i>Дергунова Н.В.</i> Проблемы изучения динамики развития гражданского общества (региональный аспект)	175
<i>Дьяконова М.В.</i> Перспективы развития этнопоселений (на примере Республики Карелия)	187
<i>Донцова М.В., Зети П.П.</i> Протестная активность населения Юга России как вызов инновационному развитию региона	193
<i>Зырянов С.Г., Терещук Е.А.</i> Доверие институтам власти и потенциал протестных настроений в Челябинской области	198
<i>Изюмова Л.В.</i> Социокультурная трансформация северной деревни в 1930–1960-х годах	208
<i>Касавина Н.А.</i> Типы модернизованности регионов Центрального федерального округа	213
<i>Колечков Д.В.</i> Перспективы развития социокультурной системы северных регионов России	223
<i>Кондакова Н.А.</i> Реализация программы модернизации здравоохранения: региональный аспект	229
<i>Кох И.А.</i> Роль малого предпринимательства в стратегии модернизации России	236
<i>Крылов П.М.</i> Транспортная система региона и перспективы социально-экономической модернизации (на примере Самарской области)	248
<i>Крюкова И.В.</i> Потенциал развития религиозного туризма в Вологодской области	254
<i>Кульсеева Т.Г.</i> Проблемы модернизации системы социальной защиты в регионе (на примере Курского областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних)	260
<i>Лавренюк Н.М.</i> Стратегия модернизации кадрового потенциала науки Республики Башкортостан	266
<i>Лашук И.В.</i> Социокультурные процессы в современном белорусском обществе	271
<i>Левочкина Н.А., Скоромникова Ю.А.</i> Организационно-управленческие проблемы современных учреждений культуры (на примере Омской области)	277

<i>Лыткина Т.С.</i> Сельская кооперация и практики взаимопомощи в XXI веке: причины, проблемы и перспективы самоорганизации селян в постсоветской России	283
<i>Мальцева И.С.</i> Предпосылки и условия формирования аграрного кластера в северном регионе	286
<i>Мехова А.А.</i> Современные технологии социального участия в модернизации региона	293
<i>Мосин В.И.</i> Экономическая безопасность как основа модернизационного развития Тульской области.....	299
<i>Петухов К.А., Плотникова Е.Б.</i> Динамика процессов модернизации регионов России	309
<i>Печеркина И.Ф.</i> Самоидентификация в процессе конструирования социальной реальности	314
<i>Разгулина Е.Д.</i> Социализация бизнеса как необходимое условие развития регионов России	322
<i>Семедова-Полупан Н.Г.</i> Об основных стратегических направлениях социокультурной модернизации Чувашии	328
<i>Серета Н.Д.</i> Экспертсорсинг как инновационная технология прогнозирования развития региона.....	331
<i>Стыров М.М.</i> Экономическое развитие: размышления о целях и ценностях	337
<i>Храпов С.А., Жигульская Ю.А.</i> Кризис общественного сознания как социокультурный фактор ограничения модернизации современной России	346
<i>Юсупов М.М.</i> Социокультурные изменения в городском пространстве.....	354
Сведения об авторах.....	361

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Секция №2. ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

<i>Бойко И.И., Харитонова В.Г.</i> Социальное самочувствие жителей Чувашии как фактор социокультурной модернизации.....	384
<i>Губина О.В.</i> Исследование социальных аспектов функционирования природно-ресурсных отраслей в регионе	394
<i>Иванова Н.М.</i> Социально-территориальная идентификация жителей столицы Чувашии	399
<i>Калмыкова М.В.</i> Влияние кризиса 1998 года на трудовую мобильность населения Владимирской области	409
<i>Карлова Е.В.</i> Отражение образа жизни в территориальной самоидентификации локального сообщества в сельской местности Центральной России	419

<i>Кармакулова А.В., Воронина Л.В.</i> Занятость коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы	425
<i>Киреева Ю.А.</i> Модернизация здравоохранения в Байкальском регионе	432
<i>Клюев Н.Н., Яковенко Л.М.</i> Пореформенная Россия: геоэкологические проблемы	436
<i>Комков К.А.</i> Восприятие имиджевой политики региона населением в контексте модернизации	442
<i>Крылов М.П.</i> Социокультурная модернизация и региональная идентичность населения исторического ядра Европейской России	453
<i>Мажитова А.Р.</i> Развитие интеллектуального капитала Республики Башкортостан в условиях модернизации	459
<i>Мартышкин С.А.</i> Этнический состав населения региона (на примере Самарской области)	470
<i>Мостовая Е.Б.</i> Социальная дифференциация: поселенческий ракурс.....	474
<i>Муханова М.Н.</i> Республика Калмыкия: особенности социально-экономического положения.....	484
<i>Немировская А.В.</i> Миграционная ситуация в регионах Сибири: общественные настроения и статистические данные	495
<i>Панков С.В.</i> Модернизация и социально-экономический статус системы сельских поселений Тамбовской области	503
<i>Петросян Д.И.</i> Социологические аспекты религиозной самоидентификации населения Владимирской области	509
<i>Плеханов Е.А.</i> Структура ценностей населения Владимирской области	519
<i>Прохоров Д.В.</i> Средний класс Самарской области: эмпирический анализ самоидентификационных признаков	527
<i>Росошанский А.И.</i> Материальное положение жителей Вологодской области	536
<i>Рыбкина И.Д.</i> Демографические оценки социокультурной модернизации сибирских регионов в XX веке	542
<i>Слобожанин А.В.</i> Модернизационные процессы в Тульской области в первое десятилетие XXI века	554
<i>Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.</i> Оценка угроз в формировании демографического потенциала городов Сибири	560
<i>Тарасов В.Т.</i> Качество жизни населения Чувашии в контексте социокультурного портрета.....	564
<i>Тарасова А.Н., Арбитайло И.Я.</i> Медицинское обслуживание в Тюменской области: проблемы и направления развития	576
<i>Филановская Т.А.</i> Зрительские предпочтения спектаклей как внутренний фактор модернизации российского театра	583
<i>Шестакова Н.Н.</i> Информатизация и интернетизация системы образования и общества как фактор социокультурной модернизации региона	588
Сведения об авторах.....	594

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Круглый стол №1. ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «МОДЕРНИЗАЦИЯ» И РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА»

- Антонова М.А.* Социокультурные показатели в системе оценки устойчивого развития регионов 616
- Богомазов К.И.* Развитие инструментария социокультурного портрета для разработки стратегии модернизации на уровне региона 624

Круглый стол №2. МОТИВАЦИЯ ТРУДА, МОЛОДЕЖЬ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

- Андреанова Е.В.* Сравнение трудовых мотивов выбора работы в проективной ситуации жителей Тюменской области 637
- Галкина Е.П., Кадничанская М.И.* Мотивация трудовой деятельности молодежи как аспект модернизации региона 643
- Евграшина И.А.* Человеческий капитал молодежи как фактор инновационного развития 650
- Леонидова Г.В., Устинова К.А.* Занятость молодежи как условие модернизации социально-трудовой сферы 654
- Медведева Е.И., Крошилин С.В.* Молодежь и экономика знаний 665
- Немцев А.В.* Коммуникация органов власти и регионального сообщества в сети Интернет 672
- Суворова М.И.* Культурно-нравственный потенциал молодежи и его влияние на развитие регионов России 677
- Тюличева Л.Д.* Влияние процессов модернизации профессионального образования на социально-культурное развитие регионов России 684

Круглый стол №3. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Германов И.А., Плотникова Е.Б.* Социокультурные условия инновационных процессов в малых городах Пермского края 689
- Когай Е.А., Яцкова Д.С.* Инновационная активность в Курской области 699
- Крошилин С.В., Медведева Е.И.* Информационно-коммуникационные технологии и экономика знаний 706
- Кудинова Г.Э.* Социокультурная модернизация на основе инновационных подходов ... 713
- Лимарева Д.А.* Особенности оценки уровня экономики знаний 718
- Николаев А.Е.* Кластерный подход к инновационному развитию российского оборонно-промышленного комплекса: региональный аспект 720

<i>Ужахова Л.М.</i> Состояние и кадровое обеспечение научно-технической и инновационной деятельности в Тюменской области.....	726
<i>Шабунин Д.М.</i> Процессы инновации и модернизации Самарской области: этапы и стадии	734
<i>Юрина В.С.</i> Инновационное развитие Самарской области.....	742

Круглый стол №4. МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

<i>Абдурешитова Д.В.</i> Анализ потенциала развития альтернативной энергетики в России и Украине	747
<i>Ахмедзянова Р.М.</i> Потребительские предпочтения в современном ритейле: региональный аспект	751
<i>Белехова Г.В.</i> Особенности сберегательного поведения населения как одного из аспектов региональной конкурентоспособности	756
<i>Галухин А.В.</i> Территориальная бюджетная система как фактор региональной конкурентоспособности	762
<i>Носков В.А., Шишелов М.А.</i> Эффективность использования лесных ресурсов региона	769
<i>Панов А.М.</i> Возможности повышения экономической активности населения Вологодской области	776
<i>Пасовец Ю.М.</i> Роль частной инициативы в экономической модернизации российских регионов	782
<i>Попов А.В.</i> Анализ эффективности трудового поведения населения как фактора конкурентоспособности регионов	791
<i>Проворова А.А.</i> Механизмы оценки политики воспроизводства трудового потенциала региона	800
<i>Родионова Л.В., Перекаренкова Ю.А.</i> Развитие трудового потенциала сельских территорий в условиях модернизации.....	805
<i>Рожкова Н.В.</i> Необходимость внедрения результатов логистических научных исследований в деятельность компаний по оказанию туристских услуг	810
<i>Скворцова М.Б.</i> Человеческий потенциал и инновационное развитие России	815
<i>Степанова М.В.</i> Инновационный потенциал как фактор повышения конкурентоспособности региона	819
<i>Ускова Т.В.</i> Инновации – главный фактор модернизации и конкурентоспособности экономики.....	827
<i>Шафигуллина Ю.Ф.</i> Имиджевая составляющая конкурентоспособности муниципального образования.....	834
<i>Шеховцева Л.С., Бычкова Ю.Р., Тяпушова Е.В.</i> Многоуровневая система интегральной оценки конкурентоспособности регионов.....	839
Сведения об авторах.....	846

Научное издание

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
(г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.)**

Часть первая

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова Е.С. Нефедова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 04.10.2013.

Формат 70×108¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 33,3. Тираж 200 экз. Заказ № 285.

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН

Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@vscc.as.ru

ISBN 978-5-93299-235-7

9 785932 992357